This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD·VNIVERSITY·LIBRARY

91777

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,
ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Shelley, P.B.

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИКА.—ЦАРИЦА МАБЪ.—ДЕМОНЪ МІРА.—АЛАСТОРЪ.

Съ геліогравюрой, изображающей Шелли,
и пояснительными примѣчаніями К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 руб.

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ». С.-Петербургъ, Невскій, 92.
1903.

PR5404
R8B3
1903
v.1

CITY OF NEW YORK
821
S
V.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Перевести цѣликомъ сочиненія Шелли было моей давнишней мечтой. Семь выпусковъ, напечатанныхъ въ разное время, были частичнымъ ея осуществленіемъ. Но овладѣть такимъ сложнымъ и роскошнымъ міромъ, какъ міръ поэтическихъ созданій Шелли, можно лишь постепенно. Теперь, наконецъ, я въ состояніи передать въ русскихъ строкахъ то, что Шелли сказалъ въ англійскихъ.

Новое, переработанное, полное собраніе сочиненій Шелли въ русскомъ переводѣ будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ. Въ основаніе этого собранія взятъ текстъ, установленный послѣ долгихъ и тщательныхъ изученій Эдуардомъ Даудэномъ въ его однотомномъ изданіи сочиненій Шелли—The poetical works of Persy Bysshe Shelley, edited by Edward Dowden, London, 1890. Въ данное время это — лучшее англійское изданіе сочиненій Шелли. Я пользовался кромѣ того изданіемъ Формана — The poetical works of Percy Bysshe Shelley, edited by H. B. Forman, 4 vols, London, 1876—77, и изданіемъ Шеперда— The poetical works of Percy Bysshe Shelley, edited, prefaced, and annotated by R. H. Shepherd, 3 vols, London, 1888.

По напечатаніи третьяго тома будетъ издано особое изслѣдованіе о жизни и творчествѣ Шелли, въ которомъ его философскія, общественныя и художественныя идеи и поэтическіе образы будутъ поставлены въ параллель съ міросозерцаніемъ и творчествомъ родственныхъ ему поэтовъ и мыслителей, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

Большая часть стихотвореній, появляющихся въ данномъ томѣ, переведена впервые. Всѣ стихотворенія, которыя взяты изъ прежде напечатанныхъ выпусковъ, пересмотрѣны вновь и вновь, и нѣтъ почти ни одного изъ прежнихъ переводовъ, который не былъ бы въ большей или меньшей степени передѣланъ. Не всѣ конечно переводы въ равной степени, — хорошо или дурно, — передаютъ подлинникъ. Но я могу только сказать, что ни одно изъ стихотвореній Шелли не было переведено мною безъ любви къ нему.

New York Public Library
Rivington Street Branch
61 Rivington Street

Геліогравюра, приложенная къ первому тому, выполнена художественной мастерской Дюжардэна въ Парижѣ. Это — снимокъ съ портрета масляными красками, работы Миссъ Кёрренъ (Curran). Оригиналъ находится въ Бодлеянской Библіотекѣ въ Оксфордѣ. Жена Шелли, Мэри Годвинъ, считала этотъ портретъ лучшимъ изъ существующихъ.

Шелли уже и раньше, въ отрывкахъ, нашелъ многихъ читателей и почитателей въ Россіи. Нельзя сомнѣваться, что ихъ будетъ еще болѣе теперь, когда онъ появляется въ болѣе явственной и опредѣленной формѣ. Помимо стиховъ, какъ стиховъ, поэзія Шелли плѣнительна потому, что она является исповѣдью одной изъ самыхъ правдивыхъ и самыхъ красивыхъ душъ, какія существовали на землѣ. Англійскій францисканецъ 13 вѣка, Bartholomaeus Anglicus, сказалъ о сафирѣ, что это лучшій изъ драгоцѣнныхъ камней: онъ убиваетъ гибельную силу яда и наиболѣе похожъ на небо. Эти слова можно примѣнить къ голубоглазому нѣжному Шелли. Поэтъ поэтовъ, онъ самый благородный, онъ лучшій среди тѣхъ, кто жилъ для поэзіи. Его душа, полная неизмѣннаго благоволенія ко всему, что живетъ и дышетъ, отрицаетъ все отрицательное, и изъ всѣхъ поэтическихъ душъ она наиболѣе походитъ на безмѣрное и высокое небо.

К. БАЛЬМОНТЪ.

Парижъ. Ос нь. 1902.

лирика

(1814—1822).

1814—1815.

СТАНСЫ.

Уходи! Потемнѣла равнина,
Блѣдный мѣсяцъ несмѣло сверкнулъ.
Между быстрыхъ вечернихъ тумановъ
Свѣтъ послѣднихъ лучей утонулъ.
Скоро вѣтеръ полночный повѣетъ,
Обойметъ и долины, и лѣсъ,
И окутаетъ саваномъ чернымъ
Безграничные своды небесъ.

Не удерживай друга напрасно.
Ночь такъ явственно шепчетъ: «Иди!»
Въ часъ разлуки замедли рыданья.
Будетъ время для слезъ. Погоди.
Что̀ погибло, тому не воскреснуть,
Что̀ прошло, не вернется назадъ;
Не зажжется, не вспыхнетъ любовью
Равнодушный скучающій взглядъ.

Одиночество въ домъ опустѣлый,
Какъ твой вѣрный товарищъ, придетъ,
Къ твоему безпріютному ложу
Въ безъисходной тоскѣ припадетъ.
И туманныя легкія тѣни
Будутъ рѣять полночной порой,
Будутъ плакать, порхать надъ тобою,
Точно тѣшась воздушной игрой.

Неизбѣжно осеннія листья
Съ почернѣвшихъ деревьевъ летятъ;
Неизбѣжно весеннимъ полуднемъ
Разливаютъ цвѣты ароматъ.
Равномѣрной стопою уходятъ —
День, недѣля, и мѣсяцъ, и годъ;
И всему на землѣ неизбѣжно
Наступаетъ обычный чередъ.

Перелетныя быстрыя тучки
Отдыхаютъ въ часъ общаго сна;
Умолкаетъ лепечущій вѣтеръ,
Въ глубинѣ засыпаетъ луна.
И у бурнаго гнѣвнаго моря
Утихаетъ томительный стонъ;
Все, что борется, плачетъ, тоскуетъ,
Все найдетъ предназначенный сонъ.

Свой покой обрѣтешь ты въ могилѣ,
Но пока къ тебѣ смерть не пришла,
Тебѣ дороги—домикъ и садикъ,
И разсвѣтъ, и вечерняя мгла.
И пока надъ тобой не сомкнулась
Намогильнымъ курганомъ земля,
Тебѣ дороги дѣтскіе взоры,
Смѣхъ друзей и родныя поля.

Апрѣль, 1814.

КЪ... (МЭРИ ГОДВИНЪ)

Гляди, гляди—не отвращай свой взглядъ!
Читай любовь въ моихъ глазахъ влюбленныхъ,
Лучи въ нихъ отраженные горятъ,
Лучи твоихъ очей непобѣжденныхъ.

О, говори! Твой голосъ — вздохъ мечты,
Моей души восторженное эхо.
Въ мой взоръ взглянувъ, себя въ немъ видишь ты,
Мнѣ голосъ твой — отвѣтная утѣха.

Мнѣ чудится, что любишь ты меня,
Я слышу затаенныя признанья,
Ты мнѣ близка, какъ ночь сіянью дня,
Какъ родина въ послѣдній мигъ изгнанья!

ИЗМѢНЧИВОСТЬ.

Мы точно облака вокругъ луны полночной.
О, какъ они спѣшатъ, горятъ, дрожатъ всегда,
Пронзаютъ темноту!—но гаснетъ свѣтъ непрочный.
Ихъ поглотила ночь, и нѣтъ отъ нихъ слѣда.

Какъ позабытыя мы арфы: дадъ ихъ струнный
Разстроенъ и даетъ измѣнчивый отвѣтъ.
На ровный вздохъ вѣтровъ, при той же ласкѣ лунной,
Вторичныхъ трепетовъ, такихъ, какъ первыхъ, нѣтъ.

Мы спимъ.—У сна есть власть намъ отравить дремоту.
Встаемъ.—Одна мечта гнететъ насъ цѣлый день;
Лелѣемъ-ли мы смѣхъ, лелѣемъ-ли заботу,
Хранимъ-ли свѣтъ въ душѣ, или печаль и тѣнь:

Нѣтъ выхода для насъ!—Все къ гибели стремится,
Какъ полонъ день минутъ, такъ жизнь измѣнъ полна:
Съ грядущимъ прошлое не можетъ здѣсь сравниться,
Лишь неизмѣнна здѣсь Измѣнчивость одна.

О СМЕРТИ.

Потому что въ могилѣ, куда ты пойдешь, нѣтъ ни работы, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости.

Экклезіастъ.

Еле-зримой улыбкою, лунно-холодной,
Вспыхнетъ ночью безлунной во мглѣ метеоръ,
И на островъ, окутанный бездной безплодной,
Предъ побѣдой зари, онъ уронитъ свой взоръ.
Такъ и блескъ нашей жизни на мигъ возникаетъ,
И надъ нашимъ путемъ, погасая, сверкаетъ.

Человѣкъ, сохрани непреклонность души
Между бурныхъ тѣней этой здѣшней дороги,
И волненія тучъ завершатся въ тиши,
Въ блескѣ дивнаго дня, на лучистомъ порогѣ.
Адъ и рай тамъ оставятъ тебя, безъ борьбы.
Будешь вольнымъ тогда во вселенной судьбы.

Этотъ міръ есть кормилецъ всего, что мы знаемъ,
Этотъ міръ породилъ все, что чувствуемъ мы,
И предъ смертью—отъ ужаса мы замираемъ,
Если нервы—не сталь, мы пугаемся тьмы,
Смертной тьмы, гдѣ — какъ сонъ, какъ мгновенная тайна,
Все, что знали мы здѣсь, что любили случайно.

Тайны смерти пребудутъ, не будетъ лишь насъ,
Все пребудетъ, лишь трупъ нашъ, остывши, не дышетъ,
Поразительный слухъ, тонко-созданный глазъ,
Не увидитъ, о, нѣтъ, ничего не услышитъ,
Въ этомъ мірѣ, гдѣ бьются такъ странно сердца,
Въ здѣшнемъ царствѣ измѣнъ, перемѣнъ безъ конца.

Кто намъ скажетъ разсказъ этой смерти безмолвной?
Кто надъ тѣмъ, что грядетъ, приподниметъ покровъ?
Кто представитъ намъ тѣни, что скрыты, какъ волны,
Въ лабиринтной глуши многолюдныхъ гробовъ?
Кто сольетъ намъ надежду на то, что настанетъ,
Съ тѣмъ, что здѣсь, что вотъ тутъ, что блеснетъ, и обманетъ?

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ НА КЛАДБИЩѢ.

Лечлэдъ, Глостерширъ.

Горитъ закатъ, блистаетъ янтарями,
Чуть дышетъ вѣтеръ, облачко гоня,
И свѣтлый вечеръ съ темными кудрями
Прильнулъ къ нѣмымъ устамъ блѣднѣющаго дня.
Безмолвіе и мгла, четой влюбленной,
Приходятъ изъ долины отдаленной.

Приносятъ дню послѣдній свой привѣтъ.
Покорны власти ихъ необычайной
Лазурь, земля, движенье, звукъ и свѣтъ;
Имъ отвѣчаетъ міръ *своей* глубокой тайной.
И вздохи вѣтра вдаль уйти спѣшатъ,
И стебли травъ не шепчутъ, не шуршатъ.

И ты забылось, дремлющее зданье.
Закутавшись въ сверкающую пыль,
Ты къ высотѣ возносишь очертанья,
Вздымаешь къ небесамъ туманный стройный шпиль.
И сонмы тучекъ быстро возростаютъ,
И вотъ ужъ звѣзды смотрятъ и блистаютъ.

Усопшіе покоятся въ землѣ,
Но чудится, какъ будто слышенъ шопотъ,
Тѣнь мысли, чувства движется во мглѣ,
Вкругъ жизни молодой скользитъ загробный ропотъ.
Уходитъ онъ въ безмолвіе и тьму,
Онъ внятенъ только сердцу и уму.

И все прониклось цѣльной красотою,
И смерть сама, какъ эта ночь, нѣжна.
Здѣсь мнѣ легко увѣровать душою,
Что тьма загробная желанныхъ тайнъ полна,
Что рядомъ съ смертью, спящей безъ движенья,
Трепещутъ несказанныя видѣнья.

КЪ КОЛЬРИДЖУ.

Δάκρυσι δυσίσω πότμον ἄποτμον.

Въ слезахъ вынесу бездольную долю.

Эврипидъ. Ипполитъ.

Живутъ нездѣшней жизнью гдѣ-то
Толпы блуждающихъ тѣней,
Созданья воздуха и свѣта,
Съ очами—звѣздъ ночныхъ свѣтлѣй:
Чтобъ встрѣтить нѣжныя видѣнья,
Людей ты покидалъ и шелъ въ уединенье.

Ты велъ безмолвный разговоръ
Съ непостижимымъ, съ безконечнымъ,
Съ протяжнымъ вѣтромъ дальнихъ горъ,
Съ волной морей, съ ручьемъ безпечнымъ,
Но былъ неясенъ ихъ отвѣтъ,
И на любовь твою любви созвучной нѣтъ.

Ты жадно ждалъ огней во взорахъ,
Не предназначенныхъ тебѣ,
Лучей искалъ въ нѣмыхъ узорахъ,—
И все еще не внялъ судьбѣ?
Все ждешь въ чужой улыбкѣ — свѣта,
Въ пожатьи рукъ, въ глазахъ — своей мечтѣ отвѣта?

Зачѣмъ, задумавъ свой чертогъ,
Земныхъ ты ищешь основаній?
Иль ты въ себѣ найти не могъ
Любви, мечты, очарованій?
Иль видъ природы, взоръ людей
Околдовалъ тебя, сильнѣй души твоей?

Умчались лживыя улыбки,
Померкнулъ пышный блескъ луны,
Ночныя тѣни слишкомъ зыбки,
И сразу ускользнули сны;
Одинъ твой духъ съ тобой — какъ прежде,
Но демономъ онъ сталъ, сказавъ «прости» надеждѣ.

Какъ тѣнь съ тобою навсегда
Тотъ демонъ, — дьяволъ неудачи, —
Но не гони его, — бѣда
Возникнетъ бо́льшая иначе.
Будь самъ собой. Твой скорбный плѣнъ
Лишь станетъ тяжелѣй отъ всякихъ перемѣнъ.

ЧУВСТВА РЕСПУБЛИКАНЦА ПРИ ПАДЕНІИ БОНАПАРТА.

Я проклиналъ тебя, низвергнутый тиранъ!
Сознаньемъ мучился, что, рабъ ничтожный, годы
Надъ трупомъ ты плясалъ погубленной Свободы.
Ты могъ царить всегда: ты предпочелъ обманъ,
Превратность пышности кроваваго мгновенья,
И время бросило весь этотъ хламъ въ забвенье.
Пусть на тебя, въ твой сонъ — такъ небо я молилъ—
Убійство наползетъ, пусть встанутъ привидѣнья,
Измѣна, Рабство, Страхъ, Грабежъ и Вожделѣнье,
Чтобъ ты, прислужникъ ихъ, задушенъ ими былъ.
Теперь, когда и ты, и Франція — лишь тѣни,
Какъ поздно я узналъ, что есть враги страшнѣй,
Чѣмъ сила и обманъ: Обычай старыхъ дней,
Уродство дерзкое законныхъ преступленій.
И Палачи-Ханжи, исчадья — всѣхъ грязнѣй.

1816.

ЗАКАТЪ.

Былъ Нѣкто здѣсь, въ чьемъ существѣ воздушномъ,
Какъ свѣтъ и вѣтеръ въ облачкѣ тончайшемъ,
Что въ полдень таетъ въ синихъ небесахъ,
Соединились молодость и геній.
Кто знаетъ блескъ восторговъ, отъ которыхъ
Въ его груди дыханье замирало,
Какъ замираетъ лѣтомъ знойный воздухъ,
Когда, съ Царицей сердца своего,
Лишь въ эти дни постигнувшей впервые
Несдержанность двухъ слившихся существъ,
Онъ проходилъ тропинкой по равнинѣ,
Которая была затѣнена
Стѣной сѣдого лѣса на востокѣ,
Но съ запада была открыта небу.
Ужь солнце отошло за горизонтъ,
Но сонмы тучекъ пепельнаго цвѣта
Хранили блескъ полосокъ золотыхъ;
Тотъ свѣтъ лежалъ и на концахъ недвижныхъ
Далекихъ ровныхъ травъ, и на цвѣтахъ,
Слегка свои головки наклонявшихъ;
Его хранилъ и старый одуванчикъ
Съ сѣдою бородой; и мягко слившись
Съ тѣнями, что отъ сумерекъ возникли,
На темной чащѣ лѣса онъ лежалъ—
А на востокѣ, въ воздухѣ прозрачномъ.

Среди стволовъ столпившихся деревьевъ,
Медлительно взошелъ на небеса
Пылающій, широкій, круглый мѣсяцъ,
И звѣзды засвѣтились въ высотѣ.—
«Не странно-ль, Изабель», сказалъ влюбленный,
«Я никогда еще не видѣлъ солнца.
«Придемъ сюда съ тобою завтра утромъ,
«Ты будешь на него глядѣть со мной».

Въ ту ночь они, въ любви и въ снѣ блаженномъ,
Смѣшались; но когда настало утро,
Увидѣла она, что милый мертвъ.
О, пусть никто не думаетъ, что этотъ
Ударъ — Господь послалъ изъ милосердья!
Она не умерла, не потеряла
Разсудка, но жила такъ, годъ за годомъ,—
По истинѣ я думаю теперь,
Терпѣніе ея, и то, что грустно
Она могла порою улыбаться,
И что она тогда не умерла,
А стала жить, чтобъ съ кротостью лелѣять
Больного престарѣлаго отца,
Все это было у нея безумьемъ,
Когда безумье — быть не такъ, какъ всѣ.
Ее увидѣть только — было сказкой,
Измысленной утонченнѣйшимъ бардомъ,
Чтобъ размягчить суровыя сердца
Въ нѣмой печали, создающей мудрость;
Ея рѣсницы выпали отъ слезъ,
Лицо и губы были точно что-то,
Что умерло, — такъ безнадежно блѣдны;
А сквозь изгибно-вьющіяся жилки,
И сквозь суставы исхудалыхъ рукъ,
Былъ видѣнъ красноватый свѣтъ полудня.
Склепъ сущности твоей, умершей въ жизни,
Гдѣ днемъ и ночью духъ скорбитъ безсонный,
Вотъ все, что отъ тебя теперь осталось,
Несчастное, погибшее дитя!

«О, ты, что унаслѣдовалъ въ кончинѣ
«То большее, чѣмъ можетъ дать земля,
«Безстрастье, безупречное молчанье,—
«Находятъ-ли умершіе — не сонъ,
«О, нѣтъ, покой, — и правда-ль то, что видимъ:
«Что болѣе не свѣтуютъ они;
«Или живутъ, иль, умеревши, тонутъ
«Въ глубокомъ морѣ ласковой Любви;
«О, пусть моимъ надгробнымъ восклицаньемъ,
«Какъ и твоимъ, пребудетъ слово — Мира!»
Лишь этотъ возгласъ вырвался у ней.

Поэты, мудрецы въ небесности прозрачной
Искали голоса, но въ небѣ — тишина,
И потому слова Эдемъ и Сатана
Есть только лѣтопись попытки неудачной.
Нельзя ихъ властью заклинать,
Нельзя изъ нашихъ душъ изгнать
Сомнѣнья, случая, измѣнъ, печали мрачной.
Одно сіянье Красоты,
Какъ снѣгъ нагорной высоты,
Какъ вѣтеръ ночи, сладко спящей,
Что будитъ чуткую струну
И грезитъ музыкой звенящей,
Изъ жизни дѣлаетъ весну,
Даетъ гармонію мучительному сну.

Любовь, семья надеждъ, и самоуваженье,
Какъ тучи, сходятся невѣрною толпой.
Мечту безсмертія вкусилъ бы родъ людской,
Когда-бъ не краткій мигъ онъ видѣлъ отраженье
Непостижимой Красоты,—
Когда-бъ священныя черты
Въ его душѣ нашли живое воплощенье.
Ты, вѣстникъ чувства и лучей
Въ сверканьи любящихъ очей,
Ты, пища помысловъ отъ вѣка,
Свѣти, огонь свой не тая,
Не уходи отъ человѣка,
Не уходи, какъ тѣнь твоя,
А то для насъ какъ смерть — вся сказка бытія.

Когда, еще дитя, искалъ я привидѣній
По чуткимъ комнатамъ, взирая въ темноту,
Въ лѣсу, при свѣтѣ звѣздъ, преслѣдуя мечту—
Бесѣдовать съ толпой отшедшихъ поколѣній,
Я звалъ, я былъ завороженъ,
Но рядъ отравленныхъ именъ
Ребенку не принесъ волшебныхъ откровеній.

И какъ-то раннею весной
Скитался я въ глуши лѣсной,
О судьбахъ жизни размышляя,
Безшумный вѣтеръ чуть дышалъ,
Какъ вдругъ, все въ мірѣ оживляя,
Твой призракъ на меня упалъ,—
Я вскрикнулъ и, дрожа, въ восторгѣ руки сжалъ.

И клялся я тогда, что посвящу всѣ силы
Тебѣ, одной тебѣ: и клятву я сдержалъ.
Вотъ, я теперь къ тѣнямъ прошедшаго воззвалъ,
И каждый часъ встаетъ изъ дремлющей могилы;
Когда въ полночной тишинѣ
Они склонялися ко мнѣ,
Мой трудъ мнѣ легокъ былъ, мнѣ ласки были милы.
Такъ пусть же скажетъ ихъ семья,
Что, если радовался я,
Всегда я тѣшился надеждой,
Что ты лохмотья нищеты
Замѣнишь свѣтлою одеждой,
Что, высшій Геній Красоты,
Ты дашь намъ, дашь намъ все, что можешь дать лишь ты.

Когда полдневный часъ проходитъ, день — яснѣе,
Торжественнѣй лазурь, — и есть покой въ мечтахъ
Прозрачной осени, — въ желтѣющихъ листахъ
Живетъ гармонія, что лѣтнихъ травъ пышнѣе,—
Какъ будто не было ея,
Когда призваніе свое
Еще не понялъ міръ, въ восторгахъ цѣпенѣя.
Мой полдень канулъ; власть твоя
Зажгла въ немъ правду бытія.
О, дай мнѣ вечеръ тихій, ясный,
О, дай въ тебѣ себя забыть,
Хочу всегда, о, Духъ прекрасный,
Предназначенью вѣрнымъ быть,—
Бояться лишь себя, и всѣхъ людей любить!

МОНБЛАНЪ.

Стихи, написанные въ долинѣ Шамуни.

1.

Нетлѣнный міръ безчисленныхъ созданій
Струитъ сквозь духъ волненье быстрыхъ водъ;
Они полны то блёстокъ, то мерцаній,
Въ нихъ дышетъ тьма, въ нихъ яркій свѣтъ живетъ;
Они бѣгутъ, ростутъ и прибываютъ,
И отдыха для ихъ смятенья нѣтъ;
Людскія мысли свой невѣрный свѣтъ
Съ ихъ пестротой завистливо сливаютъ.
Людскихъ страстей чуть бьется слабый звукъ,
Живетъ лишь вполовину самъ собою.
Такъ иногда въ лѣсу, гдѣ мгла вокругъ,
Гдѣ дремлютъ сосны смутною толпою,
Журчитъ ручей среди столѣтнихъ горъ,
Чуть плещется, но мертвыхъ глыбъ громада
Молчитъ, и даже стонамъ водопада
Не внемлетъ, спитъ. Шумитъ сосновый боръ,
И споритъ съ вѣтромъ гулъ его протяжный,
И свѣтится широкая рѣка
Своей красой величественно-важной,
И будто ей скала родна, близка:
Она къ ней льнетъ, ласкается и блещетъ,
И властною волной небрежно плещетъ.

2.

Такъ точно ты, обрывистый оврагъ,
Лощина Арвы, съ ликомъ властелина,
Стозвучная, стоцвѣтная долина,
Въ себѣ таишь и жизнь, и смерти мракъ.
Неотразимо-страшная картина,
Могучая своею красотой:
Разставшись торопливо съ высотой
Угрюмыхъ горъ, полна кипучей страсти.
Какъ молнія порвавши гнетъ оковъ,
Стремится Арва, символъ вѣчной Власти.
Вялелѣянный молчаньемъ ледниковъ.
Гиганты-хвои лѣпятся по скаламъ,
Созданья незапамятныхъ временъ,.
И въ воздухѣ, чуть дышущемъ, усталомъ,
Покоится душисто-нѣжный сонъ;
Съ благоговѣньемъ вѣтры прилетаютъ
Вдыхать въ себя смолистый ароматъ,
И слушаютъ, какъ звуки гула таютъ,
Какъ сосны вновь шумятъ и все шумятъ:
Такъ сотни лѣтъ не молкнетъ ихъ громада,
Они поютъ торжественный хоралъ.
И тутъ же слышны всплески водопада,
Воздушный, онъ скользитъ по склонамъ скалъ;
Трепещетъ въ брызгахъ радуга земная,
Изъ красокъ смотритъ образъ неземной,
Тамъ кто-то скрытъ, для этихъ мѣстъ родной,
Тамъ чья-то тѣнь дрожитъ, свой ликъ склоняя.
Бушуетъ Арва, бьется о гранитъ,
Пещеры стонутъ, гулко вторитъ эхо,
И этотъ звукъ никто не побѣдитъ,
И въ немъ не слышно слезъ, не слышно смѣха.
Тобой воспринятъ этотъ гордый звукъ,
Ты вся полна движеньемъ неустаннымъ,
Долина Арвы! Я смотрю вокругъ
Съ восторгомъ и возвышеннымъ и страннымъ.
Какъ будто ты не жизнь,—не жизнь сама,—

А лишь моей фантазіи созданье,
Видѣнье одинокаго ума,
Что рѣчь ведетъ съ огнями мірозданья,
И у вселенной, гдѣ и свѣтъ, и тьма,
Своей мечты заимствуетъ мерцанье.
Какъ будто-бы тонимыя судьбой,
На крыльяхъ изступленныхъ, надъ тобой
Витаютъ несказанныя видѣнья,
Магически-прекрасною толпой,
Стремясь найти хоть тѣнь, хоть отраженье
Твоей нездѣшней скрытой красоты,
И медлятъ гдѣ-то, въ сказочномъ чертогѣ,
Гдѣ ты желанный гость, въ дворцѣ мечты,
Гдѣ въ забытьи безмолвномъ, на порогѣ,
Поэзія-Кудесница сидитъ
И взоромъ ускользающимъ глядитъ.

3.

Есть мысль, что лучшій свѣточъ мірозданья
Горитъ въ душѣ того, кто усыпленъ,
Что смерть не мертвый мракъ, а только сонъ,
И что ея кипучія созданья
Богаче и числомъ и красотой,
Чѣмъ дня нѣмого трезвыя мечтанья.
Я вверхъ смотрю, плѣненный высотой.
Но что тамъ? Что? Невѣдомая сила
Раздвинула покровы бытія
И смерть передо мной разоблачила?
Иль это только царство сна,—и я
Душой брожу по сказочнымъ предѣламъ,
По призрачнымъ цѣпляюсь крутизнамъ,
И мысль моя, въ своемъ стремленьи смѣломъ,
Лишь бредитъ, уступивъ безумнымъ снамъ?
Тамъ, надо мной, небесный сводъ прекрасный,
Пронзивъ его, горитъ вверху Монбланъ,—
Гигантъ, невозмутимый, снѣжный, ясный,—
Вокругъ него толпится сквозь туманъ
Подвластныхъ горъ нѣмая вереница,

И кто, пустыни услыхавъ языкъ,
Могъ людямъ дать его истолкованье,
Или сумѣлъ имъ дать хотя намекъ,
Или хоть самъ его подслушать могъ.

4.

Ручьи, луга, лѣсовъ уединенье,
Поля, озера, вѣчный океанъ,
Раскаты грома, гулъ землетрясенья,
И молнія, и дождь, и ураганъ,
И все, что въ глубинѣ земли сокрыто,
Когда она объята зимнимъ сномъ
И снѣжными гирляндами увита,
Что будетъ взрощено весеннимъ днемъ,
Оцѣпенѣвшихъ почекъ сновидѣнья,
Ихъ радостный, восторженный расцвѣтъ,
И человѣка бурныя владѣнья,
И жизнь, и смерть, и сумерки, и свѣтъ,
Все, что тоскуетъ, дышетъ, и стремится,
Все, въ чемъ дрожитъ сіяніе и звукъ,—
Встаетъ, ростетъ, и меркнетъ, и дымится,
И вновь ростетъ для счастія и мукъ.
И только Власть, что правитъ всѣмъ движеньемъ,
Недвижна, недоступна и ясна;
Громада первозданныхъ горъ полна
Ея краснорѣчивымъ отраженьемъ.
Сползаютъ внизъ извивы ледниковъ,
Какъ жадные гигантскіе удавы,
Въ пространствахъ незапятнанныхъ снѣговъ,
Похожихъ на поля застывшей лавы.
Здѣсь Солнце и причудливый Морозъ
Творятъ нерукотворные узоры,
Возводятъ пирамиды и соборы,
Воздушнѣе и легче свѣтлыхъ грезъ.
Здѣсь смерти неприступная обитель,
Съ оплотами изъ искристаго льда;
Пріюта здѣсь не встрѣтитъ никогда
Отторженной земли печальный житель.

То не обитель, нѣтъ,—то водопадъ,
Потокъ лавинъ, сорвавшійся съ лазури.
Искажены властительностью бури,
Въ землѣ изрытой сосны стали въ рядъ.
Огромныя, какъ смутный рой видѣній.
И скалы изъ пустынь толпой сошлись
И навсегда угрюмо обнялись,
Раздвинули предѣлъ своихъ владѣній,
Все мало имъ, имъ тѣсенъ кругъ границъ,
Жилище отнимаютъ у растеній,
У насѣкомыхъ, у звѣрей, у птицъ.
Какъ много жизни было здѣсь убито,
Какъ строго смерть свой холодъ сторожитъ!
Людская раса въ страхѣ прочь бѣжитъ,
И дѣло рукъ ея навѣкъ забыто,
Развѣяно, какъ въ ураганѣ—дымъ,
Ея жилье пространствомъ льдовъ покрыто,
И путь минувшихъ дней неизслѣдимъ.
Внизу блестятъ пещеры-властелины,
Изъ ихъ сердецъ ключи, журча, текутъ.
Немолчные, смѣются, и бѣгутъ,
Чтобъ встрѣтиться среди цвѣтовъ долины.
И царственно-могучая Рѣка,
Кормилица для пастбищъ отдаленныхъ.
Прозрачна, и привольно-широка,
Несетъ богатство водъ неугомонныхъ
Туда впередъ, гдѣ дремлетъ океанъ,
И къ воздуху ласкается попутно,
Сплетая для него ежеминутно
Изъ легкихъ струй измѣнчивый туманъ.

5.

А въ высотѣ горитъ, горитъ Монбланъ.
Здѣсь вѣчный тронъ той Власти безмятежной,
Что вкругъ нѣмыхъ уступовъ и стремнинъ
Воззвала жизнь, простерла міръ безбрежный
Тѣней и свѣта, звуковъ и картинъ.
Въ спокойной тишинѣ ночей безлунныхъ,

Въ холодномъ одинокомъ блескѣ дня,
Когда въ долинахъ, легче звуковъ струнныхъ,
Вздыхаетъ вѣтеръ, плача и звеня,
Нисходитъ снѣгъ на дремлющую Гору,
И нѣжится, и ластится къ Горѣ;
Но хлопья, загораясь на зарѣ,
Не шлютъ своихъ огней людскому взору,
Не видитъ ихъ никто. Кругомъ встаютъ
И дышутъ Вѣтры, силою порыва
Сугробы наметаютъ молчаливо.
Здѣсь молнія нашла себѣ пріютъ,
И теплится, и мирнымъ испареньемъ
Гнѣздится на снѣгу. Здѣсь Духъ живетъ,
Что надъ земнымъ немолкнущимъ смятеньемъ
Незыблемый простеръ небесный сводъ,
Тотъ скрытый Духъ, что правитъ размышленьемъ.
И что-бъ ты былъ, торжественный Монбланъ,
И звѣзды, и земля, и океанъ,
Когда-бъ воображенью человѣка,
Со всей своей могучей красотой,
Ты представлялся только пустотой,
Безгласной и безжизненной отъ вѣка?

23 іюля, 1816.

1817.

СОНЪ МАРІАННЫ.

Къ прекрасной Леди Сонъ чудесный
Пришелъ, сказалъ: «Услышь меня!
«Мнѣ тайны воздуха извѣстны,
«И то, что скрыто въ свѣтѣ дня;
«Я это все во снѣ открою
«Тѣмъ, чье довѣріе—со мною.

«Ты узришь много тайныхъ лицъ,
«Коль дашь побыть мнѣ межъ узорныхъ
«Твоихъ бахромчатыхъ рѣсницъ,
«Надъ блескомъ глазъ лучисто-черныхъ».
И скрыла Леди въ забытьи
Глаза блестящіе свои.

Сначала всѣ земныя тѣни
Въ ея дремотѣ пронеслись,
И тучи съ ликами видѣній
Проплыли вдоль по небу внизъ;
А Леди думала, слѣдила:
Что̀ солнце,—все не восходило?

И на востокъ она во снѣ
Глядитъ,—въ лазури полутемной
Воздушный Якорь въ вышинѣ
Предъ ней чернѣется, огромный;
Куда ни глянетъ, все виднѣй,
Виситъ онъ въ небѣ передъ ней.

Лазурь была какъ море лѣтомъ,
Ни тучки въ синихъ глубинахъ,
Былъ воздухъ тихъ и полонъ свѣтомъ,
И ничего, въ чемъ былъ бы страхъ;
Лишь надъ вершиною восточной
Чернѣлся Якорь неурочный.

Въ душѣ у Леди, какъ гроза,
Испугъ промчался небывалый,
Она закутала глаза;
И чу! раздался звонъ усталый,
И вотъ она глядитъ вокругъ,
Возникло-ль что, иль этотъ звукъ
Лишь кровь висковъ и нѣжныхъ рукъ.

Какъ отъ волны землетрясенья,
Туманъ безсолнечный дрожалъ.
Межъ тѣмъ тончайшія растенья
Недвижны были, и у скалъ
Оплотъ ихъ былъ невозмутимымъ;
Въ высотахъ Якорь сталъ незримымъ.

Но замкнутый являли видъ,
Межъ тучъ прорѣзавшись туманныхъ,
Громады горныхъ пирамидъ,
И между стѣнъ ихъ первозданныхъ
Два города, въ багряной мглѣ,
Предстали, зыбясь, на скалѣ.

На двухъ чудовищныхъ вершинахъ,
Гдѣ бъ не посмѣлъ орелъ гнѣзда
Повѣсить для дѣтей орлиныхъ,
Средь башенъ зрѣлись города.
О, странность! Видѣть эти зданья,
Тамъ видѣть эти очертанья,
Гдѣ нѣтъ людей и нѣтъ страданья.

И вотъ ихъ яростнымъ приливомъ
Та Леди нѣжная взята,
Она несется по обрывамъ,
Гдѣ даль пожаромъ залита;
Прильнувъ къ доскѣ, плыветъ къ высотамъ,
Увлечена водоворотомъ.

Потокъ, срываясь, вылеталъ
Изъ каждой башни и собора,
И свѣтъ угрюмый трепеталъ
Надъ пѣной, вдоль всего простора.
Подъ ночью дыма, чей налетъ
Пятналъ прозрачный небосводъ.

Доска плыла въ глуши расщелинъ,
Кругомъ, кругомъ, среди стремнинъ,
Казалось, путь былъ безпредѣленъ
Среди затопленныхъ вершинъ;
Такъ на вѣтрахъ, воздушнѣй вздоха,
Витаетъ цвѣтъ чертополоха.

Но встрѣчной силою волны
Доска успѣла очутиться
У самой городской стѣны.
Какое сердце не смутится,
Когда такой предстанетъ видъ:
Въ дворцахъ огонь, шумитъ, свиститъ.

Волна ее, круговоротомъ,
Къ вратамъ роскошнымъ привела;
Отъ дыма къ сказочнымъ воротамъ,
Какъ кровь лѣпилась, полумгла;
И все въ ней стало восхищеньемъ
Предъ этимъ мраморнымъ видѣньемъ.

Здѣсь проливало нѣжный свѣтъ
Безсмертье странныхъ изваяній,
Не человѣческихъ, о, нѣтъ,
Но тѣхъ тѣней, но тѣхъ созданій,
Что вѣютъ крыльями сквозь сонъ
Того, кто правдой озаренъ.

Кто такъ красивъ, какъ эта Леди!
Она глядѣла, и предъ ней
Видѣнья, въ царственной побѣдѣ,
Являлися еще стройнѣй.
Померкшій въ смерти, ихъ ваятель
Царилъ безсмертно, какъ создатель.

Пожаръ притихъ, ряды валовъ
Какъ бы лѣсной рѣкою стали,
Текущей тихо межъ холмовъ;
И изваянья задрожали,
Пришли въ движенье члены ихъ,
Какъ стебли блѣдныхъ травъ морскихъ.

И губы ихъ зашевелились,
Заговорила тѣнь одна,
Какъ вдругъ утесы разломились,
Въ отверстье хлынула волна,
Въ восторгѣ вскрикнули видѣнья,
И Сонъ на крыльяхъ упоенья
Приподнялъ Леди отъ теченья.

Такъ быстро призракъ полетѣлъ,
Что взоръ у Леди пробудился,—
И встала для вседневныхъ дѣлъ,
Но Сонъ съ рѣсницъ ея струился,
И шла она въ прозрачномъ днѣ,
Какъ тотъ, кто знаетъ, что во снѣ
Есть цѣлый міръ, живой вдвойнѣ.

КЪ КОНСТАНЦІИ, ПОЮЩЕЙ.

Быть такъ потеряннымъ, такъ падать, умирая,
Быть можетъ, это смерть!—Констанція, приди!
Во мракѣ глазъ твоихъ блистаетъ власть такая,
Что вотъ я слышу гимнъ, когда онъ смолкъ въ груди.
Въ волнѣ волосъ твоихъ забвенье,
Въ твоемъ дыханьи ароматъ,
Во мнѣ твое прикосновенье
Струитъ горячій сладкій ядъ.
Пока пишу я эти строки,
Я весь дрожу, пылаютъ щеки.
Зачѣмъ угасшихъ сновъ нельзя вернуть назадъ!

Твой голосъ будитъ страхъ потокомъ нотъ блестящихъ,
Ты въ сердце дышешь тѣмъ, что̀ выразить нельзя,
Неизреченностью,—и въ числахъ восходящихъ
Струится музыка, сверкая и скользя.
Подвластный чарамъ пѣснопѣнья,
Небесный сводъ разъединенъ,
И, какъ крылатое видѣнье,
Я за тобою унесенъ
Въ предѣлъ сверхоблачной долины,
Гдѣ гаснутъ луны—исполины,
Гдѣ край всемірности душою перейденъ.

КЪ КОНСТАНЦІИ.

Въ полдень къ розѣ льнетъ роса
    Отъ звенящаго фонтана.
    Но блѣдна среди тумана,
Подъ луной, ея краса.
    Свѣтъ холодный, свѣтъ заемный,
    Свѣтлый—самъ, надъ нею—темный.

Такъ и сердце у меня,
    Хоть не блещетъ розой алой,
    Но цвѣтокъ, цвѣтокъ завялый,
Жившій только въ свѣтѣ дня.
    Лучъ въ него ты заронила,
    Измѣнила—затемнила.

КЪ МУЗЫКѢ.

Отрывокъ.

Цѣлебныхъ слезъ родникъ прозрачный!
Къ тебѣ прильнувши, духъ нашъ пьетъ
Забвенье мукъ, скорбей, заботъ.
На берегу твоемъ Сомнѣнья призракъ мрачный
Мелькнулъ среди цвѣтовъ, склонивъ свой ликъ больной,
Во снѣ онъ сладкимъ звукамъ внемлетъ
И, какъ ребенокъ, тихо дремлетъ
Подъ пѣсню матери родной.

МУЗЫКА.

Отрывокъ.

Нѣтъ, Музыку ты не зови
«Блаженной пищею Любви»,
Иль развѣ, что Любовь питается собою,
Своею нѣжною душою,
Пока не станетъ, наконецъ,
Всѣмъ тѣмъ, о чемъ, рождая звуки,
Намъ шепчетъ Музыка—для муки
И для блаженства всѣхъ сердецъ.

«ОРЕЛЪ МОГУЧІЙ».

Орелъ могучій, ты паришь
Надъ царствомъ горъ, гдѣ мгла и тишь,
Ты свѣтлымъ облакомъ летишь
    Въ просторѣ, лишь тебѣ знакомомъ.
Когда-жь туманные лѣса
Рождаютъ въ бурѣ голоса
И ночь сойдетъ на небеса,
    Ты посмѣваешься надъ громомъ.

Во имя радости младенческихъ улыбокъ,
Сверкнувшей путнику лишь вспышкой очага,
Чей свѣтъ, средь вставшей мглы, былъ такъ мгновенно зыбокъ.
Чья ласка такъ была для сердца дорога;

Во имя лепета неискушенной рѣчи,
Которую отецъ хотѣлъ сложить въ узоръ
Нѣжнѣйшей мудрости. Но больше нѣтъ намъ встрѣчи.
Ты тронешь лиру словъ! О, ужасъ! о, позоръ!

Во имя счастья знать, какъ выростаютъ дѣти,
Полураскрывшійся цвѣтокъ невинныхъ лѣтъ,
Сплетенье радости и слезъ въ единой сѣти.
Источникъ чаяній и самыхъ горькихъ бѣдъ,—

Во имя скучныхъ дней среди заботъ наемныхъ,
Подъ гнетомъ чуждости холоднаго лица.—
О, вы, несчастные, вы, темные изъ темныхъ,
Вы, что бѣднѣй сиротъ, хоть вы не безъ отца!

Во имя лживыхъ словъ, что на устахъ невинныхъ
Нависнутъ, точно ядъ на лепесткахъ цвѣтовъ,
И суевѣрія, что въ ихъ путяхъ пустынныхъ
Всю жизнь отравитъ имъ, какъ тьма, какъ гнетъ оковъ,—

Во имя твоего кощунственнаго Ада,
Гдѣ ужасъ, бѣшенство, преступность, скорбь, и страсть,
Во имя лжи твоей, въ которой имъ—засада,
Всѣхъ тѣхъ песковъ, на чемъ свою ты строишь Власть,—

Во имя похоти и злобы, соучастныхъ,
И жажды золота, и жажды слезъ чужихъ,
Во имя хитростей, всегда тебѣ подвластныхъ,
И подлыхъ происковъ, услады дней твоихъ,—

Во имя твоего вертепа, гдѣ—могила,
Гдѣ мерзкій смѣхъ твой живъ, гдѣ западня жива,
И лживыхъ слезъ—вѣдь ты нѣжнѣе крокодила—
Тѣхъ слезъ, что для умовъ другихъ—какъ жернова.—

Во имя всей вражды, принудившей, на годы,
Отца не быть отцомъ, и мучиться любя,
Во имя грубыхъ рукъ порвавшихъ связь Природы—
И мукъ отчаянья—и самого тебя!

Да, мукъ отчаянья! Я не кричать не въ силахъ:
«О, дѣти, вы мои и больше не мои!
«Пусть кровь моя теперь волнуется въ ихъ жилахъ,
«Но души ихъ, Тиранъ, осквернены—твои!»

Будь проклятъ, жалкій рабъ, хотя чужда мнѣ злоба.
О, если бъ адъ земной преобразилъ ты въ рай,
Мое проклятіе тебѣ у двери гроба
Благословеніемъ возникло бы. Прощай!

КЪ ВИЛЬЯМУ ШЕЛЛИ.

Вкругъ берега бьется тревожный прибой,
Челнокъ нашъ—и слабый, и тлѣнный,
Подъ тучами скрытъ небосводъ голубой.
И буря надъ бездною пѣнной.
Бѣжимъ же со мной, дорогое дитя,
Пусть вѣтеръ сорвался, надъ моремъ свистя,
Бѣжимъ, а не то намъ придется разстаться,
Съ рабами закона намъ нужно считаться.

Они ужь успѣли отнять у тебя
Сестру и товарища-брата,
Ихъ слезы, улыбки, и все, что, любя,
Въ ихъ душахъ лелѣялъ я свято.
Они прикуютъ ихъ съ младенческихъ лѣтъ
Къ той вѣрѣ, гдѣ правды и совѣсти нѣтъ,
И насъ проклянутъ они дѣтской душою,
За то, что мы вольны, безстрашны съ тобою.

Дитя дорогое, бѣжимъ же скорѣй,
Другое—у груди родимой,
У матери, ждущей улыбки твоей,
Мой мальчикъ, малютка любимый.
Что наше, то наше, гляди на него.
Веселья и смѣха мы ждемъ твоего,
Ты встрѣтишь въ немъ, въ странахъ безвѣстныхъ и дальныхъ,
Товарища въ играхъ своихъ безпечальныхъ.

Не бойся, что будутъ тираны всегда,
Покорные лжи и злословью;
Они надъ обрывомъ, бушуетъ вода,
И волны окрашены кровью:
Валелѣяна тысячью темныхъ низинъ,
Вкругъ нихъ возростаетъ свирѣпость пучинъ,
Я вижу, на зыби временъ, какъ обломки,
Мечи ихъ, вѣнцы ихъ—считаютъ потомки.

Не плачь же, не плачь, дорогое дитя!
Испуганъ ты лодкою зыбкой,
И пѣной, и вѣтромъ, что бьется, свистя?
Гляди же: мы смотримъ съ улыбкой.
Я знаю, и мать твоя знаетъ, что мы
Въ волнахъ безопаснѣй, межъ вѣтра и тьмы,
Межъ водъ разъяренныхъ, чѣмъ между рабами,
Которые гонятся злобно за нами.

Ты часъ этотъ вспомнишь душой молодой
Какъ призракъ видѣній безбольныхъ;
Въ Италіи будемъ мы жить золотой,
Иль въ Греціи, Матери вольныхъ.
Я Эллинскимъ знаніемъ духъ твой зажгу,
Для сновъ о герояхъ его сберегу,
И къ рѣчи привыкнувъ борцовъ благородныхъ,
Свободнымъ ты выростешь между свободныхъ.

О ФАННИ ГОДВИНЪ,

(которая кончила свою жизнь самоубійствомъ).

Дрожалъ ея голосъ, когда мы прощались.
Но я не видѣлъ, что это—душа
Дрожитъ въ ней и меркнетъ, и такъ мы разстались,
И я простился, небрежно, спѣша.
Горе! Ты плачешь, плачешь—губя.
Міръ этотъ слишкомъ великъ для тебя.

«БЛАЖЕННЫХЪ СНОВЪ УШЛА ЗВѢЗДА...»

Строки.

Блаженныхъ сновъ ушла звѣзда,
И вновь не вспыхнетъ никогда,
Назадъ мы взглядъ кидаемъ.
Тамъ жизнь твоя, и жизнь моя.
И кто убилъ ихъ? Ты и я.
Мы близь тѣней страдаемъ,
Навѣкъ лишивъ ихъ бытія,
Блѣднѣемъ и рыдаемъ.

Бѣжитъ волна волнѣ вослѣдъ,
И тѣмъ волнамъ возврата нѣтъ,
И нѣтъ отъ нихъ отвѣта.
Но мы скорбимъ о прежнихъ снахъ,
Но мы хранимъ могильный прахъ
Въ пустынѣ безъ привѣта:
Какъ двѣ могилы мы—въ лучахъ
Туманнаго разсвѣта.

СМЕРТЬ.

Они умрутъ—и мертвымъ нѣтъ возврата.
Къ могилѣ ихъ открытой Скорбь идетъ,
Сѣдая, слабымъ голосомъ зоветъ
То друга, то любовника, то брата;
Напрасенъ плачъ, напрасенъ стонъ.
Они ушли—и нѣтъ для нихъ возврата.
Отъ нихъ остался только рядъ именъ.

Какъ тяжела родныхъ сердецъ утрата!

Не плачь, о, Скорбь, сестра души моей.
Не плачь!
Но ты не хочешь утѣшеній.
Понятенъ мнѣ весь гнетъ твоихъ мученій:
Не здѣсь ли ты, съ толпой своихъ друзей.
Въ избыткѣ силъ весною наслаждалась?
О, какъ была ты молода,
И какъ заманчиво тогда
Тебѣ надежда улыбалась!

Непродолжительна была твоя весна.
Мечты волшебныя умчались.
Ты посѣдѣла, ты—одна,
И отъ друзей твоихъ остались
Одни пустыя имена.

КРЫЛЬЯ ОБЛАКОВЪ.

Отрывокъ.

Будь крылья облаковъ моими!
Тѣхъ быстрыхъ облаковъ, что буря создаетъ,
Своею силою рождая ихъ полетъ,
Въ тотъ часъ когда луна, окаймлена сѣдыми
Волнами блещущихъ волосъ, на океанъ
Уронитъ искристый туманъ.
Будь крылья облаковъ моими!
Я устремился бы въ просторъ,
На вѣтрѣ вздувшемся, межь волнъ его проворныхъ,
Туда, на высоту, къ краямъ уступовъ горныхъ,
Къ серебряной межь нихъ недвижности озеръ.

ЛЮБОВЬ БЕЗСМЕРТНАЯ.

Отрывокъ.

Богатство вмѣстѣ съ властью вольно бродятъ.
Вступая въ океанъ добра и зла,
Когда они изъ нашихъ рукъ уходятъ;
Любовь же, пусть неправильной была,—
Безсмертная, въ безсмертіи пребудетъ,
Все превзойдетъ, что̀ было—или будетъ.

МЕЧТЫ ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Отрывокъ.

Мечты въ одиночествѣ вянутъ и вновь расцвѣтаютъ,
Въ созвучья хотѣлъ бы одѣть ихъ—созвучія таютъ;
Какъ въ блескѣ разсвѣта сіянье луны
И меркнетъ и гаснетъ,—такъ нѣжные сны
Блеснутъ и, блеснувъ, улетаютъ.

КРИТИКУ.

Съ шелковичныхъ червей соберетъ-ли кто медъ,
Или шелкъ у пчелы золотистой?
Чувство злобы во мнѣ такъ же скоро блеснетъ,
Какъ подъ вьюгою ландышъ душистый.

Лицемѣровъ, ханжей всей душой ненавидь,
Или тѣхъ, кто поноситъ безчестно;
Равнымъ чувствомъ легко имъ тебѣ отплатить,
Имъ воздушность моя неизвѣстна.

Иль раба отыщи, что въ богатство влюбленъ,
Предсказать я вамъ дружбу сумѣю;
Но притворщикъ скорѣй будетъ правдой плѣненъ,
Чѣмъ подвигнутъ я злобой твоею.

То, что чувствую я, невозможно дробить,
Никого не хочу я обидѣть;
Ненавижу въ тебѣ, что не можешь любить—
Какъ могу я тебя ненавидѣть?

1818.

КЪ НИЛУ.

Сонетъ.

День ото дня потоки дождевые
Поятъ Эфіопійскую страну.
Морозъ и Зной, обнявшись, какъ живые,
На Атласѣ, рождаютъ ихъ волну.

Тамъ дышутъ влагой глыбы снѣговыя;
Въ высотахъ нарушаютъ тишину,
Близь урны Нила, Вихри грозовые,
Веля дождямъ покинуть вышину.

Надъ памятнымъ Египтомъ ровны воды,
Они твои, о, многоводный Нилъ;
Цѣлебный воздухъ, всѣ бичи Природы—

Вездѣ, куда свой путь ты устремилъ.
Вниманье, Смертный! Знанья міръ столикій—
Какъ двойственность, какъ мощь рѣки великой.

ОЗИМАНДІЯ.

Сонетъ.

Я встрѣтилъ путника; онъ шелъ изъ странъ далекихъ
И мнѣ сказалъ: Вдали, гдѣ вѣчность сторожитъ
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.
Изъ полустертыхъ чертъ сквозитъ надменный пламень,—
Желанье заставлять весь міръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный камень
Тѣ страсти, что могли столѣтья пережить.
И сохранилъ слова обломокъ изваянья:
«Я—Озимандія, я—мощный царь царей!
«Взгляните на мои великія дѣянья,
«Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ морей!»
Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса надъ ней...

МИНУВШЕЕ.

Ты хочешь позабыть блаженныя мгновенья,
Что межъ цвѣтовъ любви похоронили мы,
Сложивъ на трупы ихъ, исполненные тлѣнья,
Листки и лепестки, въ предчувствіи зимы?
Восторги лепестковъ, закрывшіяся вѣжды,
Поблекшіе листки, упрямыя надежды.

Забыть минувшее и мертвыхъ, сны судебъ?
О, духи есть, что мстятъ за тусклое забвенье,
Воспоминанія, въ чьей власти сердце—склепъ.
Сквозь сумерки души блуждаютъ угрызенья,
И страшнымъ шопотомъ намъ шепчутъ каждый часъ,
Что радость бывшая—мученіе для насъ.

ОБЪ УВЯДШЕЙ ФІАЛКѢ.

Въ цвѣткѣ исчерпанъ ароматъ,
  Онъ былъ какъ поцѣлуй со мною;
Въ немъ больше краски не горятъ,
  Горѣвшія тобой одною.

Измятый, льнетъ онъ въ смертный часъ
  Къ моей груди осиротѣвшей,
Надъ сердцемъ трепетнымъ смѣясь
  Покоемъ формы онѣмѣвшей.

Я плачу—онъ не оживетъ,
  Вздыхаю—гаснетъ вздохъ напрасный.
О, пусть ко мнѣ скорѣй придетъ
  Его удѣлъ, покой безгласный!

КЪ БѢДѢ.

Приходи ко мнѣ, Бѣда,
Въ тѣнь одѣтая всегда:
Нареченная печаль,
Ты безгласно смотришь вдаль.
Мнѣ тебя всѣмъ сердцемъ жаль.

Пусть кажусь унылымъ я,
Будь со мной, любовь моя.
Я счастливѣе, чѣмъ ты,
О, созданье красоты,
Скорбно-царственной мечты.

Мы вдвоемъ, какъ братъ съ сестрой.
Раньше были ужь съ тобой,
Мы съ тобой не въ первый разъ,
И опять настанетъ часъ,
На года скуетъ онъ насъ.

Темный рокъ—служить Судьбѣ,
Все жь его возьмемъ себѣ;
Есть любовь, хоть умеръ май,
Я люблю, и ты ласкай,
Адъ сердечный будетъ Рай.

Въ свѣжихъ травахъ, милый другъ,
Лягъ на выкошенный лугъ.
Чу! Кузнечикъ намъ поетъ,
Въ мірѣ скорби и заботъ,
Онъ лишь молодъ каждый годъ.

Ива будетъ нашъ альковъ,
Грудь твоя—пріютъ для сновъ,
Каждый звукъ и ароматъ
Убаюкаетъ нашъ взглядъ,—
Спите крѣпко, тѣни спятъ.

Бьется, чувство затая,
Кровь холодная твоя.
Грудь твоя огнемъ горитъ,
Взоръ о страсти говоритъ,—
Что же мой съ твоимъ не слитъ?

О, цѣлуй!—Но въ забытьи
Губы холодны твои:
Ты въ любви своей нѣжна,
Но блѣдна и холодна,
Мертвой льдяности полна.

Намъ глубоко подъ землей
Ложе брачное съ тобой:
Въ тишинѣ уютно тамъ,
Сумракъ склепомъ будетъ намъ,
Брачнымъ ложемъ сладкимъ снамъ.

Льни, пока не будемъ мы
Тѣнь одна единой тьмы;
Пусть нашъ духъ борьбой смущенъ.
Льни, пока не внидетъ онъ
Въ непробудный вѣчный сонъ.

Онъ шепнетъ, пока мы спимъ,
Что, скорбя, не мы скорбимъ;
Какъ Восторгу иногда
Снится горькая Бѣда,
Пусть онъ снится намъ всегда.

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЯ БЛИЗЬ НЕАПОЛЯ, ВЪ ЧАСЫ УНЫНІЯ.

Сіяетъ небо солнцемъ яснымъ,
Играетъ быстрая волна,
Прозрачнымъ полднемъ, нѣжно краснымъ.
Цѣпь снѣжныхъ горъ озарена:
Земля, стряхнувъ оковы сна,
Блаженствомъ почекъ дышетъ снова,
Въ вѣтрахъ и въ пѣньи птицъ—весна,
И въ звукахъ рокота морского.
Здѣсь нѣженъ даже гулъ смятенья городского.

Изъ глубины, съ морского дна,
Глядятъ подводныя растенья,
Ихъ зелень съ краснымъ сплетена;
Въ волнѣ—всѣхъ свѣтовъ отраженье,
Какъ звѣздный дождь—ея движенье.
Одинъ встрѣчаюсь я съ весной,
И океанъ, тая волненье,
Поетъ размѣрною волной,—
О, если бы теперь былъ кто-нибудь со мной!

Увы! Я чуждъ надеждъ, участья,
Внутри—раздоръ, нѣтъ мира—внѣ,
Я чуждъ и царственнаго счастья,
Что знаетъ мудрый въ тишинѣ,
Живя сознаньемъ, какъ во снѣ,
Увѣнчанъ внутреннею славой;
Ни ласкъ, ни сновъ, ни власти мнѣ.
Другіе жизнь зовутъ забавой,—
Иная чаша мнѣ, съ холодною отравой.

Но здѣсь, гдѣ вѣтерокъ, шутя,
Воздушно вѣетъ на просторѣ,
Я, какъ усталое дитя,
Хотѣлъ бы выплакать все горе,
Здѣсь скорбь нѣжна, какъ грусть во взорѣ;
Я здѣсь хотѣлъ бы, въ свѣтѣ дня,
Уснуть, остыть, и ждать, что море,
Неумолкаемо звеня,
Свой гимнъ мнѣ пропоетъ, баюкая меня.

Быть можетъ, кто и пожалѣетъ,
Что я забылся вѣчнымъ сномъ,
Какъ я, понявъ, что день слабѣетъ,
Скорблю до времени о немъ;
Да, я одинъ изъ тѣхъ, о комъ
Жалѣютъ,—пусть имъ нѣтъ признанья;
Но я несроденъ съ этимъ днемъ.
Онъ свѣтитъ, а умретъ сіянье,
Онъ будетъ жить еще, какъ блескъ воспоминанья.

СОНЕТЪ.

Не поднимайте тотъ покровъ, который
Зовутъ живые жизнью: пусть на немъ
Лишь вымыселъ мерцаетъ бѣглымъ сномъ,
Все то, чему хотѣли бъ вѣрить взоры.—

Два духа, Страхъ и Чаянье, какъ воры,
Таятся тамъ, во мракѣ роковомъ,
И тѣни ткутъ въ провалѣ сновъ глухомъ,
Надъ бездной создаютъ свои узоры.

Былъ нѣкто, кѣмъ покровъ приподнятъ былъ:
Любить хотѣлъ онъ,—но въ широкомъ мірѣ
Онъ никого, увы, не полюбилъ.

Свѣтъ въ тѣни, зрячій межъ слѣпыхъ на пирѣ,
Ждалъ правды онъ, спасенія отъ золъ,
И, какъ Пророкъ въ пустынѣ, не нашелъ.

1819.

СТРОКИ, НАПИСАННЫЯ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНІЯ КЭСТЛЬРИ.

На улицѣ камни остыли,
И холодны трупы въ могилѣ,
И выброски мертвы,—и лица у ихъ матерей
Такъ блѣдны, какъ берегъ сѣдой Альбіона,
Гдѣ нѣтъ больше ласки, о, Воля, твоей,
Гдѣ нѣтъ ни суда, ни закона.

Сыны Альбіона мертвѣй
Холодныхъ дорожныхъ камней,
Ихъ топчутъ какъ глину,—недвижны они, годъ отъ года,
И выбросокъ мертвый, которымъ страна
Терзалась такъ долго и тщетно,—Свобода:
Убита, убита она.

Топчи и пляши, Притѣснитель,
За жертву не встанетъ отмститель:
Ты полный владыка всѣхъ труповъ и мертвыхъ камней,
И выбросковъ думъ, что, не вспыхнувъ, остыли.
Они—какъ коверъ на дорогѣ твоей,
Коверъ на дорогѣ къ могилѣ.

Ты слышишь ли праздничный смѣхъ?
То Смерть, Разрушенье, и Грѣхъ,
И съ ними Богатство, «Сюда! На грабежъ!» закричали,
Вопятъ за стѣнами: «Смѣлѣе! Смѣлѣй!»
И Правда оглохла отъ ихъ вакханалій,
Отъ свадебной пѣсни твоей.

Вѣнчайся съ ужасной женою,
Чтобъ Страхъ и Тревога, волною,
Тебѣ распростерли подъ сводами жизни альковъ.
Вѣнчайся, вѣнчайся съ Погибелью черной,
Спѣши къ ней скорѣе для мерзостныхъ сновъ,
Тиранъ, Притѣснитель позорный!

ПѢСНЬ КЪ БРИТАНЦАМЪ.

Британцы, зачѣмъ вы волочите плугъ
Для лордовъ, что въ тѣсный замкнули васъ кругъ?
Зачѣмъ вы готовите пышныя платья
Тиранамъ, которые шлютъ вамъ проклятья?

Зачѣмъ бережете вы, жалко стеня,
Отъ перваго дня до послѣдняго дня,
Шершней беззастѣнчивыхъ, потъ вашъ сосущихъ,
Не потъ вашъ сосущихъ, а кровь вашу пьющихъ?

Зачѣмъ вы, о, Пчелы родимой страны,
Оружье и цѣпи готовить должны,
Чтобъ шершни безъ жала, презрѣвши заботы,
У васъ отнимали добычу работы?

У васъ есть достатокъ, досугъ, и покой,
Уютъ, и сліянье съ душой дорогой?
Что жь вы покупаете этой цѣною,
Томленьемъ, и страхомъ, и мукой тройною?

Хлѣба вы взростили,—другой ихъ пожнетъ;
Богатства нашли вы,—другой ихъ возьметъ;
Вы платья соткали—кому?—для чужого;
Оружье сковали—для власти другого.

Ростите хлѣба,—но не наглымъ глупцамъ;
Ищите богатства,—не дерзкимъ лжецамъ;
И тките одежду,—но смерть паразиту,
И куйте оружье,—себѣ на защиту.

Ну, прячьтесь въ подвалы, отверженный родъ,
Вы строили замки, другой въ нихъ живетъ.
Вы цѣпи трясете, что сами сковали,
Дрожите предъ силою вашей же стали.

Берите-ка заступъ, ну-ну, не робѣй,
Намѣтьте могилы, копайте скорѣй,
И, въ саванъ одѣвшись, толпой блѣднолицой,
Умрите, вамъ Англія будетъ гробницей.

«ЧЕСТНОЮ РАБОТОЙ...»

Отрывокъ.

Кто деньги скопитъ честною работой,
Тотъ долженъ ихъ имѣть,—и для дѣтей
Оставить можетъ заработокъ дней,
Чтобъ жить они могли, простясь съ заботой.
Несправедливость частная—для всѣхъ
Явиться можетъ благомъ. Нѣтъ въ томъ спора.
Но кто въ добычу впуталъ черный грѣхъ,—
Тотъ, кто цѣной обмана и позора
Богатымъ сталъ,—кѣмъ загнанъ былъ другой,—
Тотъ можетъ быть ограбленъ,—какъ мы съ вора
Снимаемъ платье, чтобы онъ для взора
Предсталъ въ своемъ безчестіи, нагой.

НОВЫЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

(Воззванье къ Свободѣ).

О, Боже, храни и спаси,
Въ Англійскомъ гробу воскреси
Покойницу, трупъ Королевы!
Пошли ей блестящихъ побѣдъ,
Пусть выйдетъ Свобода на свѣтъ,
Чье имя Британцамъ—завѣтъ,
Названіе ихъ Королевы!

Ея ослѣпительный тронъ
Высоко надъ зыбью временъ!
Боже, храни Королеву!
За ней милліоны слѣдятъ,
Борцовъ нескончаемый рядъ;
О царствѣ ея говорятъ,—
Боже, храни Королеву!

Въ ней духъ твой—какъ рокоты лиръ.
Лишь ею устроенъ весь міръ,—
Боже, храни Королеву!
Твоей въ ней любви глубина,
Потоковъ небесныхъ волна,
О, гдѣ бъ ни предстала она,—
Боже, храни Королеву!

Враговъ ея втисни въ туманъ,
Въ ихъ собственный черный обманъ,—
Боже, храни Королеву!
Воровъ ея словъ накажи,
Исчадья насилья и лжи,
Какъ ложныхъ владыкъ, обнажи,—
Боже, храни Королеву!

Чтобъ тронъ ея, вспыхнувъ, не гасъ,
Чтобъ только въ сердцахъ былъ у насъ,—
Боже, храни Королеву!
Пусть жалкій тиранъ говоритъ,
Что тронъ его ярко горитъ,
Мы любимъ лишь ту, что царитъ,—
Нашихъ сердецъ Королеву!

Пусть съ нами поетъ серафимъ,
Мы хоромъ стозвучнымъ гласимъ,—
Боже, храни Королеву!
Какъ Ангеловъ нѣжныхъ мольбы,
Какъ грозные звуки трубы,
Поемъ мы во имя борьбы,—
Боже, храни Королеву!

АНГЛІЯ ВЪ 1819 году.

Сонетъ.

Король, старикъ, презрѣнный и слѣпой,—
Подонки расы отупѣло-праздной,
Обжоры-принцы, грязь изъ лужи грязной,—
Правители съ пустою головой,—

Къ родной странѣ прильнулъ изъ нихъ любой
Безчувственно, піявкой безобразной,—
Войска, смерть Воли, омутъ непролазный,—
Народъ, голодный, загнанный, нѣмой,—

Свирѣпые подкупные законы,
Что въ петлю завлекаютъ и казнятъ,—
Святоши, что вездѣ рождаютъ стоны,—

Гнуснѣйшій хлѣвъ, безмысленный Сенатъ,—
То черныя могилы, изъ которыхъ
Да встанетъ Призракъ, съ пламенемъ во взорахъ!

ПѢСНЬ КЪ ЗАЩИТНИКАМЪ СВОБОДЫ.

Смѣлѣе, смѣлѣе, смѣлѣй!
Есть кровь на землѣ, отказавшей вамъ въ пищѣ.
Пусть кровь вашихъ ранъ, какъ рыданье очей,
Оплачетъ нашедшихъ пріютъ на кладбищѣ.
Какая же скорбь справедливѣй—такой?
Тотъ съ другомъ разстался, тотъ съ братомъ, съ женой.
Кто скажетъ, что битва ихъ смыла волной?

Проснитесь, проснитесь, проснитесь!
Тиранъ и невольникъ—враги-близнецы;
Разбейте оковы, и рвитесь, и рвитесь,
Въ могилахъ вамъ внемлютъ сыны и отцы:
Ихъ кости въ безмолвныхъ гробахъ содрогнутся,
Когда на погостъ голоса донесутся
Тѣхъ смѣлыхъ, что рвутся на волю и бьются.

Пусть знамя горитъ высоко,
Когда за добычей помчится Свобода!
Пусть вѣтеръ его развѣваетъ легко,
Не вѣтеръ, а вздохи и голодъ народа.
И вы, вкругъ царицы сомкнувшись толпой,
Сражайтесь не въ битвѣ тупой и слѣпой,
Во имя Свободы идите на бой.

Вамъ слава, вамъ слава, вамъ слава!
Хваленье страдавшимъ въ великой борьбѣ.
Никто не затмитъ наивысшее право,
Что вы завоюете въ битвѣ себѣ.
Не разъ возникалъ побѣдительный мститель,
Но тотъ настоящій герой-побѣдитель,
Кто, въ силѣ не мстя, надъ собою—властитель.

Скорѣе, скорѣе, скорѣй,
Вѣнчайтесь фіалкой, плющемъ, и сосною!
Кровавыя пятна, средь пышныхъ вѣтвей,
Да скроются нѣжною ихъ пеленою:
Въ нихъ—сила, надежда, и вѣчности свѣтъ,
Но только забудьте про троицынъ цвѣтъ:
То память о прошломъ,—въ васъ прошлаго нѣтъ!

ПѢСНЬ КЪ НЕБУ.

Хоръ духовъ.

Первый духъ.

Дворцовый сводъ безоблачныхъ ночей,
Эдемъ свѣтилъ, ихъ золотыхъ лучей!
Безсмертный храмъ и залъ блестяще-тронный
Всегдашнихъ «гдѣ», всегда живыхъ «когда»,—
Какъ ты теперь, и какъ ты былъ тогда,
Пространный, и безмѣрный, и бездонный:
Очагъ потухнувшихъ огней,
Соборъ теперешнихъ тѣней,
Тайникъ готовящихся дней!

Въ тебѣ живутъ созданья жизнью слитой,
Земля, со всей своей лучистой свитой;
Шары, толпой кишащею, блестятъ
Въ твоихъ стремнинахъ дикихъ и пустыняхъ;
Зеленые міры въ провалахъ синихъ,
И звѣзды огнекудрыя летятъ;
И солнца мощныя проходятъ,
И льдины свѣтлыхъ лунъ уводятъ,
И атомы сверканій бродятъ.

Твое названье—имя божества,
Въ тебѣ, о, небо, власть всегда жива,
Въ чьемъ зеркалѣ,—съ мольбой склонивъ колѣни,—
Свою природу видитъ человѣкъ;
Въ теченіи твоихъ могучихъ рѣкъ
Ряды людей на мигъ встаютъ, какъ тѣни;
Проходитъ быстрая вода,
Ихъ боги таютъ въ блескѣ льда,
Ты неизмѣнно навсегда.

Второй духъ.

Ты лишь преддверье духа, отраженье,
Гдѣ нѣжно спятъ его воображенья,
Какъ по стѣнамъ пещеры вѣковой,
Гдѣ свѣтитъ сталактитъ нѣжнѣй зарницы.
Спятъ бабочки; ты только дверь гробницы,
Гдѣ вспыхнетъ міръ восторговъ, но такой,
Что блескъ твой самый золотистый
Предъ этой славою лучистой
Предстанетъ сномъ и тѣнью мглистой!

Третій духъ.

Тссъ! Бездна свѣтлой гнѣвностью зажглась,
О, атомо-рожденные, на васъ!
Что̀ небо?—пусть, съ огнемъ его знакомы.
Его лучей наслѣдники вы тутъ,—
Что̀ солнца всѣ, которыя бѣгутъ,
Тѣмъ духомъ нескончаемымъ влекомы,
Котораго вы только часть,
Лишь капли, что Природы власть
Сквозь жилы мчитъ, имъ давши страсть!

Что̀ небо?—только капля круговая
Росы, что блещетъ утромъ, наполняя
Глаза непостижимаго цвѣтка,
Чьи листья раскрываются все шире,
Проснувшись въ имъ не грезившемся мірѣ:
Несчетность солнцъ, безтрепетныхъ вѣка.
Неизмѣримыя орбиты,
Въ той хрупкой сферѣ вмѣстѣ слиты,
Сверкнули, дрогнули, забыты.

ПѢСНЬ КЪ ЗАПАДНОМУ ВѢТРУ.

1.

О, бурный вѣтеръ, Осени дыханье,
Передъ твоей незримою стопой,
Какъ духи передъ властью заклинанья,

Бѣгутъ листы, и кружатся толпой,
Тая въ себѣ всѣхъ красокъ сочетанье,
Объятые губительной чумой.

Передъ тобою сѣмена земныя,
Боясь Зимы, ложатся въ колыбель,
И, какъ въ могилахъ, спятъ они, нѣмыя,

Пока надъ ними носится мятель,
И ждутъ во тьмѣ, и ждутъ, полуживыя,
Когда Зима растеплитъ ихъ постель,

И вмигъ рожокъ Весны лазурно-ясной
Подниметъ кличъ вездѣ,—вблизи, вдали,—
И почки, какъ стада, семьей согласной

Взойдутъ на лонѣ матери-земли.
Суровый Духъ, могучій и безстрастный!
Губитель и зиждитель! О, внемли!

2.

Въ твой мощный токъ, бѣгущій средь тумана
По крутизнамъ расторгнутыхъ Небесъ,
Возносится изъ бездны Океана

Безумныхъ тучъ ростущій смутный лѣсъ;
То геніи громовъ и урагана,
Возставшіе изъ призрачныхъ завѣсъ.

Прорвавъ лазурной области преграды,
Отъ горизонта мчатся на зенитъ
Твоихъ зыбей воздушныя громады,

То кудри бури, что вдали грозитъ,
Разметанные волосы Менады,
Принявшей изступленный гнѣвный видъ.

Надъ мертвымъ годомъ ты—напѣвъ печальный,
Его твои туманы погребли,
Сложившись въ саркофагъ пирамидальный,

И дождь, и градъ за ними вслѣдъ пришли,
И, проникаясь пѣсней погребальной,
Вотъ-вотъ нахлынутъ бурно: О, внемли!

3.

Ты лѣтнихъ дней тревожишь сновидѣнья,
Ты будишь Средиземную волну,
Когда, подъ звуки собственнаго пѣнья,

Она припоминаетъ старину,
И нѣжитъ древнихъ замковъ отраженья,
И предается ласковому сну.

Въ нѣмомъ затишьи Байскаго залива,
Надъ свѣтлою лазурью сонныхъ водъ
Цвѣты и мхи склоняются красиво,

Особой жизнью каждый листъ живетъ,
И надо всѣмъ простерся молчаливо
Глубокій темно-синій небосводъ.

Но предъ тобой пространство водъ смутилось,
И борозды повсюду пролегли,
Пучина, возмущаясь, раздѣлилась,

И тамъ на днѣ, далёко отъ земли,
Семья растеній въ страхѣ исказилась,
Сѣдѣетъ и трепещетъ: О, внемли!

4.

Когда-бъ я былъ листомъ, тобой носимымъ;
Когда-бъ съ тобой я тучею леталъ,
Въ восторгѣ бытія невыразимомъ;

О, еслибъ я волною трепеталъ
И подъ твоимъ крыломъ неукротимымъ
Участникомъ твоихъ порывовъ сталъ!

О, еслибы, какъ въ дѣтствѣ, я съ тобою
Могъ по̀ небу скользить и ускользать
Воздушною проворною стопою,—

Какъ въ дѣтствѣ,—въ дни, когда тебя догнать
Казалось мнѣ возможною мечтою,—
Не сталъ бы я тебя обременять

Такими неотступными мольбами,
Такой тоскою, тягостно больной!
Житейскими истерзанъ я шипами!

И кровь бѣжитъ! Пусть буду я волной,
Листомъ и тучей! Я стѣсненъ цѣпями,
Дай волю мнѣ, приди, побудь со мной!

5.

Пусть, вмѣстѣ съ лѣсомъ, лютнею пѣвучей
Тебѣ я буду! Пусть мои мечты,
Услыша зовъ гармоніи могучей,

Помчатся, какъ осенніе листы,
Какъ горный ключъ, рожденный темной тучей,
Бѣгущій съ звонкимъ плачемъ съ высоты!

Моимъ, моимъ будь духомъ, Духъ надменный,
Неистовый! О, будь, мятежникъ, мной;
Развѣй мои мечтанья по вселенной,—

И пусть изъ нихъ, какъ изъ земли родной,
Взойдетъ иной посѣвъ благословенный,
Подъятый жизнерадостной волной!

Развѣй среди людей мой гимнъ свободный,
Какъ искры, что свѣтлы и горячи,
Хотя въ золѣ остылъ очагъ холодный!

Пророческой трубою прозвучи,
Что за Зимой, и тусклой, и безплодной,
Для нихъ блеснутъ Весенніе лучи!

УВѢЩАНІЕ.

Хамелеону—свѣтъ съ просторомъ:
Поэту—слава и любовь:
Когда бъ поэтъ тревожнымъ взором
Ихъ видѣлъ всюду вновь и в
Съ такой же легкостью встрѣчая,
Какъ видитъ свѣтъ хамелеонъ
Тогда бъ онъ не былъ, угасая,
Такъ поминутно измѣненъ.

Поэтъ среди толпы холодной
Таковъ же, какъ хамелеонъ,
Когда бы отъ земли свободной
Онъ былъ пещерой отдѣленъ;
Гдѣ—свѣтъ, хамелеонъ мѣняетъ
Свой собственный воздушный
Поэтъ блѣднѣетъ и вздыхаетъ,
Гдѣ нѣтъ любви и славы нѣт

Но да не будетъ духъ поэта
Богатствомъ, властью оскверн
Когда бъ инымъ чѣмъ, вмѣсто свѣ
Питаться сталъ хамелеонъ,
Когда бъ совсѣмъ онъ сталъ тѣлес
Тогда бъ онъ ящерицей былъ
Служи всегда мечтѣ небесной,
Поэтъ, созданіе свѣтилъ!

ИНДІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я проснулся, задрожалъ,
Мнѣ во снѣ явилась ты,
Нѣжный вѣтеръ чуть дышалъ,
Ночь свѣтила съ высоты:
Я проснулся, задрожалъ,
И не знаю почему,
И не знаю, какъ попалъ
Я къ окошку твоему!

Теплый воздухъ сладко спитъ
На замедлившей волнѣ,
Дышетъ чампакъ, и молчитъ,
Какъ видѣніе во снѣ;
Укоризны соловья
Гаснутъ, меркнутъ близь куста,
Какъ умру, погасну я
Близь тебя, моя мечта!

Въ сердцѣ жгучая тоска!
Я въ сырой травѣ лежу!
Холодна моя щека,
Я блѣднѣю, я дрожу.
Пробудись же и приди,
Мы простимся по утру,—
И, прильнувъ къ твоей груди,
Отъ тревоги я умру!

IMPERFECT COPY

КЪ СОФІИ.

(Миссъ Стэси).

Ты нѣжна, и кто нѣжнѣй
Между Нимфъ земли и моря:
Въ легкой стройности своей
Ты какъ духъ въ земномъ [illegible]рѣ:
Все въ тебѣ живетъ, горитъ,
Рдѣетъ, млѣетъ, говоритъ.

Взоръ—двузвѣздная Планета,
Взглянешь—въ мудромъ нѣт[illegible]ма;
Въ немъ—съ огнемъ и съ ласко[illegible]ѣта
Зыбко слита полутьма,
Въ немъ веселость нѣжно дышетъ,
Такъ Зефиръ волну колышетъ.

Кто въ глаза твои взглянулъ,
Тотъ отъ счастія блѣднѣетъ;
Въ чьей душѣ твой смѣхъ уснулъ,
Тотъ душою цѣпенѣетъ.
Странно ль, если, внявъ твой смѣхъ,
Я слабѣй, блѣднѣе всѣхъ.

Какъ роса подъ вѣтромъ нѣжнымъ,
Какъ подъ Бурями волна,
Какъ лазурь, что вихремъ снѣжнымъ
Глубоко потрясена,
Близь тебя, какъ возлѣ духа,
Весь я полонъ зрѣнья, слуха.

IMPERFECT COPY

[illegible]Ъ ВИЛЬЯМУ ШЕЛЛИ.

With what truth J may say—
Roma! Roma! Roma!
Non è più come era prima!

Какъ вѣрно я могу сказать—
О, Римъ! О, Римъ! О, Римъ!
Ужь ты не тотъ, что прежде!

Погибшій мой Вильямъ, въ которомъ
Какой-то свѣтлый духъ дышалъ,
И ликомъ нѣжнымъ, какъ уборомъ,
Свое сі[illegible] скрывалъ.
И сжегъ его [illegible]стымъ взоромъ,—
Здѣсь пр[illegible]ъ твой тлѣлъ и остывалъ;—
Но ты не здѣсь, и, коль видѣнье,
Какъ ты, ушло въ уничтоженье,
Твой склепъ во мнѣ, какъ боль мученья.

О, гдѣ ты, нѣжное дитя?
Хочу я тѣшиться мечтою,
Что травы и цвѣты, блестя,
Среди могилъ живутъ—тобою,
Своей листвою шелестя,
Горятъ твоею красотою;—
Хочу я думать, что въ цвѣты
Вложилъ любовь и краски—ты,
Душою, полной красоты.

МЕДУЗА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ,

находящаяся во Флорентинской галлереѣ.

Она лежитъ въ туманностяхъ вершины.
И смотритъ вверхъ, тамъ ночь и высота;
Внизу, далеко, зыбятся равнины;
Чудовищность ея и красота
Божественны. Не чарами долины
Въ ней смутно дышутъ вѣки и уста:
На нихъ, какъ призракъ мрачно распростертый,
Предсмертное мученье, пламень мертвый.

Но не отъ страха, нѣтъ, отъ красоты
Духъ зрящаго предъ нею каменѣетъ;
Встаютъ на камнѣ мертвыя черты,
Вотъ этотъ ликъ съ нимъ слился, цѣпенѣетъ,
Съ нимъ сочетался въ сонъ одной мечты,
И нѣтъ слѣда для мысли, духъ нѣмѣетъ;
Но музыки исполнена мечта,
Затѣмъ что въ мракѣ, въ боли—красота.

И точно на скалѣ росистой—травы,
У ней на головѣ, взамѣнъ волосъ,
Ростутъ ехидны, полныя отравы,
Одна въ другой, какъ пряди длинныхъ косъ,
Всѣ спутаны, всѣ злобны и лукавы,
Гнѣздо ихъ въ звенья свѣтлыя слилось,
И въ воздухѣ они разъяли пасти,
Какъ бы смѣясь, что этотъ духъ—въ ихъ власти.

И тутъ же саламандра, ядъ свой скрывъ,
Съ безпечностью глядитъ въ глаза Горгоны;
Летучей мыши бѣшеный порывъ
Описываетъ въ воздухѣ уклоны,
Для свѣта мракъ пещеры позабывъ,
Она какъ бы презрѣла всѣ препоны,
Кружитъ въ лучахъ чудовищныхъ огней,
И свѣтъ полночный всякой тьмы страшнѣй.

Очарованье ужаса и пытки;
Отъ змѣй исходитъ блескъ, онъ мѣдно—рдянъ,
Они горятъ въ чудовищномъ избыткѣ,
И въ воздухѣ отъ нихъ дрожитъ туманъ;
Какъ въ зеркалѣ, какъ пѣснь въ единомъ свиткѣ,
Свѣтъ красоты и ужаса здѣсь данъ—
Ликъ женщины, съ змѣиными кудрями,
Что въ смерти видитъ небо, надъ скалами.

ФИЛОСОФІЯ ЛЮБВИ.

Ручьи сливаются съ Рѣкою
    Рѣка стремится въ Океанъ;
Несется вѣтеръ надъ Землею,
    Къ нему ласкается Туманъ.
Всѣ существа, какъ въ дружбѣ тѣсной,
    Въ союзъ любви заключены.
О, почему-жь, мой другъ прелестный,
    Съ тобой мы слиться не должны?—

Смотри, уходятъ къ Небу горы,
    А волны къ берегу бѣгутъ;
Цвѣты, склоняя нѣжно взоры,
    Какъ братъ къ сестрѣ, другъ къ другу льнутъ.
Цѣлуетъ Ночь—морскія струи,
    А землю—блескъ лучистый Дня:
Но что мнѣ эти поцѣлуи,
    Коль не цѣлуешь ты меня?

«ИДИ ЗА МНОЮ...»

Отрывокъ.

Иди за мною въ глубь лѣсную,
Туда гдѣ сумракъ голубой,
Тебя я нѣжно поцѣлую,
И мы смѣшаемся съ тобой.
Фіалка вѣтру тамъ ввѣряетъ
Свои душистыя мечты,
Вздыхаетъ,—какъ ей быть, не знаетъ,
Съ такой четой, какъ я и ты.

РОЖДЕНІЕ НАСЛАЖДЕНЬЯ.

При созиданіи Земли,
Тамъ въ Небесахъ, вдали, вдали,
Божественное порожденье,
Средь нѣжныхъ звуковъ, Наслажденье,
Въ мелодіи безумныхъ чаръ,
Возникло, какъ надъ влагой паръ,
Что нѣжно вьется вдоль излучинъ,
Межъ сосенъ, чей напѣвъ такъ звученъ,
Надъ зеркаломъ лѣсныхъ озеръ,
Откуда онъ плыветъ въ просторъ;
Въ волнѣ гармоніи небесной,
Дышалъ тотъ призракъ безтѣлесный,
Очерченъ тонкою чертой,
Свѣтясь безсмертной красотой.

АТМОСФЕРА ЛЮБВИ.

Отрывокъ.

Есть ласка теплой нѣжной атмосферы
Вкругъ существа, чей видъ для нашихъ глазъ
Услада. Мы блаженствуемъ безъ мѣры,
Мы точно въ нѣжной дымкѣ, въ свѣтлый часъ,
Когда мы съ тѣмъ, кто жизни жизнь для насъ.

СОУЧАСТІЕ ДУШЪ.

Отрывокъ.

Въ сердцѣ сердца его я, какъ духъ, обиталъ,
Съ нимъ, какъ съ вѣтромъ роднымъ, я цвѣткомъ трепеталъ.
Я подслушалъ слова, что шепталъ онъ въ тиши,
Я проникъ въ тайники этой свѣтлой души.
Даже то, что въ словахъ онъ сказать не успѣлъ,
Лучшей частью души я подслушать умѣлъ.
И природу, и міръ я сумѣлъ полюбить
Той любовью, что онъ, только онъ, могъ любить.
Въ сердцѣ сердца его сладкозвучный родникъ
Я открылъ, и къ нему съ нетерпѣньемъ приникъ.
И обиліе струй, точно сны на яву,
Я на свѣтъ вывожу, въ нихъ купаюсь, плыву.
И лечу, какъ орелъ, на могучихъ крылахъ,
Между молній родныхъ, въ грозовыхъ облакахъ.

ВОСПОМИНАНІЕ И ЖЕЛАНІЕ.

Отрывокъ.

Тамъ, гдѣ-то, можетъ быть, съ небесными тѣнями
Мы разлучаемся, зовя ихъ здѣсь друзьями?
Или Грядущее мы видимъ, средь огней,
Надъ тусклымъ зеркаломъ текущихъ нашихъ дней?
Иль какъ мы назовемъ то смутное влеченье,
Что намъ велитъ связать обрывки сновидѣнья,—
И слита часть одна, все стройно въ ней вполнѣ,
Но часть еще дрожитъ въ сердечной глубинѣ?

ПРЕДЧУВСТВІЯ.

Отрывокъ

Не будетъ ли сегодняшняго дня?
Зачѣмъ гляжу я въ мракъ того, что будетъ?
Вчера и завтра—то же для меня,
И новыхъ сновъ день новый не пробудитъ.
Цвѣтовъ немного на твоемъ пути;
Вернись же въ холодъ сумрачнаго дома,
Ты прочь бѣжалъ, ты долженъ вновь придти.
Страдай, страдай, лишь боль тебѣ знакома.

ЯВЛЕНЬЕ СВѢТЛЫХЪ МЫСЛЕЙ.

Отрывокъ.

О, свѣтлыхъ мыслей нѣжное явленье,
Вы точно знакъ блаженнѣйшей земли,
Вамъ свита—мысли, чуждыя значенья;
Такъ звѣзды между тучъ горятъ вдали,
Но тучи—мигъ, а звѣзды—неизмѣнны,
Безсмѣнна—свита, вы же—такъ мгновенны.

ПОЭЗІЯ И МУЗЫКА.

Отрывокъ.

Какъ сладостно читать безсмертныя созданья
Могучихъ геніевъ—и слушать въ тотъ же часъ,
Какъ музыка звучитъ: чуть упадетъ вниманье,
Въ тотъ смутный перерывъ, что застигаетъ насъ,
Врывается волной блаженное рыданье.

ГРОБНИЦА ПАМЯТИ.

Отрывокъ.

Гдѣ жь истина? Въ гробницахъ? Да, гробницей
Была тебѣ всегда моя душа:—
Отъ дѣтскихъ дней. страницу за страницей.
Я книгу жизни пробѣгалъ спѣша,
Но въ смѣнѣ дней. въ душѣ, гдѣ все—измѣны.
Твой мертвый ликъ храню безъ перемѣны.

«НѢТЪ, НЕ БУДИ ЗМѢЮ...»

Отрывокъ.

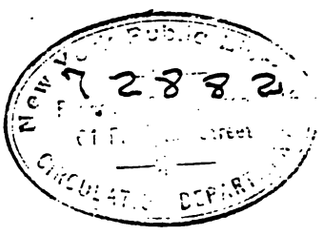
Нѣтъ, не буди змѣю,—куда идти,
Она тогда пожалуй не узнаетъ,—
Дозволь ей, сонной, такъ во снѣ ползти,
Пока трава ночной росой блистаетъ.
Она ползетъ такъ тихо, что пчела
Ее въ безмолвномъ ульѣ не услышитъ,
Ни мошка мая, что пріютъ нашла
Внутри цвѣтка, и въ полумглѣ не дышитъ
Ни звѣздный свѣтъ, играющій собой,
Входящій въ колокольчикъ голубой.

ВИНО ШИПОВНИКА.

Отрывокъ.

Шиповникъ раскрылся подъ нѣжной луною,
Я сладко упился медовымъ виномъ,
Которое феи вливаютъ волною
Въ цвѣточныя чаши, сбирая на немъ.
Подъ дерномъ зеленымъ, въ стѣнахъ, и подъ крышей
Пустыннаго Замка уснули во мглѣ
Кроты, землеройки, летучія мыши;
И если разлить то вино по землѣ,
И если съ росою оно задымится,
Имъ что-то веселое, свѣтлое снится,
О чемъ-то бормочутъ они въ полуснѣ.
Храните же мирно видѣнія ваши,
Немногія феи столь новыя чаши
Приносятъ, летая при блѣдной лунѣ.

R 821 S v.1



1820.

МИМОЗА.

Часть первая.

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна;
Траву и цвѣты пробудила для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скалъ,
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснѣжникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокотъ струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Сквозитъ изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ.

Опять гіацинтъ возгордился собой,
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,
Его колокольчики тихо звенятъ,—
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его ароматъ;

И роза, какъ нимфа,—возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшитъ,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожитъ;

И лилія свѣтлую чашу взяла
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и анютинъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,—
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной;

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились;
А водный, пѣвучій потокъ трепеталъ
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли
И царскіе кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно Райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, стряхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть,—

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазъ;

И льютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души,—

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея,—красоты!

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ;
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блистаютъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ;

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы;
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтренный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на міръ задремавшій легла,
Любовь—въ небесахъ, и покой—на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья не слышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочетъ уснуть соловей,—
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему, въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ предаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

Часть вторая.

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что̀ значитъ грѣха торжество,
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый Духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила,—къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,
И страсть, и восторгъ за собой оставляла.

Какъ шопотъ волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой;
И въ ихъ лепесткахъ—съ мимолетной красою
Прозрачныя капли сверкали росою.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были-бъ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своей быстрой рукою ловила
И въ лѣсъ далеко-далеко уносила;

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзинку насыпала, гдѣ ихъ несла:
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ—въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ—она оставляла:
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной—весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвой золотою,—она умерла!

Часть третья.

Промчалось три дня,—всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили, и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею—до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье; въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалося смерти нѣмой дуновенье;
И запахъ, холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
Алмазными вдругъ заблистали слезами;
А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ:
Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталъ,
И даже—кто слезъ въ своей жизни не зналъ—
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Подкралася осень, умчалося лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы, въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
И мертвенныхъ лилій, и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложеньемъ объятомъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные;
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли,
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали,—
Какъ слезы, въ ручей лепестки упадали.
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ—аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ родъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій—
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разросталися другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья,—отъ имени ихъ
Бѣжитъ съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листвянки;
Взростила ихъ плѣсень въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды
Въ ручьѣ, будто флеромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разросталась семья
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали:
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ напитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капалъ къ корнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ безплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенятъ кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды и воздухъ она оковала;
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный, порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты, подъ корнями умершей Мимозы;
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живитъ ароматъ,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся,—но не они.

Счастье, любовь, красота,—вамъ привѣтъ!
Нѣтъ перемѣны вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить!

МОРСКОЕ ВИДѢНІЕ.

О, чудовищность бури! Паруса порвались,
И забились какъ ленты, и подъ вихремъ сплелись.
Изъ тумановъ, угрюмыхъ какъ чернѣющій гробъ,
Вмѣстѣ съ молніей хлынулъ многоводный потопъ.
Напряженные смерчи, какъ подпоры небесъ,
Поднимаясь коснулись этихъ темныхъ завѣсъ,
И тяжелое небо такъ повисло на нихъ,
Что они пошатнулись, и въ глубинахъ морскихъ
Какъ въ могилахъ сокрылись, между волнъ разошлись,
Точно море подъ ними опустилося внизъ,
И умолкли въ ихъ воплѣ и пучина, и громъ,
Только эхо отъ вѣтра пронеслося кругомъ.
А корабль одинокій, какъ игрушка вѣтровъ,
То исчезнетъ въ обрывкахъ грозовыхъ облаковъ,
То скользнетъ по обрыву разсѣченной волны,
Опускается въ пропасть водяной глубины;
Въ этихъ водныхъ стремнинахъ, гдѣ страшитъ тишина,
Предъ стѣною другая возникаетъ стѣна,
Какъ огромная масса дымно-свѣтлыхъ зеркалъ;
А вверху, свирѣпѣя, разъяряется валъ,
И бурунъ,—какъ подвижный безконечный погостъ,
Гдѣ смертельное пламя, быстрый хаосъ изъ звѣздъ,—
Какъ вращеніе лавы, что несется горой,—
И какъ сѣрныя хлопья, ужасающій рой,—
Мчится въ бѣшеной пляскѣ, мчится дикимъ огнемъ,
Устремляясь за чернымъ и нѣмымъ кораблемъ.
Пирамидныя глыбы многопѣнистыхъ водъ
Прямо къ молніи мчатся и дробятъ небосводъ,
Цѣлымъ лѣсомъ спиралей восходя отъ зыбей,
Область неба пронзаютъ блѣдной влагой своей.

Чу! корабль раскололся, онъ какъ дубъ затрещалъ,
Въ часъ когда его вѣтви буйный вихрь оборвалъ.
Онъ разорванъ, расщепленъ грозовою стрѣлой,
Съ раздробленною мачтой, весь окутанный мглой,
Онъ погибель впиваетъ черезъ каждую щель,
Въ бурномъ морѣ онъ видитъ гробовую постель.
Мертвый остовъ несется надъ живою волной,
Точно трупъ, окруженный, какъ сплошной пеленой,
Дуновеніемъ смерти. Трюмъ затопленъ, и вотъ
Волны выхода ищутъ, влага палубу рветъ,
И она разломилась отъ напора воды,
Какъ отъ теплаго вѣтра преломляются льды.
Но одинъ еще цѣленъ, еще держится декъ,
Съ человѣкомъ тамъ тѣсно мертвый слитъ человѣкъ,
Другъ для друга гробницей трупы служатъ кругомъ,
Такъ убитые, въ бреши, кучей спятъ предъ врагомъ.
Тамъ два тигра, что, въ трюмѣ видя влагу зыбей,
Въ нестерпимости страха гнетъ порвали цѣпей;
(То, что дало имъ смѣлость, въ ихъ темницѣ, внизу,
Здѣсь велитъ быть ручными, возвѣщая грозу);
Уцѣпившись когтями за поверхность доски,
Тигры жмутся другъ къ другу, полны смертной тоски.
Это все? Было тихо цѣлыхъ девять недѣль;
Все равно какъ бы сѣвши на подводную мель,
Былъ корабль безъ движенья, посреди тишины,
На безвѣтренной глади безглагольной волны;
Солнце въ полдень—безъ тѣни, смертныхъ полное чаръ,
Даже въ лунномъ сіяньи затаился пожаръ,
И возникли туманы, какъ свинцовая тьма,
И отъ этихъ дыханій зародилась чума,
И, какъ вередъ рождаетъ на колосьяхъ земля,
Сонъ холодный прокрался въ экипажъ корабля.
Между утромъ и ночью, трупы въ койки вложивъ,
Мертвыхъ въ воду бросали тѣ, кто былъ еще живъ,
Трупы—трупы бросали въ глубину, какъ бы въ ровъ,
И акулы срывали ихъ могильный покровъ,
И глотали ихъ съ тканью этихъ трупныхъ завѣсъ,
Какъ Евреи глотали дождь изъ манны съ небесъ.

«Чьей улыбкѣ была я—внизъ упавшимъ дождемъ?»
Вотъ, корабль содрогнулся, какъ разрушенный домъ,
Погружается въ воду, чтобъ уйти навсегда;
Тигры вспрыгнули въ страхѣ, дюймъ за дюймомъ вода
Наползаетъ какъ туча, и ростетъ какъ гроза,
Коченѣютъ отъ страха лапы, уши, глаза;
И въ груди ихъ внезапно съ тяжкой силой возникъ
Продолжительный, хриплый, потрясающій крикъ,
Онъ пронесся по горнымъ пѣннымъ доламъ волны,
И, какъ эхо, отъ высей онъ достигъ глубины,
Смѣшанъ съ хлещущимъ свистомъ встрѣчно-бьющихъ дождей,
И влекомъ ураганомъ надъ пространствомъ зыбей:
Онъ отъ запада мчался, ураганъ грозовой,
И къ восточному вѣтру бросилъ яростный вой,
Поперечнымъ теченьемъ раздѣляя объемъ
Возмущеннаго вихря съ разрѣшеннымъ дождемъ;
Какъ въ глуши первобытной, межъ деревьевъ и травъ,
На слона, выскользая, нападаетъ удавъ,—
Какъ проворный и черный, быстрокрылый бакланъ,—
Надъ глухимъ океаномъ какъ другой океанъ,—
Буря мчится, домчалась вплоть до тѣхъ облаковъ,
Что для міра возстали колоннадой основъ,
Опершися на море, вознеслись до небесъ,
И окутали бурю цѣлымъ храмомъ завѣсъ;
Но она порвала ихъ, какъ гремучій ручей
Глыбы скалъ разрываетъ, чтобы мчаться звончѣй:
И огромныя тучи раздробились вдали,
Точно камни отъ храма при трясеньи земли;
Точно пыль отъ паденья этихъ тяжкихъ камней,
Тучи въ бурѣ распались, разметались по ней;
Изъ разсѣлины страшной облаковъ грозовыхъ,
Тамъ гдѣ утренній воздухъ былъ и ясенъ и тихъ,
Точно полчища свѣта, протянулись лучи,
Златоцвѣтны, кристальны, и свѣтло-горячи,
Проницательно-остры, устремились, и вотъ
Эти полчища слились у разсвѣтныхъ воротъ.
Все ростетъ, все яснѣе въ черной бурѣ проломъ,
И пещеры тумановъ озарились кругомъ,

И свирѣпые вѣтры погружаются въ сны,
Убаюканы качкой монотонной волны
И продольнымъ сіяньемъ колыбельныхъ зыбей;
А вверху, разгораясь въ яркой славѣ своей,
Златоцвѣтнымъ туманомъ, еще страшный на видъ.
Сумракъ тучъ отшумѣвшихъ блескомъ солнца горитъ.
Волны, скучившись, видятъ высоко надъ собой
Углубленный, спокойный, сводъ небесъ голубой,
И, какъ страсти, пожаромъ запылавши въ крови,
Утихаютъ предъ взоромъ свѣтлоликой Любви,
Такъ, увидѣвши ясный голубой небосводъ,
Легкой зыбью трепещетъ успокоенность водъ.
Смотрятъ Анды и Атласъ,—между ними, свѣтла,
Темносиняя влага протянулась, легла.
Острова, и утесы, тѣни чаекъ морскихъ,
Все воздушно и нѣжно, міръ какъ будто притихъ.
Міръ воды чуть трепещетъ. Гдѣ-жь корабль? На волнѣ,
Гдѣ онъ въ водномъ провалѣ медлитъ, точно во снѣ,
Тигръ—въ чудовищной схваткѣ съ водяною змѣей.
Паръ и пѣна отъ стычки, взрывъ родя надъ водой,
Сонмомъ радугъ пятнаютъ свѣтлый воздухъ, и въ плескъ
Вмѣшанъ звукъ отъ хрустѣнья, сильны кости, но трескъ
Въ нихъ рождаютъ объятья смертоносной змѣи,
Развернувшей всѣ звенья и сплетенья свои,
И шипѣніе крови, изъ змѣиныхъ боковъ,
Что подъ лапами тигра брызжетъ въ пѣну валовъ,
Слито съ свистомъ и всплескомъ,—точно страшный снарядъ
Влагу съ вѣтромъ бросаетъ и впередъ и назадъ,
Ихъ какъ жерновомъ мелетъ, превращая ихъ въ звукъ,
Что ползетъ сколопендрой въ океанѣ вокругъ.
Голубая акула въ голубой глубинѣ
Въ ожиданьи застыла, медлитъ словно во снѣ,
Плавники распростерла, побѣдителя ждетъ,
Какъ нѣмая гробница въ неподвижности водъ.
И, увидѣвши тигра въ безднѣ водъ, какъ въ гробу.
Братъ его поспѣшаетъ встрѣтить ту же судьбу.
Приближается шлюпка, и двѣнадцать гребцовъ
Острый киль устремляютъ межъ соленыхъ валовъ.

Дула къ тигру направивъ, три стрѣлка у кормы,
Цѣлятъ, выстрѣлы громки, и изъ вспыхнувшей тьмы
Пули вынеслись мѣтко тигру въ крѣпкую грудь,
И онъ долженъ во влагѣ безпробудно уснуть.
Подъ кипучей волною чуть концомъ шевеля,
Лишь обломокъ остался отъ того корабля,
Погружается въ бездну, вотъ почти не видать,
Но за это спасенье поблѣднѣвшая мать
Ухватилась упорно цѣпкой лѣвой рукой,
И красавца-ребенка поднимаетъ въ другой.
Смерть, Надежда, и Ужасъ, Красота, и Любовь,
Рѣютъ, слившись надъ нею, раздѣляются вновь,
Блещутъ яркимъ испугомъ въ изступленныхъ глазахъ,
И горятъ метеоромъ вкругъ нея на волнахъ,
А ребенокъ смѣется, какъ смѣялась волна,
Передъ тѣмъ какъ проснулась подъ грозой глубина.
Океанъ и ребенокъ другъ на друга глядятъ,
И загадкой исполненъ этотъ радостный взглядъ.

ОБЛАКО.

Прохладу дождей, и съ ручьевъ и съ морей,
Я несу истомленнымъ цвѣтамъ.
Въ удушливый день мимолетную тѣнь
Я даю задремавшимъ листамъ.
Живую росу на крылахъ я несу,
Пробуждаю ей почки отъ сна,
Межъ тѣмъ какъ легли они къ груди земли,
Пока пляшетъ вкругъ солнца она.
Бичующій градъ моей дланью подъятъ,
Я подъ громъ, какъ цѣпомъ, молочу,
Бѣлѣетъ вокругъ зеленѣющій лугъ,
Брызнетъ дождь,—и опять я молчу.

Въ горахъ съ высоты сѣю снѣгъ на хребты,
И гигантскія сосны дрожатъ;
Всю ночь на снѣгахъ я покоюсь въ мечтахъ,
И съ грозой обнимаюсь, какъ братъ.
На башнѣ моей, средь воздушныхъ зыбей,
Блещетъ молніи пламенный щитъ,
И скованный громъ ворчитъ предъ дождемъ,
То умолкнетъ, то вновь зарычитъ;
Надъ гладью земной, надъ морской глубиной,
Я плыву въ нѣжномъ пурпурѣ дня,
И молній полетъ все впередъ и впередъ
Увлекаетъ, какъ кормчій, меня;
Надъ цѣпью холмовъ, надъ семьей ручейковъ,
Надъ пространствомъ озеръ и полей,
Мой кормчій спѣшитъ, и спѣшитъ, и бѣжитъ,
Разжигаетъ порывы огней,
Подъ небомъ роднымъ улыбаюсь я съ нимъ,
И внимаю потокамъ дождей.

Кровавый восходъ, выростая, плыветъ,
Возродитель земли и воды,
Горитъ его взоръ, какъ ночной метеоръ,—
Гаснетъ свѣтъ предразсвѣтной звѣзды;
На спину ко мнѣ онъ вспрыгнётъ весь въ огнѣ,
И расширятся крылья его:
На камни скалы такъ садятся орлы,
Затаивши въ груди торжество.
А въ часъ какъ закатъ свой багряный нарядъ
Простираетъ надъ сонною мглой,
И въ свѣтлый туманъ разодѣтъ океанъ,
И повсюду любовь и покой,
Я крылья сверну, и какъ голубь усну,
Высоко, высоко надъ землей.

Въ вѣнцѣ изъ огня нѣжитъ дѣва меня,
Что у смертныхъ зовется луной,
Проходитъ она по извивамъ руна,
Что взлелѣяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
Только ангеламъ внятны они,
Отъ этихъ шаговъ сквозь раздвинутый кровъ
Многозвѣздные смотрятъ огни;
Я съ ними горю, и смѣюсь, и смотрю,
Какъ они, точно пчелы, кишатъ,
Вперяю въ нихъ взоръ, раздвигаю шатеръ,
Золотистыя роемъ спѣшатъ,
Озера, моря, ихъ лучами горя,
Какъ обломки лазури лежатъ.

Тронъ солнца свяжу, и огнемъ окружу,
И какъ жемчугъ я вьюсь надъ луной;
Вулканы дрожатъ, звѣзды гаснутъ спѣшатъ,
Увидавши мой стягъ боевой.
Отъ мыса на мысъ, то къ высотамъ, то внизъ,
Надъ пучиной кипучихъ морей,
Какъ мостъ протянусь, и на горы опрусь,
Какъ преграда для жгучихъ лучей.

Сквозь радуги сводъ прохожу я впередъ,
Съ ураганомъ, со снѣгомъ, съ огнемъ,
То арка побѣдъ, что въ измѣнчивый цвѣтъ
Разукрашена пышно кругомъ,
Лучи сплетены, горячи и нѣжны,
И смѣется земля подъ дождемъ.

Изъ водъ на землѣ я рождаюсь во мглѣ,
Я кормилицей небо зову,
Таюсь въ берегахъ и въ шумящихъ волнахъ,
Измѣняюсь, но вѣчно живу.
И стихнетъ-ли громъ, и нигдѣ ни пятномъ
Не запятнанъ небесный шатеръ,
И вѣтры скорѣй, вмѣстѣ съ роемъ лучей,
Воздвигаютъ лазурный соборъ,—
Я молча смѣюсь, въ саркофагѣ таюсь,
Поднимаюсь изъ пропасти бурь,
Какъ призракъ ночной, промелькну бѣлизной,
И опять разрушаю лазурь.

КЪ ЖАВОРОНКУ.

1.

Пѣнья духъ чудесный,
Ты не птичка, нѣтъ!
Съ высоты небесной,
Гдѣ лазурь и свѣтъ,
Ты пѣсней неземной на землю шлешь привѣтъ!

2.

Тучкою огнистой
Къ небесамъ ты льнешь,
И въ лазури чистой
Звукъ за звукомъ льешь,
И съ пѣсней въ высь летишь, и, въ высь летя, поешь.

3.

Въ блескѣ золотистомъ
Гаснущаго дня,
Въ облакѣ лучистомъ,
Въ морѣ изъ огня
Рѣзвишься ты, какъ духъ, порхая и звеня.

4.

Блѣдный вечеръ, тая,
Вкругъ тебя дрожитъ;
Какъ звѣзда, блистая,
Днемъ свой ликъ таитъ,
Такъ въ небѣ ты незримъ, но пѣснь твоя звучитъ.

5.

Гимнъ твой серебристый—
Какъ звѣзды привѣтъ:
Блещетъ день лучистый,
Меркнетъ звѣздный свѣтъ;
Съ земли не видно намъ, горитъ она иль нѣтъ.

6.

Небеса съ землею
Звуками полны;
Такъ порой ночною
Вспыхнетъ лучъ луны,—
Вмигъ ласкою его поля озарены.

7.

Кто ты духъ чудесный?
Кто тебя нѣжнѣй?
Радуги небесной
Красота—блѣднѣй,
Чѣмъ лучезарный дождь мелодіи твоей.

8.

Такъ поэтъ, плѣненный
Блескомъ свѣтлыхъ думъ,
Пѣсней отдаленной
Будитъ чуткій умъ,
И міръ ему даритъ рукоплесканій шумъ:

9.

Такъ прекрасной дѣвы,—
Точно въ полуснѣ,—
Сладкіе напѣвы
Льются въ тишинѣ;
Въ нихъ—красота любви, въ нихъ—свѣтлый гимнъ веснѣ:

10.

Такъ въ лѣсу росистомъ
Въ часъ ночной—свѣтлякъ
Блескомъ золотистымъ
Разсѣкаетъ мракъ,
Невидимый горитъ цвѣтовъ и травъ маякъ:

11.

Такъ, въ саду, блистая,
Розы въ полдень спятъ;
Вѣтерку внимая,
Дышутъ и дрожатъ;
Роняя лепестки, льютъ нѣжный ароматъ:

12.

Солнца отблескъ чудный,
Вешній цвѣтъ вѣтвей,
Дождикъ изумрудный
Съ музыкой своей,—
Блѣднѣетъ въ мірѣ все предъ пѣснею твоей:

13.

Музыки небесной
Тайну намъ открой,
Птичка, духъ чудесный,
Я молю съ тоской,
Я не слыхалъ нигдѣ гармоніи такой.

14.

Хоры Гименея
Намъ дарятъ привѣтъ;
Предъ тобой блѣднѣя,
Меркнетъ этотъ свѣтъ;
Мы чувствуемъ душой, что въ нихъ чего-то нѣтъ.

15.

Гдѣ родникъ кипучій
Пѣсенъ золотыхъ?
Волны или тучи
Нашептали ихъ?
Иль ты сама любовь? Иль чуждъ ты мукъ земныхъ?

16.

Въ переливахъ ясныхъ,
Что звенятъ вокругъ,
Лишь восторговъ страстныхъ
Слышенъ яркій звукъ,
Любя, не знаешь ты любовныхъ горькихъ мукъ.

17.

Тайну смерти мрачной
Вѣрно понялъ ты,
Оттого съ прозрачной
Свѣтлой высоты
Намъ, смертнымъ, шлешь свой гимнъ кристальной чистоты.

18.

Жизнь мы полной чашей
Пьемъ, пока—весна;
Но въ улыбкѣ нашей
Искра слезъ видна,
Тѣ пѣсни любимъ мы, въ которыхъ грусть слышна.

19.

Но когда-бъ печали
Къ намъ толпой не шли,—
Еслибъ рай намъ дали
Пасынкамъ земли,—
Мы въ радости съ тобой сравняться-бъ не могли.

20.

Музыки нѣжнѣе,
Льющейся волной,—
Глубже и полнѣе
Мудрости земной,—
Та пѣснь, съ которой ты несешься въ міръ иной.

21.

Еслибъ пѣсни ясной
Часть я взялъ себѣ,
Лился-бъ гимнъ прекрасный
Людямъ въ ихъ борьбѣ:
Мнѣ-бъ цѣлый міръ внималъ, какъ внемлю я тебѣ!

ПѢСНЬ КЪ СВОБОДѢ.

Свобода, знамя порвано твое,
Но все-жь оно и противъ вѣтра бьется.
Байронъ.

1.

Прославленный народъ взмахнулъ опять
Молніеносный бичъ всѣхъ странъ: Свобода
Спѣшитъ, отъ сердца къ сердцу, возсіять
Средь городовъ Испанскаго народа.
Стряхнувъ съ себя тоску, моя душа
Вся воскрылилась пѣснопѣньемъ,
Живетъ возвышеннымъ волненьемъ,—
Какъ молодой орелъ, упившись отдаленьемъ,
На жертву падаетъ спѣша,—
Спѣшитъ къ стихамъ, несется въ бурѣ духа,
Въ далекомъ небѣ славы,—а за нимъ,
Сопутствуемъ сіяньемъ огневымъ,
Усладой неожиданной для слуха,
Тотъ голосъ, что глубинами хранимъ,
Возникъ, звучатъ слова, и я внимаю имъ.

2.

Зардѣлось Солнце съ ясною Луною:
И брызги звѣздъ изъ бездны пустоты
Низверглись въ небо. Вся душа весною,
Прекрасный островъ міра, сонъ мечты,
Земля возникла въ воздухѣ безгласномъ:
Но эта дивная звѣзда
Была лишь хаосъ и бѣда,

Ты не была еще, ты не была тогда:
Но, распаленъ огнемъ ужаснымъ,
Зажегся духъ звѣрей, и рыбъ, и птицъ,
И этимъ всѣмъ чужда была пощада,
Враждой кишѣла дикая громада,
Была война, безъ мѣры, безъ границъ:
Со звѣремъ—звѣрь, для всѣхъ борьба—услада,
И въ сердцѣ всѣхъ существъ былъ грозный рокотъ ада.

3.

И человѣкъ, ликъ царственный, тогда
Взростилъ подъ трономъ Солнца поколѣнья:
Дворцы и пирамиды, города
И тюрьмы, для несчетнаго волненья,
Служили тѣмъ, чѣмъ глушь лѣсовъ—волкамъ.
Все это множество людское,
Свирѣпо-грубое, слѣпое,
Толпилось безъ тебя, какъ волны въ дикомъ боѣ:
И, наклонившись къ городамъ,
Нависла гнѣвной тучей Тираннія,
Съ ней рядомъ сѣла идоломъ чума,
Подъ тѣнью крылъ ея сгустилась тьма,
Сошлись толпы рабовъ, стада людскія,
И въ деспотахъ, въ святошахъ—смерть сама
Проказою зажглась для сердца и ума.

4.

Пространства мысовъ, горъ, подобныхъ тучамъ,
И острова, и синій цвѣтъ волны,
Вся Греція согрѣта солнцемъ жгучимъ,
Глядящимъ съ благосклонной вышины:
Въ пещерахъ здѣсь пророческіе звуки.
Въ пустынѣ дѣвственной блестятъ
Подъ вѣтромъ нѣжно шелестятъ
Олива кроткая, хлѣба, и виноградъ,
Людскія ихъ не знали руки;
И, какъ цвѣты подъ влагою морской,

Какъ мысль ребенка, призракъ мысли зрѣлой,
Какъ новый день, въ отшедшемъ онѣмѣлый,
Скрывались сны ваянія толпой
Въ Паросскихъ глыбахъ, въ ихъ дремотѣ бѣлой,
И мудрость мыслила, стихъ лепеталъ, несмѣлый.

5.

Въ странѣ Эгейской встали, точно сонъ,
Аѳины: ликъ ихъ сказочный украшенъ
Сіяніемъ сверкающихъ колоннъ
И серебромъ воздушно-легкихъ башенъ:
Имъ полъ—океанійскіе цвѣты,
Имъ небо служитъ свѣтлымъ сводомъ;
И дышутъ вихри передъ входомъ,
Они летятъ изъ тучъ со вновь рожденнымъ годомъ.
О, дивный сонъ! О, блескъ мечты!
Но, укрѣпившись въ волѣ человѣка,
Какъ на горѣ алмазной вознесенъ,
Онъ этимъ самымъ—лучшій яркій сонъ;
Явилась Ты, и, свѣтлою отъ вѣка,
Твоимъ созданьемъ, стройно окруженъ
Толпою мраморной оракулъ твой и тронъ.

6.

И ликъ Аѳинъ трепещетъ, искаженный,
На зыби водъ—нѣмой рѣки Временъ,
Недвижный, и однако возмущенный,
Дрожитъ, но никогда не гаснетъ онъ.
Твои пѣвцы и мудрецы, отъ гнѣва,
Въ пещерахъ прошлаго, какъ громъ,
Гремятъ съ бушующимъ дождемъ,
Насиліе и Ложь молчатъ, дрожатъ кругомъ:
И слышенъ звонкій вскрикъ напѣва,
Крикъ радости предъ торжествомъ чудесъ
Летитъ туда, куда и Ожиданье
Не смѣло заносить свое мечтанье!
Единымъ солнцемъ дышетъ сводъ небесъ;
Единый духъ рождаетъ мірозданье;
И лишь въ стѣнахъ Аѳинъ—твой свѣтъ для мглы страданья.

7.

И Римъ возникъ, и отъ груди твоей
Онъ, какъ волченокъ отъ груди Менады,
Пилъ молоко величья много дней,
Хоть дочь твоя желала той услады;
Любовію твоей освящены,
Вставали здѣсь толпой безстрастной
Дѣянья честности ужасной,
И жилъ Камиллъ, погасъ Атилій смертью ясной.
Но чуть до строгой бѣлизны
Твоихъ одеждъ, пятномъ, коснулись слезы
И купленъ былъ Капитолійскій тронъ,
Ты отошла отъ деспотовъ, какъ сонъ;
И всталъ одинъ тиранъ, какъ гнетъ угрозы,
И замеръ Іонійской пѣсни стонъ,
И Палатинъ вздохнулъ, тебя лишился онъ.

8.

И въ долахъ Гирканійскаго предѣла,
Въ Арктическихъ краяхъ, гдѣ все мертво,
На островахъ далекихъ, ты скорбѣла
О гибели вліянья твоего,
Учила звукамъ скорби волны, горы,
И урны льдяныя Наядъ
Печальнымъ эхомъ говорятъ,
Что человѣкъ посмѣлъ забыть твой свѣтлый взглядъ.
Да, ты не преклоняла взоры
Ни къ сновидѣньямъ Скальдовъ, ни къ мечтѣ
Друидовъ спящихъ. Что-же это было,
Что вдругъ твои всѣ слезы осушило,
И разметались въ дикой красотѣ
Распущенные волосы? Уныло
Всталъ Іудейскій змѣй, земля была—могила.

9.

И тысячу какъ бы несчетныхъ лѣтъ
Земля тебѣ кричала: «Гдѣ ты, Солнце?»

Негодованье закричало,
На крикъ тотъ Жалость отвѣчала,
И поблѣднѣла Смерть, и притупила жало.
И какъ въ сіяньи золотомъ
Восходитъ солнце, такъ, огнемъ одѣта,
Явилась ты, во всей красѣ своей,
Гоня враговъ, какъ дымный рядъ тѣней,
Изъ края въ край; и мнилось, блескъ разсвѣта
Всталъ въ полночь между западныхъ зыбей:
Всѣ вздрогнули, дивясь огню твоихъ очей.

12.

О, рай земной! Скажи, какая чара,
Какъ саваномъ, тебя закрыла вновь?
Твой свѣтъ зардѣлся заревомъ пожара,
Въ него столѣтья гнета влили кровь;
Но нѣжность звѣздъ твоихъ была сильнѣе.
Для Вакханаліи своей,
Сошлась, въ свирѣпости страстей,
Вкругъ Франціи, толпа тирановъ и ханжей.
Но, гордой силой пламенѣя,
Одинъ изъ нихъ, сильнѣй чѣмъ всѣ они,
Насильникъ надъ владѣньями твоими,
Скрутилъ ихъ всѣхъ, и небо скрылось въ дымѣ,
Слились войска съ войсками, какъ огни.
Средь мертвыхъ онъ теперь, задавленъ ими,
Но онъ страшитъ владыкъ тѣнями роковыми.

13.

Спитъ Англія: ее зовутъ давно;
Испанія взываетъ нынѣ къ сонной;
Такъ Этну, рушивъ льдяное звено,
Везувій пробуждаетъ раскаленный:
И сонмы Эолійскихъ острововъ,
Отъ Питекузы до Пелора,
Кричатъ стогласностію хора:
Свѣтильники небесъ, погасните для взора!
Какъ призракъ—нить ея оковъ,

Они сейчасъ исчезнутъ паутиной;
Испанія была въ стальныхъ цѣпяхъ,
Лишь доблесть—ихъ преобразила въ прахъ.
Два блеска, близнецы судьбы единой!
Запечатлѣйте въ Западныхъ сердцахъ
Все, что вы сдѣлали, что мыслили въ вѣкахъ.

14.

Арминія нетлѣнная гробница,
Отдай намъ призракъ, замкнутый въ тебѣ,
Чтобъ наша имъ украсилась бойница,
Какъ знаменемъ, въ безтрепетной борьбѣ:
Вино ума, съ игрою переливной,
Германія угнетена,
Но имъ еще оживлена.
Что-жь мы колеблемся? Ужь вольная она!
Ты, Рай утраченный, но дивный,
Цвѣтущая пустыня! Царство сновъ!
Святилище, гдѣ ласковы и строги
Минувшаго не умираютъ боги!
Ты, островъ средь смятенія вѣковъ,
Италія! Смети звѣрей съ дороги,
Что смѣли превратить твои дворцы въ берлоги.

15.

О, если-бъ всѣ свободные—въ пыли
Втоптали имя Деспота побѣдно!
Чтобъ вѣтерки легчайшіе могли
Какъ слѣдъ змѣи стереть его безслѣдно!
И чтобъ надъ нимъ сомкнулся плотный прахъ!
Гласитъ оракулъ вамъ: внемлите,
Побѣдный мечъ свой поднимите,
И, узелъ Гордіевъ, то слово разрубите.
Оно лишь тѣнь, оно лишь страхъ,
Но передъ нимъ какъ слитная громада—
Бичи и топоры,—и жизнь людей
Заражена имъ въ сущности своей,

Тотъ звукъ исполненъ смраднымъ духомъ яда;
Не откажись, и по свершеньи дней
Упорнаго червя сотри пятой своей.

16.

О, если бы побѣдно возблистали
Всѣ мудрые, тѣсня исчадій лжи,
И къ демонамъ, въ глубокій адъ прогнали
Позорное названіе Ханжи,
Что давитъ помышленія людскія;
Чтобы склонился умъ людей
Лишь предъ судомъ души своей,
Или передъ лучомъ невѣдомыхъ огней!
О, если-бъ всѣ слова,—какія
Лишь затемняютъ помыслы, чей свѣтъ
Имъ жизнь даетъ,—разстались съ этой мглою,
Съ прикрасой масокъ, съ чуждой мишурою,
Въ чемъ ихъ огня и ихъ улыбки нѣтъ,—
Предстали, вспыхнувъ яркой наготою,
Передъ своимъ Творцомъ, покорною толпою!

17.

Кѣмъ человѣкъ премудро наученъ
Все побѣждать межъ смертью и рожденьемъ,
Владыкой Жизни тѣмъ содѣланъ онъ.
И тщетно все! Надъ собственнымъ хотѣньемъ
Тирана добровольно онъ вознесъ.
Что̀ въ томъ, что цѣлымъ милліонамъ
Земля, по творческимъ законамъ,
Ниспосылаетъ жизнь, родитъ цвѣты по склонамъ?
Что̀ въ томъ, что въ свѣтѣ жгучихъ грезъ
Искусство, возносясь предъ тронъ Природы,
Кричитъ великой матери своей:
«Отдай мнѣ высь и бездну!» Что̀ намъ въ ней,
Что̀ въ нихъ? Ростутъ безчисленные годы,—
Ростетъ и жажда, боль, тоска людей,
Богатство гнетъ нужду и топчетъ для затѣй.

18.

Приди же Ты, но изъ глухой пещеры
Глубокой человѣческой души,
Денницей въ наши сумрачныя сферы,
Веди съ собою Мудрость. О, спѣши!
Я слышу взмахъ воздушной колесницы;
Она спѣшитъ среди огней?
И вы спѣшите вмѣстѣ съ ней,
Властители ума, судить неправду дней?
Любовь слѣпая, свѣтъ зарницы,
И Правосудье, и Мечта о дняхъ,
Что будутъ, и Завѣтъ того, что было?
Свобода! если-бъ ты ихъ всѣхъ забыла,
Жила-бъ Свободой лишь въ своихъ лучахъ!
Когда-бъ въ слезахъ твоя взростала сила,
Слезами кровными тебя бы мысль купила!

19.

Напѣвъ сдержалъ размѣрный голосъ свой,
И духъ его отдвинулся къ глубинамъ;
Такъ дикій лебедь, въ тучѣ грозовой,
Взлетя къ зарѣ размахомъ лебединымъ,
Пронзенъ стрѣлою, падаетъ стремглавъ
Изъ свѣтлой выси отдаленья,
И гулокъ шумъ его паденья;
И какъ завѣсы тучъ, давъ ливнямъ ихъ рожденье,
Какъ свѣточъ, утро увидавъ,
Какъ однодневка, съ вечеромъ кончаясь,
Напѣвъ мой, измѣняя, смолкъ во мнѣ,
Мой гимнъ безсильно замеръ въ тишинѣ,
И, откликами эхо замыкаясь,
Исчезъ великій голосъ въ глубинѣ,
Пловецъ былъ здѣсь, межъ волнъ, теперь онъ тамъ, на днѣ.

* * *

Я ласкъ твоихъ страшусь, какъ горькихъ мукъ,
Но ты меня не бойся, нѣжный другъ.—
Такъ глубока души моей печаль,
Что огорчить тебя мнѣ было бъ жаль.

Мнѣ страшенъ каждый вздохъ твой, каждый звукъ,
Но ты меня не бойся, нѣжный другъ.—
О, вѣрь мнѣ, я тебя не погублю,
Тебя я, какъ мечту, какъ сонъ люблю.

Южный вѣтеръ, столь бурный,
Что скрывалъ онъ за урной
Молчаливо дремавшихъ снѣговъ,
Громъ, и тучъ караваны,
Огневые вулканы
Разомкнули засовъ родниковъ:
Кудри Бога Рѣчного
Потухали, и снова
Зрѣлись вдоль водопадныхъ стремнинъ,
Онъ за Нимфой блестящей
Мчался влагой кипящей,
До окраинъ Дорійскихъ глубинъ.

3.

«Скрой меня! Умоляю!
«Какъ спастись мнѣ, не знаю!
«Онъ волосъ ужь коснулся моихъ!»
Океанъ взволновался,
И въ глубинахъ разъялся.
Далъ пріютъ ей въ волнахъ голубыхъ.
Дочь Земли, бѣлизною
Промелькнувъ подъ волною,
Вмигъ достигла, какъ лучъ, глубины,
Ея воды—за нею,
Легкой влагой своею
Не мѣняя соленой волны:—
Точно темное чудо,
На поляхъ изумруда,
Устремился за нею Алфей,—
Какъ орелъ, весь могильный,
За голубкой безсильной,
Между облачныхъ бурныхъ зыбей.

4.

Миновавши чертоги,
Гдѣ Подводные Боги
На жемчужныхъ престолахъ сидятъ;—

Гдѣ въ лѣсахъ изъ коралловъ,
Между влажныхъ кристалловъ.
Самоцвѣтные камни блестятъ;—
Межъ сіяній неясныхъ.
Что въ потокахъ безстрастныхъ
Ткань плетутъ изъ лучей цвѣтовыхъ;—
Миновавши пещеры.
Тамъ гдѣ волны, безъ мѣры,
Дышутъ зеленью мраковъ лѣсныхъ;—
Рыбу-мечъ миновавши,
И акулъ обогнавши,
Подъ густой океанской волной.
Бѣглецы проносились,
И въ утесахъ явились,
Въ край домчавшись Дорійскій, родной.

5.

И стекаютъ со звономъ,
Вдоль по Эннскимъ уклонамъ,
Тамъ гдѣ грѣется утро въ лучахъ,—
Какъ два друга, что руки,
Послѣ долгой разлуки,
Протянули въ горячихъ слезахъ.
Утромъ, съ горныхъ постелей,
Изъ своихъ колыбелей,
Къ скатамъ двойственный мчится потокъ;
Въ полдень, быстрой волною,
Рѣетъ чащей лѣсною,
И въ лугахъ, гдѣ цвѣтетъ Златоокъ;
Ночью, въ ясности цѣльной,
Въ безднѣ спитъ колыбельной,
Подъ холмомъ Ортигійскимъ, ихъ свѣтъ:—
Такъ два духа въ лазури
Спятъ безъ страсти, безъ бури;
Есть любовь въ нихъ, но жизни въ нихъ нѣтъ.

ПѢСНЬ ПРОЗЕРПИНЫ, СОБИРАЮЩЕЙ ЦВѢТЫ НА РАВНИНѢ ЭННЫ.

Священная Богиня, Мать Земля,
Богамъ и людямъ давшая рожденье,
Вскормившая звѣрей, листы; растенья.
Склонись ко мнѣ, моей мольбѣ внемля,
Низлей свое вліянье на равнину,
На собственное чадо, Прозерпину.

Ты нѣжишь неподросшіе цвѣты,
Питая ихъ вечернею росою,
Пока они, дыханьемъ и красою,
Не достигаютъ высшей красоты,
Низлей свое вліянье на равнину,
На собственное чадо, Прозерпину.

ГИМНЪ АПОЛЛОНА.

Безсонные Часы, когда я преданъ сну,
Подъ звѣзднымъ пологомъ ко мнѣ свой ликъ склоняютъ,
Скрывая отъ меня широкую луну,
Отъ сонныхъ глазъ моихъ видѣнья отгоняютъ,—
Когда жь ихъ Мать, Заря, имъ скажетъ: «Конченъ сонъ.
«Луна и сны ушли»,—я ими пробужденъ.

Тогда я, вставъ, иду средь легкаго тумана,
Всхожу на Небеса, надъ царствомъ волнъ и горъ,
Оставивъ свой покровъ на пѣнѣ океана;
За мной горитъ огнемъ весь облачный просторъ,
Моимъ присутствіемъ наполнены пещеры,
Зеленая земля мной счастлива безъ мѣры.

Мой каждый лучъ—стрѣла, и ей убитъ обманъ,
Который любитъ ночь, всегда дрожитъ разсвѣта;
Всѣ, духъ чей зло творитъ, чья мысль—враждебный станъ,
Бѣгутъ моихъ лучей, и яркой силой свѣта
Всѣ добрые умы спѣшатъ себѣ помочь;
Блаженствуютъ, пока не огорчитъ ихъ ночь.

Я сонмы облаковъ и радуги лелѣю,
Всѣ многоцвѣтные воздушные цвѣты;
Луна и гроздья звѣздъ небесностью моею
Окутаны кругомъ, какъ чарой красоты;
И все, что свѣтится на Небѣ, надъ Землею,
Часть красоты одной, рожденной въ мірѣ мною.

Дойдя въ полдневный часъ до верхней вышины,
Вздохнувши, я иду стезею нисхожденья,
Туда, къ Атлантикѣ, ко мглѣ ея волны;
И облака скорбятъ, темнѣютъ отъ мученья;
И чтобъ утѣшить ихъ—что́ можетъ быть нѣжнѣй?—
Я имъ улыбку шлю отъ западныхъ зыбей.

Я око яркое законченной Вселенной,
Что мной глядя—себя божественною зритъ;
Все, въ чемъ гармонія, съ игрою перемѣнной,
Пророчества, и стихъ, все въ мірѣ мной горитъ,
Всѣ врачеванія мою лелѣютъ славу,
Побѣда и хвала мнѣ надлежатъ по праву.

Я имъ пѣлъ о Твореньи,
Пѣлъ о пляскѣ міровъ,
О Любви, о Рожденьи,
И о Смерти, о тайнахъ боговъ,—
И запѣлъ о другомъ я свирѣлью.

Пѣлъ, какъ я къ дѣвѣ приникъ,
Спѣша по равнинѣ Менала,
Обнялъ же только тростникъ,
О, боги, о, люди, какъ мало,
Какъ мало намъ счастья въ обманѣ страстей,
Всѣ плакали, плачьте печали моей,
Услаждаясь моею свирѣлью.

ВОПРОСЪ.

Приснилось мнѣ, что я одинъ блуждалъ,
И вдругъ зима смѣнилася весною,
Душистый запахъ сердце услаждалъ,
Игралъ ручей пѣвучею волною,
И вѣтеръ что-то зарослямъ шепталъ;
Мерцая изумрудной пеленою,
Они едва касались нѣжныхъ струй,
Спѣшили дать имъ бѣглый поцѣлуй.

Цвѣты сплетались точно въ пестромъ свиткѣ,
Фіалка, анемона, златоокъ,
Росли и вновь росли они въ избыткѣ,
Глядѣлись колокольчики въ потокъ,
И буквица тѣснилась къ маргариткѣ,
И стройно всталъ застѣнчивый цвѣтокъ,
Что плачетъ надъ водой отъ сладкой муки,
Заслыша утра вздохъ—родные звуки.

Качался опьяненный тонкій хмель,
Какъ изгородь, раскинулся шиповникъ,
Надъ вишневымъ цвѣткомъ кружился шмель,
Шептались боярышникъ и терновникъ,
И вѣтеръ пѣлъ звучнѣе, чѣмъ свирѣль,—
Ихъ ласковый невидимый садовникъ;
Цвѣты блистали призрачнымъ огнемъ,
Свѣтлѣй всего, что можно видѣть днемъ.

И ближе, вплоть у самой влаги зыбкой,
Скользившей и качавшейся едва,
Кувшинки раскрывалися съ улыбкой,
Рѣчной глазокъ, и шпажная трава,
Обнялся дубъ зеленый съ ивой гибкой,
Смѣшалась ихъ влюбленная листва,
И лиліи своею бѣлизною
Какъ будто имъ свѣтили надъ волною.

Мнѣ чудилось, что я связалъ букетъ
Изъ этихъ изумрудныхъ привидѣній,
И жилъ, дышалъ обманчивый ихъ цвѣтъ,
Мѣнялись краски призрачныхъ растеній,
Питомцевъ—отошедшихъ прошлыхъ лѣтъ,
Любимцевъ—ускользающихъ Мгновеній.
Вдругъ сердце сжалось чувствомъ пустоты:
Кому отдамъ я лучшіе цвѣты?

Ты слышишь вопли урагана?
Какъ будто міръ кончины ждетъ,
Какъ будто гибнетъ средь тумана,—
То ночь идетъ!

Второй духъ.

Я слышу звуковъ сочетанье,
Я вижу свѣтъ,—и таетъ тѣнь,
Во мнѣ—покой, кругомъ—сіянье,
И ночь какъ яркій день:
А ты, когда землей упорно
Владѣетъ тьма, тупая лѣнь,
Смотри, какъ я всхожу проворно,
Какъ тамъ свѣтла ступень!

Въ глухой тиши уединенья
Возноситъ призрачный уборъ
Сосны гигантской привидѣнье
Среди Альпійскихъ горъ;
И если вихорь утомленный
Къ соснѣ преклонитъ смутный взоръ,
Онъ снова мчится, возрожденный,
Среди Альпійскихъ горъ!

Когда дневной замолкнетъ ропотъ,
Тогда встаетъ въ болотахъ тѣнь,
И путникъ слышитъ нѣжный шопотъ,—
И ночь какъ яркій день;
Своей любви первоначальной
Онъ видитъ искристую тѣнь,
И пробуждается, печальный,—
И ночь свѣтла какъ день!

ПѢСНЬ КЪ НЕАПОЛЮ.

Эподъ I. α.

Я видѣлъ городъ вырытый изъ праха;
Я слышалъ, какъ осеннихъ листьевъ рой
Шептался, точно духи, въ звукахъ страха;
И гулъ Горы мнѣ слышался порой,
Среди руинъ, съ ихъ легкой мглой;
Вѣщательныхъ громовъ дышала сила,
Мой духъ вниманьемъ былъ завороженъ;
Я чувствовалъ, Земля мнѣ говорила—
Я чувствовалъ, не слышалъ:—межъ колоннъ
Просторъ морской сіялъ какъ сонъ,
Гладь свѣта между двухъ Небесъ лазури:
Кругомъ—гробницы, полныя мечты,
Здѣсь Время не промчалось дикой бурей
И, Смерть щадя, не посылало фурій;
Здѣсь четки всѣ воздушныя черты,
Какъ четки сны скульптурной красоты;
И каменныя стройныя сплетенья
Сосны, плюща и мирты, надъ стѣной,
Какъ бы листы въ одеждѣ снѣговой,
Казалось, оставались безъ движенья
Лишь оттого, что, свѣтлый и нѣмой,
Висѣлъ надъ ними воздухъ, какъ велѣнья
Какой-то Власти надъ моей душой.

Эподъ II. а.

И вѣтры нѣжные, изъ дали,
Кружась, легко носиться стали,
И острый духъ горы, съ нимъ Эолійскій звукъ:
И гдѣ качается лѣниво,
Въ предѣлахъ Байскаго залива,
Зеленая вода, дрожа, дыша вокругъ,
Подводные цвѣты въ пурпуровыхъ пещерахъ
Колебля нѣжною волной,
Какъ воздухъ чуть дрожитъ, дыша въ безбурныхъ сферахъ
Надъ Эолійскою страной,
Меня, какъ Ангела, волненье
Помчало въ той ладьѣ, бѣгущей безъ слѣда,
Что никакое дуновенье
Не опрокинетъ никогда;
Я плылъ безтрепетно туда,
Гдѣ духъ безсмертный вдохновенья,
Неистощимыхъ полный силъ,
Струится отъ нѣмыхъ могилъ
Царей умершихъ Пѣснопѣнья.
Темнилъ Аорнъ тѣнистый, надъ рулемъ,
Эѳиръ горизонтальный; далью ясной
Былъ окруженъ Элизіумъ прекрасный,
Крутилась пѣна въ вихрѣ снѣговомъ,
Скрывая воду быстрой бѣлизною,
А отъ горы Тифейской, Инаримъ,
Поднялся паръ блестящей пеленою,
Лучомъ пронизанъ огневымъ,
Какъ знамя сказочной дружины;
И громче, громче все, въ безмѣрности морской,
Пророчествомъ своимъ будя отъ сна глубины,
Свѣтло звучитъ напѣвъ надъ бездной голубой,
Я схваченъ—онъ во мнѣ—да будетъ онъ судьбой!

Строфа а. 1.

Неаполь! Сердце всѣхъ людей, нагое
Подъ яркимъ окомъ ласковыхъ небесъ!

Ты заставляешь быть въ нѣмомъ покоѣ
Волну и воздухъ—сномъ твоихъ чудесъ,
И дышетъ свѣтъ, и мракъ исчезъ.
Столица обездоленнаго Рая,
Ты лишь вчера, такъ поздно, возвращенъ!
Алтарь прекрасный, на тебѣ живая—
Безъ крови жертва: весь цвѣточный, сонъ
Любви Побѣдой принесенъ!
Ты раньше былъ, быть пересталъ свободнымъ,
Теперь навѣкъ ты будешь съ волей сроднымъ,
Коль въ Правдѣ, въ Справедливости есть свѣтъ,—
Привѣтъ, привѣтъ, привѣтъ!

Строфа β. 2.

Гигантовъ юныхъ поколѣнье,
Ты встало, полное стремленья,
Надъ стонущей землей, въ блистательной бронѣ!
Въ тебѣ послѣдняя защита
Отъ тѣхъ, чье сердце ядовито,
Кто силой сѣетъ тьму въ прекрасномъ Божьемъ днѣ!
Взмахни-жь копье свое смѣлѣе,
Передъ врагами не робѣя,
Пусть входъ у сотни вратъ ихъ тѣсной мглой одѣтъ!
Пускай они придутъ скорѣе!
Привѣтъ, привѣтъ, привѣтъ!

Антистрофа α.

Что̀ въ томъ, что Киммерійскіе Бандиты
Сомкнулись на Свободу и тебя?
Въ твоемъ щитѣ слѣпцамъ лучи открыты,
Какъ въ зеркалѣ, и, жизнь свою губя,
Врагъ обращаетъ на себя
Свой острый мечъ: ошибка Актеона!
Имъ смерть грозитъ отъ собственныхъ собакъ.
Будь страхомъ имъ, какъ звѣрю—звуки гона,
Будь Василискомъ царственнымъ, чтобъ врагъ
Погибъ отъ глазъ твоихъ. Вотъ такъ!

Гляди: когда въ глаза врагу взираютъ,
Рабы дрожатъ, свободные крѣпчаютъ:
Коль въ Правдѣ, въ Справедливости есть свѣтъ,
Ты побѣдишь!—Привѣтъ!

Антистрофа β. 2.

Сорви съ божественной Свободы,
Съ завѣтныхъ алтарей Природы,
Прикрасы лживыя; всю мишуру—долой:
И надъ унылымъ Разрушеньемъ,
Надъ побѣжденнымъ Заблужденьемъ,
Встань царственно: твой врагъ да вздрогнетъ предъ тобой!
И всѣхъ сравняй своимъ закономъ,
И всѣмъ вѣщай крылатымъ звономъ
Святую истину, слова, гдѣ дышетъ свѣтъ:
Будь праздникомъ весны зеленымъ,
Всегда живымъ!—Привѣтъ!

Антистрофа α. γ.

Ты слышишь, изъ Испаніи, стогласный,
Изъ края въ край стремится стройный хоръ?
Отъ острова Цирцеи, нѣжно-ясной,
Италія, вплоть до Альпійскихъ горъ,
Къ тебѣ свой обратила взоръ!
Венеція, гдѣ вмѣсто улицъ—волны,
Смѣется, въ свѣтлый спрятавшись туманъ.
И Генуя, вдова, въ тоскѣ безмолвной,
Чуть шепчетъ: «Гдѣ же Дорія?» Миланъ,
Что былъ такъ долго въ жертву данъ
Ехиднѣ, наконецъ своей пятою
Ее стереть замыслилъ. Всѣ—съ тобою,
Твердятъ: коль въ Справедливости есть свѣтъ,
Ты побѣдишь!—Привѣтъ!

Антистрофа β. γ.

Межъ городовъ Эдемъ прекрасный,
Флоренція, съ улыбкой ясной,

Среди красотъ своихъ Свободы жадно ждетъ!
И Римъ съ очей надежды звѣздной
Клобукъ срываетъ безполезный,
Власть прошлаго теперь какъ бывшій сонъ живетъ:
И чтобы призъ теперь былъ вѣренъ,
Что при Филиппахъ былъ потерянъ,
Для состязанія уже готовъ атлетъ:—
И можетъ быть Обманъ не смѣрянъ,
Еще великъ!—Привѣтъ!

Эподъ I. β.

Вы слышите, какъ Формы Земнородныхъ
Идутъ на вѣчно-дышащихъ Боговъ?
И шумъ, и мракъ отъ тысячъ бурь холодныхъ
Кипитъ среди нагорныхъ облаковъ,
Гдѣ недоступный ихъ покровъ?
Вы видите блестящія знамена,
На нихъ надменность варварскихъ эмблемъ?
Желѣзнымъ свѣтомъ, звукомъ рева, стона
Одѣлся безмятежный нашъ Эдемъ,
Что прежде былъ такъ тихъ и нѣмъ.
Отъ Сѣвера идутъ къ намъ легіоны
Бандитовъ, точно Хаосъ вѣковой:
Орды, имъ беззаконіе—законы;
Съ Альпійскихъ горъ сойдя на наши склоны,
Они, какъ волки, жадною толпой,
Ежеминутный поднимаютъ вой,
Они стираютъ отблескъ старой славы,
И втаптываютъ наши зданья въ прахъ,
Трупъ Красоты, сіяющій въ цвѣтахъ,
Когтями рвутъ для мерзостной забавы,—
Они идутъ! И всюду, на лугахъ,
Въ поляхъ—пожаръ, горятъ колосья, травы,
И кровь людей на грубыхъ ихъ ногахъ!

Эподъ II. β.

О, Духъ Любви, о, Духъ великій!
Ты нѣжно правишь, свѣтлоликій,

Всѣмъ тѣмъ, въ чемъ дышетъ жизнь въ Италіи святой;
Ты далъ ей ширь, лѣса, и скалы,
И звонъ волны, и отблескъ алый,
Играющій съ твоей прекрасною звѣздой!
Надъ западною мглой просторовъ Океана
Ты правишь, Геній Красоты,
По слову твоему Земля среди тумана
Рождаетъ утро и цвѣты!
Вели своимъ воздушнымъ чарамъ
Содѣлать такъ, чтобъ всѣ блестящіе лучи
Зажглись губительнымъ пожаромъ,
Неумолимо-горячи!
Заразу ядомъ излечи!
Земля чтобъ гибельнымъ вертепомъ
И западней была врагамъ!
Они готовятъ гибель намъ,
Такъ пусть имъ Небо будетъ склепомъ!
Или своей гармоніей живой
Своихъ сыновъ окутай, будь имъ нѣжной
Зарей небесъ, какъ въ зыбяхъ мглы безбрежной
Лаская даль, горитъ свѣтильникъ твой:—
Пусть станутъ всѣ желанья и надежды,
Орудьемъ воли царственной твоей,
И мы тогда свѣтло откроемъ вѣжды,
Изчезнетъ сумракъ отъ лучей,
Бѣгутъ отъ леопардовъ лани,
И отъ Тебя бѣгутъ насилье, страхъ, вражда!
Волковъ Кельтійскихъ рой сокроется въ туманѣ.—
О, сдѣлай, свѣтлый Духъ, чей нѣжный храмъ—звѣзда,
Чтобъ этотъ городъ твой былъ вольнымъ навсегда!

ОСЕНЬ.

Похоронная пѣснь.

Ликъ солнца блѣднѣетъ, и вѣтеръ свѣжѣетъ,
Листы облетаютъ, цвѣты доцвѣтаютъ,
И годъ
Лежитъ въ облетѣвшихъ листахъ, помертвѣвшихъ
Какъ ледъ.
Идите, мѣсяцы, вздыхая,
Толпой отъ Ноября до Мая,
Печальный трауръ надѣвая;
Несите гробъ, въ которомъ ждетъ
Своей могилы мертвый годъ,
Какъ тѣни, вкругъ него блюдите свой чередъ.

Червь стынетъ, таится, и дождикъ струится,
Рѣка возростаетъ, и буря рыдаетъ:
Гдѣ годъ?
Гдѣ ласточки? Скрылись, толпой удалились
Въ отлетъ.
Идите, мѣсяцы, вздыхая,
И бѣлый трауръ надѣвая,
И съ чернымъ сѣрый цвѣтъ мѣшая;
Несите гробъ, въ которомъ ждетъ
Своей могилы мертвый годъ,
И пусть отъ вашихъ слезъ надъ нимъ земля цвѣтетъ.

УБЫВАЮЩАЯ ЛУНА.

Затрепетала въ небѣ тьма ночная,
Смѣнилась блѣдной полумглой:
То—скорбная, туманная, больная,
Взошла луна надъ смутною землей,
Дрожитъ, скользитъ, сквозь тучи свѣтъ роняя.
Такъ иногда въ тревожный часъ ночной
Встаетъ съ постели женщина больная
И горько плачетъ, блѣдный ликъ склоняя,
Исполнена печали неземной.

КЪ ЛУНѢ.

Скиталица небесъ, печальная луна,
Какъ скорбно съ высоты на землю ты глядишь!
Не потому-ли ты блѣдна,
Не потому-ли ты грустишь,
Что между яркихъ звѣздъ свершать свой путь должна
Всегда, вездѣ—одна,
Не зная на кого лучистый взоръ склонить,
Не зная ничего, что̀ можно полюбить!

СМЕРТЬ.

Смерть всюду, всегда, неизмѣнно. Неразлучна съ ней жизнь
золотая.
Смертью дышетъ небесная твердь,
И все, что живетъ, что трепещетъ, на зарѣ расцвѣтая.
И въ насъ пріютилася смерть.

Сперва умираютъ восторги, а потомъ опасенья, надежды,—
И ужь не на что больше смотрѣть;
И прахъ наклоняется къ праху, закрываются вѣжды,—
И мы, мы должны умереть.

Все гибнетъ, надъ чѣмъ наше сердце беззавѣтной любовью
горѣло,
Разростается смертная тьма,
И еслибы то, что мы любимъ, умереть не хотѣло,
Любовь умерла бы сама.

СВОБОДА.

Лучезаренъ губительной молніи блескъ,
Въ часъ, когда разразится на небѣ гроза,
Когда слышенъ морской оглушительный плескъ,
И вулкана горятъ огневые глаза,
И Зимы потрясая незыблемый тронъ,
На рожкѣ заиграетъ Тифонъ.

Вспышка молніи въ тучѣ одной задрожитъ,—
Озаряются сотни морскихъ островов;
Сотрясется земля,—городъ въ прахѣ лежитъ,
И десятки трепещутъ другихъ городовъ;
И глубоко внизу, подъ разъятой землей,
Слышенъ ревъ, слышенъ яростный вой.

Но свѣтлѣй твои взоры, чѣмъ молніи блескъ,
По землѣ ты проходишь быстрѣй, чѣмъ гроза,
Заглушаешь ты моря неистовый плескъ,
Предъ тобою вулканъ закрываетъ глаза,
Солнца ликъ предъ тобой потускнѣлъ и поблекъ,
Какъ болотный ночной огонекъ.

Какъ зиждительный ливень могучей весны,
На незримыхъ крылахъ ты надъ міромъ летишь,
Отъ народа къ народу, въ страну изъ страны,
Отъ толпы городской въ деревенскую тишь,
И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня.

ЛѢТО И ЗИМА.

1.

То былъ веселый день, спокойный, ясный.
Конецъ Іюня—въ солнечныхъ лучахъ;
На сѣверѣ, въ глубѣ небесъ безстрастной,
Свѣтъ серебрился въ бѣлыхъ облакахъ;
Отъ горизонта тянется ихъ млечность,
А тамъ, за ними—точно безконечность.

Подъ солнцемъ радость жизни глубока.
Ликуютъ травы, камыши, и нивы.
Блистаетъ полноводная рѣка,
Подъ вѣтеркомъ сіяютъ листья ивы,
И всѣ деревья точно сонъ живой,
Съ иной, не столь воздушною, листвой.

2.

Была зима, когда въ нѣмой печали
Мрутъ птички въ обезлоденныхъ лѣсахъ,
Во льду прозрачномъ рыбы застывали,
И солнце не сіяло въ небесахъ.
И даже изъ озеръ, чьи теплы воды,
Какъ камень сталъ въ застылости природы.

Тотъ кто богатъ, среди своихъ дѣтей,
Сидитъ и смотритъ на игру камина,
Но сколько бы въ немъ не было огней,
Все холодно, и крыша точно льдина;
Что жъ чувствуетъ лишенный этихъ льдинъ,
Кто нищъ, кто старъ, бездоменъ, и одинъ!

БАШНЯ ГОЛОДА.

Средь запустѣнья города нѣмого,
Что колыбелью былъ, а нынѣ склепъ,
Людей угасшихъ сказанное слово,

Обломокъ отъ крушенія судебъ,—
Возстала Башня Голода, видѣньемъ.
Подъ ней тюрьма, чудовищный вертепъ,

Тамъ мука сочеталась съ преступленьемъ,
Кто тамъ живетъ, кошмары ихъ полны
И золотомъ, и кровью, и томленьемъ.

И такъ они до смерти видятъ сны.
Тамъ высится тяжелая громада—
Соборы, башни—ей затѣнены

Лучи небесъ, воздушная услада,
И каждый храмъ, и каждый пышный домъ,
Отъ башни той, ея страшася взгляда,

Какъ бы ушелъ—міръ обнаженъ кругомъ:
Какъ будто призракъ, смутный и ужасный,
Средь нѣжныхъ женщинъ всталъ зловѣщимъ сномъ,

И, сдѣлавшись зеркальностію ясной,
Въ себѣ ихъ видъ, ихъ лики отражалъ,
И слилъ въ одно весь этотъ блескъ прекрасный,

Пока застывшимъ мраморомъ не сталъ.

ИНОСКАЗАНІЕ.

Изъ бриллiантовъ призрачныхъ порталъ
Зiяетъ на большой дорогѣ жизни,
Мы всѣ идемъ, здѣсь, между страшныхъ скалъ;
Кругомъ, въ борьбѣ, въ какой-то дикой тризнѣ,
Какъ тучи горъ, глядящiя въ провалъ,
Мятутся нескончаемыя тѣни,
Теряясь въ вихряхъ быстрыхъ измѣненiй.

И чуть не всякiй такъ легко идетъ,
Не вѣдая, что призракъ безпощадный
За каждымъ, слѣдомъ, шествуетъ, и ждетъ,
Чтобы вступилъ онъ въ область смерти жадной;
Иные же—они наперечетъ—
Понять желаютъ смыслы измѣненiй,
Глядятъ, глядятъ, но всюду только тѣни.

СТРАННИКИ МІРА.

Скажи мнѣ, свѣтлая звѣзда,
Куда твой путь? Скажи, когда
Смежишь ты въ черной безднѣ ночи
Свои сверкающія очи?

Скажи мнѣ, блѣдная луна,
Зачѣмъ скитаться ты должна
Въ пустынѣ неба безпріютной,
Стремясь найти покой минутный?

О, вѣтеръ, вѣчный пилигримъ!
Скажи мнѣ, для чего, какъ дымъ,
Ты вдаль плывешь? Куда стремишься?
Какой тоской всегда томишься?

«СПѢШИТЕ КЪ МЕРТВЫМЪ ВЫ»...

Сонетъ.

Спѣшите къ мертвымъ вы! Что̀ тамъ найдете,
О, мысли и намѣренья мои?
Ткань міра ждетъ на каждомъ поворотѣ.
Ты, Сердце, быстро бьешься въ забытьи,—

Ждешь радости, но предано заботѣ.
Ты, жадный умъ, о смерти, бытіи
Все хочешь знать. Куда же вы идете,
Зачѣмъ шаги торопите свои?

Путь жизни съ быстротою покидая,
Отъ боли и отъ счастія равно
Вы прячетесь во гробъ, гдѣ смерть сѣдая.

Здѣсь зелень травъ, тамъ пусто и темно.
О, мысли, сердце, умъ! Чего жъ вы ждете,
Что въ глубинѣ могильной вы найдете?

КЪ ЖУРНАЛИСТУ.

Сонетъ.

Любезный другъ, не скажешь ли ты мнѣ,
Зачѣмъ ты на того, кто чистъ душою,
Лелѣешь злобу, какъ мечту во снѣ?
Ты въ этомъ не потѣшишься со мною.

Вся злоба—на одной лишь сторонѣ,
Игры не будетъ, нѣтъ, и я не скрою,
Что даже я презрѣнья чуждъ вполнѣ,
И состязаться не могу съ тобою.

Ужь лучше эту жажду утиши,
Коль пить нельзя. Я холоднѣй безстрастной
Спокойной дѣвы—ясностью души;

Яснѣе, чѣмъ ребенокъ безучастный.
Разъ я Нарциссъ вражды твоей,—бѣда:
Зачахнешь, будешь Эхомъ навсегда.

«ДОБРОЙ НОЧИ!»

Доброй ночи? О, нѣтъ, дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна,—
И тогда будетъ *добрая* ночь!

Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?
Развѣ въ снахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ, весь міръ позабыть, трепеща и любя,—
Это *добрая* ночь!

Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней,—
И тогда будетъ *добрая* ночь!

ОРФЕЙ.

А.

Отсюда близко. Вонъ съ того холма,
Что ввысь уходитъ острою вершиной,
Увѣнчанный какъ бы кольцомъ дубравы,
Увидите вы темную равнину,
Безплодную, по ней течетъ потокъ,
Лѣнивый, черный, узкій, но глубокій.
На немъ отъ вѣтра ряби не бываетъ.
И дальняя луна глядитъ напрасно.
На этой влагѣ зеркала ей нѣтъ.
Идите вдоль безтравнаго откоса,
Надъ этой необычною рѣкой,
И вы придете къ мрачному затону,
Откуда бьютъ незримые ключи
Той странной рѣчки; ихъ рожденье скрыла
Ночь безъ лучей, живущая подъ сводомъ
Скалы, чья тѣнь ложится на затонъ—
Источникъ тьмы, вовѣкъ неистощимый;
А на краю трепещетъ нѣжный свѣтъ,
Хотѣлъ бы онъ съ возлюбленной обняться,—
Но, какъ Сиринксъ отъ Пана убѣжала,
Такъ ночь бѣжитъ отъ дня, или съ враждой,
Угрюмо, тупо отвергаетъ ласку
Его объятій, порожденныхъ небомъ.
На сторонѣ одной того холма,

Хоръ.

Развѣ онъ
Еще поетъ? Казалось мнѣ какъ будто,
Что, вспышкѣ опрометчивой отдавшись,
Свою онъ арфу бросилъ прочь, когда
Утратилъ Эвридику?

А.

Нѣтъ, онъ только
Помедлилъ мигъ. Затравленный олень,
На мигъ остановившись надъ потокомъ,
На страшной крутизнѣ дрожитъ—но чу!
Жестокія собаки съ громкимъ лаемъ
Ужь близко, стрѣлы ранятъ и блестятъ,—
И падаетъ онъ въ бѣшеныя волны:
Такъ, схваченъ ненасытною тоскою,
Въ ея когтяхъ терзаемый, Орфей,
Какъ пьяная Менада, поднялъ лиру,
Взмахнулъ ей въ свѣтломъ воздухѣ, и дико
Вскричалъ: «О, гдѣ-жь она? Кругомъ темно!»
И. по струнамъ ударивъ, онъ исторгнулъ
Протяжный ужасающій напѣвъ.
Увы! Давно, во времена былыя,
Когда съ нимъ рядомъ, полная вниманья,
Прекрасная сидѣла Эвридика,
При видѣ этихъ яркихъ глазъ, онъ пѣлъ
Воздушно-нѣжно о вещахъ небесныхъ;
Какъ въ родникѣ, средь малыхъ волнъ его,
Любая зыбь, въ весеннемъ дуновеньи,
Является по волѣ вѣтерка
Многостороннимъ зеркаломъ для солнца,
Межъ тѣмъ какъ средь зеленыхъ береговъ
Безъ устали течетъ онъ, и прозрачно
Журчитъ, журчитъ, теряя звукамъ счетъ.
Такъ пѣснь его текла, въ себѣ вмѣщая
Глубь радости и нѣжную любовь,
Рождавшую воздушность этихъ звуковъ,
Амврозію, ниспосланную съ неба.

Но это безвозвратно отошло.
Вернувшись изъ чудовищнаго Ада,
Онъ выбралъ одинокую скамью
Изъ каменной невыравненной глыбы,
Поросшей мхомъ, въ равнинѣ безъ травы,
И къ Небесамъ, изъ родниковъ глубокихъ,
Изъ тайника негаснущей его
Всегда возобновляющейся скорби,
Вознесся гнѣвно яростный напѣвъ.
Такъ раздѣляетъ двѣ скалы родныя
Своею силой мощный водопадъ,
И быстрыя съ высотъ кидаетъ воды,
И съ гуломъ внизъ бѣжитъ по крутизнѣ;
Онъ отъ ключей стремится первозданныхъ,
Спѣшитъ, скользитъ, и преломляетъ воздухъ
Свирѣпымъ, громкимъ, но пѣвучимъ ревомъ,
И падая стремитъ по сторонамъ
Воздушность пѣны, въ чьихъ обрывкахъ солнце,
Какъ Радуга, рождаетъ всѣ цвѣта.
Такъ бѣшеный потокъ его печали
Одѣтъ въ покровъ нѣжнѣйшихъ сладкихъ звуковъ
И въ переливный свѣтъ напѣвныхъ словъ,
Съ людскими созданьями несхожій,
Онъ ни на мигъ не гаснетъ,—и всегда
Мѣняясь, въ каждой зыбкой перемѣнѣ
Живутъ согласно мудрость, красота,
И властный блескъ поэзіи могучей,
Въ одинъ сливаясь сладостный аккордъ.
Такъ я видалъ, свирѣпый южный вѣтеръ
Несется въ потемнѣвшихъ небесахъ
И мчитъ смятенье облаковъ крылатыхъ,
И, легкія, они не смѣютъ медлить,
Но все бѣгутъ, бѣгутъ, какъ повелѣлъ имъ
Капризный ихъ, безумный ихъ пастухъ,
Межъ тѣмъ какъ звѣзды, съ робостью мигая,
Глядятъ сквозь перья тѣхъ воздушныхъ крылъ.
Вдругъ небо ясно, и соборъ высокій
Безоблачныхъ, ушедшихъ вглубь, Небесъ,

Звѣздясь огнелучистыми цвѣтами,
Смыкается надъ трепетной землей;
Иль тихая луна свою прогулку
Изящно, хоть и быстро, начинаетъ,
Взойдя, вся въ блескѣ, за холмомъ восточнымъ.
Я говорю о вѣтрѣ, о лунѣ,
О звѣздахъ, не о пѣснѣ; но когда бы
Я отзвукомъ явиться захотѣлъ
Его небесно-яркаго напѣва,
Природа мнѣ тогда должна была бы
Дать свѣжесть словъ, которыхъ никогда
Никто еще не стеръ, произнося ихъ,
Иль изъ ея созданій совершенныхъ
Заимствовать придется мнѣ черты,
Чтобы его явить вамъ совершенство.
Теперь уже онъ больше не сидитъ
Въ пустынѣ, на утесистомъ престолѣ,
Что на равнинѣ высится безтравной,
Нѣтъ, зелень мощныхъ каменныхъ дубовъ,
И кипарисы, что почти недвижны,
И свѣтлыя, какъ цвѣтъ морской волны,
Оливы, чьи плоды намъ такъ пріятны,
И вязы, вдоль которыхъ извиваясь
Ростетъ переплетенный виноградъ,
Роняя гроздья закругленныхъ ягодъ,
И тернъ, въ своихъ кустахъ таящій племя
Младенческихъ, едва зардѣвшихъ, розъ,
И букъ, всегда желанный для влюбленныхъ,
И нѣжные стволы плакучихъ ивъ,
Всѣ крупныя и мелкія деревья,
То медленно, то быстро, какъ имъ можно,
Вокругъ него столпясь, воздушно вѣютъ
Одеждами изъ ласковой листвы.
Сама Земля, отъ материнской груди,
Послала звѣздоликіе цвѣты
И ароматно дышащія травы,
Чтобъ ими разукрасить пышный храмъ,
Воздвигнутый его пѣвучей думой,

Свирѣпые къ нему сошлися львы,
Легли у ногъ его; сбѣжались серны,
Безстрашныя отъ дѣйствія любви.
И мнится, даже рой червей безглазыхъ
Внимаетъ пѣснѣ. Птицы замолчали,
И, сѣвши на деревьяхъ, съ нижнихъ вѣтокъ
Свои головки свѣсили къ нему;
И даже соловей ему внимаетъ
И, нѣжно зачарованный, молчитъ.

МИНУВШІЕ ДНИ.

Какъ тѣнь дорогая умершаго друга—
Минувшіе дни.
Цвѣты—невозвратно отцвѣтшаго луга,
Мечты—чьи навѣки угасли огни,
Любовь—съ беззавѣтною жаждой другъ друга—
Минувшіе дни.

Насъ нѣжно ласкали тогда сновидѣнья,
Въ минувшіе дни.
Была-ли въ нихъ радость, иль было мученье.
Намъ были такъ сладко желанны они,
Мы ждали еще, о, еще упоенья,
Въ минувшіе дни.

Намъ грустно, намъ больно, когда вспоминаемъ
Минувшіе дни.
И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ.
И мукѣ сказать не умѣемъ: «Усни»,
Такъ въ скорбную мы красоту обращаемъ
Минувшіе дни.

1821.

ПЛАЧЪ ОБЪ УМЕРШЕМЪ ГОДѢ.

Идя медлительной стопой,
Собрались мѣсяцы толпой,
И плачутъ: «Умеръ старый годъ,
«Увы, онъ, холоденъ, какъ ледъ,—
«Лежитъ въ гробу декабрьской тьмы,
«Одѣтый саваномъ зимы;
«Ему въ полночный часъ мятель
«Постлала снѣжную постель».

Мгновеній свѣтлыхъ хороводъ
Поетъ смѣясь: «Не умеръ годъ,—
«Мерцаньемъ инея облитъ,
«Онъ только грезитъ, только спитъ.
«Ему сугробы—колыбель,
«Его баюкаетъ Мятель».
И вотъ туда, гдѣ дремлетъ годъ,
Кортежъ загадочный идетъ.

Могильный стражъ, Январь сѣдой,
Съ своею снѣжной бородой,
За нимъ вослѣдъ идетъ Февраль,
И Мартъ, какъ трауръ и печаль,
И, какъ весенняя свирѣль,
Рыдаетъ радостный Апрѣль,
Мгновенья Майскія вослѣдъ
Несутъ подснѣжниковъ букетъ.

КЪ НОЧИ.

По западной зыби приди издалёка,
Духъ Ночи, скорѣй!
Изъ дымно-туманной пещеры востока,
Гдѣ днемъ, притаившись отъ яркихъ лучей,
Сплетаешь ты сны изъ улыбокъ и страха,
Ты, страшная, нѣжная къ дѣтищамъ праха,—
Покровъ свой развѣй!

Въ немъ яркія звѣзды: звѣзда оттѣняетъ
Живую звѣзду!
Пусть День предъ тобою глаза закрываетъ,
Цѣлуй его такъ, чтобъ померкъ онъ въ бреду,
И послѣ иди по равнинамъ, по безднамъ,
Коснись ихъ жезломъ усыпительно-звѣзднымъ,—
Желанная, жду!

Когда я проснулся, при видѣ разсвѣта
Вздохнулъ о тебѣ;
Сначала все было росою одѣто,
Роса уступила сіянью въ борьбѣ,
День медлилъ и медлилъ, какъ гость нежеланный,
И я надъ цвѣтами, въ тревогѣ туманной,
Вздыхалъ о тебѣ.

Сестра твоя, Смерть, мнѣ сказала съ укоромъ:
Ты хочешь меня?
Ребенокъ твой, Сонъ, съ затуманеннымъ взоромъ,
Шепнулъ, какъ пчела, что летаетъ, звеня:
Къ тебѣ я прижмусь, въ этомъ будетъ отрада,
Ты хочешь меня?—Я отвѣтилъ: не надо,
Уйди отъ меня!

Умрешь ты, и Смерть не замедлитъ, предстанетъ
Съ усмѣшкой своей;
Уйдешь ты, и Сонъ улыбнется, обманетъ:
Ихъ ласкъ мнѣ не нужно, хочу лишь твоей—
Хочу я возлюбленной ласковой Ночи,
Спѣши же, приблизь потемнѣвшія очи,
Скорѣе, скорѣй!

ВРЕМЯ.

Пучина вѣчная, въ которой волны—годы!
Всегда шумятъ твои рыдающія воды,
Они горьки отъ горькихъ слезъ людскихъ!
Потокъ безъ береговъ, ты плещешь неустанно
Въ границы вѣчности приливомъ волнъ морскихъ!
Добычей пресыщенъ, ты жаждешь безпрестанно
Все новыхъ жертвъ, и воешь, и ревешь,
О скалы мертвыя остатки труповъ бьешь!
Влечешь ты къ гибели всѣхъ, кто тебѣ повѣритъ,
Въ затишье ты таишь обманъ,
И кто пойметъ, и кто тебя измѣритъ,
Бездонный Океанъ!

«О, ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ»...

Строки

О, дальше, дальше, Гальціоны
Воспоминаній роковыхъ!
Одни обрывы и уклоны
Въ мечтахъ безрадостныхъ моихъ;—
Не приносите извѣщенья
О вашей вкрадчивой веснѣ,
Ушли, такъ нѣтъ вамъ возвращенья,
Не приближайтесь же ко мнѣ!

Вы, Коршуны высокой башни,
Что въ даль Грядущаго глядитъ,
Задавлена мечтой вчерашней,
Мечта сегодняшняя спитъ;—
Покиньте горнія жилища,
Надежды умерли,—скорѣй,
Для вашихъ клювовъ будетъ пища
Въ ихъ блѣдныхъ трупахъ—много дней!

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Мой слабый духъ покоился въ сіяньи
Твоихъ очей, любовь моя;
Къ тебѣ стремился онъ, какъ въ полдень знойный
Стремится лань къ струямъ ручья.
Твой берберійскій конь тебя, какъ буря
Далеко отъ меня умчалъ;
Тебя догнать, увы, я былъ не въ силахъ.
Мой духъ тебя сопровождалъ.

Быстрѣй коня, быстрѣй полета бури,
Быстрѣй чѣмъ къ людямъ смерть идетъ,
Стремится мысль на крыльяхъ голубиныхъ
Любви и ласковыхъ заботъ.
Съ тобой въ мечтахъ сливаюсь я повсюду,
Въ нуждѣ, въ скитаніяхъ, въ борьбѣ,
И ни одной улыбки не прошу я
За всѣ тревоги о тебѣ.

КЪ ЭМИЛІИ ВИВІАНИ.

Эмилія, зачѣмъ ты мнѣ даришь букетъ
Изъ нѣжной резеды съ душистой базиликой?
Блаженства и любви—въ нихъ символъ свѣтоликой,
Но братства тѣснаго любви съ блаженствомъ—нѣтъ!
Въ нихъ капли крупныя трепещутъ и блистаютъ;
Ты плакала когда срывала ихъ? Красы
Такой цвѣты не получаютъ
Ни отъ дождя, ни отъ росы.
Ты плакала иль нѣтъ? Мнѣ сладко сомнѣваться,
Съ самимъ собою быть въ борьбѣ,
И скорбнымъ думамъ отдаваться,—
Мой другъ печальный,—о тебѣ.
О, дай мнѣ свѣтлыхъ звѣздъ, любовью не смущая!
Не знаешь ты: во мнѣ любовь
Огнемъ сжигаетъ все, и угли, потухая,
Дотлѣютъ и не вспыхнутъ вновь.

БѢГЛЕЦЫ.

1.

Въ шумящемъ просторѣ
Запѣнилось море,
И буря трепещетъ,
И молнія блещетъ—
Бѣжимъ!
И громъ возростаетъ,
И громъ пропадаетъ,
Какъ будто онъ тонетъ,
И тонетъ и стонетъ—
Спѣшимъ!
Земля точно море,
Въ движеньи и въ спорѣ,
Все мечется, бродитъ,
Отъ бури уходитъ—
Бѣжимъ!

2.

«Міръ безбрежный далекъ,
«Одинокъ нашъ челнокъ;—
«Не смутитъ насъ ничто,
«Не догонитъ никто»,—
Онъ вскричалъ.
А она: «Отплывай!
«На весло налегай!
«Поскорѣй, поскорѣй!»
Между темныхъ зыбей
Вѣтеръ всталъ.

Чья-то тѣнь на скалѣ,
Загорѣлся во мглѣ
Пушки огненный свѣтъ,
Выстрѣлъ глухъ, и въ отвѣтъ
Грянулъ валъ.

3.

«Мы съ бурей поспоримъ,
«Мы бѣгъ нашъ ускоримъ,
«Ты видишь, одни мы,
«Никѣмъ не гонимы,
«Только я и ты!»
Четою согласной
Прекрасной и страстной,
Они уплываютъ,
Весь міръ забываютъ,—
Шепчутъ имъ мечты.
А волны, какъ горы,
Возносятъ узоры,
И бьются, и мчатся,
И къ небу стремятся,—
Жаждутъ высоты.

4.

Недвижнымъ видѣньемъ,
Объятый смущеньемъ,
У крѣпости мрачной,
Склонясь, новобрачный
Сидитъ.
На башнѣ высокой,
Какъ духъ одинокій,
Отецъ разъяренный,
Грозой окруженный,
Глядитъ.
Сѣдины склоняетъ,
И дочь проклинаетъ,
И съ вѣтромъ онъ споритъ.
И громъ ему вторитъ,
Гудитъ.

КЪ —

Пусть отзвучитъ гармоничное, нѣжное пѣнье,—
Въ памяти все еще звуки ревниво дрожатъ;
Пусть отцвѣтаетъ фіалка, проживши мгновенье,—
Въ вѣнчикѣ блѣдномъ хранится ея ароматъ.

Свѣтлыя розы, скончавшись, толпой погребальной
Искрятся въ пышныхъ букетахъ, какъ въ небѣ звѣзда;
Такъ я съ тобой разлученъ, но твой образъ печальный
Въ сердцѣ моемъ, убаюканный, дремлетъ всегда.

ДУХЪ СЧАСТЬЯ.

Пѣсня.

Ты умчался навсегда,
Счастья свѣтлый духъ!
Точно яркая звѣзда,
Вспыхнулъ и потухъ.
Отъ меня умчался прочь,
Превратилъ мой полдень въ ночь!

Какъ увидѣться съ тобой,
Нѣжный сынъ Утѣхъ?
Съ беззаботною толпой
Ты свой дѣлишь смѣхъ:
Лишь къ веселымъ мчишься ты,
Только имъ даришь мечты.

Какъ отъ шороха листка
Лань въ лѣсу дрожитъ,
Такъ тебя страшитъ тоска;
Путь твой тамъ лежитъ,
Гдѣ не падаютъ въ борьбѣ,
Гдѣ не шлютъ упрекъ тебѣ.

Влилъ я чары красоты
Въ гимнъ скорбей моихъ,—
Прилетишь, быть можетъ, ты
Слушать звонкій стихъ,
Я полетъ твой задержу,
Крылья быстрыя свяжу.

Я люблю, о, сынъ Утѣхъ,
Все, что любишь ты:
Свѣтъ зари, веселый смѣхъ,
Вешніе листы,
И вечерній часъ, когда
Загорается звѣзда.

Я люблю пушистый снѣгъ
И узоры льдовъ,
Синихъ волнъ кипучій бѣгъ,
Вѣчный шумъ вѣтровъ,
Всю Природу,—міръ святой,
Чуждый горести людской.

Я люблю воздушный стихъ,
Кроткія мечты
Тихихъ, мудрыхъ, и благихъ;
Я такой, какъ ты.
Только я лишенъ его,
Свѣта счастья твоего.

Я люблю Любовь,—дитя,—
Что на краткій мигъ
Къ намъ приходитъ, и шутя
Прячетъ вновь свой ликъ.
Но тебя, въ мельканьи дней,
Я люблю всего сильнѣй.

Ты восторгъ съ собой несешь,
Гонишь призракъ бѣдъ,
И въ ненастный сумракъ льешь
Лучезарный свѣтъ.
Жизнь и радость, о, приди,
Вновь прижмись къ моей груди!

ПРЕВРАТНОСТЬ

Цвѣтокъ чуть живетъ—и умретъ.
Проживши день всего:
Мгновенъ восторгъ нашъ сверкнетъ.
Гаснетъ и нѣтъ его.
Непрочень счастья привѣтъ:
Во тьмѣ ночной житейскихъ бѣдъ
Онъ—бѣгныхъ молній свѣтъ.

Какъ красота души хрупка,
Какъ рѣдокъ дружбы смѣхъ.
И какъ въ любви насъ жметъ тоска
За краткій, нашъ утѣхъ!
Но пусть восторгъ прочится скоро—
Всегда мы то переживемъ,
Что мы своимъ зовемъ!

Пока лазурны небеса,
Покуда ясенъ день,
Пока блеститъ цвѣтовъ краса
И медитъ скорби тѣнь,—
Мгновенья быстрыя считай,
Отдайся райскимъ снамъ, мечтай,
Пробудиться,—рыдай!

СТРОКИ НАПИСАННЫЯ ПРИ ИЗВѢСТІИ О СМЕРТИ НАПОЛЕОНА.

Ты все жива, Земля, смѣла? Таишь весну?
Не черезчуръ-ли ты смѣла?
Ты все еще спѣшишь впередъ, какъ встарину?
Сіяньемъ утреннимъ свѣтла,
Изъ стада звѣзднаго послѣдней, какъ была?
А! Ты спѣшишь, какъ встарину?
Но движется-ли трупъ, когда безъ духа онъ,
Ты двинешься-ль, когда погибъ Наполеонъ?

Какъ, сердце у тебя не оковалось льдомъ?
Горитъ очагъ? Звучатъ слова?
Но развѣ звонъ *по немъ* не прозвучалъ какъ громъ,
О, Мать Земля, и *ты* жива?
Ты старые персты могла согрѣть едва
Надъ полумертвымъ очагомъ
Молніеноснаго, когда онъ отлеталъ—
И ты смѣешься—да?—когда онъ мертвымъ сталъ?

«Кто раньше зналъ меня», звучитъ Земли отвѣтъ,
«Кто вѣдалъ Землю встарину?
«Ты слишкомъ смѣлъ, не я». И молній жгучій свѣтъ
Прорѣзалъ въ небѣ глубину.
И громкій смѣхъ ея, родя въ моряхъ волну,
Сложился въ пѣсню и въ завѣтъ:
«Къ моей груди прильнутъ всѣ тѣ, что отойдутъ:
«Изъ смерти жизнь ростетъ, и вновь цвѣты цвѣтутъ».

«Я все жива, смѣла, былъ гордый вскормъ Земли.
«Я все сиѣлѣе съ каждымъ днемъ.
«Громады мертвецовъ мой свѣтлый смѣхъ зажгли.
«Меня наполнили огнемъ.
«Какъ мерзлый хаосъ, я—была объята сномъ.
«Въ туманахъ, въ снѣговой пыли.
«Пока я не слилась съ героемъ рокоча.
«Кого питаю я, сама питаюсь имъ.

«Да, все еще жива», ворчитъ Земля въ отвѣтъ.
«Свирѣпый духъ, Наполеонъ,
«Направилъ въ гибели потокъ смертей и бѣдъ.
«Изъ крови создалъ страшный сонъ;
«Такъ пусть же тотъ металлъ, что въ лаву превращенъ,
«Не тратитъ даромъ жаръ и свѣтъ,
«Пусть приметъ форму онъ, и пусть его позоръ
«Зажжется какъ маякъ—какъ въ черной тьмѣ костеръ».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЕЛИЧІЕ.

Сонетъ.

Ни счастье, ни величіе, ни сила,
Ни слава не лелѣютъ никогда
Рабовъ, что тираннія превратила
Въ послушныя безгласныя стада.

Ихъ лѣтопись—безславная могила,
Поэтовъ не находитъ ихъ бѣда,
Отъ нихъ искусство ликъ свой отвратило,
Они какъ тѣни гаснутъ безъ слѣда.

Бѣгутъ къ забвенью въ слѣпотѣ позорной.
Что̀ эти числа, этотъ рой тупой?
Пусть правитъ человѣкъ самимъ собой,—

Въ своей лишь волѣ видитъ тронъ безспорный,
Пусть высится онъ, будучи одинъ,
Всѣмъ чаяньямъ, всѣмъ страхамъ—властелинъ.

АЗІОЛА.

1.

«Ты слышалъ, Азіола не кричала?
«Мнѣ кажется, она вотъ въ этой сторонѣ»,
Сказала Мэри мнѣ,
Когда сидѣли мы безмолвно и устало
Въ беззвѣздныхъ сумеркахъ, не зажигая свѣчъ,
И я, боящійся докучныхъ лишнихъ встрѣчъ,
Спросилъ: «Кто Азіола эта?»
Какъ я возликовалъ, узнавъ изъ словъ отвѣта,
Что нѣтъ и тѣни въ ней людского существа;
Испугъ мой Мэри увидала,
И усмѣхнувшись мнѣ сказала:
«Не бойся! То птенецъ-сова!»

2.

Печальное созданье, Азіола!
Я услыхалъ въ вечерній часъ
Твой крикъ пѣвучій много разъ,
Въ глухихъ лѣсахъ, въ поляхъ, надъ ровной гладью дола,
Въ болотахъ, на откосахъ горъ,
Съ участіемъ тебѣ внималъ я съ этихъ поръ;
И никогда ни пѣнье птицы,
Ни шумъ вѣтровъ, ни голоса людей,
Ни рокотъ лютни-чаровницы
Не трогали души моей,
Какъ ты: не такъ, какъ всѣ, и этихъ всѣхъ нѣжнѣй.
Тебя съ тѣхъ самыхъ поръ, печальное созданье,
Я полюбилъ за крикъ, похожій на рыданье.

ВОПЛЬ.

Міръ! Время! Жизнь! По вашимъ ступенямъ
Я восхожу невѣрною стопою,
Дрожа и спотыкаясь тамъ,
Гдѣ раньше я былъ твердъ душою.
И жду, когда же вспыхнетъ надо мною
Былой зари разсвѣтная звѣзда?
Она не вспыхнетъ вновь—нѣтъ, больше никогда!

Пусть ночь пройдетъ, пусть утро лучъ роняетъ,
Въ душѣ моей всегда ночная тьма,
Пусть лѣтній день весну смѣняетъ,
Идетъ за осенью зима,—
Безсмѣнно скорбь мнѣ душу наполняетъ,
Повсюду ждетъ зловѣщая бѣда.
А счастье не блеснетъ—нѣтъ, больше никогда!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Быстрѣй чѣмъ свѣтлый праздникъ мая,
Быстрѣй чѣмъ радость молодая,
Быстрѣй чѣмъ ночь, отъ ласкъ нѣмая,
Ты промелькнула тѣнью сна:
Какъ садъ безъ листьевъ, обнаженный,
Какъ мракъ ночной съ тоской безсонной,
Какъ умъ, печалью пораженный,
Моя душа одна, одна.

Пусть Лѣто ласточкой вернется,
Пусть Ночь Совою обернется,
Но лебедь Молодость несется
Скорѣй, скорѣе прочь, какъ ты.
Твержу я «завтра» ежечасно,
Мой сонъ—какъ осень, мгла—ненастна,
И взоромъ я ищу напрасно:
Гдѣ-жь есть зеленые листы?

Невѣстѣ—лиліи нѣмыя,
Матронѣ—розы огневыя,
На гробъ фіалки голубыя,—
Веселыхъ глазокъ дайте мнѣ:
Я ихъ на гробъ живой роняю,
Но ихъ слезами не мѣняю,
О, нѣтъ, не плачьте, умоляю,
Пусть я тоскую въ тишинѣ.

КЪ ЭДУАРДУ УИЛЬЭМСУ.

1.

Изъ райской области навѣки изгнанъ змѣй.
Подстрѣленный олень, терзаемый недугомъ,
Для боли ноющей своей
Не ищетъ нѣжныхъ травъ: и, брошенная другомъ,
Вдовица-горлинка летитъ отъ тѣхъ вѣтвей,
Гдѣ часъ была она съ супругомъ.
И мнѣ услады больше нѣтъ
Близь тѣхъ моихъ друзей, въ чьей жизни яркій свѣтъ.

2.

Я ненавистью гордъ,—презрѣніемъ доволенъ;
А къ равнодушію, что ранило меня,
Я самъ быть равнодушнымъ воленъ.
Но, коль забыть любовь и боль ея огня,
Отъ состраданія тотъ духъ измученъ, боленъ,
Который жизнь влачитъ, стеня,
Взамѣну пищи, хочетъ яда,
Тотъ, кто позналъ печаль, кому рыдать—отрада.

3.

И потому, когда, друзья, мой милый *другъ*,
Я васъ такъ тщательно порою избѣгаю,
Я лишь бѣгу отъ горькихъ мукъ,
Что встанутъ ото сна, разъ я приближусь къ раю,
И чаянья меня замкнутъ въ свой лживый кругъ;
Имъ нѣтъ забвенія, я знаю;
Такъ въ сердце я пронзенъ стрѣлой,
Что вынете ее, и вѣкъ оконченъ мой.

Когд
Вы

Нас
Нич

И м

Сего
Раз

Что
Спо

Вам

Жур
Нѣт

Сред
Вол

Гдѣ

Я е
Мог

Без
Его

Но

* * *

Слишкомъ часто завѣтное слово людьми осквернялось,
Я его не хочу повторять,
Слишкомъ часто завѣтное чувство презрѣньемъ встрѣчалось,
Ты его не должна презирать.
И слова состраданья, что съ устъ твоихъ нѣжныхъ сорвались,
Никому я отдать не хочу,
И за счастье надеждъ, что съ отчаяньемъ горькимъ смѣшались,
Я всей жизнью своей заплачу.

Нѣтъ того въ моемъ сердцѣ, что́ въ мірѣ любовью зовется.
Но молитвы отвергнешь-ли ты?
Неудержно вкругъ солнца воздушное облачко вьется,
Упадаетъ роса на цвѣты,
Полночь ждетъ, чтобы снова зари загорѣлося око,
И отвергнешь-ли ты, о, мой другъ,
Это чувство святое, что манитъ куда-то далеко,
Прочь отъ нашихъ томительныхъ мукъ?

Къ—

О, если бъ въ часъ какъ страсть остыла,
Правдивость съ нѣжностью могла
Остаться прежней, какъ была,
О, если бъ жить могла могила,
И все бы тотъ же свѣтъ блисталъ,
Я бъ не рыдалъ, я бъ не рыдалъ.

Довольно было бъ яснымъ взглядомъ
Встрѣчать твой нѣжный кроткій взглядъ,
Ихъ сказку сны договорятъ,
И не было бъ конца усладамъ,
Когда бы только ты могла
Такой остаться, какъ была.

Зима пройдетъ, и сонъ неволи
Смѣненъ прозрачною весной,
Фіалкой дышетъ мракъ лѣсной,
Все воскресаетъ, въ рощѣ, въ полѣ,
Лишь два огня, жизнь и любовь,
Что правятъ всѣмъ, не вспыхнутъ вновь.

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

Роскошной нѣги, Сновъ лучистыхъ
Раскрыты свѣтлыя врата,
Здѣсь въ переливахъ золотистыхъ
Сойдутся Мощь и Красота.
Они приникнутъ къ изголовью.
Зажгите, звѣзды, всѣ огни,
И ты, о, Ночь, своей любовью
Сліянье страсти осѣни.

Еще природа не ввѣряла
Любви—такую красоту.
Еще луна не озаряла
Такую вѣрную чету.
Пусть вкуситъ онъ самозабвенье,
Не видя милаго лица!
Бѣгите, быстрыя Мгновенья,
И возвращайтесь безъ конца!

Вы, феи, ангелы святые,
Склонитесь ласково надъ ней!
Блюдите, звѣзды золотыя,
Восторгъ немеркнущихъ огней!
О, страхъ! О, радость! Что́ свершится,
Покуда міръ окутанъ сномъ,
Предъ тѣмъ какъ солнце загорится!
Идемъ! Идемъ!

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

Другая варіація.

Чтобъ сны приникли къ изголовью,
Зажгите, звѣзды, всѣ огни,
И ты, о, Ночь, своей любовью
Сліянье страсти осѣни.
Ужель природа довѣрила
Любви—такую красоту?
Луна ужели озарила
Такую вѣрную чету?
О, пусть во мглѣ самозабвенья
Не видитъ онъ ея лица!
Бѣгите, быстрыя мгновенья,
И возвращайтесь безъ конца!

Юноши.

О, страхъ! О, радость! Что свершится,
Покуда міръ окутанъ сномъ,
Предъ тѣмъ какъ солнце загорится!
Идемъ! Идемъ!
Роскошной нѣги, сновъ лучистыхъ
Раскрыты свѣтлыя врата,
Здѣсь въ переливахъ золотистыхъ
Сойдутся мощь и красота.
О, пусть во мглѣ самозабвенья
Не видитъ онъ ея лица!
Бѣгите, быстрыя мгновенья,
И возвращайтесь безъ конца!

Дѣвушки.

О, страхъ! О, радость! Что́ свершится,
Покуда міръ окутанъ сномъ,
Предъ тѣмъ какъ солнце загорится!
Идемъ! Идемъ!
Вы, феи, ангелы святые,
Склонитесь ласково надъ ней!
Блюдите, звѣзды золотыя,
Восторгъ немеркнущихъ огней!
О, пусть во мглѣ самозабвенья
Не видитъ онъ ея лица!
Бѣгите, быстрыя мгновенья,
И возвращайтесь безъ конца!

Юноши и дѣвушки.

О, страхъ! О, радость! Что́ свершится,
Покуда міръ окутанъ сномъ,
Предъ тѣмъ какъ солнце загорится,
Идемъ! Идемъ!

Юноши.

О, медли, медли, свѣтъ востока,
Свое завистливое око
Скрывай подольше въ безднахъ Сна!

Дѣвушки.

Нѣтъ, Весперъ, нѣтъ, вернись скорѣе!
Пусть ликъ твой вспыхнетъ, въ блескѣ млѣя,
И разомкнется глубина!

Хоръ.

Роскошной нѣги, Сновъ лучистыхъ
Раскрыты свѣтлыя врата.
Здѣсь въ переливахъ золотистыхъ
Сойдутся Мощь и Красота.
О, пусть вкругъ нихъ свѣтло зажжется
Пурпуровый туманъ любви,
Пусть чувство ихъ въ цвѣтокъ сольется,
Въ сердечной вспыхнувши крови!
И пусть, какъ камень драгоцѣнный,
Ихъ страсть лучи распространитъ,
И этотъ праздникъ незабвенный
Имъ дѣтскій обликъ подаритъ!

ЛЮБОВЬ, ЖЕЛАНЬЕ, ЧАЯНЬЕ И СТРАХЪ.

...И многихъ ранило то сильное дитя,
Чье имя, если вѣрить, Наслажденье;
А близь него, лучомъ безмѣрныхъ чаръ блестя,
Четыре Женщины, простершія владѣнье
Надъ воздухомъ, надъ моремъ, и землей,
Ничто не избѣжитъ вліянья власти той.
Ихъ имена тебѣ скажу я,
Любовь, Желанье, Чаянье, и Страхъ:
Всегда свѣтясь въ своихъ мечтахъ,
Въ своей побѣдности ликуя,
И насъ волненьями томя,
Они правители надъ тѣми четырьмя
Стихіями, что образуютъ сердце,
И каждая свою имѣетъ часть,
То сила служитъ имъ, то случай дастъ имъ власть,
То хитрость имъ—какъ узенькая дверца,
И царство бѣдное терзаютъ всѣ они.
Предъ сердцемъ—зеркаломъ Желаніе играетъ,
И духъ, что въ сердцѣ обитаетъ,
Увидя нѣжные огни,
Какимъ-то ликомъ зачарованъ,
И сладостнымъ хотѣньемъ скованъ,
Обняться хочетъ съ тѣмъ, что въ зеркалѣ предъ нимъ,
И, заблужденіемъ обманутъ огневымъ,
Презрѣлъ бы мстительныя стрѣлы,
Опасность, боль со смертнымъ сномъ,
Но Страхъ безгласный, Страхъ несмѣлый,
Оцѣпеняющимъ касается копьемъ,

И, какъ ручей оледенѣлый,
Кровь теплая сгустилась въ немъ:
Не смѣя говорить ни взглядомъ, ни движеньемъ,
Оно внутри горитъ надменнымъ преклоненьемъ.
О, сердце бѣдное, какъ жалко билось ты
Межь робкимъ Страхомъ и Желаньемъ!
Печальна жизнь была того, кто всѣ мечты
Смѣшалъ съ томленьемъ и терзаньемъ:
Ты билось въ немъ, всегда, веадѣ,
Какъ птица дикая въ рѣдѣющемъ гнѣздѣ.
Но даже у свирѣпаго Желанья
Его исторгнула Любовь,
И въ самой ранѣ сердце вновь
Нашло блаженство сладкаго мечтанья,
И въ нѣжныхъ взорахъ состраданья
Оно такъ много силъ нашло,
Что вынесло легко всѣ тонкія терзанья,
Утрату, грусть, боязнь, все трепетное зло.
А тамъ и Чаянье пришло,
Что для сегодня въ дняхъ грядущихъ
Беретъ взаймы надеждъ цвѣтущихъ
И блесковъ новаго огня,
И Страхъ безсильный поскорѣе
Бѣжать, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.
Когда, туманъ съ высотъ гоня,
Заря нисходитъ пламенѣя,—
И сердце вновь себя нашло,
Перетерпѣвъ ночное зло.

Четыре легкія видѣнья
Вначалѣ міра рождены,
И по рѣшенью Наслажденья
Дано имъ сердце во владѣнье
Со дней забытой старины.
И, какъ веселый ликъ Весны
Съ собою ласточку приводитъ,
Такъ съ Наслажденьемъ происходитъ,
Что отъ него печаль и сны

2

«Я НЕ ХОТѢЛЪ БЫ...»

Отрывокъ.

Я не хотѣлъ бы стать царемъ:
Въ любви достаточно заботы.
И къ власти мы всегда идемъ
Крутымъ обрывистымъ путемъ,
И бурей скованы высоты.
Меня не манитъ пышный тронъ:
Подъ солнцемъ, въ полдень свѣтлоликій,
Безслѣдно, льдистый, таетъ онъ;
Но я бъ не скоро былъ смущенъ
Заботою, будь я владыкой.
Я бъ съ ней ушелъ, хранить мечты,
На Гималайскіе хребты.

ВЕЧЕРЪ.

Ponte a Mare. Pisa.

Потухло солнце. ласточки уснули,
Летучей мыши виденъ быстрый взмахъ,
Деревья въ полумракѣ потонули,
Вздыхаетъ вечеръ въ дремлющихъ кустахъ,
И зыбь рѣки, волнуяся красиво,
Расходится и грезитъ молчаливо.

И нѣтъ росы, трава суха кругомъ,
Тумановъ нѣтъ среди вѣтвей сплетенныхъ;
Колеблемы чуть слышнымъ вѣтеркомъ,
Они полны мечтаній полусонныхъ.
И все темнѣй становится рѣка,
И все нѣжнѣй дыханье вѣтерка.

Въ волнахъ трепещутъ зданій отраженья,
Живутъ, покуда ихъ не скроетъ мракъ,
И каждый мигъ они полны движенья,
Не могутъ успокоиться никакъ.
И воздухъ обнимается съ землею,
Все больше проникаясь темной мглою.

Въ гигантской тучѣ спрятался просторъ
Нѣмыхъ небесъ, гдѣ свѣтъ до завтра скрылся,
Какъ-бы къ горамъ тѣснятся глыбы горъ,
Небесный сводъ печалью омрачился.
Но тамъ въ лазури, нѣжной, какъ вода,
Горитъ межъ тучъ вечерняя звѣзда.

МУЗЫКА.

Умолкли музыки божественные звуки,
Плѣнивъ меня на мигъ своимъ небеснымъ сномъ.
Вослѣдъ моей мечтѣ я простираю руки,—
Пусть льется пѣсня вновь серебрянымъ дождемъ:
Какъ выжженная степь ждетъ ливня и прохлады,
Я страстно звуковъ жду, исполненныхъ отрады!

О, геній музыки! Ростетъ тоски волна!
Пошли созвучій мнѣ живое сочетанье:
Я свѣтлый кубокъ твой не осушилъ до дна,
Я въ сердцѣ не убилъ безбрежное страданье!
Еще, еще, молю! Какъ шумный водопадъ,
Пошли мнѣ звонкихъ струй блистательный каскадъ!

Фіалка нѣжная тоскливо ждетъ тумана,
Чтобъ чашечку ея наполнилъ онъ росой;
Такъ точно жажду я минутнаго обмана
Созвучій неземныхъ съ ихъ дивною красой.
И вотъ они звенятъ... Я съ ними вновь сливаюсь...
Я счастливъ... Я дрожу... Я плачу... Задыхаюсь...

СОНЕТЪ КЪ БАЙРОНУ.

(Я боюсь, что эти стихи не понравятся вамъ, но)

Когда бы меньше почиталъ я васъ,
Отъ Зависти погибло бъ Наслажденье;
Отчаянье тогда бъ и Изумленье
Надъ тѣмъ умомъ смѣялись бы сейчасъ,

Который,—какъ червякъ, что въ вешній часъ
Участвуетъ въ безмѣрности цвѣтенья,—
Глядя на завершенныя творенья,
Отрадою исполненъ каждый разъ.

И вотъ, ни власть, что дышетъ властью Бога,
Ни мощное паренье межъ высотъ,
Куда другіе тащатся убого,—

Ни слава, о, ничто не извлечетъ
Ни вздоха у того, кто возвѣщаетъ:
Червякъ, молясь, до Бога досягаетъ.

ОТРЫВОКЪ О КИТСѢ,

который пожелалъ, чтобъ надъ его могилой написали—

«Здѣсь тотъ, чье имя—надпись на водѣ».
Но, прежде чѣмъ успѣло дуновенье
Стереть слова,—страшася убіенья,
Смерть, убивая раньше все вездѣ,
Здѣсь, какъ зима, безсмертіе даруя,
Подула вкось теченья, и потокъ,
Отъ смертнаго застывши поцѣлуя,
Кристальностью возникъ блестящихъ строкъ,
И Адонаисъ умереть не могъ.

ЗАВТРА.

Гдѣ Завтрашній день? Гдѣ ты, призракъ желанный?—
Въ богатствѣ, въ нуждѣ, средь утѣхъ, средь скорбей
Напрасно мы ищемъ улыбки твоей,
Покуда проходимъ путь жизни туманный.
Ты всюду отъ насъ ускользаешь, какъ тѣнь,
Всегда мы встрѣчаемъ, въ печали,
Лишь то, отъ чего такъ тревожно бѣжали:
Сегодняшній день.

ПУТНИКЪ.

Отрывокъ.

Онъ бродитъ безъ конца, какъ сонъ, какъ привидѣнье,
Сквозь чащу смутную ума,
Путями странными, во мглѣ уединенья,
Гдѣ бьется океанъ, гдѣ нѣтъ границъ, гдѣ тьма.

«Я ГИБНУ, ПАДАЮ...»

Отрывокъ.

Я гибну, падаю. Любовь—моя отрава.
Я таю тучкою: ей свѣтъ невѣрный данъ
Отъ блеска вечера, чья такъ измѣнна слава:
Уничтожаюсь я, какъ на вѣтрахъ туманъ,
Какъ зыбь волны, когда безвѣтренъ океанъ.

ВЪ ЗАСАДѢ.

Отрывокъ.

Когда въ безоблачной лазури,
Надъ изумрудною землей,
Чуть дышетъ вѣтеръ молодой,
И говоритъ: «Не будетъ бури»,—
Когда росистая заря,
Какъ, лань не вѣдавшая гона,
Идетъ по высямъ небосклона,
Сіяньемъ юности горя,—
Когда дрожатъ лучи во взглядѣ,—
О, смѣйтесь,—потому что въ днѣ
Таятся вихри въ глубинѣ,
И ждутъ, и жертву ждутъ въ засадѣ.

«И ЕСЛИ...»

Отрывокъ.

И если я хожу увѣнчанъ, ввѣрясь чуду,
Мое отличье въ томъ; когда же я паду,
Назавтра прахъ, рыдать объ этомъ днѣ не буду,
И, сбросивъ свой уборъ, прахъ къ праху я сведу.

«О, БОЖЕСТВО БЕЗСМЕРТНОЕ...»

Отрывокъ.

О, божество безсмертное, чей тронъ
Въ глубинахъ помысловъ людскихъ стоитъ отъ вѣка,
Зову тебя, да снидетъ твой законъ,
Зову тебя во имя человѣка,
Во имя—и того, чѣмъ быть онъ пересталъ,
И чѣмъ онъ прежде былъ, и чѣмъ еще не сталъ.

ФАЛЬШИВЫЕ И НАСТОЯЩІЕ ЦВѢТЫ.

Отрывокъ.

«Кто ты, Надменный, что грязнить дерзаешь
«Лишь геніямъ цвѣтущіе цвѣты,
«Покуда ты какъ мѣсяцъ убываешь?
«Не тронь священно-легкіе листы,
«Что для немногихъ, домъ чей—область славы.
«Ростутъ въ Раю: изъ безъимянныхъ ты.
«—О, я ношу ихъ только для забавы,
«Фальшива этихъ листьевъ красота,
«Въ росѣ цвѣтовъ—дыханіе отравы,
«И прелесть ихъ минутная—не та,
«Что облегла навѣкъ чело Мильтона;
«Притворной лаской дышетъ ихъ мечта,
«Зажглись,—ихъ нѣтъ,—и нѣтъ надъ ними стона.»

ПѢСНЯ.

Тоскуетъ птичка одиноко
Средь чащи елей и березъ;
Кругомъ, куда ни глянетъ око
Холодный снѣгъ поля занесъ.

На зимнихъ вѣткахъ помертвѣлыхъ
Нѣтъ ни единаго листка;
Среди полянъ печальныхъ, бѣлыхъ—
Ни пѣнцъ, ни травки, ни цвѣтка.

И плачетъ птичка одиноко,
А воздухъ тихъ, сильнѣй морозъ,
И еле слышно издалека
Роптанье мельничныхъ колесъ.

1822.

ЦУККА.

1.

Погасло Лѣто, Осень золотая
Кончалась, и надъ тусклою землей
Зима смѣялась;—въ часъ когда, желая
Того, что не постигнетъ міръ земной,
Я шелъ по красотѣ изнемогая;
Въ душѣ—пески измытые волной,
Приливъ исчезъ, и блѣденъ ликъ растеній
Отъ лживости ласкательныхъ мгновеній.

2.

Погасло Лѣто,—я живу, скорбя,
Что бѣгло все, но только не мученье,
И на землѣ, которую любя
Сонъ убаюкалъ, нѣтъ мнѣ сновъ забвенья.
Счастливая Земля! вокругъ тебя
Весеннія повѣютъ дуновенья,
И вскрикнешь ты, упившись бытіёмъ,
Что смерти нѣтъ въ безсмертіи твоемъ.

3.

Любилъ я—о, не васъ я разумѣю,
И никого изъ призраковъ земныхъ,
Хоть дороги вы мнѣ красой своею,
Какъ сердце сердцу, какъ вниманью стихъ;—

Любилъ не знаю что, люблю, лелѣю,
Но низкій міръ не знаетъ чертъ твоихъ;
Тебя вездѣ, не видя, ощущаю,
Тебѣ молюсь, но какъ назвать, не знаю.

4.

Ни на Землѣ, ни въ Небѣ, ты ни въ чемъ
Не можешь задержаться или скрыться,
Всѣхъ формъ бѣжишь, но разъ твоимъ лучомъ
Высокій или низкій озарится,
Пронзенному какъ огненнымъ мечомъ,
Ему на мигъ божественное снится;
А ты уйдешь,—улыбка стерта съ губъ,
И лучшій низокъ, холоденъ, какъ трупъ.

5.

Въ цвѣтахъ, въ деревьяхъ, въ водахъ, и въ долинахъ,
И въ томъ, что повседневно, въ голосахъ
Беззлобныхъ, безсознательно-звѣриныхъ,
Въ глубокихъ человѣческихъ глазахъ,
Въ улыбкахъ женщинъ, въ женщинахъ-картинахъ,
Въ стебляхъ весеннихъ, въ листьяхъ, и въ цвѣтахъ,
Въ травѣ осенней,—я твой призракъ чую,
Тебя люблю, иль о тебѣ тоскую.

6.

И такъ я шелъ, терзаясь и скорбя,
И вдругъ увидѣлъ стебель надъ рѣкою
На берегу: какъ будто кто, любя
Сверхъ мѣры, и терзаемый тоскою,
Въ отчаяньи хотѣлъ убить себя;
Его морозъ жестокою рукою
Лишь ранилъ, не убилъ, и онъ росой
Блисталъ, какъ слишкомъ искренней слезой.

7.

Я взялъ его, и между стѣнокъ вазы
Въ землѣ отборной стебель посадилъ:
Лучи Зимы, родя въ стеклѣ алмазы,
Зажглись, и блескъ ихъ листья освѣтилъ;
Тая въ лучахъ безмолвные разсказы,
Звѣзда, что свѣтитъ до другихъ свѣтилъ,
Остановилась на порогѣ ночи,
И въ тотъ цвѣтокъ свои вперила очи.

8.

Вліяніемъ лучей и теплоты
Въ стеблѣ душа проснулась молодая,
На немъ возникли сильные листы,
И усики, и, нѣжно расцвѣтая,
Горящіе раскрылися цвѣты,
Какъ бы на пирѣ чаша золотая,
Вся полная виномъ; и каждый листъ
Біеньемъ сердца нѣжнымъ былъ лучистъ.

9.

Тотъ стебель сталъ бы сильнымъ и прекраснымъ,
Хотя бы свѣтъ небесный не блисталъ;
Надъ нимъ всю зиму, преданъ мыслямъ страстнымъ,
Въ печали чистой духъ одинъ рыдалъ;
Какой-то голосъ жилъ напѣвомъ яснымъ,
И звукъ струны, съ нимъ смѣшанъ, трепеталъ;
Та пѣснь, разставшись съ нѣжными устами,
Въ другомъ вставала нѣгой и слезами.

10.

И сердце въ немъ раскрылось нѣгой сновъ,
И дрогнулъ стебель, влагой орошенный;
Межъ тѣмъ декабрь, въ одеждѣ изъ вѣтровъ,
Свирѣпствовалъ вкругъ комнаты смущенной;
Дрожали птички въ мертвой мглѣ кустовъ,
Заслыша голосъ бури разъяренной;
И каждый стебель тѣнью трепеталъ,
Но этотъ жилъ, былъ юнымъ, и блисталъ.

ЛЕДИ МАГНЕТИЗИРУЮЩАЯ БОЛЬНОГО.

1.

Усни, усни! Забудь страданья,
И власть руки моей прими!
Мой духъ сковалъ твои мятанья,
Усни, и ласку состраданья
Разбитымъ сердцемъ восприми!
Какъ утромъ сумракъ, муки таютъ,
И силы жизни возростаютъ,
Ростетъ моихъ надеждъ прибой;
Они вокругъ тебя витаютъ,
Хотя не слиться имъ съ тобой.

2.

Усни. усни, о, другъ мой бѣдный!
Когда подумаю, что тотъ,
Кто сдѣлалъ жизнь мою побѣдной,
Могъ быть—такой же грустный, блѣдный,
Могъ знать твоихъ страданій гнетъ,
Что чьей-нибудь чужой рукою
Онъ былъ бы разлученъ съ тоскою.—
Тогда я вся дрожу, скорбя,
Я о тебѣ скорблю душою,
Хотя я не люблю тебя.

3.

Мечтою тоской отягощенным,
Тоской придетъ скорѣй конецъ:
Усни ребенкомъ нерожденнымъ,
Тѣмъ сномъ, ничѣмъ не возмущеннымъ,
Которымъ спитъ въ гробу мертвецъ
Усни, тебѣ шептать я буду:
Забудь борьбу, отдайся чуду,
Забудь все то, что давитъ грудь.
Твоей я никогда не буду,
Забудь меня, забудь! забудь!

4.

Какъ на луга изъ тучъ стремится
Дождя цѣлебнаго потокъ,
Такъ духъ мой плачетъ и томится,
И за слезой слеза струится
Къ тебѣ, поблекшій мой цвѣтокъ.
Но пусть не буду я твоею,
Тебя я усыплять умѣю,
Въ твоей душѣ горятъ огни,
Тобой глубоко я владѣю...
Усни, мой другъ, усни! усни!

«ЕСЛИ ЛУЧЪ ОТБЛИСТАЕТЪ...»

Строки.

Если лучъ отблистаетъ,
Свѣтлый слѣдъ безпощадныя тѣни сотрутъ
Если туча растаетъ,
Ослѣпительной радуги краски умрутъ.
Если лютня разбита,
Пѣснопѣній волна замолчитъ навсегда.
Если чувство изжито,
Не сорвутся признанія съ устъ никогда.

Нѣтъ ни звуковъ, ни смѣха,
Если порваны струны, что пѣли въ тиши,
И сердечное эхо
Не создастъ пѣснопѣнья для смолкшей души.
Не создастъ пѣснопѣнья,
Развѣ только споетъ заунывный хоралъ,
Тотъ, что послѣ крушенья
Распѣваетъ морской оглушительный валъ.

Только души сольются,
Какъ Любовь изъ гнѣзда улетаетъ скорѣй,
И, безсильныя, льются,
Льются горькія слезы изъ тусклыхъ очей.
О, Любовь, ты рыдаешь
Надо всѣмъ, что непрочно въ томленьи земномъ,
Для чего-жь созидаешь
Ты себѣ лишь въ непрочномъ гробницу и домъ?

Духъ твой въ страсти мятется,
Точно вóроны въ вѣтрѣ, окутавшемъ лѣсъ:
И разсудокъ смѣется,
Точно мертвое солнце средь зимнихъ небесъ.
И въ пустынѣ безплодной
Всѣ мечты, точно листья, на землю падутъ,
И съ насмѣшкой холодной
Огрубѣвшіе вѣтры толпою придутъ.

ПРИЗЫВЪ.

Къ Джэнъ.

Мой лучшій другъ, мой нѣжный другъ,
Пойдемъ туда, гдѣ зеленъ лугъ!
Ты вся свѣтла, какъ этотъ День,
Что гонитъ прочь и скорбь и тѣнь
И будитъ почки ото сна,
И говоритъ: «Пришла Весна!»
Пришла Весна, и свѣтлый Часъ
Блеститъ съ небесъ, глядитъ на насъ,
Цѣлуетъ онъ лицо земли,
И къ морю ластится вдали,
И нѣжитъ шепчущій ручей,
Чтобъ онъ журчалъ и пѣлъ звончѣй,
И дышетъ лаской между горъ,
Чтобы смягчить ихъ снѣжный взоръ,
И, какъ предтеча Майскихъ сновъ,
Раскрылъ онъ чашечки цвѣтовъ,—
И просіялъ весь міръ кругомъ,
Объятый свѣтлымъ торжествомъ,
Какъ тотъ, кому смѣешься ты,
Кто видитъ милыя черты.

Уйдемъ отъ пыльныхъ городовъ,
Уйдемъ съ тобою въ міръ цвѣтовъ,
Туда, гдѣ—мощные лѣса,
Гдѣ ярко искрится роса,
Гдѣ новый міръ, особый міръ
Поетъ звучнѣе нашихъ лиръ,

Гдѣ вѣтерокъ бѣжитъ, спѣша,
Гдѣ раскрывается душа
И не боится нѣжной быть.
Къ другой прильнуть, ее любить,
Съ Природой жить, и съ ней молчать,
И гармонически звучать.
А если кто ко мнѣ придетъ,
На двери надпись онъ найдетъ:
«Прощайте! Я ушелъ въ поля.
Гдѣ въ нѣжной зелени земля:—
Хочу вкусить блаженный часъ,
Хочу уйти, уйти отъ васъ;—
А ты, Разсудокъ, погоди,
Здѣсь у камина посиди,
Тебѣ подругой будетъ Грусть,
Читайте съ нею наизусть
Свой утомительный разсказъ
О томъ, какъ я бѣжалъ отъ васъ.
За мной, Надежда, не ходи,
Нѣтъ словъ твоихъ въ моей груди,
Я не хочу грядущимъ жить,
Хочу мгновенію служить,
Я полонъ весь иной мечты,
Непредвкушенной красоты!»

Сестра лучистыхъ Вешнихъ Дней,
Проснись, пойдемъ со мной скорѣй!
Подъ говоръ птичьихъ голосовъ,
Пойдемъ въ просторъ густыхъ лѣсовъ,
Гдѣ стройный стволъ сосны могучъ,
Гдѣ еле свѣтитъ солнца лучъ,
Едва дрожитъ среди тѣней,
Едва цѣлуетъ сѣть вѣтвей.
Среди прогалинъ и кустовъ
Мы встрѣтимъ сонмъ живыхъ цвѣтовъ,
Фіалки намъ шепнутъ привѣтъ,
Но мы уйдемъ, насъ нѣтъ какъ нѣтъ,
Мы ускользнемъ отъ анемонъ,

Увидимъ синій небосклонъ,
Ото всего умчимся прочь.
Забудемъ день, забудемъ ночь,
И къ намъ ручьи, журча, придутъ,
Съ собою рѣки приведутъ,
Исчезнутъ рощи и поля,
И съ моремъ встрѣтится земля,
И все потонетъ, все—въ одномъ,
Въ безбрежномъ свѣтѣ неземномъ!

Изт
Ка
Теп
Ско
Зем
На
Воз
Ско
Сво
К
На
Ме

На,

Др

Ит

И

Ка

И

2.

Другъ съ другомъ сосны обнялись,
Измятыя вѣтрами;
Ихъ сучья змѣями сплелись,
Склоняяся надъ нами.
И къ намъ ласкалось—вѣтерка
Чуть слышное дыханье,
Примчавшись къ намъ издалека,
Какъ чье-то лепетанье.
Но спали сосны мертвымъ сномъ
Безъ грезъ и безъ движенья,
Какъ спятъ всегда на днѣ морскомъ
Подводныя растенья.

3.

Какъ тихо все! Ни вздохъ, ни звукъ
Покоя не смущаетъ,
И даже дятла быстрый стукъ
Сильнѣе оттѣняетъ
Беззвучный миръ и тишь кругомъ,
И нашихъ душъ мечтанья,
И лѣсъ, объятый сладкимъ сномъ,—
Всю роскошь обаянья.
Слились въ одинъ волшебный кругъ—
Вершины горъ туманныхъ,
Цвѣты, поля, и ты, мой другъ,
Съ порывомъ думъ желанныхъ.
И свѣту уступила мгла
Предъ счастіемъ сознанья.
Что центромъ круга ты была,
О, нѣжное созданье!

4.

И долго мы, склонивши взоръ,
Подъ соснами стояли,
Глядѣли въ глубь лѣсныхъ озеръ,
Тамъ небеса сіяли,

СЪ ГИТАРОЙ, КЪ ДЖЭНЪ.

Аріэль къ Миранде.

Возьми вотъ этого раба
Созвучій нѣжныхъ, чья судьба
Слугой быть Музыки; его
Во имя ты прими того,
Кто рабъ вліянья твоего,
И влей въ него свои лучи,
Его всѣмъ звукамъ научи,
Въ которыхъ ты, и только ты,
Рождаешь столько красоты,
Что духъ лучамъ теряетъ счетъ,
И такъ восторгъ его ростетъ,
Что до терзанія дойдетъ;
Самъ Принцъ, самъ Фердинандъ сказалъ,
Твой повелитель приказалъ,
Чтобы несчастный Аріэль,
Чей голосъ—звукамъ колыбель,
Послалъ того безмолвный знакъ,
Чего сказать нельзя никакъ;
Твой добрый геній, Аріэль,
Нѣжнѣй чѣмъ ласковый Апрѣль,
Изъ жизни въ жизнь, все долженъ ждать,
Блаженства твоего искать,
И только такъ свое найти
Случайно можетъ на пути.
Какъ намъ могучій стихъ поетъ,
Изъ грота Просперо, впередъ,
Туда, въ Неаполь голубой,

Летѣлъ онъ быстро предъ тобой
Надъ бездной водъ, гдѣ нѣтъ слѣда,
Онъ, какъ падучая звѣзда,
Предъ кораблемъ твоимъ летѣлъ.
Тебѣ свѣтилъ, и весь блестѣлъ.
Чуть ты умрешь, и вотъ Луна,
Въ тюрьмѣ ущербности и сна,
Не такъ туманна и грустна,
Какъ безпріютный Аріэль,
Утратившій для жизни цѣль.
Чуть вновь родишься на землѣ,—
Звѣздой рожденія, во мглѣ,
По морю жизни, сквозь мятель,
Твой путеводный—Аріэль.
Какъ измѣнились всѣ мечты,
Съ тѣхъ поръ какъ Фердинандъ и ты
Довѣрились любовнымъ снамъ.
И Аріэль былъ вѣренъ вамъ!
Теперь, когда иной возникъ
Смиренный мигъ, счастливый мигъ,
Забыто все, и бѣдный духъ,—
Онъ вѣрно ранилъ чей-то слухъ,—
Въ такое тѣло заключенъ,
Что въ немъ какъ въ гробѣ онъ стѣсненъ;—
И онъ дерзаетъ лишь тебя
Просить, служа, молить, скорбя:
О, смѣйся, смѣйся, пой любя!

Художникъ, въ свой счастливый мигъ
Создавшій внѣшній этотъ ликъ,
Зимой въ лѣсу уснувшемъ шелъ,
И взялъ—срубилъ застывшій стволъ,
Средь убаюканныхъ стремнинъ
Повитыхъ вѣтромъ Аппенинъ;
А зимнимъ скованныя сномъ,
Деревья спали всѣ кругомъ.
И грезилось однимъ во снѣ,
Что Осень плачетъ въ вышинѣ,

Другимъ шептали грезы сна,
Что вотъ идетъ, цвѣтетъ Весна,
Листы Апрѣльскіе блестятъ,
Дожди текутъ и шелестятъ,
И третьимъ снилось Лѣто вновь,
И всѣмъ имъ грезилась любовь;
И этотъ стволъ, во мглѣ Зимы,—
О, если бъ такъ кончались мы!—
Безъ боли могъ свой вѣкъ свершить,
Чтобъ въ лучшей формѣ вновь ожить;
И подъ счастливѣйшей звѣздой
Художникъ нѣжно-молодой,
Въ сіяньи чувства своего,
Гитару сдѣлалъ изъ него,
И научилъ давать отвѣтъ
Всѣмъ, въ чьихъ вопросахъ дышетъ свѣтъ,
Какъ дышетъ въ голосѣ твоемъ,
Что сладкимъ полонъ волшебствомъ
Влюбленныхъ травъ, густыхъ лѣсовъ
Луговъ, и вѣтра, и цвѣтовъ;
Да, научилася она
Всему, о чемъ поетъ Весна,
Созвучьямъ неба, склоновъ горъ,
Прозрачныхъ рѣкъ, лѣсныхъ озеръ,
Многоголосыхъ родниковъ,
И перекличекъ вдоль холмовъ,
Нѣжнѣйшихъ звоновъ, сновъ ключей,
Невнятныхъ рокотовъ дождей,
Мелодій пчелъ, напѣвовъ птицъ,
Дыханій росъ, огней зарницъ;
Она замкнула въ этотъ кругъ
И рѣдко слышащійся звукъ,
Непостижимый легкій звонъ,
Которымъ дышетъ небосклонъ.
Когда свершить свой путь дневной
Спѣшитъ на небѣ шаръ земной;
Ей все извѣстно, все, но нѣмъ
Волшебный голосъ передъ тѣмъ.

Кто не умѣетъ вопросить,
И кто серебряную нить
Не можетъ помысломъ соткать;
Она тому безсильно дать
Свой яркій свѣтъ, кто нищій самъ,
И тайнъ своихъ не выдастъ вамъ;
Что было въ чувствѣ, то и въ ней.
И ей нельзя сказать яснѣй;
Но нѣжный дастъ она отвѣтъ
Тому, въ чьемъ сердцѣ лучшій свѣтъ,
И роскошь звуковъ, блескъ ихъ смѣнъ,
Она хранитъ, ихъ взявши въ плѣнъ,
Для несравненной нашей Джэнъ.

АРІЯ ДЛЯ МУЗЫКИ.

Къ Джонъ.

Какъ луны безмятежной
Яркій свѣтъ побѣждаетъ безжизненныхъ звѣздъ трепетанье,
Все сильнѣй, и сильнѣе горитъ,
Такъ твой голосъ поющій, твой голосъ чарующе-нѣжный
Этимъ струнамъ бездушнымъ далъ жизнь,—и твое въ нихъ дыханье
Такъ свѣтло говоритъ.

Звѣзды ласково блещутъ,
Нынче дремлетъ за гранью далекой луна золотая,
Но проснется, проснется она;
Собралися мечты, и на вѣткахъ листы не трепещутъ,
Разсыпаются звуки, росой лучезарной сверкая,
И вздыхаетъ струна.

Звукъ струны возростаетъ.
Пой, и сладостнымъ пѣньемъ своимъ намъ даруй откровенье.
Дай намъ знать, что намъ знать не дано,
Увлеки насъ въ тотъ міръ, что въ безвѣстности гдѣ-то блистаетъ,
Въ міръ, гдѣ звукъ, и сіянье луны, и порывы волненья
Сочетались въ одно!

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ.

О, вѣтеръ, плачущій уныло,
О, вѣстникъ тучи грозовой;
Пещера, мрачная могила,
Гдѣ слышенъ бури скорбный вой;

Ты, вѣчно-трепетное море,
Ты, сосенъ вѣковыхъ семья,—
Оплачьте міровое горе,
Тоску земного бытія!

СТРОКИ,

НАПИСАННЫЯ У ЗАЛИВА ЛЕРИЧИ.

Меня оставила она
Въ тотъ тихій часъ, когда луна,
Уставъ всходить, лелѣя сны,
Глядитъ съ лазурной крутизны
На весь Небесный свой откосъ,
И, какъ уснувшій альбатросъ,
На крыльяхъ рѣетъ свѣтовыхъ,
Въ лучахъ багряно-огневыхъ,
Предъ тѣмъ какъ скрыться наконецъ
Въ океаническій дворецъ,
Чтобъ между водъ окончить путь.
Въ чертогахъ Запада уснуть.
Она оставила меня,
Но, весь исполненный огня,
Въ тиши, загрезившей вокругъ,
Припоминалъ я каждый звукъ;
Хоть мгла кругомъ была мертва,
Но сердце слышало слова;
Такъ зовъ, живя мгновеннымъ сномъ,
Встаетъ какъ эхо за холмомъ:
И все я чувствовалъ—о, какъ!—
Что мягко дышетъ полумракъ,
Что чья-то нѣжная рука
Меня касается слегка,
Дрожа, лежитъ на лбу моемъ,
И все мы съ ней, и все вдвоемъ;

И вотъ, хоть не было ея,
Воспоминаніе мое
Сумѣло все мнѣ счастье дать,
Чего лишь смѣлъ мой Умъ желать: —
Вотъ, страсти смолкли передъ ней,
Я жилъ одинъ съ мечтой моей,
И нашъ былъ вѣчный сладкій часъ,
И міра не было для насъ.
Мой добрый геній... Гдѣ же онъ?
Ужь демонъ занялъ прежній тронъ,
И выразить не смѣю я,
Въ чемъ мысль моя, мечта моя;
И такъ, мятущійся, сижу,
На море вольное гляжу,
Скользятъ тамъ быстрыя ладьи,
Какъ будто духи, въ забытьи,
Спѣшатъ свершить, за далью странъ,
Приказъ, который былъ имъ данъ,
И свѣтелъ ихъ мгновенный слѣдъ
Среди стихій, гдѣ бури нѣтъ;
Они стремятся по водѣ,
Туда, въ Элизіумъ, къ звѣздѣ,
Гдѣ есть напитокъ бытія
Для боли нѣжной, какъ моя,
Что, сладость съ горечью смѣшавъ,
Нѣжнѣй легко дрожащихъ травъ.
И вѣтеръ, взвившій ихъ полетъ,
Изъ края свѣтлаго идетъ,
И свѣжесть дышащихъ цвѣтовъ,
И прохладительность часовъ,
Когда рождается роса
И остываютъ небеса,
И духъ вечерней теплоты,
Вся многослитность красоты
Распространилась надо мной,
Глядитъ въ заливъ во мглѣ ночной.
И тамъ вдали рыбакъ, съ огнемъ
И съ острогой, межъ слитыхъ сномъ

И низкихъ влажныхъ скалъ, идетъ
И. рыбу пламенемъ изъ водъ
Воззвавъ къ молитвенной мечтѣ,
Ее сражаетъ въ высотѣ.
Какъ тѣ блаженны, въ комъ восторгъ
Всю память прошлаго исторгъ,
Всѣ сожалѣнія убилъ,
Въ комъ больше нѣтъ ни думъ, ни силъ,
Чья жизнь—уже дотлѣвшій свѣтъ,
Но въ комъ раскаянія—нѣтъ!

«ПОВСТРѢЧАЛИСЬ НЕ ТАКЪ...»

Строки.

Повстрѣчались не такъ, какъ прощались.
То, что въ насъ, непостижно другимъ,
Мы свободно съ тобой разставались,
Но сомнѣніемъ духъ нашъ томимъ.
Вотъ, мы скованы мигомъ однимъ.

Этотъ мигъ отошелъ безвозвратно,
Какъ напѣвъ, что весной промелькнулъ,
Какъ цвѣтокъ, что расцвѣлъ ароматно,
И какъ лучъ, что на влагѣ сверкнулъ
И на днѣ, въ глубинѣ, утонулъ.

Этотъ мигъ отъ временъ отдѣлился,
Онъ былъ первый отмѣченъ тоской.
И восторгъ его съ горечью слился,
— О, обманъ, для души—дорогой!
Тщетно ждать, что настанетъ другой.

Если-бъ смерть мою мысли скрывали,
О, уста дорогія, отъ васъ,
Вы отказывать въ ней бы не стали,
Вашей влаги вкусивши сейчасъ,
Умирая, ласкалъ бы я васъ!

ОСТРОВОКЪ.

Изъ моря смотритъ островокъ,
Его зеленые уклоны
Украсилъ травъ густыхъ вѣнокъ,
Фіалки, анемоны.

Надъ нимъ сплетаются листы,
Вокругъ него чуть плещутъ волны.
Деревья грустны, какъ мечты,
Какъ статуи, безмолвны.

Здѣсь еле-дышетъ вѣтерокъ,
Сюда гроза не долетаетъ,
И безмятежный островокъ
Все дремлетъ, засыпаетъ.

Э

Два друга здѣсь лежатъ
Да не раздѣлится ихъ
Пусть будетъ друженъ
При жизни—ихъ сердц

ЮНОШЕСКІЯ И НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1814.

СТАНСА НАПИСАННАЯ ВЪ БРЭКНЕЛѢ.

Мнѣ въ грудь упалъ твой нѣжный влажный взглядъ;
Твои слова въ ней растравляютъ ядъ;
Единственный тревожишь ты покой,
Что былъ мнѣ данъ въ удѣлъ моей тоской.
Суровымъ долгомъ скованъ, я бъ сумѣлъ
Перенести печальный мой удѣлъ:
Моя душа въ оковахъ, но она
Жива, хоть гнетомъ ихъ поражена.

КЪ МЭРИ ВУЛЬСТОНКРАФТЪ ГОДВИНЪ.

Я удержалъ нахлынувшія слезы,
Я твердымъ былъ, и лишь слегка вздохнулъ,
Свои глаза, какъ бы страшась угрозы,
Я отъ твоихъ въ испугѣ отвернулъ,
И я не зналъ, что ты, меня жалѣя,
Глядѣла и любила, не робѣя.

Согнуть себя и бѣшенство души,
Что лишь своимъ питается мученьемъ,
Проклятья повторять въ глухой тиши,
Томиться безпросвѣтнымъ заключеньемъ,
Да, быть въ цѣпяхъ, не смѣть стонать въ тюрьмѣ,
Отъ глазъ чужихъ скрываться въ душной тьмѣ.

И ты одна, въ мучительные годы,
Межь тѣмъ какъ на тебя я не глядѣлъ,
Во мнѣ лучомъ любви взростила всходы,
И положила тягостямъ предѣлъ,
И я, подъ блескомъ этого мгновенья,
Отъ горькаго возсталъ самозабвенья.

Твои слова, въ которыхъ міръ дышалъ,
Упали въ сердце, какъ роса живая
На тотъ цвѣтокъ, что не совсѣмъ завялъ;
Твои уста къ моимъ, изнемогая,
Прильнули; взоръ твой вспыхнулъ, какъ въ огнѣ,
И сладко убѣдилъ печаль во мнѣ.

О, милая! Тоска и опасенье
Еще грозятъ такъ странно мнѣ съ тобой,
Еще намъ нужно слово утѣшенья;
Превратности съ томительной борьбой
Пусть къ намъ свои не обращаютъ взгляды,
А то совсѣмъ не будетъ намъ отрады.

Ты такъ кротка, ты такъ добра, мила,
И я не могъ бы жить на этомъ свѣтѣ,
Когда бы ты такою не была,
Когда бъ ты отказала мнѣ въ привѣтѣ,
Надѣла бъ маску,—лишь въ душѣ, на днѣ,
Скрывая ото всѣхъ любовь ко мнѣ.

1816.

ОЧАГЪ.

Родной очагъ, пріютъ надеждъ и восхищеній,
Для Памяти больной послѣднее изъ нихъ
Содѣлалось больнѣй всѣхъ прошлыхъ огорченій,
Всѣхъ слезъ невспоминаемыхъ твоихъ.

1817.

ОТТОНЪ.

Ты не былъ. Кассій, и не могъ ты быть
Послѣднимъ между Римлянъ, хоть отъ Брута
Ты принялъ славу, и нельзя забыть,
Какъ много свѣта въ васъ двоихъ замкнуто;
И не былъ онъ послѣднимъ, хоть тиранъ
Затрепеталъ предъ нимъ среди сената,
Что рабской ложью одобрялъ обманъ;
Вы безкорыстны, вамъ лишь слава—плата,
Но и Оттонъ великъ, его душа богата.

Она тебя не можетъ оскорблять,
Его неумирающая слава,
И врядъ-ли ты ее хотѣлъ бы взять;
Какъ ты, онъ жилъ и умеръ нелукаво,
Тиранъ и врагъ тирана, умеръ онъ,
Мечъ родины навѣки освящая,
Своею жгучей кровью обагренъ,
Была въ немъ гордость, яркая, живая,
Онъ въ смерти свѣтлымъ былъ, онъ щедрымъ былъ, давая.

ОТРЫВКИ ПОВИДИМОМУ СОСТАВЛЯЮЩІЕ ЧАСТЬ «ОТТОНА».

Кого ни власть, ни тяжесть долгихъ дней,
Ни суевѣрье, ни обычай властный
Не ослѣпили силою своей,
И кто скорбѣлъ, что человѣкъ несчастный
Своимъ же малодушьемъ пригнетенъ,
Тотъ вѣчно ждалъ его освобожденья,
Онъ въ темный вѣкъ увидѣлъ яркій сонъ,
Ко мнѣ направилъ свѣтлое хотѣнье,
Зоветъ, чтобъ я возсталъ, какъ вѣстникъ пробужденья.

Туманна область горя; но людей
Пойметъ лишь тотъ, кто о людскомъ тоскуетъ.
. . . . . .
И вотъ на міръ людей, въ которомъ тьма,
Опять моей души нисходятъ тѣни;
Слѣпымъ сердцамъ всѣ помыслы ума—
Лишь призраки, лишь дымный сонмъ видѣній:
За яркимъ огнедышащимъ умомъ
Несутся тучи, свѣтлый слѣдъ стирая,
И тѣни, тѣни падаютъ кругомъ...
. . . . . .

КЪ ОСВОБОЖДЕННОМУ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

О, пусть въ моихъ глазахъ слеза дрожитъ,
И сердце бьется такъ, что наслажденье
Рождаетъ боль,—передъ тобой бѣжитъ
Союзникъ лжи, тупое заблужденье.
Благодарю тебя. Пускай тиранъ
Хранитъ свои оковы и мученья,
Пусть съ бѣшенствомъ онъ видитъ, что туманъ
Разсѣялся, и ты изъ заключенья
Какъ послѣ сна выходишь въ блескѣ дня,
И тщетно жаждалъ онъ, на дни, на годы,
Сковать твой духъ, исполненный огня,
Для всѣхъ людей желающій свободы.

САТАНА НА СВОБОДѢ.

Предъ трономъ Вѣчнаго Судьи
Склонялся Ангелъ златокрылый:
Какъ бы въ безумномъ забытьи
Со странною глядѣлъ онъ силой;
И кровью Дьявольскою онъ
Былъ въ тѣсной схваткѣ обагренъ.
Отецъ и Сынъ теперь узнали,
Что въ мірѣ битва началась.

Насталъ великій день и часъ,
На Сатанѣ оковы пали,
И гордыхъ демоновъ съ собой
Влача неисчислимый рой,
Вновь вольный, онъ надъ міромъ рѣялъ.
Еще не кончилъ Ангелъ,—вдругъ
Возникъ воздушный нѣжный звукъ,
Какъ будто шорохъ крылъ повѣялъ,
Какъ будто кто-то долетѣлъ
Въ небесный вышній тотъ предѣлъ,
И блескъ свѣтильниковъ чудесныхъ,
Что въ честь Архангеловъ всегда
Въ чертогахъ искрятся небесныхъ,
Затрепеталъ, померкъ... Бѣда!

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Томиться жаждою, не зная утоленья—
Блуждать невѣрною походкой—и томленье
Въ рыданьяхъ выражать—идти и, вставши вдругъ,
Глядѣть растерянно и горестно вокругъ—
И ощущать, какъ кровь сквозь жилы ударяетъ
И чувство съ мыслями тревожными сливаетъ;
Летѣть образъ ласкъ, чья сладость далека,
Пока туманная и жадная тоска
Настолько распалитъ собой воображенье,
Что вотъ оно твое, желанное видѣнье.

1818.

СЦЕНА ИЗЪ «ТАССО».

Маддало, *придворный*. Пинья, *министръ*.
Мальпильіо, *поэтъ*. Альбано, *придворникъ*.

Маддалю.

Не принимаетъ Герцогъ! Вы сказали:
Графъ Маддало съ нимъ хочетъ говорить?

Пиньа.

Вы доложили Свѣтлости его,
Что съ важными бумагами пришелъ я
Которыя онъ долженъ подписать?

Мальпильо.

Не знаетъ Герцогиня Леонора,
Что въ честь ея я написалъ сонетъ,
Гдѣ Адонисъ прославленъ и Венера.
Не слѣдовало денегъ брать съ меня,
Разъ вы услуги мнѣ не оказали.

Альбано.

По истинѣ я ей сказалъ объ этомъ,
И молвила она въ отвѣтъ съ улыбкой:
«О, скромная Поэзія, когда
«Венера—я, ты будешь Адонисомъ,
«Котораго я пламенно люблю,
«А онъ—тотъ дикій вепрь изъ Эриманта,
«Что ранилъ Адониса». О, повѣрьте,
Синьоръ Мальпильо, улыбки эти,
И эти наклоненья головы
Свидѣтельствомъ благоволенья были
И стоили цехина.

Мальпильо.

Смыслъ двойной
Въ такихъ словахъ, я ихъ не понимаю.
Ея улыбки были не ко мнѣ.

Пиньа.

Чѣмъ заняты ихъ Свѣтлости?

Альбано.

Какимъ-то
Таинственнымъ и страннымъ разговоромъ.
Ко лбу прижавши палецъ, губы сжавъ,

Сидѣлъ, склонившись, Герцогъ, а Принцесса
Сидѣла въ углубленьи, у окна,
И я не могъ ея лица увидѣть;
Но руки на колѣняхъ были сжаты,
На нихъ виднѣлись жилки голубыя,
И, блѣдныя какъ снѣгъ, они дрожали—
Тамъ также былъ и Тассо молодой.

Маддало.

Ты видишь: съ обожаемаго неба
Которому ты молишься, улыбки
Ты совлекаешь, но не на себя.

Мальпилью.

О, пусть того, кого они коснутся,
Они, какъ пламя жаркихъ молній, жгутъ!

ПѢСНЯ ДЛЯ «ТАССО».

1.

Я любилъ. Что́ значитъ жить?—Любить.
Но когда въ насъ больше нѣтъ дыханья,
И любовь не можетъ дольше быть.
Я мечталъ. Но тѣ мои мечтанья
Не такія, какъ они сейчасъ,
Въ нихъ горѣло яркое сознанье,
Мысли, знанье всѣхъ, кто жилъ до насъ,
Были въ нихъ несчетныя видѣнья,
Все, что есть въ природѣ,—звенья, звенья.

2.

И еще люблю я до сихъ поръ,
И еще мечтаю я—такъ странно.
Сердце пьетъ подонки, боль, позоръ.
Такъ любя, живу; . . . . . .
Я мечтаю, мысли мчатся, мчатся.

И видѣнья прошлаго роятся,
Входятъ въ настоящее они,
Каждый мигъ мрачнѣе сны мнѣ снятся,
Странны перемѣшанные дни.

3.

Иногда я вижу, предо мною
Точно духъ серебряный, какъ ты,
Леонора! онъ окутанъ мглою,
Я за нимъ слѣжу, кипятъ мечты,
Онъ плыветъ, онъ гаснетъ за стѣною,
За окномъ рѣшетчатымъ моимъ,
Таетъ, расплывается, какъ дымъ;
Онъ ужъ гдѣ-то тамъ во тьмѣ, далеко,
И вздыхаетъ онъ, простясь со мной,
Какъ вздыхаетъ сонная осока
Надъ прильнувшей къ берегу волной.

ЛѢСНИКЪ И СОЛОВЕЙ.

Одинъ лѣсникъ, душою огрубѣлой,
Былъ врагъ созвучій, въ слѣпотѣ своей;
При свѣтѣ звѣздъ, и подъ луною бѣлой,

Ему былъ ненавистенъ соловей,
Что пѣлъ въ лѣсу, надъ доломъ усыпленнымъ;
Какъ по лугамъ, журча, бѣжитъ ручей,—

Какъ лунный свѣтъ горитъ во мракѣ сонномъ,
Какъ туберозa, въ Индіи, дыша,
Поитъ равнину духомъ благовоннымъ,

И жизнь ея небесно-хороша,—
Такъ соловей въ лѣсу поетъ, счастливый,
Отъ звука къ звуку радостно спѣша,

Съ заката до тѣхъ поръ, когда надъ нивой
Разсвѣтная заискрится звѣзда,—
И внемлетъ міръ въ усладѣ молчаливой;

Въ узоры звѣздъ замкнувшись навсегда,
Внимаетъ небо; замерли, мечтая,
Земля и безглагольная вода;

Фіалка поблѣднѣла, расцвѣтая,
Внимаютъ розы, волны, облака,
Лучи свѣтилъ, и травка молодая;

И каждое дыханье вѣтерка,
И сонмы птицъ, и бабочка ночная,
Что серебрясь, порывисто-легка,

Изъ гроба колыбели улетая,—
Какъ тотъ, кто въ слишкомъ дальнюю влюбленъ,—
Спѣшитъ къ звѣздѣ, какъ будто золотая

Звѣзда, которой дышетъ небосклонъ,
Свѣча земли, и бабочка не знаетъ,—
Какъ тотъ, кто здѣсь любовью ослѣпленъ,—

Что, низкая, она полетъ свершаетъ
Къ чрезмѣрной невозможной высотѣ,
И неба не достигнувъ погибаетъ,—

И все кругомъ, что замерло въ мечтѣ,
Что въ храмѣ ночи дышетъ обожаньемъ,
Внимаетъ полнозвучной красотѣ,

И чудится, что тѣмъ очарованьемъ,
Той бурей звонкой пѣсни соловья
Окутанъ міръ, исполненный вниманьемъ,—

Вокругъ всѣхъ формъ и ликовъ бытія
Безбрежность звуковъ вьется пеленою,
И лишь въ одной душѣ шипитъ змѣя.

. . . . . .

Онъ съ топоромъ вернулся и съ пилою,
Деревья убивалъ онъ цѣлый день,
А каждое изъ нихъ, своей душою,

Лѣсною нимфой было, мглу и тѣнь
Рождало, и листами кружевными
Лелѣяло прохладу, сонъ и лѣнь;

Въ зеленой мглѣ, какъ будто въ свѣтломъ дымѣ,
Среди вѣтвей дремали вѣтерки,
Дожди, блистая, каплями живыми

Съ нихъ падали, прозрачны и легки,
Какъ слезы счастья, чуждыя печали:
И колыбелью нѣжные листки

Они для птицъ заботливо сплетали,
И блѣдные влюбленные цвѣты,
Какъ облака, прохладою питали,

А тамъ вверху, гдѣ въ мѣстѣ красоты
Прильнула вѣтка къ вѣткѣ поцѣлуемъ,
Какъ будто въ пышный храмъ сплелись листы,—

Различенъ этотъ міръ, неописуемъ,
Столпа вѣтокъ, листьевъ и стволовъ,
Ихъ мракъ зеленый вѣтеркомъ волнуемъ,

Молитвенныхъ какъ бы исполненъ словъ,
И нѣжностью безчисленныхъ узоровъ
Онъ каждый мигъ—другой, онъ вѣчно-новъ

Для восхищенныхъ созерцаньемъ взоровъ;
Дрожатъ, шуршатъ, качаются листы,
Слагаются въ измѣнчивость уборовъ,

Здѣсь дышетъ сложность нѣжной красоты,
Воздушность блесковъ, звуковъ, аромата,
Здѣсь шепчутъ убѣдительно мечты:

Духъ бури, что порывами богата,
Поетъ напѣвъ, мѣняясь каждый часъ,
И каждый звукъ уходитъ безъ возврата.

Въ умѣ встаетъ онъ сказкой каждый разъ,
Рождаясь на невѣрное мгновенье,
И этотъ духъ вѣтровъ незримъ для глазъ.

. . . . . .

Напѣвъ Дріадъ—восторгъ самозабвенья,
Но въ мірѣ слишкомъ много лѣсниковъ,
Они не видятъ въ пѣснѣ—откровенья,

И мучаютъ звенящихъ соловьевъ.

МАРЕНГИ.

1.

Пусть, кто томится гордостью и мщеньемъ,
И думаетъ—за зло должно быть зло,
И мститъ,—пока мятущимся теченьемъ
Въ пустыню волнъ его не унесло,—
Спѣшитъ сюда: сѣдая башня Вадо
Ему шепнетъ, что быть такимъ не надо.

2.

Предъ урною Маренги онъ пойметъ
Обманчивость мечты, такой жестокой.
Громада-башня все еще живетъ,
Но городъ мертвъ, пустынный, одинокій.

. . . . . .

3.

Да, мудрая Этрурія узнала
Вторую гибель, внутренній разладъ
И тираннію низшаго закала,
Оковы, что пятнаютъ и казнятъ;
За лѣтомъ—осень съ мертвой непогодой,
И холодъ Тираніи—за Свободой.

4.

Въ одной Пизанской башнѣ чаша есть,—
Была! Въ ней рдѣла кровь вражды забытой,
И Этрурійцы проклинали месть,
Вкушая крови, съ чуждой кровью слитой;
Другъ съ другомъ примиренные, они
Въ своей душѣ клялись хранить огни.

5.

Флоренція свободу умертвила?
Та славная и вольная толпа,
Въ которой созидательная сила,
Чьимъ духомъ—въ лѣсъ проложена тропа,
Флоренція, оазисъ межь тумана,
Терзаетъ жертву жаднаго тирана?

6.

Намѣстница померкнувшихъ Аѳинъ,
Блистательный очагъ воспоминаній,—
Какъ отблескъ дня хранятъ снѣга вершинъ,
Какъ свѣтятся руины въ океанѣ,
Такъ ты хранишь поблекшій стройный ликъ,
И для тебя духъ Творчества возникъ.

7.

Все, что позналъ мыслитель и мечтатель,
Въ живописаньи ты передала,
И въ мраморѣ явилъ свой духъ ваятель,
И мощь его и воля возросла.
Ты былъ межь всѣхъ—геройское видѣнье:
Такъ что-жь, твое въ томъ было преступленье?

8.

Да; въ Пизѣ травы сорныя ростутъ
На мраморныхъ стѣнахъ, гнѣздятся змѣи;
И худшій хитрый звѣрь нашелъ пріютъ

Въ твоихъ дворцахъ, его отрава злѣе,
Сидитъ онъ въ нихъ какъ наглый властелинъ,
И съ жертвой рукъ твоихъ твой рокъ—одинъ.

9.

Нѣжнѣйшіе цвѣты съ душой влюбленной
Живутъ лишь мигъ, и рѣдко ихъ найдешь;
Добро и зло—какъ виноградъ сплетенный,
Ихъ гроздья слишкомъ часто вмѣстѣ рвешь;—
Предъ тѣмъ какъ пить, разъединить ихъ надо,
И въ честь Маренги да живетъ отрада.

10.

Грѣха его не вѣдаетъ разсказъ,
Но, если былъ разсвѣтъ какъ вечеръ ясенъ,
Свершилъ онъ подвигъ въ этотъ ранній часъ,
И тотъ забытый подвигъ былъ прекрасенъ,
И отъ слѣпой толпы въ награду онъ
Снискалъ позоръ, былъ къ смерти присужденъ.

11.

Когда была, подъ звукъ трубы призывной,
За жизнь его назначена цѣна,
И, въ достиженье пытки безпрерывной,
Всѣмъ также смерть была возвѣщена.
Кто-бъ далъ ему напиться,—въ путь далекій,
Въ изгнаніе пошелъ онъ, одинокій.

12.

И голодъ онъ и холодъ и нужду,
Какъ звѣрь въ горахъ, недѣли и недѣли,
Переносилъ, какъ бы живя въ бреду;
И какъ бывалъ онъ счастливъ, если рдѣли
На толокнянкѣ красные плоды,
Горя въ листахъ багряностью звѣзды.

13.

И въ хижинахъ. среди болотъ огромныхъ,
Откуда лихорадкой выгнанъ рабъ,
Таился онъ межъ травъ густыхъ и темныхъ,
Межъ камышей, гдѣ область змѣй и жабъ,
И гдѣ, среди камней, въ нѣмомъ покоѣ,
Пятнистое вздымается алоэ.

14.

За башней Вадо мѣсто есть; вдали
Болота, протянувшись, отдѣляютъ
Тотъ уголокъ, сокрытый, отъ земли,
Тамъ остролистъ и сосны тѣнь роняютъ,
А дальше, гдѣ другая сторона,
Морская вѣчно плещется волна.

15.

Земля чумой здѣсь дышетъ; жизни рады
Здѣсь только тѣ, кто всталъ на жизнь войной,
Изгибистыя змѣи, черви, гады;
Подъ смертоносной свѣтятся росой
Трофеи смерти, смутные предметы,
Рога быковъ, и кости, и скелеты.

16.

На крайней точкѣ остовъ шалаша
Стоялъ, покрытый шпажною травою,
На немъ висѣли плевелы, шурша;
Тамъ жилъ одинъ убійца, но чумою
Былъ смятъ, и птицы, мертваго вкусивъ,
Чумою смяты, падали въ приливъ.

17.

Тамъ въ сердцѣ у Маренги вѣрно рдѣло
То пламя. что свѣтлѣй, чѣмъ жизнь сама,
(Съ нимъ узникъ въ очи смерти смотритъ смѣло,

Съ нимъ—полдень, безъ него и полдень—тьма),—
Иначе, подъ безмолвнымъ небосводомъ,
Какъ могъ бы жить онъ, темный, годъ за годомъ?

18.

Но и не вовсе былъ онъ одинокъ.
Онъ сдѣлалъ змѣй, ужей, и жабъ ручными,
И съ чайками бесѣдовать онъ могъ,
Что рѣютъ надъ волнами кружевными,
И какъ они къ нему, онъ къ нимъ привыкъ,
И съ ними былъ короче долгій мигъ.

19.

А вечеромъ, какъ бы ручные звѣри,
Болотные мелькали огоньки,
И шли къ нему, и шли до самой двери,
И сладкой былъ исполненъ онъ тоски
Глядя, какъ пляшутъ лики ихъ, толпою,
И гаснутъ, устрашенные луною.

20.

И на цвѣтахъ, какъ бы узоръ звѣзды,
Онъ сочеталъ росу въ лучахъ разсвѣта,
На травахъ видѣлъ инея слѣды,
Глядѣлъ, какъ нѣжной дымкой все одѣто,
Какъ созданныя влагою мечты
Все покрываютъ тканью красоты.

21.

И до восхода солнца онъ весною
Любилъ вставать, когда вершины горъ
Пылаютъ ярко-алой пеленою,
Какъ на огнѣ желѣзо; свѣтлый взоръ
Онъ устремлялъ на ясную природу.
И, видя горы, чувствовалъ свободу.

22.

[illegible] когда во мглѣ спала луна,
[illegible] шумя, вздымался шире,
[illegible] пробуждался онъ отъ сна
[illegible] чувствовалъ себя въ безбрежномъ мірѣ;
[illegible] разрушивъ свой предѣлъ,
[illegible] былъ какъ то, на что глядѣлъ.

23.

Онъ смоквой, толокнянкою питался,
И шишки съ сосенъ падали къ нему,
Когда-жь на морѣ дикій шквалъ метался,
Онъ мелкихъ рыбъ выбрасывалъ ему,
И луковицы ирисовъ порою
Онъ находилъ подъ губчатою землею.

24.

Такъ силы въ немъ и помыслы зажглись,
Что сумракъ одиночества смягчили;
Когда же годы смутно пронеслись,
Нашелъ онъ свѣтъ во внутреннемъ горнилѣ,
И грѣлся духъ воспоминаньемъ. Такъ
Предъ очагомъ въ грозу сидитъ рыбакъ.

25.

Но чаянья, заботы, заблужденья,
Какъ волны, не взметенныя грозой,
Въ Маренги тайно ждали пробужденья;
И надъ его окрѣпнувшей душой
Не властны были робкія мечтанья,
Не властны были страхъ и колебанья.

26.

И, увидавъ, что призракъ корабля,
Чернѣя на багряномъ океанѣ
И въ вѣтрѣ вымпелами шевеля,

Встаетъ какъ духъ въ оранжевомъ туманѣ,
Какъ духъ уже слабѣющей зари,
Разсыпавшей повсюду янтари,—

27.

Вдругъ вспомнилъ онъ о родинѣ любимой,
Вдругъ вспомнила своихъ его душа,
И, окрыленъ мечтой непогасимой,
Онъ ринулся, къ желанному спѣша
. . . . . .

КЪ БАЙРОНУ.

О, духъ властительный, въ чьей безднѣ, присмирѣвъ,
Трепещетъ этотъ вѣкъ, тростникъ въ дыханьи бури,—
Зачѣмъ ты не смиришь пророческій свой гнѣвъ?

ВОЗЗВАНІЕ КЪ МОЛЧАНІЮ.

Молчанье! Ты, и Смерть, и Сонъ, такъ вѣрно
Названіе трехъ братьевъ получили,
Туманно-крылыхъ стражей нѣкой бездны,
Гдѣ гаснутъ жизнь, и правда, и восторгъ.—
Но пощади меня, о, Духъ могучій,
Пока тѣ звуки, что въ меня струятся,
Моей душой не станутъ, и она
Усталые покинетъ эти члены,
Чтобы идти по ступенямъ воздушнымъ,
За тѣмъ напѣвомъ зыбкимъ, дальше, дальше,
Въ пустыню горъ, и тамъ, вздохнувъ, уснуть...

КРАЙ РУЧЬЯ.

Лѣсные звѣри, дикіе, не властны
Увидѣть слѣдъ того, кто эту влагу пьетъ;
Здѣсь вѣчный вѣтерокъ, онъ вѣетъ, нѣжный, ясный,
Къ песку легко прильнетъ, и слѣдъ на немъ сотретъ.

УТРАЧЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ.

Я плачу, скорбь моя необычайна,
И я успокоенья не ищу;
Если нашелъ, нашелъ его случайно.
Я плачу, изумляюсь, и ропщу,
Дивясь, что тотъ, кто властвуетъ толпою,
Кто вождь ея влеченій и судебъ,
Не свѣтъ, не солнце надъ самимъ собою,
Но теменъ, холоденъ, и слѣпъ.

ВИНОГРАДЪ СРЕДИ РУИНЪ.

О, пышный виноградъ осеннихъ яркихъ дней.
Пускай никто не рветъ твоей лозы цвѣтущей:
Ты саваномъ покрылъ руину, и подъ ней
Остатки древности, умершей и гніющей.

1819.

КЪ БРИТАНЦАМЪ.

Британцы, вамъ горькая выдалась чаша,
Вы жатву сбираете, жатва не ваша,
Вы ткете одежды для вашихъ тирановъ,
А сами—добыча холодныхъ тумановъ;
Какъ боги, вы все имъ даете, ихъ родъ
Отъ вашихъ трудовъ беззаботно живетъ...

КЪ ВИЛЬЯМУ ШЕЛЛИ.

Слѣдъ маленькихъ ногъ на пескѣ,
Близь чужой и пустынной волны,
Свѣтъ раковины въ дѣтской рукѣ,
Вы на мигъ были сердцу даны,
Взоръ невинныхъ и любящихъ глазъ
Былъ минутной усладой для насъ.

КЪ МЭРИ ШЕЛЛИ.

О. Мэри. почему-же ты ушла,
Вокругъ меня безрадостность и мгла!
Твой призракъ здѣсь, плѣнительный и странный:
Но ты ушла. дорогою туманной,
И тамъ. гдѣ Скорбь, и тамъ. гдѣ мгла и тишь,
У очага Отчаянья сидишь,
И въ этой тьмѣ. гдѣ ты полна борьбою,
Изъ-за тебя—нельзя мнѣ быть съ тобою.

КЪ МЭРИ ШЕЛЛИ.

Міръ туманный угрюмъ,
И усталъ я отъ думъ,
Я усталъ безъ тебя на пути;
Ты смѣялась свѣтло,
Но сіянье ушло,
Нужно было и мнѣ съ нимъ уйти.

ЛЮБОВЬ—ВСЕЛЕННАЯ.

Любовь сегодня—міръ, вселенная,
И кто не хочетъ ей дохнуть,
Тотъ рабъ, въ немъ—Завтра, тѣнь безсмѣнная,
Чей мракъ глядитъ, какъ мука плѣнная,
На Жизни лабиринтный путь.

РАЗСКАЗЪ О ДВУХЪ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

Разсказъ о двухъ влюбленныхъ существахъ.
Что, нѣжно встрѣтясь, умерли въ печали,
И объ одномъ, чьи помыслы лишь знали
Проклятіе для нихъ, вражду, и страхъ.
И вы не почерпнули знанья

Въ безхитростныхъ сл
И вы не видите, что в
Пока вы холодны, не
Для тѣхъ, кто чистъ д
Любовь горитъ, г

ДОЖ

Капризный дождь лѣни
Пока холодный вѣтеръ
Отяжелѣвъ отъ сырост
И въ сѣрой атмосферѣ
Гдѣ нѣтъ лучей.

НЕРАЗСКАЗ

Пѣлъ кто-то о тебѣ, о
Та пѣснь была зарей,
И чашей золотой, блес
Лишь воздухъ въ ней

К

Какъ для ночей—
Какъ вѣтер
Какъ быстрый б
Для задрож
Такъ ты, Италія,
Живи въ свобод

КОМНА

Въ пещерѣ. скрь
Возлюблен
Подъ этой блѣдн

Все дышетъ кроткой тишиною,
И нѣтъ ни облачка. Гляди!
Въ пирахъ зловѣщихъ, въ низкой нѣгѣ
Когда-то Римлянинъ здѣсь жилъ;
Гдѣ вьются дикіе побѣги,
Тамъ дьяволъ жертву сторожилъ...

РИМЪ И ПРИРОДА.

Римъ палъ, подъ яснымъ ликомъ небосвода
Неразличимой глыбой онъ лежитъ:
Не умираетъ лишь одна Природа.

1820.

ФЬОРДИСПИНА.

То было лѣтомъ. Нѣжною мечтой
Дышалъ Іюнь воздушно-молодой,
И каждый мигъ, своей усладой полный,
Скользилъ легко, безшумный и безмолвный,
Какъ въ Вѣчности сіянье долгихъ лѣтъ,
Которымъ окончанья нѣтъ и нѣтъ.
Привѣтъ тебѣ и счастье, Фьордиспина,
Весь міръ тебѣ—какъ свѣтлая долина,
И счастіе Козимо твоему,
Предъ вами солнце утра гонитъ тьму,
И глубина часовъ неисчислимыхъ
Вамъ прочитъ міръ чудесъ и ласкъ любимыхъ.

. . . . . .

Двоюродные братъ съ сестрой они,
Но такъ согласны юные ихъ дни,
Какъ будто братъ съ сестрой они родные;
Но между ними страсть, и лишь впервые
Они могли другъ друга полюбить,
Когда ихъ рокъ велѣлъ имъ розно быть,

И раздѣлилъ премудро и
Чтобъ имъ послать безгр
Какъ два цвѣтка, но на
Они росли въ весенней
И утромъ тѣ же имъ лу
И тѣ же капли влаги их
И тѣ же ихъ баюкали м
Въ сіяніи разсвѣтной кр
И та же ихъ рука сорве
Заставивъ ихъ равно вз
Для всѣхъ, кто любитъ,
А кто еще когда, какъ т
О, Фьордиспина? Развѣ
Козимо, въ чьей душѣ с
Горитъ твой ликъ, сверк
Что идолъ сна тѣмъ лик
Онъ тонетъ въ морѣ нѣз
Но ты горишь звѣздой,
Ты жизнь его, и ты Лю
Ты блескъ его, свѣтъ се
Такая страсть кончается
Или грѣхомъ, наскучивъ
Но въ это утро вамъ от
Васъ манитъ свадьбой ж

. . . . . .

«Лежите здѣсь, блестя с
«Дремлите, освѣженные
«О, дѣти улетающихъ ча
И Фьордиспина стебельк
Кладетъ на столъ изъ н

И вотъ они лежатъ, люб
И такъ свѣтло въ нихъ
Какъ будто въ нихъ жи
Что ласково на нихъ се
И теплоту воздушныхъ
Она какъ будто имъ пер
Когда благоуханныхъ со

Цвѣты лежали въ дремѣ безмятежной,
Какъ тотъ, кто убаюканъ пѣсней нѣжной.
Тѣмъ голосомъ, который любитъ онъ,
Которымъ такъ воздушно усыпленъ;
Ей было точно дѣтски жаль, что ею
Они разлучены съ землей своею.
И чары этой жалости на нихъ
Легли сіяньемъ красокъ огневыхъ.
Тутъ были всѣ прекрасныя растенья,
Что красятъ землю нѣгой наслажденья,
И мирта, и лимонные цвѣты.
И тотъ цвѣтокъ, чьи нѣжныя черты
Окутаны какъ будто дымкой снѣга,
Въ которомъ неразсказанная нѣга.

. . . . . .

Но Фьордиспина, утра веселѣй,
Со старою кормилицей своей.
Ужь далеко, предъ портикомъ высокимъ,
И съ чувствомъ столь же свѣтлымъ, какъ глубокимъ,
На руку старой Медіи она
Кладетъ свою, заботливо-нѣжна.

. . . . . .

Изсохшая, поблекшая, сѣдая,
Идя съ трудомъ, и ветхій станъ склоняя,
Была старуха точно въ снѣ глухомъ,
Какъ древній стволъ, густымъ поросшій мхомъ.

. . . . . .

«О, Медія, бѣдняжка, ты устала:
«Идешь съ трудомъ, и говоришь такъ мало».
«— Ахъ, Фьордиспина милая моя,
«Ты—къ свадебной постели, къ гробу—я».
«— Но знаешь, если бъ умеръ онъ, мой милый,
«Не дрогнула бы я передъ могилой,
«И въ саванъ бы одѣлась я тогда,
«Какъ въ свадебный покровъ свой, навсегда».
«— Ахъ, милое дитя, слова такія
«Какъ снѣгъ въ Іюнѣ; мы еще живыя,
«Тебѣ ль, дружокъ, о саванѣ мечтать!

«Настанетъ ночь, и будетъ такъ плясать
«Твое сердечко! Ты пришла изъ Рая.
«И хочешь въ Рай, такая молодая?
«И ты не хочешь знать, какъ двѣ души
«Сливаются утонченно въ тиши?
«Кто знаетъ, можетъ быть душа земная.
«Элизіумъ обширный созерцая,
«Безъ тѣла тамъ, ужь не смѣется вновь,
«И не играетъ весело въ любовь».

ПУСТЫНИ СНА.

И я ушелъ къ пустынямъ смутнымъ сна:
Безвѣстный міръ, онъ глухъ и неогляденъ,
Жизнь этого навѣкъ окружена
Безмѣрностью его глубокихъ впадинъ.

ПОСЛѢДСТВІЕ.

Незримое Послѣдствіе слѣдитъ,
И видитъ каждый входъ твой, каждый выходъ,
Оно виситъ надъ сномъ твоимъ преступнымъ,
Въ глубокой мглѣ души разоблачаетъ
Твои новорожденныя дѣянья,
И мысли, что страшнѣе этихъ дѣлъ.

ЛИЦО.

Его лицо—какъ бы лицо змѣи:
Все дряблое, все въ складкахъ, и въ морщин

УСТАЛОСТЬ.

Тяжела голова у меня, и все тѣло устало,
И не жизнь меня движетъ, хоть движется

НАДЕЖДА, СТРАХЪ И СОМНѢНІЕ.

Надежда, боль прощанія съ мечтой,
Тревожный Страхъ, увѣренность страданья,
Сомнѣніе, услада Ожиданья,
Впивающаго ядъ въ усладѣ той,
Безсилье воли...

«НЕ ТО, ЧТО ДУМАЛЪ...»

Не то, что думалъ, въ жизни я нашелъ.
Я зналъ, есть злые люди, преступленья,
Вражда; и я не ждалъ сквозь этотъ долъ
Пройти легко, безъ боли, безъ томленья.
Какъ въ зеркалѣ, я въ сердцѣ у себя
Сердца другихъ увидѣлъ, и тройною
Спокойнаго терпѣнія бронею
Себя прикрылъ, когда пошелъ, скорбя,
Въ толпу людей, на стогны заблужденья,
Чтобъ встрѣтить страхъ, враждебность, и презрѣнье.

ДУХЪ МИЛЬТОНА.

Мнѣ снилось, духъ Мильтона, мощный, всталъ,
Взялъ лютню съ древа жизни, глянулъ ясно,
И нѣжный громъ въ струнахъ зарокоталъ;
И тотъ, въ комъ сердце къ сердцу безучастно,
Кто людямъ въ человѣческомъ не другъ,
Затрепеталъ, услышавъ этотъ звукъ.
И покачнулись варварскіе троны,
Распались тюрьмы мрачныя вокругъ...

СВѢТЪ НЕВЗОШЕДШІЙ.

Свѣтъ невзошедшій солнца золотого.
Ты встанешь и разгонишь нашу тьму,
Когда тумановъ дымная основа,
Что встала смертью блеску твоему,
Растаетъ предъ звѣздою этой нѣжной,
Зовущею тебя изъ мглы безбрежной.

1821.

ДЖИНЕВРА.

Испугана, бѣдна, изумлена,
Какъ тотъ, кто видитъ солнце послѣ сна,
Изъ комнаты идя походкой шаткой,
Гдѣ смертной былъ онъ скованъ лихорадкой,—
Отягощенной спутанной мечтой
Безпомощною зрѣнія неясный рой
Знакомыхъ формъ и ликовъ и предметовъ
Въ сіяніи какихъ-то новыхъ свѣтовъ,—
Какъ-бы безумьемъ странныхъ сновъ горя,
Джиневра отошла отъ алтаря:
Обѣты, что уста ея сказали,
Какъ дикій звонъ, донесшійся изъ дали,
Врывались въ помраченный мозгъ ея,
Качая разногласіе свое.

Такъ шла она, и подъ вуалью брачной
Прозрачность щекъ вдвойнѣ была прозрачной,
И алость губъ вдвойнѣ была красна.
И волосы темнѣе: такъ луна
Лучомъ темнитъ; сіяли украшенья,
Горѣли драгоцѣнные каменья.
Она едва ихъ видѣла, и ей
Былъ тягостенъ весь этотъ блескъ огней,
Онъ въ ней будилъ неясное страданье.
Ее томилъ онъ хаосомъ сіянья.
Она была мечтательна, луна
Въ одеждѣ свѣтлыхъ тучъ не такъ нѣжна:
Горѣлъ огонь въ ея склоненномъ взорѣ.
И брилліанты въ головномъ уборѣ
Отвѣтнымъ блескомъ, въ искристыхъ лучахъ,
На мраморныхъ горѣли ступеняхъ
Той лѣстницы, что, зеркаломъ для взора,
Вела къ простору улицъ и собора:
И слѣдъ ея воздушныхъ нѣжныхъ ногъ

Стиралъ тотъ блескъ, минутный тотъ намекъ.
За ней подруги свѣтлой шли толпою.
Однѣ тайкомъ казняся надъ собою,
Завистливой мечтой къ тому скользя,
Чему совсѣмъ завидовать нельзя;
Другія, полны нѣжнаго участья,
Лелѣяли мечту чужого счастья:
Иныя грустно думали о томъ,
Что скученъ, теменъ ихъ родимый домъ;
Иныя-же мечтали съ восхищеньемъ
О томъ, что вѣчно ласковымъ видѣньемъ
Предъ дѣвушкой неопытной встаетъ,
Ее отъ неба яснаго зоветъ,
Отъ всѣхъ родныхъ, куда-то вдаль, къ туману,
Къ великому житейскому обману.

Но всѣ они ушли, и, въ забытьи,
Глядя на руки бѣлыя свои,
Она стоитъ одна, въ саду зеленомъ;
И свѣтлый воздухъ полонъ страннымъ звономъ,
Бѣснуяся, кричатъ колокола,
Ихъ музыка такъ дико-весела,
Насильственно беретъ она вниманье,
Лазурное убито ей молчанье;—
Она была какъ тотъ, кто, видя сонъ,
Во снѣ постигъ, что спитъ и грезитъ онъ,
И лишь непрочно преданъ усыпленью,—
Какъ вдругъ предъ ней, подобный привидѣнью,
Антоніо предсталъ, и, какъ она,
Онъ блѣденъ былъ; въ глазахъ была видна
Обида, скорбь, тоска, и онъ съ укоромъ,
Невѣсту смѣривъ пылкимъ гордымъ взоромъ,
Сказалъ: «Такъ что-же, такъ ты мнѣ вѣрна?»
И тотчасъ-же, какъ тотъ, кто ото сна
Былъ рѣзко пробужденъ лучомъ жестокимъ,
И свѣтомъ дня мучительно-широкимъ
Съ дремотною мечтою разлученъ,
И долженъ встать и позабыть свой сонъ,—

Джиневра на Антоніо взглянула.
Сдержала крикъ, съ трудомъ передохнула,
Кровь хлынула ей къ сердцу, и она
Сказала такъ, прекрасна и блѣдна:
«О, милый, если зло или сомнѣнье,
«Насиліе родныхъ иль подозрѣнье,
«Привычка, время, случай, жалкій страхъ,
«Иль месть, иль что-нибудь въ глазахъ, въ словахъ,
«Способны быть для насъ змѣинымъ взглядомъ,
«И отравить любовь горячимъ ядомъ,
«Тогда,—тогда съ тобой не любимъ мы:—
«И если гробъ, что полонъ душной тьмы,
«Безмолвный гробъ, что тѣсно обнимаетъ,
«И жертву у тирана отнимаетъ,
«Насъ разлучить способенъ,—о, тогда
«Съ тобой мы не любили никогда».
«—Но развѣ мигъ, спѣша за мигомъ снова,
«Къ Герарди, въ тишину его алькова,
«Тебя не увлечетъ? Мой темный рокъ
«Въ твоемъ кольцѣ—» не видитъ-ли залогъ.
Хотѣлъ сказать онъ, нѣжныхъ обѣщаній
Нарушенныхъ, расторгнутыхъ мечтаній;
Но, золотое снявъ съ себя кольцо,
И не мѣняя блѣдное лицо,
Она сказала съ грустью неземною:
«Возьми его въ залогъ, что предъ тобою
«Я буду, какъ была, всегда вѣрна,
«И нашъ союзъ порветъ лишь смерть одна.
«Ужь я мертва, умру черезъ мгновенье.
«Колоколовъ ликующее пѣнье
«Смѣшается съ напѣвомъ панихидъ,
«Ихъ музыка—ты слышишь?—говоритъ:
«Мы это тѣло въ саванъ облекаемъ,
«Его отъ ложа къ гробу отторгаемъ».
«Цвѣты, что въ брачной комнатѣ моей
«Разсыпаны, во всей красѣ своей,
«Мой гробъ собой украсятъ, доцвѣтая,
«И отцвѣтетъ фіалка молодая

«Не прежде, чѣмъ Джиневра». И, блѣдна,
Она своей мечтой побѣждена,
Въ груди слабѣетъ голосъ, взоръ туманенъ,
И самый воздухъ вкругъ нея такъ страненъ.
Какъ будто въ ясный полдень—страхъ проникъ.
И вотъ она лишь тѣнь, лишь смутный ликъ:
Такъ тѣни изъ могилъ, и такъ пророки,
Объ ужасахъ,—которые далеки,
Но къ намъ идутъ,—вѣщаютъ. И. смущенъ.
Какъ тотъ, кто преступленьемъ отягченъ,
Какъ тотъ, кто подъ давленіемъ испуга,
Оговоривъ товарища и друга,
Въ его глазахъ упрекъ не прочитавъ,
Дрожитъ предъ тѣмъ, предъ кѣмъ онъ такъ неправъ.
И въ приговорѣ съ нимъ хотѣлъ-бы слиться.
Разъ приговоръ не можетъ измѣниться,—
Антоніо, робѣя, ищетъ словъ.
Но вотъ раздался говоръ голосовъ,
Онъ отошелъ; другіе къ ней подходятъ,
И во дворецъ ее, дивясь, уводятъ,
Съ ней дѣвушки о чемъ-то говорятъ,
Она мѣняетъ пышный свой нарядъ,
Они уходятъ, медля у порога,
Ей надо отдохнуть теперь немного,
И вотъ, раскрывъ глаза, лежитъ она,
Въ слабѣющемъ сіяніи блѣдна.

День быстро меркнетъ съ ропотомъ чуть слышнымъ.
И гости собрались въ чертогѣ пышномъ;
Сіяетъ красота вдвойнѣ свѣтлѣй
Подъ взоромъ зачарованныхъ очей,
И, на себѣ влюбленность отражая,
На мигъ она живетъ въ нихъ блескомъ Рая.
Толпа спокойнѣй, чѣмъ безмолвный лѣсъ,
Гдѣ шепчетъ лишь любовь средь мглы завѣсъ;
Вино горитъ огнемъ въ сердцахъ остывшихъ,
А для сердецъ, свой жаръ съ другими слившихъ,
Поютъ съ волшебной нѣгой голоса.

Имъ, дѣтямъ солнца, музыка—роса:—
Здѣсь многіе впервые вмѣстѣ будутъ,
Но, разлучась, другъ друга не забудутъ.
Предъ многими здѣсь искрится звѣзда,
Что раньше не горѣла никогда.
Очарованье вздоха, слова, взгляда,
Власть юности, разсвѣтная услада:
Разорванъ жизни будничной покровъ.—
И какъ весь міръ, стряхнувъ оковы сновъ,
Когда землетрясенье наступаетъ,
Ликуетъ, и бѣды своей не знаетъ,
И вѣтеръ, надъ цвѣтами прошептавъ,
Ихъ ароматъ роняетъ между травъ,
И шаръ земной въ восторгѣ пробужденья
Во всѣхъ сердцахъ рождаетъ наслажденье,
Ликуютъ горы, долы, и моря,
Сіяньемъ ослѣпительнымъ горя,
Какъ будто-бы грядущее съ минувшимъ
Сошлись въ одномъ мгновеніи сверкнувшемъ.—
Такъ у Герарди пиршественный залъ
Огнями и веселіемъ блисталъ,
Но кто-то, взоры вкругъ себя бросая,
Промолвилъ вслухъ: «А гдѣ-же Молодая?»
Тогда одна изъ дѣвушекъ ушла,
И, прежде чѣмъ, какъ вѣстникъ дня—свѣтла,
Она придетъ, среди гостей молчанье
Возникло краснорѣчьемъ ожиданья.
Сердца, еще не видя красоту,
Ужь полны ей, и ткутъ свою мечту;
Потомъ въ сердцахъ возникло изумленье,
И страхъ за нимъ возсталъ, какъ привидѣнье;—
Отъ гостя къ гостю шопотъ долетѣлъ,
И каждый, услыхавъ его, блѣднѣлъ.
Все громче онъ и громче становился,
И вотъ Герарди межъ гостей явился.
Печалью показной исполненъ онъ,
Кругомъ рыданье, слышенъ чей-то стонъ.

Что-жь значитъ скорбь,—какъ саванъ распростертый?
Увы, они нашли Джиневру мертвой,
Да, мертвой, если это смерть—лежать
Безъ пульса, не вздыхать, и не дышать,
Быть бѣлою, холодной, восковою.
Съ глазами, что какъ будто надъ собою
Смѣются мертвымъ свѣтомъ безъ лучей,
Стеклянностью безжизненныхъ очей.
Да, мертвой, если это смерть—дыханье
Землистое, и льдистый свѣтъ, молчанье,
И въ страхѣ дыбомъ волосы встаютъ,
Какъ будто духъ чумы нашелъ пріютъ
Вотъ тутъ, вотъ здѣсь, и въ мертвенномъ покоѣ
Глухой землѣ онъ отдаетъ земное,
За быстрой вспышкой вдругъ приводитъ мглу,
За блескомъ дымъ рождаетъ и золу:
Ночь мысли такъ насъ тѣсно обнимаетъ,
Что наша мысль о нашей смерти знаетъ
Лишь то, что можетъ знать о жизни сонъ,
Который умеръ, прежде чѣмъ рожденъ.

Пиръ свадебный—отрада такъ обманна—
Сталъ похороннымъ празднествомъ нежданно;
Съ тяжелымъ сердцемъ, взоръ склонивши свой,
Печально всѣ отправились домой;
И слезы неожиданныя лили
Не только тѣ, что мертвую любили,
Во всѣхъ сердцахъ открылся ихъ родникъ,
Затѣмъ что никогда ужъ этотъ ликъ
Предъ ними въ красотѣ своей не встанетъ.
Улыбкой грусть въ ихъ сердцѣ не обманетъ.
Надъ пиршествомъ покинутымъ огни
То здѣсь, то тамъ свѣтились, и они
Въ пустомъ уныломъ залѣ освѣщали
Какъ-бы туманъ густѣющей печали,
Какъ будто-бы, людской покинувъ умъ,
Проникла въ воздухъ тяжесть темныхъ думъ.
Еще съ Герарди медлили иные,

Друзья умершей. и ея родные,
И тупо утѣшенья слушалъ онъ,
Въ которыхъ не нуждался: не зажженъ
Любовью былъ въ немъ духъ, и лишь смущенье
Онъ чувствовалъ, лишь страхъ, не огорченье.
Ихъ шопотомъ зловѣщимъ смущена,
Еще какъ-бы полнѣе тишина;
Одни изъ нихъ безпомощно рыдали,
Другіе въ тихой медлили печали,
И плакали безмолвно, а иной,
Склонясь къ столу, и скованъ тишиной,
Вдругъ вздрагивалъ, когда изъ корридоровъ,
Изъ комнатъ, гдѣ сіяньемъ скорбныхъ взоровъ
Подруги обнимали мертвый ликъ,
Внезапно раздавался рѣзкій крикъ,
И свѣчи въ вѣтрѣ дымно трепетали,
Огнемъ какъ-бы отвѣтствуя печали;
Раздался звонъ, глухой, какъ гулъ псалмовъ,
Священники пришли на этотъ зовъ,
И вновь ушли, увидѣвъ, что могила
Всѣ прегрѣшенья мертвой отпустила,
И плакальщицъ тогда явился рой,
Чтобъ надъ Джиневрой плакать молодой.

. . . . . .

Похоронный гимнъ.

Бѣжала старая зима,
Къ пустынямъ горъ въ безсиліи сокрылась,
Гдѣ холодъ, свистъ вѣтровъ, и тьма,
И къ намъ весна въ лучахъ звѣзды спустилась,
Въ лучахъ звѣзды, что дышетъ надъ водой,
Непобѣдимо-молодая,
Своей игрою золотой
Рубежъ зимы и ночи отдвигая;—
Но, если воздухъ, травы, и вода
Явленію весны не рады,
Джиневра юная, тогда
И мы въ тебѣ не видѣли отрады!

О, какъ тиха и холодна
На ложѣ радости она!
Ты ступишь шагъ.—увидишь саванъ бѣлый.
Ты ступишь два.—и гробъ передъ тобой,
И шагъ еще,—къ могилѣ роковой.
И шагъ еще,—Куда? Дрожа, несмѣлый,
Ты видишь, что рукой умѣлой
Пробито сердце черною стрѣлой.

Предъ тѣмъ какъ разъ еще моря и мысы
Обниметъ солнце—трепещи и жди—
Въ тиши шурша, чудовищныя крысы
Совьютъ гнѣздо въ ея груди.
И въ волосахъ, что цвѣтъ хранятъ червонца,
Слѣпые черви будутъ пировать,
Покуда солнце царствуетъ какъ солнце,
Джиневра будетъ спать и спать.

ЛОДКА НА СЕРКІО.

Уснула наша лодка сладкимъ сномъ.
И паруса, какъ мысли въ сновидѣньи.
Она сложила въ мирномъ усыпленьи,
Безплодно шевелитъ своимъ рулемъ;
Ужь Доменико, лодочникъ, мечтая.
Поправилъ мачту, весла взялъ теперь,
Но лодка мирно спитъ, какъ спалъ-бы звѣрь.
О привязи своей не помышляя.

Чуть зримый мѣсяцъ свѣтится едва,
И звѣзды на лазури догорѣли;
Среди вѣтвей, въ пещерѣ, въ темной щели
Съ летучей мышью скрылася сова.
Заря зажгла росистыя долины,
Верхушки скалъ сѣдыхъ, потокъ рѣчной,
Туманъ,—дыханье свѣжести ночной.—
Одѣтыя снѣгами Аппенины,
И весь въ огнѣ заискрился востокъ.
Пещеры нѣжнымъ золотомъ облекъ.

День пробудилъ все то, что дышетъ въ мірѣ:
Дрозд, жаворонокъ, ласточка, скворецъ
Живутъ, звенятъ, поетъ веселый жнецъ.
Звонъ колокола шире все и шире.
Жужжитъ и вьется горная пчела
Надъ свѣжими душистыми цвѣтами.
Семья свѣтлячковъ въ глубь травы ушла,
Сокрылась подъ росистыми листами.
Мерцая, догорѣли свѣтляки,
И на лугахъ кузнечики молчали.
И жукъ забылъ въ свой звонкій рогъ гудѣть,
И какъ грачи всей стаей улетѣть
Спѣшатъ, едва лишь выстрѣлъ услыхали,
Такъ быстро улетѣли изъ умовъ
Ночные страхи, тѣни темныхъ сновъ.

Всѣ встали для свершенья твердой воли
Воззвавшаго насъ къ жизни для того,
Что-бъ мы не наши цѣли, а Его
Осуществляли въ нашей тѣсной долѣ:
И тысячи проснулись, чтобъ узнать,
И нѣкто пробудился, чтобъ ученье
Туманное имъ дать, какъ разъясненье
Того, чего никто не могъ понять:
И многіе проснулись въ жаркомъ страхѣ,
Чтобъежиться, какъ червяки во прахѣ:
Но Мельхіоръ и свѣтлый Ліонель,
Себя во всемъ съ толпой разъединяя,
Поставили себѣ иную цѣль:
Жить подъ холмомъ, на скалѣ его взирая:
И здѣсь былъ холмъ: шумящею стѣной
Онъ Лукку отъ Пизанцевъ отдѣлялъ:
Какъ море съ зеленою волной,
И въ ихъ равнины дань распространялъ
Со множествомъ полей, болотъ, рукавъ.
И этой жирной лежащей равнины
Удалены отъ склона Аппенины,
Гигантскій островъ между облаковъ.

«Какъ думаете вы, въ своей истомѣ
«О чемъ мечтаетъ лодка въ этотъ часъ?»
«—Коль правда есть въ мечтахъ и въ сонной дремѣ,
«Она конечно сердится на насъ.
«И думаетъ, какъ много въ самомъ дѣлѣ
«Мы по рѣкѣ отъѣхать-бы успѣли».—
Но Ліонель промолвилъ: «Ничего.
«Смотрите, вѣтеръ дуетъ превосходно.
«Мы будемъ хоть сейчасъ,—когда угодно.—
«Вонъ тамъ вдали, гдѣ все еще мертво
«Отъ полумрака; въ этомъ освѣщеньи
«Ни блеска дня, ни мрака ночи нѣтъ,
«Но, если звѣздъ погасъ кристальный свѣтъ,
«Они зажгутся намъ при возвращеньи.
«Погода благосклонна къ намъ съ утра;
«Какъ волосы свистятъ у Доменико
«Подъ вѣтромъ! Эй, пріятель, въ путь пора.
«Смѣется вѣтеръ весело и дико».
Но проворчалъ сердито Мильчіоръ,
Свое сдержать не въ силахъ нетерпѣнье:
«Коль въ лодкѣ разгадалъ я ощущенья,
«Она таитъ озлобленный укоръ:
«Когда-бы два часа теперь мы плыли,
«Чортъ знаетъ, говоритъ, ужъ гдѣ-бъ мы были».
. . . . . .
«Балластъ за бортъ; припасы внизъ, сюда».
« Быть можетъ опустить боченокъ ниже?»
«Нѣтъ, ничего, такъ хорошо». «—Да, да,
«Бутылки съ чаемъ здѣсь пускай, поближе.
«Лежатъ въ соломѣ. Такъ въ былые дни,
«Безгорестные школьники въ Этонѣ,
«У фермеровъ клокъ сѣна, что на склонѣ
«Сушили, полусонные, они.
«Стянувши, мы на немъ, смѣясь, валялись.
«Редиску ѣли, чаемъ упивались».
. . . . . .
Держа бутылку такъ, какъ будто чай
Есть лучшее, что можетъ дать намъ Рай,

Веселый Ліонель стоялъ, но строго—
«Къ рулю!»—ему промолвилъ Мильчіоръ,
«Отчаливай!» И вотъ живетъ просторъ.
Покрылась пѣной водная дорога.

Расширились, волнуясь, паруса,
И утренникъ по ткани пролетаетъ,
Смѣется вѣтерокъ, его питаетъ
Разсвѣтъ и серебристая роса;
Разрѣзавъ разъяренное теченье,
По Серкіо бѣжитъ впередъ ладья,
Вотъ вздрогнула, и встала на мгновенье,
И вновь предъ ней, крутясь, шипитъ струя;
Изъ тѣсныхъ горъ, изъ тишины ихъ плѣнной,
Стремительный потокъ бѣжитъ, кипитъ,
Свирѣпствуетъ, и вотъ онъ съ моремъ слитъ,
Во влагѣ мирной вспыхнулъ многопѣнный;
Подъ утренней улыбкой тотъ прибой
Столбы рождаетъ въ безднѣ голубой.

Межъ мраморныхъ оплотовъ пробѣгая.
Что въ Рипафраттѣ бѣгъ рѣки дробятъ,
Кипитъ волна, той смертью умирая,
Которой,—устремляя свѣтлый взглядъ,—
Кто любитъ, умираетъ такъ охотно:
Съ любимымъ слившись, жить въ немъ безотчетно.
И точно не совсѣмъ еще прошла
Та судорога страсти, виснутъ горы,
Какъ-бы упасть готовыя, но взоры
Лаская, упоительно-свѣтла,
Рѣка въ восторгѣ мчится вдоль равнины,
Въ хрустальномъ изобильи влагу льетъ,
Къ подножью Арно дань свою несетъ.
Лозу и колосъ; дальше, мимо тины
Глухихъ невысыхающихъ болотъ,
Близь жуткихъ мѣстъ, чумою напоенныхъ,
Гдѣ синеватый ширится туманъ,
Межъ сосенъ проскользнувъ, недвижно-сонныхъ,
Она вбѣгаетъ съ плескомъ въ Океанъ.

«КАЗАЛОСЬ МНѢ...»

Казалось мнѣ, я былъ волной потока
Безъ береговъ: я былъ въ толпѣ людей,
Стоялъ средь океана одиноко,
Что глухъ, и громокъ множествомъ зыбей;
Стоялъ я на распутьи близь дороги,
И ликъ столицы мощно возникалъ.
Соборы, пирамиды, и чертоги—
Какъ-бы на глыбѣ глыба тяжкихъ скалъ.

СТАНСА.

Когда я Осенью блуждаю
И вижу мертвыхъ листьевъ цвѣтъ,
Когда я на Весну взираю,
Я чувствую, чего-то нѣтъ.
Снѣга Зимы блестящей, гдѣ вы?
И гдѣ вы, Лѣтніе напѣвы?

МИРЪ ОКРУЖАЮЩІЙ ЖИЗНЬ.

Дитя во чревѣ мирно спитъ,
Спокойно трупъ въ гробу молчитъ,
Мы начинаемъ—чѣмъ кончаемъ.

ЦАРИЦА ЮГА.

Подъ сводомъ небеснымъ кедровыхъ вѣтвей
Въ Ливанскомъ эдемѣ Владычица Юга
Лежала въ красѣ истомленной своей,
Страдала любовью, и жаждала друга;
Дышала любовь на горячихъ губахъ,
И мглою подернулся пламень въ очахъ.

П

Приди, пробудитель
Зефиръ, уходящій т
Ты, незримый для м

Въ воздухѣ слышал

СУ

Межь вѣтвей оголен
Похоронный н
И холодные черви,
За лицо, гдѣ

В

Великій Духъ, безбр
Ты вскормленъ въ
И, какъ во мнѣ, ты
Ея волнамъ всегда

О, путница бл
Капризная пр
Ты вѣчное на
Ты лишь одна
И стоитъ-ли з
Въ его тѣни
Кто былъ кра

СТИХОТВОРЕНІЕ ПРИПИСЫВАЕМОЕ ШЕЛЛИ.

ЦАРИЦѢ МОЕГО СЕРДЦА.

Блистаетъ яркая луна,
Но роща сумракомъ полна,
Пойдемъ скорѣй туда;
Въ холодномъ воздухѣ ночномъ
Тебѣ я все шепну, о чемъ
Я днемъ молчу всегда.

Мой другъ, тебѣ я разскажу,
Какъ я блѣднѣю и дрожу,
Когда ты близь меня,—
И вспыхнетъ твой глубокій взоръ,
Какъ надъ вершиной снѣжныхъ горъ
Разсвѣтъ стыдливый дня.

И будетъ блѣдный ликъ луны
Взирать съ лазурной вышины,
И въ сумракѣ ночномъ
Онъ нѣжный лучъ тебѣ пошлетъ
И на тебя свой блескъ прольетъ
Серебрянымъ дождемъ.

Надъ моремъ будемъ мы блуждать
И на обрывъ придемъ внимать,
Какъ съ ропотомъ у скалъ
Спѣшитъ волна смѣнить волну,
Какъ, возмущая тишину,
Встаетъ за валомъ валъ.

Борьба морскихъ безсонныхъ водъ,
Что все сильнѣй въ тиши ростетъ,
Безумствуя всегда,
Похожа на борьбу страстей,
Которая въ груди моей
Не смолкнетъ никогда.

Пойдемъ-же, о, пойдемъ со мной
Бродить и грезить подъ луной,
Я говорить хочу;
Въ холодномъ воздухѣ ночномъ
Тебѣ я все шепну, о чемъ
При свѣтѣ дня молчу.

ПОЭМЫ.

1813.

ЦАРИЦА МАБЪ.

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭМА.

Ecrasez l'infâme!

Correspondance de Voltaire.

Avia Pieridum peragro loca, nullius ante
Trita solo; juvat integros accedere fonteis;
Atque haurire: juvatque novos decerpere flores.

* * * * * *

Unde prius nulli velarint tempora musae.
Primum quod magnis doceo de rebus; et arctis
Religionum animos nodis exsolvere pergo.

Lucret., lib. IV.

Δὸς πῦ στῶ, καὶ κόσμον κινήσω.

Archimedes.

Раздавите гадину!

Изъ переписки Вольтера.

Въ царствѣ странъ Піеридъ пройду я дорогой безвѣстной;
Сладко въ жаждѣ прильнуть къ источникамъ цѣльнымъ и новымъ:
Сладко также срывать цвѣты, что невѣдомы были.

* * * * * *

Музами этихъ странъ никто еще не былъ увѣнчанъ.
Я впервые теперь вѣщаю въ словахъ о великомъ;
Души хочу я избавить отъ тѣсныхъ путъ суевѣрій.

Лукрецій, книга 4-я.

Дай гдѣ стать, и я сдвину вселенную.

Архимедъ.

КЪ ГАРРІЭТЪ *****

Чья нѣжная любовь, блистая въ мірѣ,
Сдержала стрѣлы жгучія презрѣнья?
Чьи похвалы, чье теплое пристрастье
Награда добрыхъ дѣлъ?

Моя душа подъ лаской чьихъ взглядовъ
Въ добрѣ мужалась и взростала въ правдѣ?
Въ чьи взоры я глядѣлъ съ глубокимъ чувствомъ,
Сильнѣй любя людей?

О, Гарріэтъ, въ твои:—для этой пѣсни
Ты мнѣ была какъ умъ и вдохновенье;
Твои—цвѣты, расцвѣтшіе съ зарею,
Хоть сплелъ въ вѣнокъ ихъ я.

Залогъ любви прижми къ груди съ любовью;
И знай, промчится день, умчатся годы,
Но всѣ цвѣты, въ моемъ возникши сердцѣ,
Посвящены тебѣ.

ЦАРИЦА МАБЪ.

1.

Какъ странно—загадочна Смерть.
Смерть. и братъ ея, Сонъ!
Одна. вся мертвенно блѣдная.
Какъ тотъ убывающій мѣсяцъ.
Съ устами изсиня-бѣлыми;
Другой. какъ утро, весь розовый.
Какъ утро. когда. всходя на престолъ.
Надъ волной океана блеснетъ оно міру:
И оба проходятъ такъ странно-загадочно!

Такъ значитъ та мрачная Власть.
Чье царство—въ гробницахъ, исполненныхъ тлѣнія,
Овладѣла ея безгрѣховной душой;
Такъ значитъ погибнетъ
Несравненная форма.
Созерцанье которой
У любви и восторга
Пробуждало біеніе сердца?
Погибнутъ и эти лазурныя жилки,
Что. сквозя. пробирались, подобно ручьямъ.
По полямъ бѣлоснѣжнымъ?
Погибнутъ и эти
Очертанія нѣжныя.
Что прекрасны какъ дышущій мраморъ?
И дыханье гніенія
Ничего не оставитъ
Отъ видѣнья небеснаго.
Кромѣ смутныхъ обломковъ.
И уродства угрюмаго?
Ничего. кромѣ сумрачной темы.
Надъ которою самое легкое сердце
Поученія будетъ слагать безполезныя?

Или можетъ быть это лишь сладость дремоты
Паутиной окутала чувства, и ждетъ,
Чтобъ дыханье зари нѣжно-розовой
Удалило ее, прогоняя во тьму?
Проснется-ли Іанте опять,
И наполнитъ-ли жгучею радостью
Ту вѣрную грудь,
Чей недремлющій духъ сторожитъ, наклоняясь,—
Не увидитъ-ли снова въ улыбкѣ ея
Свѣтъ и жизнь и восторгъ восхищенія?

Да, Іанте, проснется опять,
Хоть блестящіе члены ея неподвижны,
И безмолвны уста,
Что, дыша краснорѣчіемъ,
Могли-бы смягчить
Ярость тигра,
Могли бы своею воздушною нѣжностью
Тронуть, какъ теплымъ лучомъ,
Холодное сердце воителя.
Закрыты глаза, умягченные влажной росой,
И на вѣкахъ, чья ткань
Блѣдно-тонкимъ покровомъ
Едва закрываетъ
Темно-синія сферы,
Что подъ ними лежатъ,—
На вѣкахъ прозрачныхъ,
Какъ въ родной колыбели,
Съ улыбкою Сонъ задремалъ.
И пряди волосъ золотыхъ затѣняютъ
Эту гордость прекрасную—
Грудь ея безупречную,
Вьются вокругъ бѣлизны ея,
Какъ побѣги густой павилики
Вьются вкругъ мрамора.

Чу! стремительный натискъ порывистыхъ звуковъ!
Точно тотъ полногласный и слитный напѣвъ,

Что ростетъ и гудитъ межъ развалинъ забытыхъ,—
П. блуждая по берегу, полному откликовъ Эхо,
Въ часъ вечерній съ восторгомъ внимаетъ ему
Тотъ, кто бродитъ одинъ;
Этотъ гулъ и протяжнѣй и глуше,
Чѣмъ вздыхающій западный вѣтеръ,
Онъ безсвязнѣй, чѣмъ звуки,
Что не скованы мѣрой,
Звуки арфы, по чьимъ необычнымъ струнамъ,
Чуть касаясь, проносятся геніи вѣтра;
Эти полосы радуги, линіи свѣта—
Какъ протяжность недвижная лунныхъ лучей,
Что, ниспавши, проходятъ сквозь окна соборовъ,
Но для этихъ оттѣнковъ сравненія нѣтъ на землѣ.

Въ колесницѣ своей пролетаетъ Владычица Фей!
И небесные кони взметаютъ копытами
Неуступчивый воздухъ;
И, по слову ея, паутинныя крылья свернувши,
Вдругъ они задержали свой бѣгъ,
Повинуясь возжамъ свѣтовымъ:
И Владычица Чаръ,
Подобравъ эти свѣтлыя связи,
Распростерла вліяніе
Своего волшебства
Вкругъ мѣста, гдѣ стала ея колесница.
И, съ нея перегнувшись,
Безмолвно и долго глядѣла она
На спящую дѣвушку.

Нѣтъ, поэтъ, озаренный видѣньями,
Когда сквозь его заколдованный умъ
Пролетаютъ узоры тумановъ серебряныхъ,—
Когда изумляетъ, плѣняетъ его
Все, что можетъ мелькнуть какъ прекрасное,
Какъ великое, странное,—
Когда мановеньемъ фантазіи
Онъ внезапно въ одно сочетанье сольетъ

[illegible]ку съ изумительнымъ,—
Нѣтъ, донынѣ поэтъ никогда не видалъ,
Въ сновидѣньяхъ, такой ослѣпительной формы.
Какъ эта лучистая тѣнь,
Задержавшая бѣгъ вѣтроногихъ коней
И пролившая чары глубокаго взгляда
На дѣвственный сонъ.

Желтый, широкій, медлительный мѣсяцъ
Дымно свѣтился сквозь форму ея—
Форму ея—безупречной симметріи:
Колесница жемчужная,
Изъ прозрачности легкой сплетенная.
Не сдвигала застывшую линію луннаго свѣта:
Неземное и странное зрѣлище:
Тѣ, кто примѣтилъ такое видѣніе,
Чуждое блесковъ земли,
Не видѣли желтаго мѣсяца,
Не видѣли нашего, смертнаго,
Не слышали вѣтра полночнаго,
Не слышали звуковъ земли,
Но видѣли то, что заоблачно,
То, что нашептано феями,
Но слышали струны небесныя,
Пѣвшія звукомъ однимъ.

Была легка, прозрачна форма Феи;
Когда на небѣ облачко, одно,
Какъ нить, какъ прядь, едва въ себя вбираетъ
Изъ пышности вечерняго огня
Лишь самый блѣдный гаснущій оттѣнокъ.
И только напряженный глазъ увидитъ
Какъ, тая, умаляется оно,
Летя къ прозрачнымъ сумеркамъ Востока,—
Оно не такъ воздушно и легко;
Но та звѣзда, что въ нѣжный часъ разсвѣта,
Какъ ожерельемъ, ярко украшаетъ
Корону утра брызгами огней,

Не льетъ такого властнаго сіянья,
Какъ этотъ блескъ, что, вспыхнувъ, устремился
Отъ нѣжной формы Феи, и кругомъ
Распространилъ пурпурное сіянье,
И уходилъ, и возвращался
Къ ея прекраснымъ очертаньямъ,
Волнообразно и легко.

Царица Фей сошла съ небесной колесницы,
Своимъ жезломъ взмахнула трижды,
И трижды жезлъ, обвитый амарантомъ,
Мелькнулъ въ ея рукѣ;
Ея туманная и призрачная форма
Съ движеньемъ воздуха въ движеньи сочеталась,
И вотъ она заговорила,
Но ясность звуковъ серебристыхъ
Могли услышать только тѣ,
Кто одаренъ былъ слухомъ необычнымъ.

Фея.

Низлейте, звѣзды, весь бальзамъ
Своихъ вліяній благотворныхъ!
Вы, сонмы вражескихъ стихій,
На мигъ раздоръ свой задержите!
Усни, вспѣненный Океанъ,
Въ своихъ утесистыхъ оковахъ!
И пусть слабѣйшее дыханье
Неуловимыхъ вѣтерковъ
Не потревожитъ высь развалинъ,
Поросшихъ желтою травой!
Пусть даже нити паутинокъ,
Что каждый мигъ, блестя, дрожатъ,
Забывъ о вѣчномъ трепетаньи,
Въ недвижномъ воздухѣ уснутъ!
И только ты, душа заснувшей Іанте,
Единственно сочтенная достойной
Той милости, въ которой есть удѣлъ
Всѣхъ искреннихъ и добрыхъ, съ твердой волей,—

Кто побѣдилъ ничтожество земли,
Порвалъ оковы цѣпкія привычки,
За грани ежедневнаго ушелъ,
И надъ своимъ забрезжившимся вѣкомъ
Побѣдно вспыхнулъ утренней звѣздой:—
Проснись, проснись, душа заснувшей Іанте!

И вотъ внезапно поднялась
Душа дремавшей Іанте;
И въ обнаженной чистотѣ
Она, прекрасная, стояла,
Двойникъ законченный ея тѣлесной формы.
Она дышала обаяньемъ
Невыразимой красоты,
Отпало отъ лучистыхъ чертъ земное,
Она предстала возродясь
Въ достоинствѣ своемъ перворожденномъ.
Безсмертная надъ гибнущимъ земнымъ.

А тѣло мирно почивало,
Окутано глубинами дремоты;
Его черты, безъ выраженья,
Въ себѣ хранили неподвижность,
Но безсознательно въ нихъ тлѣла жизнь, какъ прежде.
И каждый органъ совершалъ
Свою обычную работу.
И дивно было созерцать
Разъединенье духа съ тѣломъ.
Вотъ, тѣ же самыя черты,
Примѣты тождества равны въ душѣ и въ тѣлѣ,
Но какъ различье велико!
Одна стремится, задыхаясь,
Къ своимъ родимымъ Небесамъ,
Ища наслѣдья вѣкового,
И, все мѣняясь,
Все восходя,
Существованьемъ тѣшится безсмертнымъ.
Другое борется, игрушкой обстоятельствъ,

Игралищемъ страстей, и быстро мчится
Сквозь длительность часовъ своихъ печальныхъ,
Потомъ, какъ вещь ненужная, гніетъ,
Изношенное, гибнетъ, и проходитъ.

Фея.

Духъ, нисшедшій такъ глубоко,
Воспарившій такъ высоко,
Ты, безстрашный, ты, всегда
Полный ласковости кроткой,—
Даръ заслуженный тобою,
Отъ меня теперь прими,
Сядь со мной на колесницу,—
Улетимъ!

Духъ.

Что я, сплю? И это грёза?
Это чувство новизны—
Только призракъ мимолетный
Улетающаго сна?
Если жь нѣтъ, и я свободенъ,
Если, правда, я—душа,
Если ткань цѣпей порвалась,
Говори опять.

Фея.

Я Фея мабъ, и мнѣ дано хранить
Всѣ дива человѣческаго міра:
Все тайное того, что было прежде,
Я нахожу, какъ въ пропасти безмѣрной,
Въ непогрѣшимыхъ совѣстяхъ людскихъ,
У этихъ лѣтописцевъ неподкупныхъ.
Изъ тѣхъ причинъ, что тотчасъ возникаютъ
Во всемъ, что совершается,—свѣтло
Я будущее вижу: и уколы
Воспоминаній мстительныхъ, что жгутъ
Замкнутое въ себѣ скупое сердце.

И трепетъ экстатическій, который
Всегда встаетъ въ приверженцѣ добра,
Когда онъ къ одному итогу сводитъ
Дѣла и мысли творческаго дня,
Все зримо мнѣ, и все я отмѣчаю.
И я могу порвать своею властью
Покровы смертной бренности, чтобъ духъ,
Одѣтый чистотою неизмѣнной,
Узналъ, какъ можетъ онъ скорѣй достичь
Великаго конца, что служитъ цѣлью
Всего существованія его,
Дабы вкусить тотъ миръ невозмутимый,
Къ которому въ концѣ все, что живетъ,
Придетъ, чтобъ раздѣлить его усладу.
И въ этомъ есть награда добрыхъ мыслей
И добрыхъ дѣлъ. Счастливая Душа,
Взойди теперь со мной на колесницу!

Оковы этой жизни,
Плѣненія земли,
Ниспали съ духа Іанте:
Они легко порвались,
Какъ призрачныя узы
На скованномъ гигантѣ,
Когда проснулся онъ.
И Іанте поняла всю роскошь перемѣны.
Она внезапно ощутила
Освобожденнымъ воспріятьемъ,
Что вкругъ нея открылся новый міръ
Еще безвѣстныхъ восхищеній:
Все, что, какъ сонъ дневной,
Мелькало въ жизни смертной,
Всѣ бурныя видѣнія дремоты,
Кончавшей каждый, полный счастья, день,
Все, все теперь какъ будто бы встрѣчало
Дѣйствительность свою.

Душа и Фея уносились:
Бѣжали прочь серебрянныя тучи;

И между тѣмъ какъ въ дивной колесницѣ
Они свершали восхожденье,
Опять возникъ напѣвъ неизреченный,
И кони воздуха опять
Раскрыли ткань своихъ лазурныхъ крыльевъ;
Лучи вожжей встряхнувъ, Царица
Велѣла имъ летѣть все дальше.

Неслась все дальше колесница.
Была прекрасна ночь,
И сонмы звѣздъ безчисленныхъ гнѣздились
По небосводу голубому,
А надъ восточною волной
Ужь глянула улыбка утра,
Чуть зримо въ блѣдныхъ небесахъ:—
Неслась все дальше колесница:—
Подъ взмахами копытъ небесныхъ
Въ огнистыхъ брызгахъ таялъ воздухъ,
И гдѣ проворное круженье
Огнепылающихъ колесъ
Надъ самой гордою вершиной
Сверкало между мощныхъ горъ,
Тамъ слѣдъ струился въ видѣ молній.
Теперь воздушный очеркъ колесницы
Летѣлъ надъ той скалой,
Что съ Андами соперничать дерзаетъ,
Нависнувъ хмурою громадой
Надъ безднами серебрянаго моря,—
То былъ предѣлъ земли.

Внизу, тамъ далеко подъ колесницей,
Невозмутимъ, какъ сонъ ребенка,
Лежалъ свирѣпый Океанъ.
И гладь спокойствія его
Въ себѣ зеркально отражала
Изнемогающія звѣзды,
Огнистый слѣдъ колесъ воздушныхъ,
И блѣдно-сѣрый свѣтъ разсвѣта.

Который глянулъ въ очертаньяхъ
Рунообразныхъ облаковъ,
Шатеръ соткавшихъ для дремотной
И просыпавшейся зари.
И чудилось, дорога колесницы
Лежала посрединѣ свода,
Сквозь вогнутость огромную вела,
Горящую мильонами созвѣздій,
Оттѣнками неисчислимыхъ красокъ,
Включенную въ блестящій полукругъ
Изъ метеоровъ безпрерывныхъ.

Неслась все дальше колесница.
И, видя близко цѣль пути,
Какъ будто въ первый разъ постигли
Легко несущіеся кони
Всю скорость бѣга своего.
Морская даль была неразличима.
Земля внизу
Казалась тѣневой огромной сферой;
Шаръ солнца, чуждый облачныхъ покрововъ,
Свершалъ свой путь сквозь впалость черноты;
Лучи стремительнаго свѣта
Дробились вдругъ мелькающихъ колесъ,
Объятыхъ скоростью сильнѣйшей,
И падали, какъ тотъ налетъ перистый
Летучей пѣны океана,
Что мчится прочь отъ зыби водъ вскипѣвшихъ,
Разрѣзанныхъ ударомъ корабля.

Неслась все дальше колесница.
Далекій шаръ земной казался еле виднымъ,
Чуть брезжущимъ огнемъ въ безбрежномъ небѣ;
А вкругъ пути колесъ горящихъ
Неисчислимыя системы
Катились въ безднахъ міровыхъ,
За сферами безчисленныя сферы
Вокругъ себя распространяли

Свой вѣчно-перемѣнный блескъ.
То было зрѣлище достойное восторга;
Иныя сферы проплывали
Серпообразною луной,
Другія, словно нѣжный Весперъ,
Надъ моремъ западнымъ блеснувшій,
Серебряный струили свѣтъ;
Иныя, пламенную полосу бросая,
Летѣли косвеннымъ путемъ,
Какъ бы міры, низвергнутые кѣмъ-то,
Чтобъ встрѣтить огненную смерть;
Другія солнцами свѣтились
И вкругъ летящей колесницы
Сіянье всѣхъ другихъ свѣтилъ
Своимъ сіяньемъ затмѣвали.

О, Духъ Природы! Здѣсь!
Среди запутанной пустынности міровъ,
Предъ чьей громадностью фантазія робѣетъ,
Здѣсь твой достойный храмъ.
Но и малѣйшій листъ, дрожащій въ вѣтрѣ,
Живетъ и движется тобой;
Но и ничтожный червь, въ гробахъ живущій,
Живетъ твоимъ безсмертнымъ блескомъ.
О, Духъ Природы! Здѣсь!
Среди міровъ, какъ ты, неугасимыхъ,
Здѣсь твой достойный храмъ.

2.

О, если одиночество тебя
Когда-нибудь случайно приводило
На дикій берегъ океана,
Гремящій откликами эхо,
И ты на взморьѣ ждалъ, пока
Широкій кругъ слабѣющаго солнца
Не представлялся возлежащимъ
На просвѣтленной зыби волнъ,—
Тогда ты замѣчалъ навѣрно,

Что, недвижимыя, надъ солнцемъ заходящимъ,
Блистаютъ полосы багряно-золотыя;
Ты вѣрно замѣчалъ и волны облаковъ,
Сіяньемъ нестерпимымъ обрамленныхъ;
Они возносятся какъ башни изъ агата,
Обвиты бриллiантовымъ вѣнкомъ;
Есть мигъ, когда надъ океаномъ,
Надъ краемъ западнымъ его,
Тончайшій край верхушки солнца
Глядитъ звѣздой, а сонмы облаковъ,
Сплетенныя изъ пуха золотого
И оттѣненныя глубокимъ
Надменно-пышнымъ багрянцомъ—
Какъ острова на темно-синемъ морѣ;
Твоя мечта была тогда
Въ мірахъ надземныхъ,
И утомившіяся крылья
Сложила въ замкѣ Феи.

Но въ зрѣлищѣ величественно-пышномъ,
Ни эти золотые острова,
Что зыбятся въ потокѣ свѣта,
Ни ткани тѣхъ завѣсъ перистыхъ,
Что были надъ блестящимъ ложемъ солнца,
Ни волны, тронутыя блескомъ
И ткущія подвижно-яркій полъ
Для этого небеснаго собора,
Не могутъ стать такимъ прекраснымъ дивомъ,
Какимъ является для взора
Воздушный замокъ Мабъ.
Но какъ Чертогъ воздушный этотъ
Похожъ на сводъ вечерняго огня!
Какъ Небеса, что оперлись
На влагу волнъ, къ нимъ низко наклонившись,
Тотъ замокъ Мабъ распростиралъ
Свои полы изъ яркихъ вспышекъ,
Свои лазурные соборы,
И золотые острова

IMPERFECT COPY

Съ ихъ плодородностью воздушной,—
Плывучій призрачный чертогъ
На мглѣ серебрянаго моря;
Межъ тѣмъ какъ солнца яркія, смѣшавъ
Свои сіянія, струили
Лучи сквозь мракъ, вокругъ лежавшій.
И крѣпости жемчужныя вздымались
Въ неизмѣримости Небесъ.

Свой путь свершила колесница.
Духъ вмѣстѣ съ Феей
Вошелъ въ Чертогъ Очарованій:
Тѣ золотыя облака,
Что въ искристыхъ волнахъ катились,
Подъ голубымъ шатромъ,
Къ которому вели небесныя ступени,
Недвижны были:
Румяно-свѣтлые туманы,
Плывя въ жилищѣ неземномъ,
Подъ звукъ мелодіи, что проникала въ сердце,
Согласовались каждый мигъ
Съ тѣмъ, что хотѣла воля.
На ихъ покорствующій токъ
Склонился Духъ вкругъ разнородной
Толпы живыхъ благословеній,
И, чтобы ими насладиться,
Для не нужно было здѣсь
Такъ [illegible] имущества благодатныхъ,
Что добродѣтельный и мудростью даются.

И [illegible]: О, Духъ!
Смотри, какой соборъ волшебный!
Онъ удивителенъ, какъ чудо,
Въ сравненіи со всѣмъ земнымъ;
Но, если-бъ добродѣтель всю награду
Лишь находила въ томъ, чтобъ жить въ дворцѣ небесномъ,
Отдавшись чарамъ наслажденья,
Затворницей въ тюрьмѣ самой себя,—

New York Public Library

IMPERFECT COPY

Тогда осталась бы невыполненной воля
Природы непреложной. Научись
Другихъ счастливыми содѣлать!
Прими награду высшую, о, Духъ:
Передъ тобой минувшее возникнетъ;
И настоящее ты будешь созерцать;
И будущее я тебѣ открою.

Царица Фей и Духъ
Приблизились къ зубцамъ
Нависшей крѣпости воздушной.—
Внизу вселенная раскинута была!
Тамъ далеко, какъ крайняя черта,
Что для фантазіи послѣдней гранью служитъ,
Неисчислимыя, мѣшались,
Въ своемъ движеньи лабиринтномъ,
Разнообразнѣйшія сферы,
Осуществляя неуклонно
Уставъ Природы вѣчной.
Вверху, внизу, вездѣ,
Въ круговращеніи системы создавали
Пустынную гармонію міровъ;
И каждая, къ своей стремяся цѣли,
Въ молчаніи краснорѣчивомъ,
Въ нѣмой обширности пространства,
Свой совершала ливный путь,

Виднѣлся слабый свѣтъ,
Туманныхъ отдаленій мерцавшій,
Никто, лишь духъ увидѣть могъ.
Тотъ шаръ катящійся, никто
Лишь духъ, и только въ этомъ мѣстѣ,
Въ предѣлахъ неба, могъ увидѣть
Всѣ дѣйствія существъ, дышавшихъ на землѣ.
Но въ этихъ областяхъ воздушныхъ
Матерія, пространство, время
Перестаютъ вліять;
И все-превозмогающая мудрость,

Когда она сбираетъ жатву
Всесовершенства своего,
Единымъ взмахомъ разрушаетъ
Ту сѣть препятствій, предъ которой
Душа земная, оробѣвъ,
Смиряется, идти не смѣя дальше.

Царица Фей на землю указала.
И умственные взоры Духа
Признали на землѣ родныя существа.
Толпящіяся множества кишѣли,
Какъ муравейникъ, тамъ внизу.
Какъ удивительно, что страсти предразсудки
И побужденія, волнующія властно
Смиреннѣйшее въ мірѣ существо,
И чуть замѣтное волненье,
Что движетъ самый тонкій нервъ,
И въ мозгѣ человѣческомъ рождаетъ
Чуть зримый помыселъ, почти неуловимый,—
Все, все является звеномъ
Въ великой цѣпи царственной Природы!

Взгляни, вскричала Фея,
Развалины дворцовъ Пальмиры!
Взгляни,—гдѣ хмурилось величье,
Взгляни,—гдѣ искрились восторги,
Что тамъ теперь? Лишь память безразсудства,
Воспоминаніе стыда.
А что жь безсмертнаго осталось? Ничего.
Одни развалины лепечутъ
Меланхолическую сказку.
И грозное твердятъ предвозвѣщенье,
И вскорѣ, молча набѣгая,
Забвенье унесетъ съ собой
Остатки древней славы.
Завоеватели и мощные владыки
Топтали гордо здѣсь безчисленность людей,
Простертые предъ ними милліоны,—

И были для людского рода
Землетрясеньями, и, какъ землетрясенья,
Прошли, забыты, не оставивъ
И разрушенья за собой.

Близь Нила вѣчнаго воздвиглись Пирамиды,
Нилъ будетъ продолжать свой неизмѣнный путь;
А Пирамиды рухнутъ на-земь,
И камня не останется на камнѣ,
Чтобъ указать, гдѣ были Пирамиды!
И будетъ мѣсто самое забыто,
Какъ нынѣ имя тѣхъ, кто былъ создатель ихъ!

Взгляни на ту безжизненную область,
Гдѣ въ вѣтрѣ, вѣющемъ съ пустынь,
Дрожатъ шатры кочующихъ Арабовъ,
Тамъ гордый храмъ Салема въ оны дни
Вздымался сонмомъ башенъ златоцвѣтныхъ,
Сіяя въ пышномъ блескѣ дня
Своей безстыдной красотою.

О, сколько разъ и вдовы и сироты
То капище жестоко проклинали,—
О, сколько разъ обиженный отецъ,
Измученной работой подневольной,
Молился Богу бѣдныхъ и простыхъ,
Прося, чтобъ Онъ убралъ съ земли то зданье,
И уберегъ дѣтей его несчастныхъ
Отъ этого позорнаго труда—
Безцѣльно громоздить на камни—камни,
И отравлять въ расцвѣтѣ утро дней,
Для прихоти разслабленнаго старца!
Вонъ тамъ нечеловѣческое племя
Въ свирѣпости животной обращалось
Съ рычаньемъ омерзительныхъ молитвъ
Къ тому, кто былъ ихъ Дьяволомъ всевышнимъ;
Они кидались въ бѣшеную битву,
У матерей изъ чрева вырывали

Ребенка нерожденнаго,—и гибли
Въ одной толпѣ и старики и дѣти,—
И ни одна душа дышать не смѣла.
О, это были дьяволы! Но кто
Былъ тотъ, кто имъ сказалъ, что Богъ природы,
Что Богъ благоволенья ниспослалъ
Особое свое благословенье
Всѣмъ тѣмъ, кто на землѣ торгуетъ кровью?
Они и онъ уже почти забыты,
И лишь идетъ изъ устъ въ уста преданье,
О варварахъ свирѣпыхъ, и обманъ
Разсказъ тотъ вторитъ съ хитростью упорной,
Пока къ нему испугъ не склонитъ слухъ,
Но и ему и имъ грозитъ забвенье.

Тамъ гдѣ Аѳины были, Римъ и Спарта,—
Лежитъ теперь пустыня думъ и чувствъ,
Лачуги жалкія тѣснятся,
Дворцы, что кажутся ничтожнѣй хижинъ,
Въ сравненіи съ величьемъ древнихъ храмовъ.
Теперь полуразрушенныхъ забвеньемъ:
Ряды пустынныхъ длинныхъ колоннадъ,
Гдѣ бродитъ привидѣніе Свободы,
Зовутъ, какъ старый памятный напѣвъ,
Который мы привыкли слышать
Въ какой-нибудь, для насъ желанной, сценѣ,
И вдругъ услышанный теперь,
Какъ горькое для насъ воспоминанье.
Какъ все не то, какъ все перемѣнилось!
И какъ печальнѣе еще
Противорѣчье въ сердцѣ человѣка!
Гдѣ испустилъ дыханіе Сократъ,
Рабъ деспота, безумный трусъ, повсюду
Распространяетъ смерть, и вдругъ—
Свою встрѣчаетъ, задрожавши.
Гдѣ жили Цицеронъ и Антонинъ,
Тамъ въ клобукѣ сидитъ угрюмый схимникъ.
И молится, и лжетъ, и проклинаетъ.

О. Духъ! прошло лишь десять тысячъ лѣтъ,
Съ тѣхъ поръ какъ въ той пустынѣ дальной,
Гдѣ пьетъ теперь дикарь кровь своего врага
И. перенявъ съ сыновъ Европы
Обычай низкій, возглашаетъ
Безбожный крикъ войны,—
Воздвигнутъ былъ величественный городъ,
Столица Западнаго края.
Теперь тамъ дикій мохъ заткалъ
Ряды столбовъ сторожевыхъ,
Иззубренныхъ рукой неумолимой
Властительнаго времени,—межъ тѣмъ,
Когда-то были дни, казалось,
Все могутъ выдержать они,
Все, лишь не смерть родного края;
Тамъ дикій лѣсъ, тамъ дышетъ красота
Давно запущеннаго сада,
И путникъ, задержавъ случайно
Свой шагъ въ пустынѣ этой дикой,
Глядитъ и думаетъ, что здѣсь все было такъ-же
Всѣ дни, пока земля
Была землей, какъ нынѣ.
Но нѣкогда здѣсь былъ
Кипучій, шумный центръ,
Сюда стекались чужеземцы,
Спѣшили корабли, тянулись караваны;
Когда-то этотъ край цвѣтущій
Благословенъ былъ миромъ и свободой;
Но роскошь, бичъ людей, убила
Въ зародышѣ его расцвѣтъ;
Свобода, правда, мудрость, добродѣтель
Бѣжали прочь, чтобъ больше не вернуться,
Покуда человѣкъ безумный не сознаетъ,
Что только въ нихъ благословенье
Достойное души, глядящей ясно въ вѣчность.

Гляди, на той землѣ нѣтъ ни одной пылинки,
Что не была когда-то человѣкомъ.

Нѣтъ самой малой капельки дождя,
Висящей въ самой тонкой тучкѣ,
Что не струилась въ жилахъ человѣка;
И отъ пылающихъ равнинъ,
Гдѣ въ зноѣ Ливіи чудовища стенаютъ,
Отъ самыхъ сумрачныхъ долинъ
Гренландіи, гдѣ въ воздухѣ нѣтъ солнца,
До тѣхъ предѣловъ, гдѣ поля
Цвѣтущей Англіи купаютъ
Въ улыбкѣ утра свѣжесть нивъ,—
Нигдѣ ты мѣста не увидишь,
Гдѣ-бъ городъ не стоялъ.

Не удивительна ли гордость человѣка?
Я говорю тебѣ, что дышащія точки,
Тѣ существа, которымъ листъ травы,
Возникшей утромъ и увядшей въ полдень,
Является какъ безпредѣльный міръ,—
Я говорю, тѣ существа живыя,
Что, будучи для глаза незамѣтны,
Нашли себѣ жилище въ самой малой
Частицѣ равнодушной атмосферы,—
Я говорю тебѣ, они
Живутъ, и думаютъ, и чувствуютъ, какъ люди;
Ихъ непріязни, ихъ пріязни,
Какъ въ мірѣ человѣка, создаютъ
Законы ихъ душевныхъ состояній;
И то тончайшее біенье,
Что возникаетъ въ нихъ, внутри,
Отъ чуть замѣтнаго слабѣйшаго движенья,
Необходимо, неизмѣнно,
Какъ величавые законы,
Что правятъ сонмами тѣхъ мчащихся шаровъ.

Умолкла Фея. Духъ, объятый
Экстазомъ восхищенья, ощутилъ
Все знанье прошлаго предъ нимъ возстановленнымъ;
Событья удивительныхъ временъ.—

Которыя туманное преданье
Передаетъ довѣрчивой толпѣ
Съ пробѣлами,—теперь предстали взору
Въ ихъ надлежащей перспективѣ,
И смутныя въ несмѣтности своей.
Казалось, Духъ стоялъ высоко
На обособленной вершинѣ;
Внизу кипѣлъ потокъ вѣковъ,
Вверху виднѣлась глубь раскинутой вселенной,
Кругомъ, вездѣ,
Безперемѣнная гармонія Природы.

3.

О, Фея, молвилъ Духъ,
И на Царицу Чаръ
Онъ устремилъ небесные глаза:
Благодарю тебя, ты даровала
Мнѣ милость, отъ которой я
Не откажусь, и научила
Тому, что позабыть—уже нельзя.
Я видѣлъ прошлое, и изъ него хочу я
Извлечь урокъ для будущихъ временъ,
Чтобъ человѣкъ свои ошибки
Себѣ на пользу обратилъ,
И изъ безумія извлекъ разумный опытъ:
И правда, если власть восторговъ раздѣленныхъ
Сравнится съ волей,—для души
Другихъ небесъ не нужно.

Мабъ.

О, полный превосходства, Духъ,
Взгляни теперь туда скорѣе!
Еще извѣдано не все.
Узнавъ величье человѣка,
Ты видѣлъ, какъ безсиленъ онъ:
Узнай теперь его природу,

Узнай высокую судьбу,
Которую готовитъ время,
Не отдыхая ни на мигъ,
Для всѣхъ живущихъ душъ.

Взгляни на тотъ дворецъ великолѣпный,
Что надъ обширнымъ городомъ вздымаетъ
Безчисленность своихъ высокихъ башенъ,
Являясь новымъ городомъ. Ряды
Угрюмыхъ часовыхъ, въ молчаньи мрачномъ,
Стоятъ вокругъ него со всѣхъ сторонъ.
Кто здѣсь живетъ, не можетъ быть счастливымъ,
Не можетъ быть свободнымъ: слышишь вопли.
Проклятія сиротъ и стоны тѣхъ,
Кто потерялъ товарища иль брата?
Вотъ онъ идетъ, гляди, идетъ Тиранъ,
Онъ цѣпью золотой съ позоромъ связанъ,
Глупецъ, кого льстецы всегда зовутъ
Владыкою, межъ тѣмъ какъ онъ невольникъ
Постыдныхъ вожделѣній,—человѣкъ,
Не слышащій, какъ громко стонетъ голодъ;
Смѣется онъ на горькія проклятья,
Которыя бормочутъ втихомолку
Всѣ скованные жалкой нищетой;
И сумрачная радость наполняетъ
Его глухое сердце, между тѣмъ
Какъ тысячи несчастныхъ долгимъ крикомъ
Лишь молятъ хоть объѣдковъ—отъ его
Безпутнаго безрадостнаго пира—
Чтобы спасти любимыхъ, обдѣленныхъ,
Отъ голода; и чуть услышитъ онъ
Разсказъ объ этихъ ужасахъ, какъ тотчасъ
Свой недовольный обращаетъ взоръ
Къ кому-нибудь изъ льстивыхъ лицемѣровъ,
Исполненныхъ готовности,—чтобъ скрыть
Невольный стыдъ, окрасившій румянцемъ
Тупое и надутое лицо.
Теперь на пиръ исполненный излишествъ

И мрачно молчаливый, онъ влачится.
Съ противной пресыщенностью своей.
О, еслибъ роскошь, блещущая всюду
Вокругъ него,—о, еслибъ эти яства,
Что собраны со всѣхъ концовъ земли,
Могли принудить чувства пробудиться
И побѣдить томительную сытость,—
О, если бы не отравляла роскошь
Свой собственный источникъ, и порокъ
Безчувственный, упорный, закоснѣлый,
Не обращалъ свою усладу въ ядъ,—
Тогда бы этотъ Деспотъ былъ блаженнымъ;
Тогда бы онъ вкушалъ такой же миръ,
Какой въ удѣлъ крестьянину ниспосланъ,
Когда, исполнивъ свой не рабскій трудъ,
Въ вечерній часъ онъ шагъ свой направляетъ
Къ горящему привѣтно очагу,
Чтобъ встрѣтить ту, кому трудомъ онъ служитъ.
Взгляни, вотъ онъ теперь на пышномъ ложѣ;
Охваченъ лихорадочнымъ волненьемъ,
Смущенъ разгоряченный умъ его,
Но слишкомъ скоро сонъ невоздержанья
Разсѣется; дремота исчезаетъ,
И совѣсть, эта вѣчная змѣя,
Зоветъ своихъ дѣтенышей ползучихъ
На пиръ ночной. Вотъ—вотъ! Онъ говоритъ.
Что за глаза безумные! Ты видишь?
Смотри, какое блѣдное лицо!

Деспотъ.

Всегда! О, неужели нѣтъ пощады?
И это будетъ длиться такъ всегда?
Смерть строгая, какъ я тебя желаю,
И какъ боюсь обнять тебя!—Нѣтъ сна,
Нѣтъ краткаго мгновенія дремоты!
О, благодатный миръ, зачѣмъ же ты
Свои покровы чистые весталки
Влачишь среди лачугъ и мрачныхъ тюремъ?

Зачѣмъ же ты скрываешься въ засадѣ,
Съ опасностью, съ пустынностью, со смертью,
Но не живешь въ блистательномъ дворцѣ,
Который я воздвигъ тебѣ? Приди же,
Священный миръ, и посѣти меня
Еще однажды, въ духъ мой изсушенный
Пролей бальзамъ, хоть каплю дай его.

О, суетный! Не знаешь, что для мира
Лишь въ чистомъ сердцѣ можетъ быть дворецъ,
И не грязнитъ онъ снѣжныя одежды
Въ такихъ берлогахъ темныхъ, какъ твоя.
Несчастный! онъ еще бормочетъ что-то,
И сны его—сплошная агонія,
Кошмары безконечные надъ нимъ
Склонились, льнутъ къ нему, какъ скорпіоны.
Нѣтъ, для него совсѣмъ не нужно ада,
Что выдумали хитрые ханжи,
Для наказанья тѣхъ, кто заблуждался;
Земля въ самой себѣ всегда содержитъ
И зло и искупленье темныхъ золъ;
Природа, все въ самой себѣ имѣя,
Караетъ тѣхъ, кто преступилъ ее,
И ей одной, до тонкихъ чертъ, извѣстно,
Какою мѣрой должно мѣрить грѣхъ,
И въ чемъ найти для каждаго возмездье.

Быть можетъ странно то, что этотъ жалкій
Гордится темнымъ бѣдствіемъ своимъ?
Въ восторгѣ оттого, что онъ такъ гнусенъ,
Блаженствуетъ, что можетъ прижимать
Къ своей груди порочной—скорпіоновъ?
Быть можетъ странно то, что, возсѣдая
На тронѣ изъ шиповъ, желѣзный скипетръ
Въ рукахъ сжимая, вѣчно заключенный
Въ блистательной тюрьмѣ, громадой стѣнъ
Его неотразимо отдѣлившей
Ото всего, что дышетъ на землѣ

Добромъ и правдой,—онъ не возмутится
И не предъявитъ правъ души людской?
Быть можетъ странно то, что въ немъ природа,
Забывши человѣчность, подчинилась
Условностямъ тирана? Нѣтъ. не странно!
Онъ дѣйствуетъ, онъ чувствуетъ, онъ мыслитъ,
Какъ дѣйствовалъ и жилъ его отецъ:
Владычество того, что раньше было,
Стоитъ межъ нимъ и чистотой его.
Скорѣе показаться можетъ страннымъ
Для тѣхъ, кто не проникъ въ законъ природы
И не умѣетъ будущаго видѣть
Въ узорахъ настоящаго, что нѣтъ
Ни одного среди рабовъ несчастныхъ,
Терзаемыхъ преступностью его,
Ни одного, чьи дѣти голодаютъ,
Чье ложе безпощадная земля,—
Настолько дерзновеннаго, чтобъ руку
Онъ протянулъ, и деспота низвергъ!

А эти раззолоченныя мухи,
Что грѣются близь падали, на солнцѣ,—
Какъ имя ихъ?—Прожорливые трутни.
Ремесленникъ пусть трудится, мужикъ,
Измученный давнишней голодовкой,
Пусть надъ землей упрямою корпитъ,
Чтобъ изъ нея для нихъ возникла жатва;
И этотъ призракъ, грязный, изможденный,
Худѣй, чѣмъ отощавшая бѣда,
Влачащій жизнь свою вдали отъ солнца,
Въ глубокихъ нездоровыхъ рудникахъ,—
Въ работѣ онъ лишь смерть себѣ находитъ,
Лишь боль себѣ, а трутнямъ яркій блескъ,
И цѣлыя толпы изнемогаютъ,
Чтобъ кучка лежебоковъ знала лѣнь.

Откуда, какъ ты думаешь, возникли
Всѣ трутни, что печаль и нищету

На тѣхъ нагромождаютъ, кто имъ строитъ
Ихъ пышные дворцы, приноситъ имъ
Ихъ ежедневный хлѣбъ? Они родились
Изъ гнуснаго порока, изъ насилья,
Предательства, безумья, и вражды,
Изо всего, что порождаетъ бѣды
И превращаетъ шаръ земной въ пустыню,
Покрытую шипами,—изъ отмщенья,
Изъ алчныхъ вожделѣній, и убійствъ...
Когда же голосъ разума,—какъ голосъ
Природы, убѣдительный и громкій,—
Пробудитъ отъ дремоты всѣ народы,
Когда все человѣчество пойметъ,
Что міръ порока—споръ, война и бѣды,
Что добродѣтель—счастье и покой,—
Когда, созрѣвъ, природа человѣка
Съ усмѣшкою презрительной и смѣлой
Швырнетъ игрушки дѣтства своего,—
Тогда обманный внѣшній блескъ утратитъ
Свою способность взоры ослѣплять,
Весь ореолъ его безмолвно минетъ,
И гордый тронъ тирана въ пышномъ залѣ
Не возбудитъ ни у кого вниманья,
И быстро распадется навсегда;
И ложь настолько жь станетъ ненавистной,
Какъ ненавистна правда въ наши дни.

Гдѣ слава дѣлъ замышленная ими,
Тщеславными владыками земли,
Что будетъ, мнилось имъ, непреходящей?
Слабѣйшій звукъ шаговъ неуловимыхъ
Стремительнаго времени, волна
Чуть видная и вставшая мгновенно
Надъ вздувшимся разлитіемъ вѣковъ,
Сметаетъ прочь пузырь пустой и мнимый.
О, да! сегодня грозенъ ликъ тирана,
Въ глазахъ налитыхъ кровью дышетъ гибель,
И тысячамъ страшна его рука.

Но завтра ждетъ! И слово повелѣній
Умретъ какъ громъ во тьмѣ истекшихъ лѣтъ,
И грозный взоръ—лишь вспышка бѣглыхъ молній,
Сокрытая полуночною тьмой,
И та рука, что властно поднималась,
Червя питаетъ.

Добрый человѣкъ,
Настолько же въ смиреніи великій,
Насколько деспотъ малъ въ своемъ величьи,—
Живущій неуклонно для добра,
И даже въ глубинѣ безмолвныхъ тюремъ
Безтрепетный и болѣе свободный,
Чѣмъ, властію продажной облеченный,
Судья, напрасно жаждущій смутить
Его спокойный духъ,—когда падетъ онъ,—
Погаснетъ глазъ его благословенье,
Изсохнетъ безвозвратно та рука,
Что только съ доброй цѣлью простиралась,
И больше нѣтъ простого краснорѣчья,
Которое внушалъ беззлобный разумъ,
Свой голосъ поднимавшій лишь затѣмъ,
Чтобъ устранить преступнаго. Да, вѣрно,
Могила погасила этотъ взоръ,
И холодъ смерти, пагубный и властный,
Живую эту руку изсушилъ;
Но надъ его могилою святыня
Его добра повѣсила вѣнокъ
И этотъ знакъ вовѣки не поблекнетъ;
Воспоминанье связанное съ нимъ
Предъ произволомъ встанетъ какъ угроза;
А то воспоминаніе, другое,
Съ которымъ благодатный духъ взираетъ
На добрый путь пройденный на землѣ,
Останется и не пройдетъ вовѣки.

Природа отвергаетъ произволъ,
Не человѣка,—гонитъ подчиненность,

Но не сознанье: деспоты и тѣ.
Кто рабски подчиняется,—враги,
Они между собой играютъ въ карты,
И другъ предъ другомъ въ проигрышѣ вѣчно,
И ставки ихъ—несчастье и порокъ.
Кто чистъ душой, тотъ не повелѣваетъ,
И онъ не повинуется,—а власть,
Къ чему ни прикоснется, все отравитъ,
Какъ жадное дыханіе чумы;
Покорность—ядъ для генія, для правды,
Для чистоты душевной, для свободы,
Она людей низводитъ до рабовъ,
Она людскую форму обращаетъ
Въ бездушный автоматъ.

Когда Неронъ,
Высоко надъ заискрившимся Римомъ,
Въ восторгѣ дикомъ, какъ свирѣпый демонъ,
Весь зачарованъ, съ жадностью впивалъ
Внимательной душою крики смерти,
И созерцалъ картину опустѣнья,
И чувствовалъ, какъ у него въ душѣ
Какое-то вновь созданное чувство
Дрожало напряженнымъ трепетаньемъ
Въ отвѣтъ на смѣну звуковъ и тѣней,—
Ты думаешь, тогда его величье
Не превзошло людскую доброту?
И если Римъ однимъ ударомъ рѣзкимъ
Не сошвырнулъ тирана, не разбилъ
Ту руку, что его горячей кровью
Окрасилась, позоръ уничиженья
Не умертвилъ внушенія Природы?

Взгляни туда, на землю: золотая
Тамъ зрѣетъ жатва; солнце каждый день
Даетъ и жизнь и свѣтъ; плоды, деревья,
Цвѣты, въ порядкѣ должномъ, возникаютъ;
Во всемъ любовь, гармонія и миръ.

Безмолвнымъ краснорѣчіемъ Природы
Вселенная такъ ясно возвѣщаетъ,
Что въ мірѣ дышетъ лаской и любовью
Все, все,—лишь не отбросокъ—человѣкъ.
Онъ мечъ куетъ, и этотъ мечъ пронзаетъ
Его же миръ; лелѣетъ алчныхъ змѣй,
Ему грызущихъ сердце; онъ возноситъ
Тирана, чей восторгъ—его страданье,
Чье развлеченье—смертный крикъ его.
То солнце свѣтитъ развѣ лишь великимъ?
Тотъ нѣжный блескъ серебряныхъ лучей
На хижинѣ сіяетъ развѣ хуже,
Чѣмъ на дворцахъ? И развѣ мать-земля—
Какъ мачиха для тѣхъ дѣтей, чьи руки,
Безъ отдыха, съ усильемъ добываютъ
Ея нераздѣленные дары?
Ужель она лишь мать для тѣхъ визгливыхъ,
Для жалкихъ тѣхъ дѣтей, что возростаютъ
Средь роскоши, въ довольствѣ, и людьми
Какъ пошлыми игрушками играютъ,
Въ ребячествѣ своемъ самодовольномъ
Терзая то, что люди цѣнятъ,—миръ?

О, Духъ Природы! нѣтъ.
Волною чистой, въ равной мѣрѣ,
Распространенье сущности твоей
Трепещетъ въ каждомъ сердцѣ человѣка.
Ты воздвигаешь здѣсь
Престолъ свой—высшей власти:
Ты судія, предъ мановеньемъ чьимъ
Минутное вліянье человѣка
Безсильно, точно вздохъ
Промчавшагося вѣтра.
Твое судилище настолько жь
Страшнѣй, сильнѣй, чѣмъ судъ людской,
Насколько Богъ сильнѣе человѣка.

О, Духъ Природы! ты—
Жизнь множествъ безконечныхъ:

Душа величественныхъ сферъ.
Чей неизмѣнный путь въ глубокихъ безднахъ неба;
Душа тѣхъ маленькихъ существъ,
Чья жизнь и чье жилище—
Въ чуть зримомъ проблескѣ Апрѣльскаго луча;—
Подобно этимъ всѣмъ вещамъ безпрекословнымъ,
Не сознавая, человѣкъ
Твоей покоренъ волѣ;
И для него, какъ и для нихъ,
День вѣчно-царственнаго мира,
Въ дыханьи времени поспѣшно созрѣвая,
Неукоснительно придетъ;
И оживленное тобою мірозданье,
Безбрежность эта, полная тобой
Пребудетъ безъ пятна, какъ стройность совершенства.

4.

Какъ эта ночь прекрасна! Сладкій вздохъ,
Которымъ вѣтерокъ весны, вздохнувши,
Закату что-то на ухо лепечетъ,
Въ противорѣчьи дышетъ съ неземной,
Какъ будто говорящей тишиною,
Окутавшей весь неподвижный міръ.
Небесный сводъ эбеноваго цвѣта
Усѣянъ несказаннымъ блескомъ звѣздъ,
И по нему величественный мѣсяцъ,
Не скрытый дымомъ облачнымъ, плыветъ,
Какъ будто здѣсь любовь распространила
Надъ спящимъ міромъ ласковость завѣсъ.
Тѣ нѣжныя высоты, что одѣты
Въ одежду незапятнанныхъ снѣговъ;
Тѣ сумрачныя скалы, гдѣ свисаютъ
Спиралями блистательными льдины,
Не измѣняя блѣдный лунный лучъ;
Тотъ срывъ, со старымъ замкомъ, надъ которымъ
Такъ праздно знамя легкое виситъ.
Какъ будто это общій символъ мира;—

Все образуетъ зрѣлище, въ которомъ
Исполненное думъ уединенье
Возноситъ душу надо всѣмъ земнымъ;
И лишь одно молчаніе не дремлетъ,
Холодное, блестящее, нѣмое.

Тамъ далеко, на югѣ, шаръ дневной,
Надъ пропастью зеркальной океана,
Уходитъ внизъ, привѣтно улыбаясь;
Надъ глубиной, гдѣ легкой зыби нѣтъ,
Не проскользнетъ ни вздоха; неподвижно
Въ вечернихъ тучкахъ медлитъ лучъ дневной;
Ликъ Веспера надъ западнымъ предѣломъ
Исполненъ безмятежной красоты.
Приходитъ завтра; въ темной тѣсной массѣ,
На тучѣ туча катятся надъ бездной
Чернѣющихъ зыбей; и громъ глухой
Ворчитъ вдали раскатисто и страшно;
Гроза свои развертываетъ крылья
Надъ сумракомъ, что одѣваетъ въ саванъ
Кипящую волну; свирѣпый демонъ
Со сворой молній и свистящихъ вихрей
За жертвою летитъ; разъялась глубь,—
И подъ ея зубчатою пучиной
Корабль находитъ гробъ.

Откуда этотъ
Блескъ зарева, что освѣщаетъ небо?
Кроваво-темный дымъ закрылъ луну!
Во тьмѣ погасли звѣзды; снѣгъ, игравшій
Отливомъ блестокъ, еле-еле свѣтитъ
Сквозь дымный мракъ, собравшійся кругомъ.
Чу! тяжкій гулъ, гремятъ его раскаты
Какъ эхо многократное въ горахъ,
Пугая полночь блѣдную на тронѣ,
Усыпанномъ созвѣздьями. Ростетъ
Прерывистый и перемѣнный грохотъ,
Дрожанье разрывающихся бомбъ,

Свѣтъ яркой вспышки, крики, вопли, стоны,
Немолчный гулъ, и быстрый натискъ полчищъ,
Неистовствомъ зажженныхъ, какъ виномъ;—
Все громче, громче споръ; но мигъ настанетъ,
Смерть блѣдная окутываетъ все;
Надъ тѣмъ, кто побѣжденъ, кто побѣдитель,
Она влачитъ холодный саванъ свой,
Облитый кровью.—Изо всѣхъ, кто гордо,
Подъ блескомъ догорающей зари,
Здѣсь цвѣлъ въ своей надеждѣ и здоровьи,—
Изъ всѣхъ сердецъ, что при закатѣ солнца
Тревожной жизнью бились здѣсь, горѣли,—
Какъ мало бьется жизнію теперь!
Все схвачено молчаніемъ глубокимъ,
Какъ то бываетъ въ страшное затишье,
Предъ новой гнѣвной вспышкою грозы;
Въ порывѣ вихря лишь домчатся вопли,
Отъ горя обезумѣвшей, вдовы,
Иль слабый стонъ послышится изъ сердца,
Уставшаго подъ оболочкой плоти
Скрывать кипѣнье силъ.

Сѣдой разсвѣтъ
Забрезжился надъ зрѣлищемъ плачевнымъ:
Тяжелый сѣрный дымъ ползетъ лѣниво
Подъ дуновеньемъ вѣтра ледяного,
И день морозный, въ искристыхъ лучахъ,
На бѣлизнѣ снѣговъ блестящихъ пляшетъ.
Кровавый слѣдъ, идущій въ лѣсъ глухой,
Разбросанное тамъ и сямъ оружье,
Безжизненные воины, въ чьихъ лицахъ
Смерть не могла суровыхъ чертъ смягчить,
Все это означаетъ путь смертельный,
Которымъ побѣдители прошли:
Тамъ назади, далеко, черный пепелъ
Есть знакъ того, что городъ здѣсь стоялъ.
А въ чащѣ лѣса мрачная долина—
И каждый стволъ, что сѣткою вѣтвей

Отъ свѣта дня ее предохраняетъ,
Есть знакъ, что здѣсь трупъ воина лежитъ.

Я вижу, ты трепещешь, Духъ прекрасный!—
Тебѣ нечуждо было все людское?
Тѣнь ужаса и тягостныхъ сомнѣній
Мелькаетъ на твоихъ чертахъ нетлѣнныхъ:
Не бойся; въ этихъ дѣйствіяхъ есть связь,
Причина, и исходъ изъ злополучій.
Испорченность природы человѣка,
Которую тираны и льстецы
Повсюду неизмѣнно выставляютъ,
Какъ оправданье низостей своихъ,
На самомъ дѣлѣ кровь не проливаетъ,
Раздорами не тяготитъ страну.
Отъ деспотовъ, святошъ и крючкотворовъ
Произошла война, и ихъ величье
Есть путь для униженья человѣка,
И цѣлость ихъ—его живая боль.
Подъ корень пусть топоръ ударитъ древо,
Чей плодъ—отрава; дерево падетъ,
И тамъ гдѣ ядовитость испареній
Распространяла гибель, смерть и пытку,—
Гдѣ милліоны утоляли голодъ
Свирѣпыхъ змѣй,—гдѣ кости ихъ, бѣлѣя,
Подъ вѣтромъ тлѣли въ воздухѣ гниломъ,—
Тамъ встанетъ садъ, своею красотою
Превосходя Эдемъ.

Душа Природы,
Что этотъ міръ столь сдѣлала прекраснымъ,
И изобильемъ надѣлила землю,
И жизни еле зримую струну
Въ согласье привела съ великимъ хоромъ,
И въ нѣжной рощѣ жить велѣла птицамъ,
И путникамъ глубинъ дала затишье,
Въ которомъ спитъ спокойно океанъ,
И низкому червю, что вьется въ прахѣ.

Дала и духъ, и разумъ, и любовь;—
Ужель душа Природы, безпричинно,
Нагромоздила лишь на Человѣка
И рабство, и погибель, и порокъ;
Въ его душѣ посѣяла проклятья;
И счастье засвѣтила метеоромъ,
Далеко отъ него, чтобы оно
Бѣжало отъ его объятій жадныхъ,
И лишь затѣмъ служило, чтобъ свѣтить
Надъ пропастью чудовищной, разъятой
У самыхъ ногъ его?

Природа!—нѣтъ!
Святоши, крючкотворы, и тираны
Людской цвѣтокъ въ расцвѣтѣ убиваютъ,
Вліянье ихъ, какъ тонкая отрава,
Опустошаетъ общество людей.
Едва ребенокъ выговорить можетъ
Святое имя матери, какъ въ немъ
Преступная топорщится надменность,
И, точно представляя роль героя,
Игрушечный онъ поднимаетъ мечъ.
Позднѣе, надъ землей опустошенной
Та дѣтская рука возникнетъ злобно
Какъ бичъ кровавый; рядъ пустыхъ именъ
Заученныхъ въ младенчествѣ невинномъ,
Лжеумствуетъ потомъ и затемняетъ
Въ умѣ мужчины—правды яркій лучъ,
И освящаетъ мечъ, который поднятъ,
Чтобъ братскую преступно кровь пролить.
Такъ пусть рабы, ведомые ханжами,
Не возглашаютъ больше, что наслѣдство
Людского рода—бѣдность и порокъ.
Что̀ говорить объ этомъ, если съ дѣтства
Насиліе и ложь, надъ колыбелью
Склоняясь, душатъ грубою рукою
Въ ребенкѣ все природное добро.

Какъ этотъ міръ суровъ и безутѣшенъ
Для странствіе свершающей души,
Когда она изъ новаго жилища
Впервые поглядитъ, ища кругомъ
Сочувствія и счастья! Какъ всѣ почки,
Что быть могли бы нѣжными цвѣтками,
Засушены, зачахли! Нѣтъ ни тѣни
Отъ знойныхъ дуновеній, ни убѣжищъ
Отъ находящихъ и жестокихъ бурь.
Дыханье вѣтерка съ лазури ясной
Возобновляетъ радость въ мошкахъ малыхъ,
Но онъ не можетъ ласково дышать
На смертный ликъ души, онъ весь отравленъ
Недугами, что въ тѣхъ, кто жизнь ей далъ,
Возникли отъ зловѣщаго вліянья
Обычаевъ и предразсудковъ ложныхъ.
Сіянье дня не можетъ посѣщать
Ея томленій. До начала жизни
Она въ цѣпяхъ: да, скрѣплены они
Задолго до ея существованья:
Все, въ чемъ есть миръ, свобода и любовь,
Оторвано отъ этой беззащитной;
Отъ самаго рожденія она
Присуждена къ позору и неволѣ.

Въ разнообразномъ вѣчномъ этомъ мірѣ
Одна еще стихія есть, душа,
Оплотъ для неисчисленныхъ столѣтій.
У тяжести, подобной глыбамъ горъ,
Подвижная опора есть—кипучій
И полный жизни духъ. Въ частицѣ каждой
И въ цѣломъ онъ исполненъ ощущеній,
И каждый атомъ, это—цѣлый міръ
Любвей и ненавистническихъ мыслей;
Отъ нихъ произошли добро и зло;
Отъ нихъ произошли и ложь и правда;
Отъ нихъ и мысль и дѣйствіе и воля.
Всѣ сѣмена восторговъ и страданій,

Сочувствія и злобы, что пестрятъ
Пространство нескончаемой вселенной.
Не болѣе запятнана душа,
Чѣмъ свѣтъ лучей блистательнаго солнца,
Предъ тѣмъ какъ вкругъ проворныхъ этихъ линій
Возникнутъ испаренія земли.

Такъ! Человѣкъ—изъ тѣла и души,
И созданъ для дѣяній онъ высокихъ,
Онъ созданъ для того, чтобы парить
На дерзостныхъ крылахъ воображенья,
И обращать безтрепетно всю боль
Острѣйшихъ пытокъ въ нѣгу, и восторги
Вкушать, что чувства смѣшанныя съ духомъ
Намъ доставляютъ. Или созданъ онъ,
Для низости, для горя, для того чтобъ
На гноищѣ своихъ испуговъ ползать,
Дрожать при каждомъ звукѣ, погашать
Огонь любви, зажженый въ немъ природой,
Въ тупыхъ усладахъ чувственности, знать,
Что благодатенъ часъ, когда надъ днями,
Которые провелъ безцвѣтно онъ.
Свою печать рука холодной смерти
Наложитъ,—и бояться врачеванья,
Хоть ненавидишь всей душой болѣзнь.
Одно есть человѣкъ, который будетъ;
Другое человѣкъ, какъ онъ теперь.

Война—игра для хитраго вельможи,
Услада—для ханжи и крючкотвора,
Продажа-купля—для убійцъ наемныхъ,
Для деспотовъ глухихъ—насущный хлѣбъ,
Тотъ посохъ, что поддержкою имъ служитъ,
Въ дѣяньяхъ, полныхъ крови и измѣны.
Вкругъ пышныхъ ихъ вертеповъ—сторожа,
Одѣтые въ кровавую ливрею,
Участники ихъ гнусныхъ злодѣяній,
Пособники насилья надъ страной.

Исполненной всѣхъ тѣхъ проклятій горькихъ,
Которыя сорваться могутъ съ устъ
У голода, безумья, и страданья;
Наемные бандиты, что, тирана
Храня, его враговъ изъ-за угла
Предательскимъ ударомъ убиваютъ,—
Отводъ для глазъ, когда испуганъ онъ:
Отверженцы людей, подонки грязи,
Услужливая мерзость сточныхъ трубъ;
У нихъ въ сердцахъ холодныхъ вмѣстѣ слиты
Невѣжество и чванство, ложь и грубость,
И все, что низко, подло, что лишь можетъ
Быть зажженно незнаніемъ добра
И яростью слѣпой самопрезрѣнья;
Ихъ окружаютъ почестью, богатствомъ,
И отсылаютъ дѣлать дѣло ихъ.
Чума, что гдѣ-нибудь въ странѣ восточной
Угрюмую побѣду торжествуетъ,
Губительна не такъ. Они играютъ
Со звономъ денегъ, съ обѣщаньемъ славы,
И вотъ ужь юность сдавлена неволей,
И слишкомъ поздно видитъ жалкій рокъ,
И лишь тогда раскаянье узнаетъ,
Когда ея суровый приговоръ
Запечатлѣнъ и золотомъ и кровью.
Есть и еще прислужники тирана:
Тѣ, что ловить умѣютъ правосудье
Тенетами закона; каждый мигъ
Слабѣйшаго они тѣснить готовы;
И правое, неправое всегда
Они опредѣляютъ суммой платы,
Надъ честностью людскою издѣваясь,
Они и рвутъ ее и нагло топчутъ,
И, въ мишуру одѣта, честь сидитъ
За тѣмъ прилавкомъ, гдѣ торгуютъ правдой.

А тамъ еще сѣдые лицемѣры;
Безъ чаяній, безъ страсти, безъ любви.

Испытаны въ словахъ ползучей лести,
Пройдя дорогу похоти и лжи,
До синекуръ своихъ они добрались,
И вотъ они почетные столпы
Вертепа, имъ дающаго награды...
. . . . . .
И такъ тиранъ подобныя орудья
Для прихоти своей приспособляетъ,
Ихъ подчиняетъ ярости своей,
А если пожелается, ихъ губитъ,—
Вѣдь онъ всесиленъ въ мерзостныхъ хотѣньяхъ;
А юность между тѣмъ ростетъ; а старость
Дряхлѣетъ; зрѣлый возрастъ, притупленъ,
Послушно приказанья исполняетъ,
И, радостью непрочною подкупленъ,
Рукѣ дрожащей деспота даетъ
Свою, себѣ же гибельную, силу.

Они встаютъ на мигъ, и упадаютъ;
И жатва поколѣнья собрана,
Склонившись предъ косою разрушенья.
Другое за поблекшимъ расцвѣтаетъ.
Но вотъ смотри: кровавая печать
На тотъ расцвѣтъ наложена тираномъ,
И внутренней онъ язвой оскверненъ.
Тиранъ измыслилъ фразы и реченья.
Исполненныя лжи, слова пустыя,
Какъ сердце у него безъ сердцевины:
Уклончивыя нѣчто, и ничто,
Звенящія безплодною шумихой,
Чтобъ въ паутину жертвы попадались,
Летя на поманившій ихъ эдемъ.

Ханжа, завоеватель, и тиранъ,
Взгляните на себя! Ханжа, подумай,
Ты промышляешь ложью, и безстыдно
Хотѣньями своими отнимаешь
У бѣдняка, что̀ заработалъ онъ:—

Завоеватель, для тебя услада
Считать толпы тобою умерщвленныхъ.
И на вѣсахъ всѣ бѣды—какъ ничто,
Въ сравненіи съ твоей короткой славой:—
Тиранъ, ты упоенъ великолѣпьемъ,
И громоздишь надъ стонущей страной
Преступныя дѣянья малодушья.
Взгляни на сущность жалкую твою!
Не рабъ ли ты изъ всѣхъ рабовъ позорныхъ,
Что ползаютъ трусливо по землѣ?
Всѣ дни твои не полны ль отупѣнья?
И не кричишь ли ты во тьмѣ ночной:
Когда же, о, когда настанетъ утро?
Вся молодость твоя—кошмарный сонъ.
Смущенный лихорадкою желаній,
Болѣзнями ты въ зрѣлости снѣдаемъ,
И смерть твоя ни для кого не будетъ
Утратою, ты ждешь ее со страхомъ.
Болѣзненный твой разумъ, какъ и тѣло,
Способности лишенъ познать надежду,
Познать любовь, и правильно судить.
И тѣмъ ошибкамъ, что тебя отъ добрыхъ
Какъ плотною стѣною ограждаютъ,
Ты хочешь продолженья, извлекая
Изъ этой лжи барышъ позорный свой.
Когда жь пожретъ безславная могила
Тебя и даже память о тебѣ,
Ты тамъ во тьмѣ желаешь, чтобъ отрава,
Что оскверняетъ землю, вкругъ твоей
Могильной гнили корни развернула,
И изъ твоихъ останковъ возросла,
И расцвѣла бы надъ твоей могилой.
Чтобы могли рожденные тобою
Поѣсть того плода и умереть.

5.

И такъ идутъ земныя поколѣнья
Въ свою могилу, и опять исходятъ

Изъ чрева материнскаго, чтобъ жить,
А міръ межъ тѣмъ въ несчетныхъ перемѣнахъ
Находитъ обновленье; такъ листы,
Которые морозный острый вѣтеръ
Поблекнувшаго года рветъ съ вѣтвей,
Втеченьи многихъ лѣтъ гніющей кучей
Лежатъ въ лѣсу, и на сырой землѣ,
Своимъ дыханьемъ воздухъ заражая,
Зародыши обѣтованья душатъ.
Но въ часъ, когда высокія деревья,
Съ чьихъ вѣтокъ эти листья облетѣли,
Навѣкъ утративъ свой красивый видъ,
Лежатъ и на землѣ гніютъ, ихъ трупы
Ту самую страну плодотворятъ,
Которую такъ долго оскверняли.
И наконецъ на дышущей лужайкѣ
Встаетъ другой веселый юный лѣсъ,
Чтобъ цѣльно жить, и умереть, какъ старый.
То чувство себялюбья, что себя же
Въ борьбѣ самоубійственной снѣдаетъ,
И оскверняетъ самый лучшій цвѣтъ
Въ раскрытомъ сердцѣ, гнить осуждено,
А все, въ чемъ радость, въ чемъ любовь и благо,
Изъ почвы обновленной возростетъ,
И разумъ прекратитъ свое боренье
Съ непобѣдимымъ воинствомъ страстей.

Союзникъ суевѣрья, себялюбье!
Соперникъ преступленія и лжи,
Карикатура ужасовъ безпутныхъ,
Мелькающихъ въ кровавой ихъ игрѣ;
Холодное, безстрастное, ты вѣчно
Бѣжишь отъ свѣта, собственное имя
Скрываешь, и подъ призрачнымъ покровомъ
Добра и справедливости таишь
Свой гнусный ликъ, что мерзкимъ безобразьемъ
Отталкиваетъ всѣхъ, лишь не исчадья
Невѣжества; ты, подлое, тупое,

Безстыдное; въ одно и то же время
Причина и послѣдствіе насилья;
Ты, мертвое ко всяческой любви
И любящее лишь свою позорность,
Способное понять лишь власть восторговъ
Нераздѣленныхъ, грязныхъ барышей
И гула славы; полное презрѣнья
Къ себѣ же, и таящее желанье,
Напрасное, освободить себя!

Изъ этого торговля возникаетъ,
Продажа-купля всѣхъ произведеній
Природы и искусности людской;
Безъ нихъ могло бы обойтись богатство,
Но надобность настойчиво ихъ хочетъ.
И доброта природная спѣшитъ
Доставить ихъ изъ родниковъ глубокихъ
Своей неограниченной любви,
Теперь навѣкъ задавленныхъ, изсохшихъ,
И оскверненныхъ низостью. Торговля!
Подъ тѣнью ядовитою ея
Пріюта нѣтъ для доблести отдѣльной,
Тамъ бѣдность лишь, да жадное богатство
Проклятія кругомъ распространяютъ,
И раскрываютъ съ раболѣпствомъ дверь
Насильственной, рановременной смерти,
Мучительному голоду, недугамъ,
Всему, что угнетаетъ человѣка,
И отравляетъ духъ его и тѣло,—
И цѣпь свою влачитъ онъ, и за нимъ
Она ростетъ, и крѣпнетъ, и бряцаетъ.

Торговля своевластно наложила
Печать своекорыстія и гнета
На свѣтлую руду, и этой власти
Она велѣла золотомъ назваться;
И передъ этимъ символомъ склонились
Вульгарные, тщеславные, глупцы,

Чернь поселянъ, дворянъ, ханжей, тирановъ;
Слѣпцы, они предъ властью преклонились.
Которая какъ жерновомъ ихъ мелетъ,
Ихъ души превращая въ жалкій прахъ.
Въ глубокомъ мракѣ ихъ сердецъ наемныхъ
Имъ золото—какъ богъ, который правитъ
Всѣмъ на землѣ, не покоривъ лишь доблесть.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ деспоты, торгуя
Людскою жизнью, для своихъ усладъ
Нагромождаютъ чувственную роскошь,
И славу для своихъ ненасытимыхъ,
Всегда опустошительныхъ желаній,
Успѣхъ далъ одобреніе для міра
Всѣмъ бѣдствіямъ, всѣмъ ужасамъ войны.
Свои войска тиранъ считаетъ—просто
Слѣпыми и послушными стадами;
Въ своемъ удобномъ сидя кабинетѣ,
Для выполненья замысловъ своихъ,
Маріонетокъ вертитъ онъ, какъ хочетъ,
И какъ рабы, которыхъ острый голодъ
Жестокому хозяину велитъ
Съ покорностью служить, они свершаютъ
Наемный унизительный свой трудъ;—
Тупые и лишенные просвѣта,
Послушные винты машины мертвой,
Бездушныя колеса производства,
Товары, что собой лишь создаютъ
Прикрасу для чванливаго богатства.

Гармонія и счастіе людей
Пожертвованы для богатства націй;
То, что могло природу человѣка
До высоты небесной вознести,
Онъ обмѣнялъ на жалкую отраву
Своей души; и взялъ въ придачу тяжесть,
Которая до праха пригнетаетъ
Возвышенныя чаянья его.

И убиваетъ всѣ надежды, кромѣ
Надежды на барышъ, и умерщвляетъ
Всѣ страсти, только рабскій страхъ щадя,
И погашаетъ всякое стремленье,
Исполненное смѣлости и чувства,
Уничтожаетъ даже то біенье,
Которое фантазія рождаетъ
Въ кипучемъ сердцѣ,—все собой мертвитъ,
Лишь оставляетъ грязное пристрастье
Къ себѣ, и съ нимъ ползучее стремленье
Набить мошну,—хотѣніе, чей смрадъ
Не можетъ быть прикрытъ и лицемѣрьемъ,
Но, мерзостный, безъ имени живетъ.

Богатство восхваляютъ крючкотворы!
Ихъ краснобайство, что живетъ тогда,
Когда сердца ихъ умерли, способно
Позолотить и злѣйшую отраву,
Несущую народамъ боль, способно
Услужливую чернь заставить пасть
Предъ идоломъ гнилымъ и яркимъ—славой,
И отъ благого ликъ свой отвратить,
Хоть пьедесталъ блестящій этой славы
Находится средь рукъ, головъ и ногъ,
Отрубленныхъ на страшномъ полѣ битвы,
Среди домовъ, дымящихся кругомъ.
Спокойный человѣкъ, что безмятежно
У своего родного очага
Сидитъ, къ другимъ относится по братски,
И исполняетъ общіе законы
Обычнаго, въ своей душѣ давя
Кипѣніе борьбы, обманутъ ими,
Холодными, косыми ихъ словами;
И развѣ что поплачетъ надъ крушеньемъ
Спокойствія, коль до дверей его
Чудовищныя волны донесутся,
И будетъ сынъ его убитъ тираномъ,
Или жена, наслушавшись ханжей,

Сойдетъ съ ума. Но тотъ, чья жизнь—несчастье,
Бѣднякъ, что знаетъ горе и заботу,
Кто утромъ просыпается затѣмъ,
Чтобы весь день свершать свой трудъ безплодный,
Кто слышитъ, какъ, голодные, кричатъ
Его родные дѣти,—тотъ, кто видитъ
Покорный взглядъ ихъ матери зачахшей,
Или глаза надменныхъ богачей,
Въ которыхъ онъ читаетъ приказанье,
Иль сердце разрывающую сцену—
Толпу людей такихъ же, какъ и онъ;—
Тому до краснобайства всѣхъ тирановъ
Довольно мало дѣла; въ немъ горитъ
Огонь такой же ненависти жгучей,
Какъ зло его; съ презрѣньемъ онъ смѣется
Надъ жалкою насмѣшкой словъ пустыхъ,
Къ насилію питаетъ омерзенье,
И только имъ удержанъ отъ того,
Чтобъ показать, что страхъ предъ нимъ не тщетенъ.

Желѣзный прутъ суровой нищеты
Своихъ рабовъ злосчастныхъ заставляетъ
Склоняться предъ богатствомъ, отравлять
Безсмысленнымъ трудомъ существованье,
Лишенное какихъ либо усладъ,
И этотъ самый трудъ лишь укрѣпляетъ
Тѣ цѣпи, что опутали его.
Безъ предпочтеній щедрая природа
Снабдила человѣка твердой волей,
Которой покорять онъ можетъ все.
Матерія, во всѣхъ своихъ измѣнахъ,
Покорная, лежитъ у ногъ его,
Которыя, отъ рабства ослабѣвши,
Дрожатъ при каждомъ шагѣ. О, какъ много
Невѣдомыхъ Мильтоновъ деревенскихъ
Прошло безгласно, съ тайной жаждой въ сердцѣ,
Томясь среди безчисленныхъ заботъ!
Сколь многіе безвѣстные Катоны

Энергію свою навѣкъ убили,
Остря булавку, или гвоздь куя!
Сколь многіе Ньютоны, что, взирая
На сонмы сферъ, горящихъ во вселенной,
Въ нихъ видѣли лишь пятна мишуры,
Которая приклеена къ лазури,
Чтобы родной ихъ городъ освѣщать!

Но въ каждомъ, даже самомъ скудномъ, сердцѣ
Скрывается зародышъ совершенства:
Мудрѣйшіе изъ мудрецовъ земли,
Что въ тайныхъ кельяхъ разума снискали
И знаніе, и истину, и доблесть,
Неопытными были всѣ дѣтьми,
Надменными и чувственно-тупыми,
Лишенными желаній безкорыстныхъ,
И безъ огней любви ко всей вселенной,—
Въ сравненіи съ тѣмъ высшимъ существомъ,
Съ безоблачнымъ умомъ, съ чистѣйшей страстью,
Съ возвышенною волей,—существомъ,
Которое лишь смерть (сперва помедливъ
Почтительно предъ этимъ благороднымъ,
Предъ взоромъ глазъ безтрепетныхъ его)
Могла заставить смолкнуть. И однако
Любой невольникъ, что теперь влачитъ
Убогое свое существованье
Въ грязи распутной улицъ городскихъ,
Въ нуждѣ, или въ роскошествѣ позорномъ,
Всю остроту духовныхъ воспріятій
Заботами всечасно притупляя,
Иль бѣшено бросаясь въ преступленья,
Чтобы встряхнуть застой своей души,—
Могъ подражать ему и быть съ нимъ равнымъ.

Но низкое хотѣніе связало
Настолько все рожденное землей,
Что все, за исключеніемъ благого,
Продажно: все, иль золотомъ, иль славой,

Купить возможно,—только не того,
Кто волей неизмѣнной обладаетъ:
Его ни восхваленія толпы,
Ни роскоши презрѣнныя забавы,
Не могутъ подкупить, и онъ душою
Возвышенной не можетъ преклониться
Ни предъ обманомъ, ни предъ тиранніей,
Хотя бъ они кровавою рукой
Ему давали самый скипетръ міра.

Продажно все; продаженъ свѣтъ небесъ;
Дары любви, что намъ даны землею,
Ничтожнѣйшія маленькія вещи,
Что въ глубинѣ, въ далекихъ безднахъ скрыты,
Все, что есть въ нашей жизни, жизнь сама,
Содружество людей, свободы проблескъ,
И тѣ заботы, что людское сердце
Хотѣло бъ инстиктивно выполнять,—
Все на публичномъ рынкѣ продается,
И себялюбье можетъ все купить,
Всему своимъ клеймомъ поставивъ цѣну.
Продажна и любовь; услада скорби
Въ мученья агоніи превратилась;
И въ полныхъ отвращенія объятьяхъ
Своекорыстной красоты—дрожитъ
Преклонный возрастъ; юность, подчиняясь
Порывамъ грязнымъ, осквернивъ себя
Торговлею, себѣ готовитъ ужасъ
Постыдной жизни; язва моровая,
Ростущая изъ чувственныхъ усладъ,
Не скрашенныхъ любовью, наводнила
Людскую жизнь свирѣпымъ роемъ бѣдъ,
И многоглавы всѣ они, какъ гидры.

Ложь требуетъ лишь золота въ награду
За совѣсть оскорбленную; ханжа,
Съ душою рабской, цѣнитъ невысоко

Продажныя вѣщательства свои:
Лишь дай ему чуть-чуть великолѣпья,
Да нѣсколько, въ услугу, низкихъ душъ,
Которыхъ алчность мелкая подкупитъ
Иль трусость превосходно укротитъ,—
И онъ готовъ служить для тиранніи.
За болѣе безстрашныя дѣянья
И плата полагается побольше:
Солдатъ-наемникъ руку предлагаетъ,
Чтобъ убивать; онъ сердце закаляетъ,
Чтобъ краснорѣчье страшное людей,
Встрѣчающихъ конецъ на полѣ битвы,
Не посягало на его природу,
И онъ ея движенія продастъ
За грубыя благословенья черни,
За подлую признательность жестокихъ,
За одобренье наглыхъ и глупцовъ.

Есть болѣе возвышенная слава,
Что наше существо переживаетъ,
И утѣшаетъ смутный рой заботъ,
Сопровождая всѣ ихъ перемѣны:
Она не оставляетъ добродѣтель
Во тьмѣ тюрьмы, и во дворцахъ надменныхъ
Ведетъ сквозь лабиринты преступленій
Того, кто служитъ ей; черты его
Безстрашностью прекрасной осѣняетъ,
Хотя бы онъ изъ мстительной руки
Свирѣпаго взялъ высшую награду,
Послѣднюю, какой нѣтъ лучше,—смерть:
—Сознанье блага, что ни грязной славой,
Ни золотомъ не купишь: только жизнью,
Съ рѣшительностью отданной добру,—
Неколебимой волей,—ненасытнымъ
Желаніемъ всеобщаго блаженства,—
Тѣмъ сердцемъ, чьи біенія—въ согласьи
Со счастьемъ всѣхъ, кто въ мірѣ,—тѣмъ умомъ,
Чья бдительная мудрость превращаетъ

Богатый кладъ, что въ разумѣ сокрытъ,
Въ источникъ благоденствія людского.

Такой обмѣнъ чистѣйшихъ побужденій
Не требуетъ посредствующихъ знаковъ
Отъ себялюбья; для него не нуженъ
Посредникъ, чье названіе—барышъ,
Ни взвѣшиванія долгія разсудка:
Здѣсь вѣрные и точные вѣсы,
Здѣсь на одной мы чашѣ видимъ сумму
Людского счастья, на другой же сердце
Того, кто добръ.
Какъ тщетно ищетъ алчный
То счастіе, что благу лишь дано!
О, какъ своекорыстники слѣпые
Безумно рушатъ собственные планы,
Когда они въ заботахъ ищутъ мира,
Желаютъ власти, властвовать безсильны,
Хотятъ любви, которой не даютъ!
И гдѣ они надѣются увидѣть
Спокойствіе, что награждаетъ добрыхъ,
Они лишь горечь тамъ себѣ находятъ,
Мучительность томящихъ сожалѣній,
Напрасныя раскаянья, недугъ,
Усталость, отвращеніе и скуку.
Но вотъ ужь себялюбіе сѣдое
Почувствовало смертный свой ударъ,
И шаткимъ шагомъ къ гробу устремилось:
Людского дня готовится разсвѣтъ,
Обмѣнъ земныхъ даровъ обмѣномъ будетъ
Улыбокъ, добрыхъ словъ и добрыхъ дѣлъ;
Богатство, бѣдность и алканье славы,
Страданіе, болѣзнь, боязнь безславья,
Безчисленные ужасы войны,
Свирѣпый адъ,—лишь призракомъ пребудутъ
Въ воспоминаньяхъ времени, что вздрогнетъ,
Какъ старый и раскаявшійся грѣшникъ,
Предъ призракомъ отшедшихъ юныхъ лѣтъ.

6.

Весь—зрѣнье, осязаніе и слухъ,
Духъ чувствовалъ все, что сказала Фея,
Въ пылающихъ словахъ.
Различные періоды свѣтились,
Обозначаясь въ яркихъ перемѣнахъ
На тонкой ткани существа его,
Какъ въ лѣтній вечеръ,
Когда витаетъ музыка кругомъ,
Гармоніей окутывая душу,
Зеркальность неподвижная озеръ
Восточный сумракъ отражаетъ,
Смѣшавши цвѣтъ пупуровый его
Съ горящимъ золотомъ заката.

И Духъ заговорилъ:
О, дикій міръ! О, дикій міръ, и жалкій!
Исполненъ онъ заботъ и терній,
И каждый демонъ можетъ произвольно
Его терзать.
Скажи мнѣ, Фея, неужели
Въ потокѣ лѣтъ надежды не сокрыто?
Вонъ тѣ огромнѣйшія солнца
Ужели будутъ уноситься
Такъ безконечно, освѣщая
По прежнему все ту же ночь
Несчастныхъ душъ, которыхъ столько множествъ,
Живущихъ безъ надеждъ?
Скажи, ужели Духъ всемірный
Не оживитъ больной тотъ уголъ Неба?

Спокойно улыбнулась Фея,
И лучъ блистательный надежды
Въ глазахъ у Духа засвѣтился.
О, прогони сомнѣнія пустыя,
И не тревожься: у души безсмертной
Не можетъ быть подобныхъ мыслей, если

Ей зрима цѣпь ея судьбы.
Да, нищета и преступленье—
На той землѣ,
Обманы, вожделѣнія, ошибки;
Но вѣчный міръ
Содержитъ зло и вмѣстѣ излеченье.
Во мракѣ даже худшихъ дней
Всегда встаетъ высокій въ благородномъ;
И съ чистыхъ устъ нисходитъ правда,
Которой смерти нѣтъ;
Она огнемъ, всегда живущимъ,
Ложь-скорпіона окружитъ,
И будетъ тотъ огонь рости, покуда
Чудовище не умертвитъ себя.

Сколь радостной тогда земля предстанетъ!
Чистѣйшихъ духовъ свѣтлое жилище,
Планетною симфоніей объято;
Съ природой неизмѣнной сочетавшись,
Предприметъ обновленный человѣкъ
Чарующее дѣло возрожденья,
И полюсы безплодные не будутъ
Къ безжизненному солнцу тяготѣть,
Которое тамъ слабо свѣтитъ
Кровавымъ пагубнымъ огнемъ.

О, Духъ! на той землѣ
Царитъ обманъ; убійственная сила
Велѣла правдѣ замолчать!
Тамъ бѣдствія и тамъ безумья!
Счастливѣйшій изъ всѣхъ—тамъ самый жалкій!
Но вѣрь, цѣлительныя капли
Изъ чаши радости на міръ
Падутъ росой душистою бальзама.
Теперь смотри безмолвно на картину,
Которую тебѣ я показала,
И лѣтопись кровавую читай,
Которую, рукой своей цѣлящей,

Природа вскорѣ вырветъ съ милосердьемъ
Изъ книги—возродившейся земли.
Какъ смѣлъ и гордъ полетъ свободной страсти,
Какъ разума тверда живая поступь,
Какъ сладостны побѣды свѣтлой жизни,
Какъ смерть чужда всѣхъ страховъ прежнихъ дней!
И какъ безсиленъ прежній гнѣвъ тирана,
Его когда-то мощная рука!
Какъ жалокъ нетерпимый ревъ святоши!
Какъ всѣ его проклятья—безъ послѣдствій!
Какимъ обманомъ явнымъ предстаетъ
Притворное его мягкосердечье,
Которое какъ маску выбралъ онъ,
Подлаживаясь къ времени иному,—
О, суевѣрье, только для тебя,
Свирѣпый дьяволъ, въ бѣдахъ плодородный,
Что демонами землю наполняетъ,
И адъ людьми, и сводъ небесъ рабами!

Ты оскверняешь все, на что ты смотришь!—
Созвѣздія, что такъ свѣтло глядѣли,
Роняя блескъ въ людскую колыбель,
Богами стали для твоей капризной
И невоздержной мысли; тучи, травы,
Деревья, горы, море, все, что дышетъ,
Что ползаетъ, что плаваетъ, летаетъ,
Богами стало; солнце получило
Моленья, и поклонниковъ—луна.
Потомъ ты стало старше и смѣлѣе:
Всѣ страшныя чудовищныя формы,
Иль странныя по красотѣ своей,
Которыя изъ кельи ощущеній
Фантазія капризно выбираетъ,
Ужасныя видѣнья, духи вѣтра,
И геніи стихій, и сонмы силъ,
Что всѣмъ произведеніямъ природы
Законченную форму придаютъ,—
Въ твоемъ слѣпомъ и извращенномъ сердцѣ

Снискали жизнь и мѣсто; но еще
Ты рукъ людской не замарало кровью.
Но зрѣлымъ сталъ безумный разумъ твой,
И новую нашло ты въ этомъ силу:
Твой зоркій взглядъ присматривался жадно
Къ картинѣ поразительной, чьи дива
Надъ знаньемъ насмѣхалися твоимъ:
Ихъ вѣчно-неизмѣнные законы
Невѣжество твое, дразня, язвили.
Ты было въ замѣшательствѣ сперва,
Потомъ все то, что до сихъ поръ ты знало,
Въ твоемъ умѣ какъ-бы слилось въ одно:
Потокъ мгновеній съ временами года,
Безлистственное царствіе зимы,
Рожденье почекъ на деревьяхъ нѣжныхъ,
Созвѣздія, что украшаютъ ночь,
Заходъ луны, и блескъ разсвѣтный солнца,
Землетрясенья, войны, и яды,
Болѣзни, всѣ ихъ скрытыя причины,
Къ одной незримой точкѣ отвлеченной,
Ты все свело, и это сталъ твой Дьяволъ,
Безжалостный, самодовольный, злобный,
Всесильный Дьяволъ, всѣмъ несущій месть.
И дрогнула земля, услышавъ имя
Того, чьимъ мщеньемъ былъ зажженъ пожаръ
Такой, что дымъ закрылъ созвѣздья въ небѣ;
И крики милліоновъ,—убіенныхъ,
Когда они опасности не ждали,
Тогда, когда была подтверждена
Ихъ безопасность клятвами во имя
Того, кто былъ причиной смерти ихъ,—
Промчались надъ землею, между тѣмъ
Какъ дѣти на твоемъ копьѣ упорномъ
Въ мученіяхъ предсмертныхъ извивались.
И хохотало ты, заслыша вопли
Восторженныхъ безумныхъ матерей,
Почуявшихъ священной стали холодъ
Во чревѣ раздираемомъ своемъ.

О, суевѣрье! ты тогда достигло
Расцвѣта; но ужь старость наползла:
Въ младенчество тогда и въ дряхлость впавши,
Для помысловъ ребяческихъ своихъ,
Для сердца, что питается несчастьемъ.
Ты новую измыслило забаву.
Сказавъ, что сумасшедшій этотъ дьяволъ,
Испорченностью созданный твоей,
Насытитъ неестественную жажду
Насилія, убійства, преступленья,
Которая тебя еще снѣдала,
Хотя тебѣ былъ слышенъ шагъ судьбы;—
Сказало ты себѣ, что можетъ пламя
Зловѣщую картину освѣтитъ,—
Что твой голодный слухъ, на ложѣ смерти,
Смятеньемъ горькихъ воплей усладится,
Чтобы отцы кричали на кострѣ,
Который дѣтямъ ихъ приговореннымъ
Освѣтитъ путь, и чтобъ звучали крики
Ликующихъ прислужниковъ твоихъ.

Теперь твои сѣдины—посмѣянье.
Въ безславную нисходишь ты могилу,
Въ угрюмый гробъ, и о тебѣ жалѣютъ
Лишь тѣ, чья гордость, какъ твоя, прошла,
Лишь тѣ, что страшной ночью, застилавшей
Такъ долго міръ, струили мрачный свѣтъ,
Блѣднѣющій предъ яркимъ солнцемъ правды.

Сквозь эти безконечныя планеты,
Смѣшавшія свой свѣтъ,—(средь нихъ земля
Одна изъ многихъ),—дышетъ полный жизни,
Дѣйственность въ себѣ несущій, духъ,
Безъ грани, безъ конца, и безъ упадка;
Не меркнетъ онъ, когда во мглѣ могилы
Земная жизнь на краткій мигъ поблекнетъ
И дремлетъ; онъ не меркнетъ и тогда,
Когда едва лепечущій ребенокъ,

Въ туманной новизнѣ существованья,
Внимаетъ зову всѣхъ вещей подлунныхъ,
И все встаетъ какъ чудо для него:
Нѣтъ, дѣятельный, вѣчный, неуклонный,
Онъ руководитъ яростнымъ самумомъ,
Реветъ въ громахъ, смѣется въ ясномъ днѣ,
Воздушно дышетъ въ рощахъ благовонныхъ,
Крѣпитъ въ здоровьи, и въ недугѣ давитъ;
И въ буряхъ перемѣнъ, что постоянно
Проносятся надъ вѣчною вселенной,
Ея оплоты гордые колеблютъ,
Онъ мощно правитъ, властно указуя,
Какое мѣсто занимать должна
Въ ея машинѣ каждая пружина;
И въ часъ когда на волны мчатся волны
И громоздятъ смятенье къ облакамъ,
И яростныя молніи пронзаютъ
Пространство взбудораженныхъ зыбей,
Въ тотъ часъ, когда для моряка, что спасся
При гибели нѣмого корабля,
Все кажется разорваннымъ, случайнымъ,
Пока, дрожа, сидитъ онъ на скалѣ,—
Нѣтъ атома въ той смутѣ разъяренной,
Который безполезное бы дѣлалъ,
Не то свершалъ бы, что свершать онъ долженъ.
Частицу незамѣтнѣйшую свѣта,
Что въ трепетѣ Апрѣльскаго луча
Незримую задачу совершаетъ,
Ведетъ всемірный Духъ: когда-жь безумьемъ
Иль жаднымъ честолюбіемъ объяты,
На полѣ битвы двѣ дружины вражьи
Готовятъ гробъ другъ другу, въ слѣпотѣ.
И то безумье славой называютъ,—
Онъ правитъ ихъ страстями; нѣтъ ни мысли,
Ни дѣйствія, ни одного хотѣнья
Въ умѣ капризномъ деспота, нѣтъ смутной
Ошибки въ сердцѣ жалкаго раба,
Который, чтобъ прикрыть свой стыдъ, гордится

Убогою неволей, нѣтъ событья,
Что сковываетъ волю всѣхъ людей,
Нѣтъ тѣхъ глубинъ временъ давно-забытыхъ
И слѣдствія рождающихъ теперь,—
Чтобъ это совершилось незамѣтно
Безъ вѣдома случилось твоего,
Душа Вселенной! ты родникъ безсмертный,
Источникъ жизни, смерти, боли, счастья,
Всего, что перемѣнами пестритъ
Причудливую сцену передъ нами,
Гдѣ зыбкій и всегда невѣрный свѣтъ
Лишь освѣщаетъ мракъ темницы нашей,
Чьи стѣны мощныя и цѣпи
Мы чувствуемъ, не видя ихъ.

Всеправящая Сила! Духъ Природы,
Необходимость! мать вселенной нашей!
Людскихъ ошибокъ чуждая, не хочешь
Ты ни моленій, ни хвалебныхъ словъ;
И прихоти людской ничтожной воли
Тебѣ настолько-жь чужды, какъ измѣны
Земныхъ страстей—гармоніи безсмѣнной:
Злосчастный рабъ, чьи страшныя желанья
Страданія распространили въ мірѣ,
И добрый человѣкъ, чье существо
Горитъ при созерцаніи блаженства,
Истекшаго отъ добрыхъ дѣлъ его,
То дерево, подъ чьей отравной тѣнью
Изсякла жизнь кругомъ, прекрасный дубъ,
Что пышною листвою образуетъ
Какъ бы соборъ, счастливый храмъ любви,
Гдѣ слышатся блаженные обѣты,—
Передъ тобой равны: не знаешь ты
Ни злобы, ни любви; тебѣ безвѣстны
Отмщенье и пристрастье; ты чужда
Томительной недоброй жажды славы;
Все, что содержитъ этотъ міръ обширный,—
Послушныя орудія твои;

И ты на все глядишь безстрастнымъ взглядомъ,
Не чувствуя ни радости, ни боли,
Затѣмъ что ты не человѣкъ,
Затѣмъ что нѣтъ въ тебѣ людского.

Да! времени метущая гроза
Споетъ свой гимнъ надъ грудою обломковъ
Отъ капищъ, гдѣ царилъ всесильный дьяволъ,
Чьи почести тебѣ лишь надлежали;
И кровь, что тамъ сгустилась,—гдѣ она?
Уже плыветъ въ теченіи столѣтій,—
Ты будешь жить всегда безъ перемѣнъ.
Есть нѣкое святилище; ни буря
Текучихъ лѣтъ, ни тотъ потокъ воздушный,
Что безъ конца надъ этою землей
Проносится съ толпой ея видѣній,
Святилище твое не смѣютъ тронуть,—
Пространство чувственное міра,
Чудесный и безсмертный храмъ,
Гдѣ зло съ добромъ, услада съ болью слиты,
Чтобъ совершать—то, что имъ повелитъ
Необходимость,—и въ несчетныхъ формахъ
Стремится жизнь туда, гдѣ нѣтъ конца,
И, какъ огонь ненасытимый,
Вокругъ оплотовъ этой силы вьется.

7.

. . . . . .

Фея.

. . . . . .

О, Духъ! сквозь чувства,
Которыми твоя природа
Была извѣщена о томъ, что́ дышетъ внѣ,
Прошли толпою смутной сновидѣнья,
И разныя воспоминанья
Воззвали надписи скрижалей,
Что не поблекнутъ никогда;

Тамъ четко все напечатлѣлось,
Земля, созвѣздья, небо, море,
И даже дикія черты
Безумныхъ тающихъ видѣній
Тамъ начертали бѣглый знакъ,
Чтобы свидѣтельствомъ явиться
О той землѣ.

Всѣмъ этимъ тайнымъ царствомъ я владѣю,
И мнѣ дано хранить всѣ чудеса
Людского міра, и созданьямъ блѣднымъ
Фантазіи—дѣйствительность давать;
И потому изъ сновъ людской ошибки,
Изъ области туманныхъ суевѣрій,
Я вызову тебѣ чудесный призракъ,
Чтобъ на твои вопросы онъ отвѣтилъ.
Встань, Агасферъ!

И близь оплота, гдѣ стояла Фея,
Всталъ странный призракъ,
Какъ будто весь изношенный отъ скорби;
Недвижно онъ стоялъ,
И отъ его фигуры блѣдной
На золотомъ полу чертога
Не упадала тѣнь.
Въ его чертахъ, во всей его осанкѣ,
Былъ отпечатокъ многихъ—многихъ лѣтъ;
Въ его глазахъ, лишенныхъ блеска,
Виднѣлась лѣтопись вѣковъ, умомъ забытыхъ:
Но на щекахъ его виднѣлась юность.
Онъ свѣжести и силы былъ исполненъ;
Въ немъ мудрость старости смѣшалась
Съ безстрашьемъ первобытнымъ юныхъ дней;
И несказанное страданье,
Смягченное великимъ отреченьемъ,
Угрюмой красотою осѣнило
Его краснорѣчивое чело.

Духъ.

Скажи мнѣ, есть-ли Богъ?

Агасферъ.

Есть Богъ!—о, да, есть всемогущій Богъ,
Ужасный въ гнѣвѣ! Надъ землей однажды
Онъ голосомъ своимъ заговорилъ,
И дрогнула земля при этомъ звукѣ.
. . . . . .
О, Духъ! прошли столѣтія съ тѣхъ поръ,
Какъ Божество явилось воплощеннымъ.
. . . . . .
И я стоялъ передъ его крестомъ,
И Богъ стоналъ, а я сказалъ съ насмѣшкой:
Иди! иди!
Его лицо улыбкой озарилось,
И онъ сказалъ: Да, я иду, но ты
Здѣсь по землѣ скитаться будешь вѣчно.—
Могильный потъ покрылъ мое чело.
Я рухнулъ, и лежалъ такъ, долго, долго,
На странно-зачарованной землѣ.
Когда я всталъ, въ умѣ былъ адъ горячій,
И колебаньемъ былъ мой умъ объятъ;
Кругомъ лежали жалкіе останки
Моихъ родныхъ, убитыхъ Всемогущимъ,
И въ разныхъ сочетаньяхъ, въ позахъ смерти,
Безглазые нѣмые черепа
Моихъ дѣтей чудовищно глядѣли.

Но духъ мой полюбилъ свободу ада,
И началъ я свой безконечный путь.
. . . . . .
И вотъ теперь стою въ тысячелѣтьяхъ,
Въ пустынѣ дикой безутѣшныхъ дней,
Палимъ самумомъ страшной агоніи,
Но ясный, мирный, и въ себѣ замкнутый,
Съ упорною, съ неколебимой волей.

Такъ мощный дубъ, грозою опаленный,
Стоитъ въ уединеніи глухомъ,
Какъ памятникъ погибели нетлѣнной;
И мирно внемлетъ вою зимнихъ бурь,
Пріемлетъ ласку свѣта въ лѣтній полдень.

Своей рукой взмахнула Фея,
И Агасферъ исчезъ,
Какъ исчезаютъ тѣни легкой дымки,
Что на лѣсныхъ прогалинахъ встаютъ,
И вдругъ въ лучѣ растаютъ:
То вещество, что образуетъ сны,
Не болѣе въ себѣ имѣетъ жизни
И дѣйствія, чѣмъ этотъ странный ликъ
Бродячей мысли человѣка.

8.

Ты видѣлъ то, что есть, и то, что было,
Печальная картина! Духъ, теперь
Узнай и тайны будущаго.—Время!
Раскрой захватистыя крылья,
Въ тѣни которыхъ дышетъ мракъ,
Отдай своихъ дѣтей, лишь вполовину
Погубленныхъ; отъ вѣчныхъ колыбелей,
Гдѣ сонмы спятъ тѣмъ сномъ, что имъ назначенъ,
Подъ ропотъ преходящаго,—сорви
Могильный саванъ.—Духъ, ты видишь,
Вотъ твой блистательный удѣлъ!

И радость Духомъ овладѣла.
Въ разрывъ покрова вѣчнаго временъ,
Въ туманахъ страха видѣлась Надежда,
Свѣтясь лучами, и земля
Ужь не была зловѣщимъ адомъ.
Достигла юность зрѣлости, и всюду
Была любовь, свобода, и здоровье,
И всѣ сердечныя біенья
Въ созвучьи были съ музыкою сферъ,

И благозвучье возростало
Въ согласьи съ трепетомъ души;
Душа дрожала сладостнымъ біеньемъ,
Жизнь новую найдя въ невѣрной смерти,—
Такъ иногда вечерній вѣтерокъ,
Чуть пробуждая зыбь на спящемъ морѣ,
Едва вздохнувъ, сейчасъ-же умираетъ,
Вздыхаетъ вновь и умолкаетъ снова:
Такъ точно нѣжность ощущеній
Произошла отъ этихъ звуковъ,
И Духъ проникся ласковымъ волненьемъ,
Сочувствіемъ людскимъ.

И радость Духомъ овладѣла,—
Такая радость, какъ бываетъ
Съ тѣмъ, кто влюбленъ и видитъ, что блаженствомъ
Избранница души его сіяетъ,—
И видитъ онъ спокойной ту,
Чья скорбь ему была-бы горше смерти,—
И видитъ радостный румянецъ
Ея счастливаго лица,—
И видитъ съ трепетомъ влюбленнымъ,
Что точно двѣ звѣзды надъ бурнымъ моремъ
Своимъ благословеньемъ влажнымъ
Ему горятъ ея глаза.

И молвила Царица Фей
Ликуя: я не буду вызывать
Видѣніе столѣтій отошедшихъ,
Чтобы оно тебѣ разоблачило
Чудовищное знаніе свое;
Что было настоящимъ, то исчезло
Въ прошедшемъ, и событія, чей гнетъ
Печалилъ землю, лишь воспоминанье
Забывчиваго Времени, что дать
Не смѣетъ жизнь тому, что стерто мною.
Всѣ дива человѣческаго міра
Мнѣ отдано хранить: пространство, время,

Матерію, и умъ. Богатый кладъ
Грядущее теперь являетъ взору;
Пусть подкрѣпитъ прекрасная картина
Слабѣющее чаянье твое.
О, Духъ людской! стремись къ той свѣтлой цѣли,
Гдѣ благо утвердило общій миръ,
И въ суетѣ людской, въ волненьи вѣчномъ,
Незыблемое что-нибудь яви,
Зажги маякъ надъ дикимъ океаномъ.

Земля сіяетъ счастіемъ и жизнью;
Обширныя морозныя пустыни,
Что вѣчнымъ дуновеньемъ снѣжныхъ бурь
Вкругъ полюсовъ замкнуты были въ цѣпи,
Окованы великой тишиной,—
Пустыни, гдѣ матерія не смѣла
Ни жить, ни расцвѣтать,—теперь свободны;
Дыханіе душистыхъ вѣтерковъ,
Отъ острововъ стремяся благовонныхъ,
Чуть зыбитъ океанъ, глубоко-мирный,
И на песокъ прибрежный, отъ него,
Широкія свѣтло доходятъ волны,
Ихъ ропотъ гармоничной перекличкой
Доносится до свѣжей тѣни рощъ,
И шлетъ привѣтъ природѣ человѣка.

Безмѣрныя пустыни изъ песковъ,
Гдѣ жаркій зной, накопленный вѣками,
Едва давалъ возможность птицѣ жить,
Цвѣтку расцвѣсть,—гдѣ въ воздухѣ усталомъ
Лишь рѣзкій шелестъ ящерицъ зеленыхъ
Шурша будилъ удушливую тишь,—
Исполнены теперь живымъ журчаньемъ,
Безчисленныхъ ручьевъ, лѣсною тѣнью,
Отрадой пастбищъ, нивъ, и бѣлыхъ хижинъ;
И гдѣ пустыня видѣла съ испугомъ,
Какъ дикій хищникъ родственною кровью
Себя пятналъ, и какъ ягненкомъ кроткимъ

Тигрица насыщала жадный голодъ
Дѣтенышей своихъ, еще беззубыхъ,
Межъ тѣмъ какъ вой и ревъ кругомъ звучали,—
Теперь тамъ дышутъ нѣжныя лужайки,
Дыханьемъ маргаритокъ бѣлыхъ шлютъ
Разсвѣту солнца ласку ѳиміама,
И смотрятъ, улыбаясь, какъ ребенокъ,
Предъ дверью, у которой мать сидитъ,
Охотно дѣлитъ утренній свой завтракъ
Съ зеленымъ золотистымъ василискомъ,
Пришедшимъ лечь къ его ногамъ.

И тѣ неизслѣдимыя глубины,
Гдѣ столько разъ усталый парусъ видѣлъ,
Какъ день встаетъ за ночью, ночь за днемъ,
А нѣтъ и нѣтъ земли на дальнемъ морѣ,
И только слышенъ дикій ревъ зыбей,
И только вѣтеръ ноетъ съ горькимъ плачемъ,
Да чайки надрываются надъ моремъ,
Да шумъ грозы, да крикъ морскихъ чудовищъ,—
Теперь они отвѣтствуютъ душѣ
Плѣнительностью звуковъ многослитныхъ.
Въ пустынномъ этомъ царствѣ, ожерельемъ,
Цвѣтущіе сіяютъ острова,
Межъ нихъ блистаетъ море, дышутъ тучки,
Пестрѣютъ плодородныя долины.
Надъ влагой волнъ лѣса встаютъ какъ своды,
И волны, добѣжавъ до береговъ,
Съ улыбкою на нихъ цвѣты цѣлуютъ.

Во всемъ веселый праздникъ возрожденья,
Все, что живетъ, зажглось однимъ огнемъ,
Огнемъ любви, лучомъ согласованья;
Земля своею грудью материнской
Питаетъ миріады, и они
Ее за всѣ заботы награждаютъ
Восторгомъ совершенства своего:
Дыханія вѣтровъ благоуханныхъ

Распространяютъ всюду ароматъ:
Здоровьемъ нѣжно дышетъ атмосфера,
Оно въ плодахъ горитъ, въ ручьяхъ сіяетъ:
Мятежность бурь не безобразитъ больше
Чело невозмутимое небесъ,
И не срываетъ трепетныхъ и свѣжихъ
Листовъ съ деревьевъ навсегда зеленыхъ;
Цвѣты цвѣтутъ, плоды ростутъ и зрѣютъ,
И осень красотой матроны блещетъ,
Весну румянцемъ нѣжнымъ зажигая,
Чья дѣвственность подъ красными плодами
Хранитъ оттѣнки вкрадчивой любви.

И левъ теперь не помнитъ жажду крови,
Въ сіяньи солнца весело играетъ
Съ безтрепетнымъ козленкомъ, спрятавъ когти,
И пастію вреда не принося:
Его природа, силою привычки,
Сравнялася съ природою ягненка.
Какъ свѣтъ страстей, отрава белладонны
Въ свои восторги не вливаетъ ядъ:
Что горько, то прошло; бокалъ блаженства
Отъ жаждущихъ не убѣгаетъ губъ,
А черезъ край блистаетъ свѣжей влагой.

Но то, что важно,—человѣкъ двоякій,
Что знаетъ боль сильнѣй, чѣмъ всѣ, и можетъ
Во снѣ увидѣть больше торжества,—
Онъ, въ чьей груди острѣе ощущенья,
Съ инстинктомъ благороднѣйшимъ смѣшавшись,
Утонченнѣе дѣлаютъ и ярче
Все то, въ чемъ наслажденье и страданье,—
Онъ, тотъ, кто въ мірѣ вѣчно-перемѣнномъ
Пятно иль украшеніе земли,—
Сильнѣе всѣхъ теперь онъ измѣнился,
Ростетъ въ немъ постепенно возрожденье,
И каждое движеніе его
Въ умѣ свой слѣдъ блестящій оставляетъ.

Тамъ, гдѣ въ глубокой тьмѣ полярной ночи
Мертва оледенѣлая земля,
И только стебли той травы безстрашной,
Что не боится жгучаго мороза,
Подъ безучастной грѣются луной.—
Тамъ человѣкъ былъ сморщенъ, какъ растенья,
И теменъ былъ, какъ ночь; въ немъ кровь застыла,
И въ узкомъ сердцѣ не было ни правды,
Ни храбрости, ни свѣта, ни любви;
Онъ чахлою позорною фигурой
Отмѣченъ былъ какъ выбросокъ земли,
Товарищи его—медвѣди были,
Бродившіе кругомъ, и ихъ привычки
Съ привычками его слились во всемъ;
Его существованье было мукой
Тупого лихорадочнаго сна,
И всѣ его ничтожныя хотѣнья,
Что насыщать онъ могъ лишь вполовину,
Ему всегда давали знать, насколько
Толпа его злосчастій возросла;
И смерть его была тяжелой пыткой,
Которую заботы, голодъ, холодъ
Еще задолго приносили въ умъ,
Предъ тѣмъ какъ жизнь отъ тѣла отступила:
Здѣсь было слито все, что только можетъ
Отмщеніе земли назначить тѣмъ,
Кто захотѣлъ прейти ея законы.

И тамъ гдѣ въ зноѣ тропиковъ пространство
Пересѣкалось въ голубыхъ туманахъ
Широкой полосой огня и тучъ,
И гдѣ чума въ недвижной атмосферѣ
Посѣяла незримо сѣмена,
Взростивши неестественные стебли,—
Тамъ гдѣ земля недугами кишѣла,
Землетрясеньемъ, зноемъ и грозой,—
Былъ человѣкъ не болѣе прекраснымъ;
Невольничествомъ былъ онъ пригнетенъ

До праха, гдѣ горѣли капли крови;
Или онъ былъ предметомъ той торговли,
Что въ волѣ человѣка только видитъ
Простой товаръ; иль тѣмъ злодѣямъ алчнымъ,
Что звали Христіанами себя,
За золото онъ былъ передаваемъ,
Къ далекимъ островамъ его везли,
И тамъ подъ свистъ бичей, дерущихъ мясо,
Онъ выполнялъ томительный свой трудъ,
Чтобъ обезпечить роскошь и богатство
Которыя своимъ двойнымъ проклятьемъ
Умы тирановъ жалятъ и язвятъ;
Или на узаконенную бойню
Его вели, чтобы подъ жгучимъ солнцемъ
Добычею червей онъ сталъ въ тѣхъ странахъ,
Гдѣ деспоты впервые сговорились,
Чтобъ сообща топтать права людей,
И гдѣ святоши торговали Богомъ.

И даже тамъ гдѣ былъ нѣжнѣе воздухъ,
И человѣкъ убѣжище имѣлъ,
Зараза также тамъ распространялась,
Его существованье оскверняя
Неисчислимымъ полчищемъ невзгодъ,
И жгла его огнемъ непогасимымъ;
И возростанье той заразы грозной,
Вплоть до часовъ послѣднихъ, самой правдой
Задержано быть не могло, и мира
Въ душѣ не возникало до тѣхъ поръ
Пока впервые, въ торжествѣ безкровномъ,
Она свой нѣжный стягъ не подняла
Надъ той страной, обласканной природой:
Какъ долго былъ тамъ жалкій человѣкъ
Лишь прихвостнемъ рабовъ, каррикатурой
На низость окружавшую его,
Шакаломъ передъ львомъ честолюбивымъ,
Ищейкой фанатическихъ святошъ.

Людское существо, умомъ и тѣломъ,
Теперь лишь краситъ ласковую землю;
Онъ съ самаго рожденья осѣненъ
Воздушностью желаній гармоничныхъ,
Что въ сердцѣ благородномъ у него
Лишь будятъ страсти добрыя отнынѣ.
Отъ чаянья онъ къ чаянью идетъ,
Сокровища несчетныя сбираетъ,
Которыя для разума благого
Толпой неисчерпаемой ростутъ,
И мысли, возникая безконечно
И время для него уничтожая,
Въ его живой душѣ рождаютъ вѣчность,
Которая смѣется надъ безсильемъ
Сѣдыхъ столѣтій; прежде человѣкъ
Въ картинѣ зыбкой былъ видѣньемъ бѣглымъ.
Что памяти, пройдя, не оставляло,
Теперь-же онъ безсмертенъ на землѣ:
Не убиваетъ больше онъ ягненка,
Что ласково глядитъ ему въ лицо,
Не пожираетъ труповъ искаженныхъ,
Которые въ своей кончинѣ мстятъ
За то, что оскверненъ законъ природы,
И зажигаютъ въ тѣлѣ человѣка
Всѣ помыслы гнилые, грязь желаній,
Дурныя страсти, тщетныя мечты,
Отчаяніе, злобу, отвращенье,
Зародыши недуговъ, преступленій,
И самой смерти. Рой существъ крылатыхъ,
Что въ пѣсняхъ жизнь свою въ лѣсахъ проводятъ,
Отъ формы человѣка не бѣжитъ;
Но радостными крыльями блистаетъ
И на руки дѣтей садится малыхъ,
Которыя ласкаютъ этихъ смѣлыхъ
Товарищей ихъ кроткихъ дѣтскихъ игръ.
Всѣ существа не знаютъ больше страха;
Утратилъ человѣкъ свое отличье,
Которымъ онъ пугалъ, и межъ существъ

Онъ равный между равныхъ: надъ землею,
Хоть поздно, свѣтитъ счастіе и знанье;
Покой у всѣхъ въ душѣ, здоровье въ тѣлѣ;
Не слито наслажденіе съ болѣзнью,
И болѣе не спорятъ умъ и страсть;
Благія силы, каждая, свободно
Свое вліянье всюду простираютъ,
И правятъ этимъ царствомъ безграничнымъ;
Всѣ виды, всѣ сплетенья вещества
Со всемогущимъ разумомъ сливаютъ
Вліяніе своихъ отдѣльныхъ силъ,
И изъ своихъ сокровищницъ глубокихъ
Онъ извлекаетъ свѣтлый жемчугъ правды,
Чтобъ имъ украсить этотъ мирный рай.

9.

Земля-Эдемъ! дѣйствительность Небесъ!
Тѣ души неустанныя, что вѣчно
Проходятъ сквозь вселенную людей,
Къ тебѣ стремятся; ты предѣлъ желаній;
Награда воли слѣпо-неуклонной,
Чьи яркіе лучи, разсѣеваясь
Сквозь безпредѣльность времени и мѣста,
Къ одной блестящей точкѣ тяготѣютъ
И всѣ въ единой слиты навсегда:
Чистѣйшихъ духовъ свѣтлое жилище,
Куда войти не смѣютъ ни болѣзнь,
Ни скорбь, ни преступленье, ни безсилье:
Земля-Эдемъ, дѣйствительность Небесъ!

Тебя увидѣлъ геній въ страстныхъ снахъ,
И, посѣщая сердце человѣка,
Предчувствія твоихъ высокихъ чаръ
Въ него внѣдрили твердую надежду
На то, что есть уютъ обѣтованный,
Гдѣ дружба и любовь, однажды встрѣтясь,
Уже не разлучаются вовѣки.
Да, ты конецъ всѣхъ думъ и всѣхъ желаній,

Созданіе всѣхъ дѣйствій благотворныхъ;
И души, что путями восхожденья
Достигли мирной гавани твоей,
Тамъ отдыхаютъ отъ усилій вѣчныхъ,
Построившихъ законченность твою.

И даже отъ тебя сокрылся бѣгствомъ
Завоеватель, Время; одиноко,
Сѣдой гигантъ такъ долго правилъ міромъ,
Что падали народы другъ за другомъ
Подъ тяжестью шаговъ его неслышныхъ.
Тысячелѣтья были пирамиды,
Недвижный знакъ въ измѣнности людского,
Но Времени тлетворное дыханье
Въ пустынѣ разнесло ихъ, какъ песокъ,
Тамъ гдѣ ихъ камни пережили имя
Того, чья гордость ихъ нагромоздила.
И тотъ властитель, въ пышности своей,
Былъ только грибъ, разсыпавшійся пылью
Подъ легкою ногой его: такъ Время
Землей владѣло; все предъ нимъ бѣжало,
Все, лишь не благодѣтельная воля,
Не равновѣсье чувства и души,
Стремившихся къ опредѣленной цѣли,
И гибель подготовившихъ его.
Но медленно разсвѣтъ любви надъ міромъ
Такъ медленно и долго загорался;
Темнѣли сомны тучъ, и отступили
Не сразу отъ родившихъ ихъ небесъ:
Сначала преступленіе промчалось,
Надъ всякою надеждой торжествуя,
Исполненное наглой явной силы;
Ложь между тѣмъ, надѣвши маску блага,
Втеченіи столѣтій одобряла
Дѣяніе порока и злосчастій,
До той поры пока она сама
Своимъ не укололась острымъ жаломъ,
И, умеревъ, оставила весь міръ

Безъ тяжкихъ путъ докучнаго закона,
И страсть свободно крылья развернула,
И разумъ суевѣрье отшвырнулъ.
И жизнь зажглась блаженнымъ возбужденьемъ:
Свободенъ разумъ былъ; а страсть пошла
Въ причудливомъ безумьи сквозь пространства
Запутанныхъ долинъ, лѣсныхъ прогалинъ,
И собрала букетъ цвѣтовъ страннѣйшихъ,
Но, какъ пчела летитъ къ своей царицѣ,
Она вернулась къ брату своему,
И самой нѣжной свѣтлою гирляндой
Украсила она его чело,
А онъ съ улыбкой цѣловалъ шалунью,
Довѣрчиво смѣявшуюся съ нимъ.

И неизбѣжность медленная смерти
Спокойной стала: Духъ въ ея объятьяхъ
Безъ стона, безъ страданья погасалъ,
Почти безъ страха: такъ спокойный путникъ
Въ невѣдомый идетъ и дивный край,
Исполненный надеждъ и изумленья.
Смертельные зародыши болѣзней
Исчезли изъ людского существа,
И чистота свѣтло благословила
Блаженствомъ почитателей своихъ.
Какъ мощенъ сталъ тогда преклонный возрастъ,
Съ величественнымъ обликомъ атлета,
Съ открытымъ и не сморщеннымъ челомъ,
Гдѣ ни одинъ изъ тѣхъ пороковъ низкихъ,
Какъ хитрость, гордость, алчность, и забота,
Свою печать сѣдого безобразья
Не наложили на скрещенья линій,
Оставленныхъ теченьемъ долгихъ дней!
Какъ ласковъ сталъ безстрашный обликъ юныхъ!
Въ ихъ взорахъ, и безтрепетныхъ и кроткихъ,
Какъ будто бы дышало утро мая:
Душа ни передъ чѣмъ не знаетъ страха,
И вмѣстѣ съ ней возвышенная воля,

Сквозь жизнь, межъ фантастическихъ видѣній.
Рука съ рукой, пошли безъ колебаній,
Свѣтили имъ восторгъ, любовь, и благо.

То рабство сладко-нѣжное, въ чемъ сущность
Самой свободы,—свѣтлая неволя,
Что узами воздушныхъ ощущеній
Скрѣпляетъ сочетанья душъ людскихъ,—
Стряхнула ковы узкаго закона:
Вся нѣжность этихъ тонкихъ побужденій,
Въ природной ихъ застѣнчивости вспыхнувъ,
Съ довѣріемъ и съ явностью раскрыла
Разсвѣтныя хотѣнія любви,
Освободившись отъ того тупого
Сухого цѣломудрія, въ которомъ
Есть доблесть добродѣтели дешевой,
Что хвалится безчувствіемъ своимъ.
Продажность ласкъ не отравляла больше
Источникъ жизни и родникъ блаженства;
Равны и вольны, женщина съ мужчиной,
Довѣріе съ любовью сочетали,
И въ путь пошли по той горѣ высокой,
Гдѣ болѣе отъ восходящихъ ногъ
Слѣдовъ не оставалося кровавыхъ.

И тамъ, гдѣ впродолженіи столѣтій
Дворецъ вздымался деспота-раба,
Своимъ тяжелымъ видомъ насмѣхаясь
Надъ голодомъ и надъ нуждой въ ихъ мукѣ.—
Виднѣлись лишь развалины, громада,
Откуда годъ за годомъ падалъ камень,
Будя кругомъ отзывчатое эхо;
И на вершинѣ башни старый тернъ.
Занявши мѣсто знамени, качался
Въ дыханьи пролетающей грозы.
И странныя нашептывалъ онъ сказки,

. . . . . .

Въ запущенныхъ дворахъ массивныхъ тюремъ
Играетъ шумный рой дѣтей румяныхъ,
Сплетаетъ въ разноцвѣтные вѣнки
Желтофіоль стѣнной и плющъ зеленый,
И надѣваетъ ихъ, какъ бы въ насмѣшку
Надъ безполезнымъ сумракомъ тюрьмы;
Тяжелые оковы и запоры
Заржавѣли средь мрачныхъ кучъ камней,
Что медленно сливаются съ землею,
Родившей ихъ: и солнца лучъ широкій,—
Едва свѣтившій ранѣе на щеки
Худого истомленнаго плѣненья,
Болѣзненнымъ мерцаніемъ,—теперь
Блистаетъ вольно въ радостныхъ улыбкахъ
Младенческой безхитростной игры:
И хриплое отчаяніе больше
Чудовищныхъ не испускаетъ воплей,
Подъ сводами рождающими эхо,
Но слышенъ умилительный тамъ лепетъ
Воздушныхъ вѣтерковъ среди плюща,
И пѣнье птицъ, и возгласы веселья.

И вскорѣ отъ развалинъ этихъ мрачныхъ
Ни камня не осталось на землѣ:
Ихъ составныя части разлетѣлись,
И въ лучшихъ воплощеніяхъ сплелись,
Чтобы служить безгрѣшнымъ побужденьямъ:
Достигло все людское совершенства,
И, какъ ребенокъ въ ласкѣ материнской,
Земля достигла силы, превосходства,
И что ни годъ, все лучше, все нѣжнѣй.—

Теперь завѣсы сумрачныя крыльевъ
Распространяетъ Время надъ картиной,
И снова мракъ, и все, что ты увидѣлъ,
Предъ взоромъ очарованнымъ блѣднѣетъ.
Моя задача кончена: ты знаешь,
Что́ долженъ знать. Всѣ чудеса земли

Теперь твои, съ ихъ страхомъ, съ ихъ надеждой.
Моимъ очарованіямъ конецъ,
И то, что есть, опять вступаетъ въ силу.
О, горе! есть еще такая глушь,
Которую необходимо будетъ
Преобразить сознаньемъ человѣка.

Но, Духъ людской, иди впередъ безстрашно,
И повинуясь доблести упорно
За шагомъ шагъ свершай свой вѣрный путь,
Ведущій къ благодатнымъ перемѣнамъ;
Запомни, что рожденіе и жизнь
И смерть, и состояніе, въ которомъ
Душа еще очагъ свой не нашла,
Стремятся всѣ къ великому блаженству,
И всѣ влекутъ своимъ путемъ—колеса,
Чьи спицы лучезарныя горятъ,
Исполненныя жизни безконечной,
И быстро такъ мѣняются затѣмъ,
Чтобы достичь назначенной имъ цѣли:
Рожденье будитъ духъ для ощущенья
Тѣхъ внѣшнихъ зрѣлищъ, чей нежданный видъ
Его ласкаетъ новизною страсти;
Жизнь—дѣйствіе, и какъ бы складъ событій,
Которыя вселенную пестрятъ;
Смерть—мрачныя врата, чей входъ угрюмый
Ведетъ въ просторъ, къ лазурнымъ островамъ,
Къ счастливымъ странамъ вѣчныхъ упованій.
И потому, о, Духъ, иди безстрашно:
И пусть сломаютъ бури первоцвѣтъ,
И пусть морозъ листки его изранитъ,
Дыханіе весны, будящей радость,
Обниметъ землю, лаской животворной,
Чтобы кормить нѣжнѣйшею росой
Ея цвѣты, которые цвѣтутъ
На мшистыхъ берегахъ, въ тѣнистыхъ долахъ,
Въ лѣсахъ зеленыхъ.—всѣ ихъ веселя
Своей весенней солнечной улыбкой.

Не бойся, Духъ, губящей длани смерти,
Желанной въ часъ, когда тиранъ не спитъ,
Когда ханжи зажгли свой адскій факелъ;
Она лишь странный мигъ дороги темной,
Видѣнье поразительнаго сна.

Смерть—для добра не врагъ: земля видала,
Что розы наилучшія любви
Не разъ на эшафотѣ расцвѣтали,
Сіяя между лаврами свободы
И предвѣщая рай для бытія.
Въ тебѣ, скажи, не дышутъ-ли надежды,
Которыя такъ ярко подтвердились
Видѣньемъ постепенныхъ совершенствъ?
И въ часъ, когда съ тобою въ лунномъ свѣтѣ
Шелъ Генри, тѣ надежды у тебя
Не говорили въ сердцѣ, чтобъ смотрѣло
Оно впередъ и все впередъ, пока
О смерти вы такъ грустно разсуждали?
Такъ что жь, изъ сердца развѣ ты ихъ вырвешь,
И будешь слушать вымыслы святошъ,
Или покорно предъ тираномъ ползать,
Смотрѣть, какъ онъ хлыстомъ желѣзнымъ машетъ,
Что обагренъ густой людскою кровью?
Нѣтъ, никогда: исполненная силы,
Твоя неуступающая воля
Должна вести упорную войну
Съ обманомъ и съ позорной тиранніей,
Должна изъ человѣческаго сердца
Исторгнуть сѣмена жестокихъ бѣдъ.
Твоя рука да умягчитъ съ любовью
Терновую подушку преступленья,
И да проститъ безсиліе его,
Склонясь надъ заблужденьями такими,
Какъ надъ больнымъ, томящемся въ бреду:
А если преступленье не несчастно,
Въ союзѣ съ властью властвуетъ надъ міромъ,
Твое лицо своимъ спокойнымъ видомъ

Да вызоветъ его на бой, на схватку,
Со всей свирѣпой волею его.
Ты искрененъ и добръ: ты полонъ страсти
Возвышенной, ничѣмъ не покоренной,
Рѣшимости исполненъ, и свободенъ
Отъ посягательствъ жесткихъ и сухихъ
Обычая. Ни низость, ни надменность
Земли—тебя не могутъ побѣдить.
И потому ты милости достоинъ,
Которую сейчасъ ты получилъ:
Тебѣ охраной будетъ добродѣтель
На томъ пути, которымъ ты идешь,
И много дней надежды лучезарной
Благословятъ возвышенную жизнь
Священною и нѣжною любовью.
Иди съ блаженствомъ, и обрадуй сердце,
Что, неусыпное, слѣдитъ,
Чтобы найти въ твоей улыбкѣ
И жизнь, и утро, и восторгъ.

Волшебный жезлъ качнула Фея.
Безгласный отъ блаженства, Духъ восходитъ
На колесницу, что вблизи оплотовъ
Свѣтилась, и въ признательности нѣжной
Закрылъ свои блестящіе глаза.
И сказочные кони вновь помчались,
И блескъ пылающихъ колесъ
Опять понесся вдоль по небу,
По невозбранной крутизнѣ.
Проворно мчалась колесница,
Огромные блестящіе шары,
Что катятся вокругъ чертога Феи,
Все меньше, все туманнѣй становились,
И вскорѣ стали какъ мерцанье
Далекихъ тѣхъ планетныхъ сферъ,
Что свѣтъ заимствуютъ отъ солнца,
И слѣдуютъ по узкому пути,

Въ своемъ сіяніи заемномъ.
Уже внизу земля виднѣлась:
На мигъ остановилась колесница.
И Духъ сошелъ:
И кони неустанные, ударивъ
По этой почвѣ, съ ними столь несродной,
Вдохнули грубый воздухъ, и потомъ,
Свершивъ, что̀ совершить имъ было нужно,
Полетъ свой устремили въ небеса.

Душа и Тѣло вновь соединились,
И обликъ Іанте нѣжно вздрогнулъ:
Раскрылись вѣки, съ тонкой сѣтью жилокъ;
Но сферы темносинія пока
Недвижны оставались, и глядѣла
Она вокругъ съ глубокимъ изумленьемъ,
Безмолвно на колѣняхъ передъ ней
Слѣдилъ за сномъ ея—влюбленный Генри,
И несказанная любовь
Горѣла у него во взорахъ,
И въ окна, скованныя мглой,
Смотрѣли искристыя звѣзды.

ПРИМѢЧАНІЯ ШЕЛЛИ
КЪ ПОЭМѢ
„ЦАРИЦА МАБЪ“

Къ стр. 294.

Шаръ солнца, чуждый облачныхъ покрововъ,
Свершалъ свой путь сквозь впалость черноты.

За предѣлами нашей атмосферы солнце должно являться въ видѣ лишеннаго лучей огненнаго шара, среди черной бездны. Равномѣрное распредѣленіе его свѣта на землѣ происходитъ отъ преломленія лучей атмосферой и благодаря отраженію ихъ отъ другихъ тѣлъ. Свѣтъ состоитъ либо изъ колебаній, распространяющихся черезъ утонченную среду, либо изъ многочисленныхъ малыхъ частицъ, оттолкнутыхъ по всѣмъ направленіямъ отъ свѣтящагося тѣла. Скорость свѣта значительно превосходитъ скорость какой-либо извѣстной намъ сущности: наблюденія надъ затменіями спутниковъ Юпитера показали, что свѣтъ требуетъ не болѣе восьми минутъ семи секундъ для прохожденія отъ солнца до земли,—разстояніе въ 95.000,000 миль. Нѣкоторое представленіе объ огромной отдаленности неподвижныхъ звѣздъ можетъ быть получено, если принять во вниманіе, что многіе годы должны пройти, прежде чѣмъ свѣтъ отъ ближайшей изъ нихъ можетъ достичь земли: между тѣмъ, втеченіи одного года свѣтъ проходитъ путь въ 5.422,400,000,000 миль,—разстояніе въ 5.707,600 больше, нежели разстояніе солнца отъ земли.

Къ стр. 294.

А вкругъ пути колесъ горящихъ
Неисчислимыя системы
Катились въ безднахъ міровыхъ.

Многочисленность міровъ, неопредѣленная безмѣрность вселенной является наиболѣе возвышеннымъ предметомъ для созерцанія. Кто надлежащимъ образомъ чувствуетъ ея таинственность и величіе, для того нѣтъ опасности быть соблазненнымъ ложными измышленіями суевѣрій, или впасть въ идолопоклонничество передъ основнымъ началомъ вселенной. Младенческія сказки несовмѣстимы съ знаніемъ звѣздъ.

Ближайшая изъ неподвижныхъ звѣздъ непостижимо далека отъ земли, и, вѣроятно, онѣ пропорціонально удалены одна отъ другой. По исчисленію скорости свѣта, предполагаютъ, что Сиріусъ отстоитъ отъ земли по крайней мѣрѣ на 54.224,000,000,000 миль *). То, что предстаетъ лишь какъ тонкое серебряное облако, пересѣкающее своею полосою небо, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ безчисленныхъ гроздій солнцъ, изъ которыхъ каждое горитъ собственнымъ свѣтомъ и освѣщаетъ сонмы планетъ, вращающихся вокругъ него. Милліоны и милліоны солнцъ раскинуты вкругъ насъ, и всѣмъ сопутствуютъ міры несчетные, но спокойные, уравновѣшенные и гармоничные, и всѣ они блюдутъ пути неизмѣнной неизбѣжности.

Къ стр. 311.

Наемные бандиты, что тирана
Храня, его враговъ изъ-за угла
Предательскимъ ударомъ убиваютъ.

Примѣнять убійство, какъ средство правосудія, это мысль, на которой никакой человѣкъ съ просвѣщеннымъ умомъ не будетъ останавливаться съ удовольствіемъ. Идти сомкнутымъ строемъ, со всей пышностью трубъ и знаменъ, для того чтобы стрѣлять въ своихъ ближнихъ, какъ въ цѣль; причинять имъ всяческую боль и раны; оставлять ихъ обагренными въ ихъ собственной крови; про-

*) См. Nicholson's, *Encyclopaedia*, art. Light.

ходить по полямъ опустошенія, считая умирающихъ и мертвыхъ,— это такія занятія, которыя мы можемъ въ принципѣ поддерживать, какъ необходимыя, но на которыя ни одинъ хорошій человѣкъ не будетъ смотрѣть съ ликованіемъ и радостью. Мы предполагаемъ, что битва выиграна: — правда такимъ образомъ установлена;—и дѣло справедливости подтверждено. По истинѣ нужна болѣе чѣмъ обычная проницательность, чтобы усмотрѣть связь между этимъ огромнымъ накопленіемъ бѣдствій и утвержденіемъ правды, или подкрѣпленіемъ справедливости.

. . . . . .

Къ стр. 320.

И такъ идутъ земныя поколѣнья
Въ свою могилу, и опять исходятъ
Изъ чрева материнскаго, чтобъ жить.

«Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, а земля пребываетъ вовѣки.

«Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ.

«Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои.

«Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь».

Экклезіастъ, глава 1-ая: 4—7

Къ стр. 323.

. . . . такъ листы,
Которые морозный острый вѣтеръ
Поблекнувшаго года рветъ съ вѣтвей,
Лежатъ въ лѣсу.

Такъ же, какъ листья въ лѣсу, и всѣ поколѣнья людскія:
Въ вѣтрѣ одни облетятъ, и вотъ уже съ новой весною

Новыя листья въ лѣсу: и такъ же людей поколѣнья:
Это ростетъ, а другое. отживши свой вѣкъ. исчезаетъ.
Илад. Z. 1. 146.

Къ стр. 325.

Чернь поселянъ, дворянъ, ханжей, тирановъ.

Сладко при бѣшенствѣ моря и дикомъ волненіи вѣтра
Съ дальняго берега видѣть. какъ бьются на зыби другіе;
Тутъ и не то, что несчастье другого тебѣ какъ забава,
Нѣтъ, но ты видишь тогда, отъ какихъ ты стѣсненій свободенъ;
Сладостно видѣть и схватку въ разгарѣ воинственной битвы,
Ежели ты не участвуешь въ этихъ опасностяхъ бурныхъ;
Но ничто такъ не сладко для сердца, какъ твердымъ и стройнымъ
Храмомъ свѣтлымъ владѣть, что построенъ ученьями мудрыхъ:
Сверху внизъ ты можешь смотрѣть, какъ другіе блуждаютъ,
Жизненныхъ ищутъ путей, и, ища, совершаютъ ошибки;
Спорятъ они объ умѣ; состязаются о благородствѣ;
Денно и нощно трудятся, въ усиліяхъ неутомимыхъ,
Ищутъ достигнуть до грани, въ замысленномъ высшее встрѣтить.
О несчастныя души! слѣпыя сердца человѣковъ!
Lucretius. lib. II.

Къ стр. 326.

Богатство восхваляютъ крючкотворы.

Нѣтъ истиннаго богатства ни въ чемъ, кромѣ труда человѣка. Если бы горы были изъ золота, а долины изъ серебра, міръ не сдѣлался бы богаче ни на одно хлѣбное зерно; и ни одного удобства не прибавилось бы для человѣческаго рода. Вслѣдствіе нашего отношенія къ драгоцѣннымъ металламъ, человѣкъ можетъ нагромождать для себя богатства насчетъ необходимостей своего сосѣда: система, превосходно приспособленная для того, чтобы создавать всевозможныя болѣзни и преступленія, которыми неизмѣнно отмѣчены двѣ крайности: избытка и нищеты. Спекуляторъ кичливо считаетъ себя поощрителемъ преуспѣянія своей родины, благодаря

тому, что онъ примѣняетъ извѣстное число рукъ въ производствѣ вещей, по общему признанію безполезныхъ, или служащихъ лишь для дрянныхъ побужденій роскоши и чванства. Магнатъ, заставляющій окрестныхъ крестьянъ строить себѣ дворцы, пока «jam pauca aratro jugera regiae moles relinquunt» (лишь немного участковъ для плуга оставляютъ царственныя зданья), льститъ себя мыслью, что онъ снискалъ титулъ патріота, усладивъ побужденія своего тщеславія. И множество празднествъ было устроено, многія женщины затмили свою красоту своими нарядами, чтобы облагодѣтельствовать трудящихся бѣдняковъ и поощрить торговлю. Неужели есть кто-нибудь, кто не видитъ, что это—средство, которое увеличиваетъ зло, временно и неполно смягчая безчисленные недуги общества? Бѣдные вынуждены работать,—для чего? Не для пищи, которой имъ недостаетъ; не для добыванія теплыхъ одѣялъ, благодаря отсутствію которыхъ ихъ дѣти мерзнутъ въ своихъ холодныхъ нищенскихъ лачугахъ; не для тѣхъ удобствъ цивилизаціи, безъ которыхъ цивилизованный человѣкъ гораздо болѣе жалокъ, чѣмъ самый злосчастный дикарь, будучи угнетенъ всѣми ея лукавыми язвами, будучи повседневно раненъ дразнящимъ видомъ безчисленныхъ ея благодѣяній, тщательно выставленныхъ передъ его взорами,—нѣтъ: они трудятся для надменнаго самодурства, для жалкой обособленной гордости, для лживыхъ усладъ сотой части общества. Нѣтъ болѣе очевиднаго доказательства широко распространенныхъ и основныхъ заблужденій цивилизованнаго человѣка, какъ то, что доходность различныхъ видовъ труда находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ полезности: *) ювелиръ, продавецъ игрушекъ, актеръ—пріобрѣтаютъ славу и богатство своимъ безполезнымъ и смѣшнымъ искусствомъ, въ то время какъ земледѣлецъ, безъ котораго общество перестало бы существовать, бьется въ жалкой нищетѣ, окруженъ презрѣніемъ, и умираетъ отъ того самаго голода, который уничтожилъ бы все человѣчество, если бы онъ не работалъ такъ усердно.

Я не буду посягать на здравый смыслъ, настаивая на ученіи о природномъ равенствѣ людей. Вопросъ не въ его желательности,

*) См. Rousseau, *De l'Inégalité parmi les Hommes*, note 7.

а въ его осуществимости: насколько оно осуществимо, оно желательно. То состояніе человѣческаго общества, которое наиболѣе приближается къ равному распредѣленію благъ и золъ, caeteris paribus, должно быть предпочтено. Но пока мы видимъ, что человѣческій трудъ затрачивается не ради необходимостей и даже не ради для достиженія роскоши массой общества, но ради своекорыстія и чванства немногихъ его сочленовъ, что эта затрата не разсматривается какъ оскорбленіе общественной справедливости, до тѣхъ поръ мы нашимъ небреженіемъ отодвигаемъ освобожденіе человѣческаго рода.

Трудъ потребенъ для тѣлеснаго, и досугъ для нравственнаго преуспѣянія: въ силу неизбѣжныхъ условій своего положенія, богатый лишенъ благодѣяній перваго и бѣдный—второго. Состояніе, при которомъ сочетались бы выгоды обоихъ, не было бы подвержено неудобствамъ того и другого. У кого есть пробѣлы въ крѣпости здоровья или въ мощи разума, тотъ лишь наполовину человѣкъ: отсюда слѣдуетъ, что понуждать рабочіе классы къ труду, не представляющему необходимости, это значитъ—произвольно лишать ихъ какихъ-либо возможностей умственнаго преуспѣянія; и богатые тѣмъ самымъ нагромождаютъ, къ собственному своему злополучію, болѣзнь, утомленье, и скуку, благодаря которымъ жизнь ихъ сдѣлалась невыносимой тяжестью...

. . . . . .

«Удобства, которыя существеннымъ образомъ содѣйствуютъ къ сохраненію рода человѣческаго, весьма немногочисленны: они требуютъ отъ насъ лишь незначительнаго ремесленнаго прилежанія. Разъ эти удобства созданы, и созданы въ достаточномъ количествѣ, человѣческій родъ будетъ существовать. Если бы трудъ, безусловно потребный для ихъ созданія, былъ равнымъ образомъ раздѣленъ среди бѣдныхъ, и, тѣмъ болѣе, если бы онъ равнымъ образомъ былъ раздѣленъ среди всѣхъ, доля труда каждаго человѣка была бы легка, а его доля въ досугѣ была бы широка. Было время, когда этому досугу придавали мало значенія: можно надѣяться, что придетъ время, когда имъ будутъ пользоваться для болѣе важныхъ цѣлей. Часы, которые не требуются для созданія житейскихъ необходимостей, могутъ быть посвящены усовершенствованію разумѣнія, увеличенію запаса на-

шихъ знаній, утонченію нашего вкуса, и такимъ образомъ для насъ откроются новые и болѣе изысканные источники наслажденія.

. . . . . .

«Быть можетъ, было необходимо, чтобы, прежде чѣмъ могъ осуществиться періодъ выработаннаго равенства, существовалъ извѣстный періодъ монополіи и гнета. Быть можетъ, дикіе никогда бы не были побуждены къ открытію истины и къ изобрѣтенію искусства, еслибъ не эти узкіе мотивы, составляющіе принадлежность такого періода. Но, во всякомъ случаѣ, разъ дикое состояніе кончилось, и люди вступили на блистательное поприще открытій и изобрѣтеній, монополія и гнетъ не представляютъ болѣе необходимости, чтобъ удержать ихъ отъ возврата къ состоянію варварства». Godwin's *Enquirer*, Essay II, см. также его *Political Justice*. book VII, chap. II.

Именно этому превосходному автору принадлежитъ исчисленіе, что, если бы общество равнымъ образомъ раздѣлило трудъ между своими сочленами, тогда для созданія всего, что составляетъ необходимую принадлежность цивилизованной жизни, каждому отдѣльному человѣку пришлось бы работать по два часа въ день.

Къ стр. 329.

Продажна и любовь.

Даже сношеніе между полами не изъято изъ сферъ деспотическаго вмѣшательства. Нельзя притязать на управленіе непослушными блужданіями страсти, нельзя налагать оковы на яснѣйшіе выводы разсудка, и, взывая къ нашей волѣ, желать подчинить себѣ невольныя побужденія нашей природы. Любовь есть необходимое слѣдствіе воспріятія красоты. Любовь чахнетъ подъ принужденіемъ; самая ея сущность—свобода; она несовмѣстима съ повиновеніемъ, съ ревностью, или страхомъ; она тамъ наиболѣе чиста, совершенна и безгранична, гдѣ ея приверженцы живутъ въ довѣріи, въ равенствѣ и въ отсутствіи условности.

Какъ же долго должна продолжаться тѣлесная связь? какой законъ долженъ означить размѣръ страданій, который долженъ положить ей предѣлъ? Мужъ и жена должны жить вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока они любятъ другъ друга: обязывать ихъ къ совмѣстной

жизни хотя бы на минуту послѣ того, какъ чувство ихъ исчезло, это самая нестерпимая тиранія, съ которой менѣе всего можно мириться. Какимъ ненавистнымъ посягательствомъ на права частнаго сужденія считался бы законъ, который сдѣлалъ бы нерушимыми узы дружбы, вопреки прихотямъ, непостоянству, погрѣшимости человѣческаго ума, и его способности къ совершенствованію. А узы любви должны быть настолько же тяжелѣе и невыносимѣе, чѣмъ узы дружбы, насколько любовь болѣе пламенна и капризна, болѣе зависима отъ этихъ тонкихъ особенностей воображенія, и менѣе способна быть сведенной къ явнымъ достоинствамъ предмета.

Состояніе общества, въ которомъ мы живемъ, представляетъ изъ себя смѣсь феодальной дикости и несовершенной цивилизованности. Узкая и непросвѣщенная мораль, свойственная суевѣрію, еще отягчаетъ эти бѣды. Лишь за послѣднее время человѣческая мысль допустила, что единственная цѣль познанія этики, точно также какъ и всѣхъ другихъ знаній, счастье, и что фанатическая идея умерщвленія плоти должна быть оставлена.

Но, если счастье является задачей морали и всѣхъ человѣческихъ соединеній и разъединеній, если достоинство каждаго дѣйствія должно быть опредѣляемо количествомъ пріятнаго ощущенія, котораго отъ него ожидаютъ, тогда связь половъ до тѣхъ поръ священна, пока она содѣйствуетъ благополучію участниковъ, и она естественно распадается, если благодѣянія, ею доставляемыя, превышаются причиняемыми ей страданіями. Въ такомъ разрывѣ нѣтъ ничего безнравственнаго. Постоянство вовсе не есть нѣчто добродѣтельное само по себѣ, независимо отъ доставляемаго имъ наслажденія; и оно дѣйствуетъ заодно съ прилаживающимся къ обстоятельствамъ духомъ порока, если покорно терпитъ крупные нравственные недостатки въ предметѣ своего опрометчиваго выбора. Любовь свободна: обѣщаться всегда любить одну и ту же женщину это такъ же нелѣпо, какъ обѣщаться всегда имѣть одни и тѣ же вѣрованія; и въ томъ и въ другомъ случаѣ обѣщаніе отстраняетъ насъ отъ всякаго изслѣдованія. Обожатель говоритъ такъ: женщина, которую я теперь люблю, можетъ быть безконечно ниже многихъ другихъ; вѣрованіе, котораго я теперь держусь, можетъ быть представляетъ изъ себя цѣлую кучу заблужденій и нелѣпостей; но я

отрекаюсь отъ всякаго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. насколько достойно любви одно, и насколько истинно другое, ибо я рѣшился слѣпо, и вопреки убѣжденію, принадлежать имъ.—Такъ говоритъ деликатность и разумъ? Такая любовь холоднаго сердца стоитъ больше, чѣмъ его вѣра?

. . . . . .

Проституція есть законный отпрыскъ принудительнаго элемента въ области чувства любви. Женщины, не совершившія никакого иного преступленія, кромѣ того, что онѣ послѣдовали голосу естественнаго побужденія, съ бѣшенствомъ выкинуты изъ области общественныхъ утѣшеній и симпатій. Это менѣе простительно нежели убійство; и наказаніе, налагаемое на ту, которая, чтобы избѣжать упрека, убиваетъ своего ребенка, легче, нежели полная пытокъ и болѣзней жизнь, къ которой безвозвратно присуждена проститутка. Если женщина подчинилась повелѣнію незаблуждающейся природы, общество объявляетъ ей войну, безжалостную, нескончаемую войну: она должна быть покорной рабой, она не смѣетъ сопротивляться; имъ, этимъ людямъ, принадлежитъ право преслѣдованія, ей надлежитъ долгъ терпѣнія. Ея существованіе—жизнь безславія: громкій и грубый смѣхъ говоритъ ей разъ навсегда, что ей нѣтъ возврата. Она умираетъ отъ долгой тягостной болѣзни: *она* виновата, *она* преступница, *она* своенравное непослушное чадо, а общество, конечно, чистая и добродѣтельная матрона, которая отбрасываетъ ее, какъ выкидышъ, отъ своей незапятнанной груди. Общество вымещаетъ свою ярость на преступникахъ, созданныхъ имъ же; и сегодня оно предаетъ анаѳемѣ тотъ самый порокъ, которому вчера такъ ревностно обучало. Такимъ путемъ создалась десятая часть Лондонскаго населенія. Притомъ же зло двояко: молодые люди, будучи исключены изъ общества скромныхъ хорошихъ женщинъ фанатической идеей цѣломудрія, вступаютъ въ сообщество съ злосчастными и порочными существами, разрушая этимъ ту нѣжную впечатлительность, существованіе которой отвергаютъ холодные приверженцы мірского, уничтожая всякую непосредственную страсть, и унижая до своекорыстнаго чувства то, что представляетъ изъ себя избытокъ великодушія и преданности. Ихъ тѣло и умъ, распадаясь, дѣлается отвратительнымъ обломкомъ человѣче-

ства; идіотизмъ и болѣзнь находятъ продолженье въ ихъ убогомъ потомкѣ, и отдаленныя поколѣнія расплачиваются за лицемѣрную мораль ихъ праотцевъ. Цѣломудріе есть суевѣрное измышленіе монаховъ, оно даже еще болѣе злой врагъ естественной воздержности, чѣмъ безсмысленная чувственность; оно ударяетъ въ самый корень семейнаго счастья, и присуждаетъ большую половину человѣческаго рода къ бѣдствію, которое небольшая кучка можетъ монополизировать согласно съ общепринятыми взглядами. Нельзя было бы нарочно выдумать систему болѣе враждебную для человѣческаго счастья, нежели принудительный элементъ въ области чувства любви.

Къ стр. 333.

И полюсы безплодные не будутъ
Къ безжизненному солнцу тяготѣть,
Которое тамъ слабо свѣтитъ
Кровавымъ пагубнымъ огнемъ.

Здѣсь разумѣется сѣверная полярная звѣзда, на которую указываетъ ось земли, въ теперешнемъ ея косвенномъ положеніи. Въ силу многихъ соображеній, въ высшей степени вѣроятно, что это косвенное положеніе постепенно будетъ сглаживаться, до тѣхъ поръ пока экваторъ не совпадетъ съ эклиптикой: дни и ночи тогда будутъ равными на землѣ втеченіе цѣлаго года, а также вѣроятно и времена года. Нѣтъ ничего особенно сумасброднаго въ предположеніи, что приближеніе оси къ перпендикулярному положенію можетъ быть такимъ же быстрымъ, какъ усовершенствованіе ума, или что между нравственнымъ и тѣлеснымъ преуспѣяніемъ человѣческаго рода будетъ совершенное тождество. Достовѣрно, что мудрость несовмѣстима съ болѣзнью, и что, при теперешнемъ состояніи климатовъ земли, здоровье, въ истинномъ и обширномъ смыслѣ этого слова, недостижимо для цивилизованнаго человѣка. Астрономія учитъ насъ, что земля въ данное время находится въ состояніи совершенствованія, и что полюсы съ каждымъ годомъ дѣлаются все болѣе и болѣе перпендикулярными къ эклиптикѣ. Такъ какъ исторія миѳологіи и геологическія изслѣдованія очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что нѣкоторое событіе подобнаго же рода уже было, мы можемъ съ увѣренностью

предполагать, что это явленіе не есть простое колебаніе, каковой взглядъ былъ высказанъ нѣкоторыми позднѣйшими астрономами *). Кости животныхъ, свойственныхъ жаркому поясу, были найдены на сѣверѣ Сибири, и на берегахъ рѣки Огіо. Во внутреннихъ областяхъ Германіи были найдены въ окаменѣломъ состояніи растенія, которыя требуютъ для своей культуры теперешняго климата Индостана **). Изысканія Байи ***) устанавливаютъ существованіе народа, жившаго въ Татаріи, въ странѣ, находящейся подъ 49° сѣверной широты, и болѣе древняго, чѣмъ Индійцы. Китайцы, или Халдеи, и у него-то эти народы заимствовали свои знанія и свою теологію. Свидѣтельство старыхъ писателей говоритъ намъ, что Британія, Германія и Франція были раньше гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь, и что большія ихъ рѣки ежегодно замерзали. Астрономія учитъ насъ также, что съ этого періода времени косвенное положеніе земной оси значительно уменьшилось.

Къ стр. 337.

Нѣтъ атома въ той смутѣ разъяренной,
Который безполезное бы дѣлалъ,
Не то свершалъ бы, что свершать онъ долженъ.

«Два примѣра помогутъ намъ сдѣлать болѣе ощутительнымъ только что выставленный принципъ; одинъ примѣръ мы возьмемъ изъ міра физическаго, другой изъ міра духовнаго. Въ вихрѣ пыли, взметенной буйнымъ вѣтромъ,—какимъ бы смутнымъ онъ ни представлялся нашимъ глазамъ,—въ самой чудовищной бурѣ, поднятой враждебными вѣтрами, вздымающими волны, — нѣтъ ни одной пылинки, нѣтъ ни одной мельчайшей частички воды, которая была бы на томъ или другомъ мѣстѣ *случайно*, не имѣла бы достаточной причины находиться тамъ, гдѣ она находится, и не дѣйствовала бы въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ она должна дѣйствовать. Если бы какой-нибудь геометръ въ точности зналъ различныя силы, дѣйствующія въ двухъ этихъ случаяхъ, и свойства движимыхъ

*) Laplace. *Système du Monde.*
**) Cabanis, *Rapports du Physique et du Moral de l'Homme.* vol. II, p. 406.
***) Bailly, *Lettres sur les Sciences, à Voltaire.*

частицъ, онъ доказалъ бы, что, согласно даннымъ причинамъ, каждая частица дѣйствуетъ именно такъ, какъ она должна дѣйствовать, и не можетъ дѣйствовать иначе, чѣмъ она это дѣлаетъ.

Въ страшныхъ сотрясеніяхъ, возмущающихъ иногда политическія общежитія, и обусловливающихъ нерѣдко ниспроверженіе какого-нибудь государства, нѣтъ ни одного дѣйствія, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного хотѣнья, ни одной страсти, въ лицахъ, содѣйствующихъ насильственному перевороту, въ качествѣ разрушителей или въ качествѣ жертвъ, которыя не были бы необходимыми, не дѣйствовали бы такъ, какъ они должны дѣйствовать, не создавали бы непогрѣшимо тѣхъ слѣдствій, какія они должны создавать, соотвѣтственно съ мѣстомъ, занимаемымъ этими дѣйствующими лицами въ этомъ духовномъ вихрѣ. Это было бы очевидностью для ума, который былъ бы въ состояніи схватить всѣ дѣйствія и противодѣйствія душъ и тѣлъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ данному перевороту».

Système de la Nature, vol. I, p. 44.

Къ стр. 338.

Необходимость! мать вселенной нашей!

Кто выставляетъ ученіе о Необходимости, тотъ разумѣетъ этимъ, что, разсматривая явленія, составляющія внутреннюю и внѣшнюю вселенную, онъ видитъ только огромную и безпрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ ни одна причина и ни одно слѣдствіе не могутъ занимать никакого иного мѣста, кромѣ занимаемаго ими, или дѣйствовать иначе, чѣмъ они дѣйствуютъ. Мысль о необходимости получается нами благодаря нашему опыту надъ связью вещей, благодаря видимому нами однообразію въ дѣйствіяхъ природы, постоянному сочетанію аналогичныхъ явленій, и послѣдовательному возникновенію одного явленія изъ другого. Люди, такимъ образомъ, согласились допускать необходимость, если они допускаютъ, что два эти обстоятельства имѣютъ мѣсто въ волевомъ дѣйствіи. Побудительный мотивъ, для волевого дѣйствія въ человѣческомъ умѣ, есть то же самое, что причина для слѣдствія въ мірѣ матеріальномъ. Слово свобода, въ примѣненіи къ разуму, есть нѣчто

подобное слову случай, въ примѣненіи къ матеріи: они проистекаютъ изъ незнанія достовѣрности связи между предъидущимъ и послѣдующимъ.

Каждый человѣкъ испытываетъ неудержимое побужденіе дѣйствовать именно такъ, какъ онъ дѣйствуетъ: въ вѣчности, предшествовавшей его рожденію, была создана цѣпь причинъ, которыя, дѣйствуя подъ названіемъ побудительныхъ мотивовъ, дѣлаютъ невозможнымъ, чтобы какая-нибудь мысль его ума, чтобы какое-нибудь дѣйствіе его жизни, были иными, чѣмъ они есть. Если бы ученіе о Необходимости было ошибочнымъ, человѣческій разумъ болѣе не былъ бы законнымъ предметомъ знанія; напрасно стали бы мы ждать, что изъ одинаковыхъ причинъ проистекутъ одинаковыя слѣдствія; сильнѣйшій мотивъ не имѣлъ бы больше верховнаго значенія для поведенія; всякое знаніе было бы смутнымъ и неопредѣленнымъ; мы не могли бы съ точностью предсказать, что, разставшись сегодня вечеромъ съ другомъ, мы не встрѣтимся съ нимъ завтра какъ съ врагомъ: самыя вѣроятныя побужденія и самые ясные доводы разсудка утратили бы свое обычное безперемѣнное вліяніе. Какъ мы знаемъ, обратное есть фактъ. Сходныя обстоятельства сопровождаются неизмѣнно тѣми же самыми слѣдствіями. Если въ какомъ-нибудь данномъ случаѣ, характеръ и побудительные мотивы какого-либо человѣка въ точности извѣстны, философъ-моралистъ съ такой же достовѣрностью можетъ предсказать его дѣйствія, съ какою естествоиспытатель можетъ предсказать дѣйствія смѣси какихъ-либо особыхъ химическихъ веществъ. Почему старый землепашецъ болѣе опытенъ, чѣмъ молодой? Потому что въ дѣйствіяхъ матеріальнаго міра есть извѣстная однообразная неотрицаемая необходимость. Почему старый государственный дѣятель болѣе искусенъ, чѣмъ неопытный политикъ? Потому что, опираясь на необходимую связь побудительнаго мотива и дѣйствія, онъ стремится создать извѣстные моральные результаты, примѣняя такія моральныя причины, относительно которыхъ опытъ показалъ ему, что они дѣйствительны. Могутъ быть извѣстныя дѣйствія, которыя мы безсильны связать съ какими бы то ни было побудительными мотивами, но они являются результатомъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ отношеніе, въ какомъ побудительный мотивъ находится

къ волевому дѣйствію, есть отношеніе причины къ слѣдствію; съ этой точки зрѣнія оно не представляетъ изъ себя, и никогда не представляло, предмета для общераспространеннаго или философскаго спора. Никто, кромѣ немногихъ фанатиковъ, взявшихъ на себя геркулесовскій трудъ примиренія справедливости ихъ Рока съ бѣдственнымъ положеніемъ человѣка, не будетъ болѣе оскорблять здравый смыслъ допущеніемъ событія безъ причины, волевого дѣйствія безъ побудительнаго мотива. Исторія, политика, мораль, критика, всѣ основныя правила разсужденія, всѣ первоосновы науки одинаково принимаютъ истинность ученія о Необходимости. Ни одинъ крестьянинъ, везущій хлѣбъ на базаръ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ продастъ зерно по рыночной цѣнѣ. Хозяинъ фабрики такъ же мало сомнѣвается въ томъ, что онъ можетъ купить человѣческій трудъ, необходимый для его цѣлей, какъ въ томъ, что его машины будутъ дѣйствовать совершенно такъ, какъ онѣ дѣйствовали доселѣ.

Но, въ то время какъ никто не оспариваетъ воздѣйствія необходимости на матерію, многіе оспаривали ея господство надъ разумомъ. Не говоря уже о томъ, что она противорѣчитъ установившимся представленіямъ о справедливости Рока, она отнюдь не очевидна для поверхностнаго изслѣдованія. Когда разумъ наблюдаетъ надъ собственною дѣятельностью, онъ не усматриваетъ никакой связи между побудительнымъ мотивомъ и дѣйствіемъ; но такъ какъ мы «знаемъ о причинности лишь какъ о постоянной связи предметовъ и какъ о томъ, что изъ одного предмета послѣдовательно возникаетъ другой,—такъ какъ мы знаемъ, что два эти обстоятельства, по всеобщему признанію, имѣютъ мѣсто въ волевомъ дѣйствіи, намъ легко признать, что они подчинены необходимости, общей для всѣхъ причинъ». Дѣйствія воли находятся въ правильной связи съ обстоятельствами и характерами; для волевого дѣйствія побудительный мотивъ то же самое, что причина для слѣдствія. Но единственное представленіе о причинности, которое мы можемъ себѣ составить, это постоянная связь сходныхъ предметовъ и постоянное возникновеніе одного предмета изъ другого: всякій разъ, когда это есть, необходимость ясно установлена.

Представленіе о свободѣ, будучи въ переносномъ смыслѣ примѣнено къ волѣ, создалось благодаря ложному пониманію слова

сила. Что такое сила?—*id quod potest,* то, что можетъ создать какой-либо данный результатъ. Отрицать силу это значитъ сказать, что ничто не можетъ или не имѣетъ силы быть или дѣйствовать. Въ единственно вѣрномъ смыслѣ слова сила, оно въ равной мѣрѣ примѣнимо къ магниту и къ человѣческой волѣ. Думаете ли вы, что мотивы, которые я представлю, будутъ достаточно сильны, чтобы подѣйствовать на него?—это такой же обычный вопросъ, какъ: думаете ли вы, что этотъ рычагъ можетъ поднять эту тяжесть? Защитники свободной воли утверждаютъ, что на побужденія самаго сильнаго мотива воля можетъ отвѣтить отказомъ; но самый сильный побудительный мотивъ тотъ, который, одержавъ верхъ надъ всѣми остальными, въ концѣ концовъ господствуетъ; данное утвержденіе сводится, такимъ образомъ, къ отрицанію того, что воля въ концѣ концовъ опредѣляется тѣмъ мотивомъ, которымъ она опредѣляется,—явная безсмыслица. Но что человѣкъ не можетъ противостоять сильнѣйшему мотиву, это такъ же достовѣрно, какъ то, что онъ не можетъ побѣдить физическую невозможность.

Ученіе о Необходимости стремится ввести великую перемѣну въ установившихся нравственныхъ понятіяхъ, и тяготѣетъ къ полному уничтоженію суевѣрія. Въ наградѣ и въ наказаніи сторонникъ ученія о Необходимости долженъ видѣть лишь средства, которыми онъ сталъ бы пользоваться для того, чтобы обезпечить фактъ извѣстнаго образа дѣйствій или достичь его уничтоженія. Заслуга, въ современномъ смыслѣ этого слова, должна была бы утратить всякое значеніе; и тотъ, кто причиняетъ страданія другому на томъ основаніи, что онъ его заслужилъ, удовлетворилъ бы лишь чувству мести, подъ предлогомъ служенья справедливости. Недостаточно, говоритъ защитникъ свободной воли, чтобы преступникъ былъ поставленъ въ невозможность повторить преступленіе; онъ долженъ понести страданіе, и его пытки, если онѣ назначены по справедливости, должны въ точности соотвѣтствовать его винѣ. Но нравственность есть польза; что не можетъ создать счастье, то безполезно; и, хотя преступленіе Дамьена должно быть осуждено, нельзя предположить, чтобы страшныя пытки, которымъ месть, подъ названіемъ справедливости, подвергла этого несчастнаго человѣка, увеличили, при всей своей продолжительности, запасъ пріятныхъ ощу-

щеній въ мірѣ. Въ то же самое время ученіе о Необходимости нимало не уменьшаетъ нашего отрицательнаго отношенія къ пороку. Всѣми сознаваемое убѣжденіе, что змѣя ядовитое существо, и что тигръ неизбѣжными условіями своего существованія вынужденъ къ пожиранію людей, не побуждаетъ насъ менѣе тщательно избѣгать ихъ, или даже убивать ихъ; но все же тотъ былъ бы жестокосердымъ, кто, встрѣтивъ змѣю на безлюдномъ островѣ, или при такихъ условіяхъ, что она не могла бы причинить вреда, повинуясь прихоти, лишилъ бы ее существованія. Сторонникъ ученія о Необходимости непослѣдователенъ по отношенію къ собственнымъ своимъ принципамъ, если онъ предается ненависти или презрѣнію; состраданіе, которое онъ испытываетъ къ преступнику, не смѣшано съ желаніемъ причинить ему вредъ: онъ смотритъ съ возвышеннымъ и безстрашнымъ спокойствіемъ на звенья всемірной цѣпи, въ то время какъ они проходятъ предъ его глазами; а трусость, любопытство и непослѣдовательность могутъ застигать его лишь въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько слабо и неясно онъ понялъ и отбросилъ отъ себя заблужденія свободной воли.

Къ стр. 340.

Встань, Агасферъ!

Изъ мрачнаго ущелія Кармеля
Червемъ злосчастнымъ выползъ Агасферъ.
Ужь скоро будетъ два тысячелѣтья,
Какъ онъ изъ края въ край гонимъ тревогой.
Когда Христосъ въ дни оны крестъ влачилъ,
И сталъ, томясь, предъ дверью Агасфера,
Чтобъ отдохнуть,—ахъ, Агасферъ тогда
Заступника отринулъ, и съ упрямствомъ
Отъ двери оттолкнулъ. Христосъ споткнулся
И палъ подъ тяжкой ношею своей.
Но промолчалъ. Тогда предъ Агасферомъ
Всталъ Ангелъ Смерти и сказалъ во гнѣвѣ:
«Ты Сыну Человѣческому не далъ
«Отдохновенья; пусть, безчеловѣчный,

«И ты забудешь, что такое отдыхъ.
«Пока онъ не придетъ».
И черный демонъ,
Изъ ада убѣжавъ, тебя терзаетъ.
И Агасферъ идетъ изъ края въ край.
И нѣтъ тебѣ услады умиранья,
огильнаго покоя ты лишенъ.

Изъ мрачнаго ущелія Кармеля
Къ дневному свѣту вышелъ Агасферъ.
Прахъ съ бороды стряхнувъ, онъ взялъ изъ груды
Предъ нимъ нагроможденныхъ череповъ
Одинъ, ближайшій, и его съ Кармеля
Швырнулъ, онъ полетѣлъ и раздробился.
«То былъ отецъ мой!» проворчалъ скиталецъ.
Еще, еще! Семь череповъ, скатившись,
Обрушились съ утеса на утесъ.
За ними Іудей слѣдилъ упорно
И съ бѣшенствомъ воскликнулъ: «Эти—эти—
«Они мнѣ были женами! »—« А эти»,—
И снова покатились черепа,—
«Мои то были дѣти. Смерть пришла къ нимъ,
Имъ *можно было умереть*.—А мнѣ?
Отверженецъ, я умереть не въ силахъ.
Неумолимо-страшный приговоръ
Нависъ неустранимо надо мною.

«Передъ врагами палъ Іерусалимъ.
Я ринулся въ разлившееся пламя,
Я Римлянъ проклиналъ, но тѣ проклятья
Цѣплялись за меня, и я не умеръ.

«Римъ, исполинъ, въ развалинахъ низвергся,
Я сталъ передъ поверженнымъ гигантомъ,
И онъ упалъ, не раздробивъ меня.
Народы предо мною возникали,
Народы угасали предо мною.

Я оставался, я не умиралъ.
Съ утесовъ, опоясанныхъ грозою,
Бросался въ море я; но волны, пѣнясь,
Меня катили къ берегу, и снова
Я былъ пронзенъ горячимъ жаломъ жизни.
Я глянулъ внизъ, въ жерло ужасной Этны,
И бѣшено упалъ въ ея жерло:
И десять долгихъ мѣсяцевъ, терзаясь,
Я тамъ стоналъ съ гигантами, и стоны
По этой сѣрной пасти ударяли.
Я десять долгихъ мѣсяцевъ терзался.
Вулканъ вскипѣлъ, и вотъ въ потокѣ лавы
Онъ выплюнулъ меня изъ страшной Этны,
И я въ золѣ дрожалъ, но жилъ еще.

«Лѣса горѣли. Бѣшенствомъ объятый,
Вбѣжалъ я въ лѣсъ горящій, и съ деревьевъ
Какъ капли, на меня огонь струился,
Но пламенемъ я былъ лишь обожженъ,
Меня огонь не уничтожилъ.

«Тогда вмѣшался я въ людскія битвы,
Бросался въ самый пылъ и бурю боя,
Надъ Галломъ издѣвался я,
Надъ доблестнымъ Германцемъ:
Но стрѣлы, копья объ меня ломались.
О черепъ мой разбился острый мечъ
Разгнѣваннаго мною Сарацина.
Какъ камешки на панцырь, на меня
Безсильнымъ роемъ пули налетали.
Безсильно молніи сраженья
Вокругъ меня вились, какъ вьются
Они вкругъ скалъ, сокрытыхъ въ тучахъ.
Въ напрасной злобѣ слонъ меня топталъ,
Напрасно ударялъ меня копытомъ
Подкованный, горящій гнѣвомъ, конь.

Отъ пороха отяжелѣвъ, со мною
Взлетѣлъ подкопъ, и я былъ вскинутъ въ воздухъ,
Ошеломленный, на-земь я упалъ,
И кровь, и мозгъ, и члены грудой
Лежали всюду близь меня,
А я лишь обожженъ былъ этимъ взрывомъ.

«Гигантъ стальною палицей меня
Ударилъ, объ меня она сломилась.
Палачъ передо мной калѣкой сталъ,
Онъ вывихнулъ убійственныя руки;
И тигровые зубы притупились,
И въ циркѣ жадный левъ меня не тронулъ.
Я жилъ межь ядовитыхъ змѣй, хватался
За красный гребень страшнаго дракона,
И жалила змѣя, не отравляя,
И мучимъ былъ дракономъ я—напрасно.

«И сталъ я надъ тиранами смѣяться,
Сказалъ Нерону: Жадная собака!
Сказалъ Христьерну: Жадная собака!
Сказалъ въ лицо Мулею Измаилу:
Ты жадная собака! Но тираны
Меня, терзая въ пыткахъ, не убили.

«А! жить, и быть безсильнымъ умереть!
Знать трудность жизни и не знать покоя.
Влачить, изъ праха созданное, тѣло,
Исполненное смрада и недуговъ.
Тысячелѣтья видѣть мигъ за мигомъ
Чудовище-кошмаръ Одно-и-Тоже.
И жирное прожорливое Время
Дѣтей рождая, всѣхъ ихъ поглощаетъ.
А! жить, и быть безсильнымъ умереть!
Ты, страшный мститель, тамъ, на небѣ.

Есть у тебя еще въ запасѣ
Еще страшнѣйшій приговоръ?
Низвергни на меня его суровость!
Пусть гулъ грозы съ высотъ Кармеля
Меня скорѣй низвергнетъ внизъ,
Чтобъ, распростершись предъ горою,
Я задрожалъ, вздохнулъ, и умеръ».—

Schubart's *Der ewige Jude.*

Къ стр. 349.

Отъ чаянья онъ къ чаянью идетъ,
Сокровища несчетныя сбираетъ,
Которыя для разума благого
Толпой неисчерпаемой ростутъ,
И мысли, возникая безконечно,
И время для него уничтожая,
Въ его живой душѣ рождаютъ вѣчность...

Время есть наше сознаніе послѣдовательности мыслей въ нашемъ умѣ. Сильное ощущеніе боли или наслажденія заставляетъ время казаться для насъ долгимъ, какъ гласитъ обычная фраза, потому что оно заставляетъ насъ болѣе остро сознавать наши мысли. Если разумъ сознаетъ сто мыслей втеченіи одной минуты, и двѣсти втеченіи другой, послѣднее изъ двухъ этихъ протяженій времени займетъ въ дѣйствительности настолько же большее мѣсто въ умѣ, насколько число два превышаетъ въ количествѣ единицу. Если, такимъ образомъ, человѣческій умъ, въ силу какого-нибудь будущаго увеличенія своей впечатлительности, сдѣлается способнымъ сознавать безчисленное количество мыслей въ одну минуту, эта минута будетъ вѣчностью. Я не утверждаю этимъ, что дѣйствительная продолжительность между рожденіемъ и смертью человѣка будетъ когда-нибудь увеличена; но я говорю, что его впечатлительность можетъ совершенствоваться, и что количество мыслей, которыя его умъ можетъ вмѣстить, неограниченно. Одинъ человѣкъ распростертъ на дыбѣ втеченіи двѣнадцати часовъ; другой крѣпко спитъ въ своей постели: разница времени въ ощущеніи двухъ этихъ

лицъ огромна; одинъ съ трудомъ повѣритъ, что едва прошло полчаса, другой могъ бы повѣрить, что столѣтья протекли за время его агоніи. Точно такимъ же образомъ, если человѣкъ умираетъ на тридцатомъ году отъ рожденья, и если онъ исполненъ благихъ чувствъ и украшенъ талантомъ, жизнь его, въ отношеніи къ его ощущеніямъ, дольше, чѣмъ жизнь подчиняющагося ханжамъ, жалкаго раба, который сто лѣтъ провелъ въ тупой дремотѣ. Одинъ безпрерывно развивалъ свои мыслительныя способности, сдѣлался господиномъ своихъ мыслей, можетъ дѣлать отвлеченья и обобщенья среди усыпительныхъ дѣлъ повседневности;—другой проспалъ самыя яркія мгновенья своего бытія, и не въ силахъ вспомнить счастливѣйшій часъ своей жизни. Быть можетъ, гибнущая однодневка прожила болѣе долгую жизнь, чѣмъ черепаха.

Потокъ временъ угрюмый!
Катись, какъ пожелается тебѣ—
Я мѣряю не мѣрою мгновеній
И мѣсяцевъ обманчивый твой бѣгъ.
Пускай на берегу стоитъ, кто хочетъ,
И смотритъ на пузырь, что отъ него
Уплылъ, и здѣсь у ногъ моихъ замедлилъ.
Любовь, и жажда дѣйствія, и мысли,
Согрѣтыя огнемъ кипучей страсти,
Длиннѣй и ярче дѣлаютъ мой день:
И ежели я больше не проснусь,
Въ тѣхъ дняхъ, что жилъ я, было больше жизни,
Чѣмъ въ жизни тѣхъ, кто посѣдѣлъ въ разсчетахъ,
Кто былъ всегда въ холодной школѣ жизни
И кто свои мгновенія растратилъ.
Ни разу ихъ восторгомъ не согрѣвъ.

См. Godwin's *Political Justice*, vol. I, p. 411; и Condorcet, *Esquisse d'un Tableau Historique des Progrès de l'Esprit Humain*, époque IX.

Къ стр. 349.

Не убиваетъ больше онъ ягненка,
Что ласково глядитъ ему въ лицо.

Я полагаю, что извращенность тѣлесной и духовной природы

человѣка коренится въ противоестественныхъ привычкахъ, имъ усвоенныхъ. Происхожденіе человѣка, также какъ происхожденіе міра, котораго онъ составляетъ часть, окутано непроницаемой тайной. Людскія поколѣнья или имѣютъ начало, или не имѣютъ его. Доводы въ пользу того и другого предположенія, повидимому, имѣютъ болѣе или менѣе одинаковую убѣдительность; для нашей теперешней темы совершенно безразлично, какое изъ двухъ предположеній мы примемъ. Однако-же, какъ кажется, миѳологія всѣхъ религій гласитъ, что въ нѣкоторую отдаленную эпоху человѣкъ сошелъ съ пути природы, и пожертвовалъ чистотой и счастьемъ своего бытія для удовлетворенія противоестественныхъ побужденій. Это событіе, повидимому, совпадаетъ по времени съ нѣкоторой великой перемѣной въ климатахъ земли, съ чѣмъ оно имѣетъ явное соотвѣтствіе. Иносказательное повѣствованіе объ Адамѣ и Евѣ, вкусившихъ отъ древа познанія добра и зла и передавшихъ въ наслѣдство своему потомству гнѣвъ Божій и утрату вѣчной живни, не допускаетъ никакого иного объясненія, какъ то, что изъ противоестественной пищи возникли болѣзнь и преступленье. Мильтонъ такъ ясно сознавалъ это, что онъ заставляетъ Рафаила слѣдующимъ образомъ изображать передъ Адамомъ послѣдствія его непослушанія:—

И тотчасъ передъ нимъ явилось мѣсто,
Исполненное муки, мрака, смрада:
Какъ будто бы огромная больница;
Тамъ полчища виднѣлися недужныхъ:
Тамъ были всѣ ужасныя болѣзни,
Что въ судорогахъ члены искажаютъ,
Мучительныя пытки; и дурноты
Сердечной агоніи, лихорадки,
Конвульсіи, свирѣпые катарры,
Уродство эпилепсій, и нарывы,
Жестокія во внутренностяхъ камни,
Терзанья коликъ, бѣшенство и бредъ,
Внушенный демоническимъ вліяньемъ,
Уныньe меланхоліи застывшей.

Безумный лунатизмъ, и атрофія,
Сухотка, полновластная чума,
Боль ревматизмовъ, астма, и водянка.

И можно было бы тысячи и тысячи прибавить къ этому страшному перечисленію.

Подобно этому, исторія Прометея никогда не была удовлетворительнымъ образомъ истолкована, хотя всѣ допускаютъ, что она иносказательна. Прометей укралъ огонь съ неба, и за это преступленіе былъ прикованъ къ утесу Кавказа, гдѣ коршунъ безпрерывно пожиралъ его печень, снова выроставшую, чтобы удовлетворять его голодъ. Гезіодъ говоритъ, что до временъ Прометея человѣчество не вѣдало страданій; люди были цвѣтущими юношами, а когда, наконецъ, наступала смерть, она приближалась какъ сонъ и нѣжно закрывала ихъ глаза. Далѣе, это мнѣніе было такъ распространено, что поэтъ Августовской эпохи, Горацій, пишетъ—

Дерзко, чтобъ все испытать,
Родъ человѣческій свергнулъ запретъ преступленья.
Дерзко, обманнымъ путемъ,
Отпрыскъ Япета народамъ огонь далъ увидѣть.
Только съ эфирныхъ высотъ
Внизъ былъ поверженъ огонь, какъ явились недуги,
Земли узнали болѣзнь,
Новыя бѣды,—и смерть, что лѣнилася раньше,
Быстрою стала теперь.

Какъ ясенъ смыслъ всего этого! Прометей (олицетвореніе человѣческаго рода) создалъ нѣкоторую великую перемѣну въ условіяхъ своей природы, и воспользовался огнемъ для поваренныхъ цѣлей; такимъ образомъ, онъ нашелъ средство замаскировать, во избѣженіе отвращенія, ужасы убоя. Съ этого мгновенія его внутренности сталъ пожирать коршунъ недуга. Онъ пожиралъ его существо во всѣхъ видахъ своего отвратительнаго и безконечнаго разнообразія, приводя за собою пагубную для души убыль силъ и преждевременную насильственную смерть. Вся порочность возникла изъ уничтоженія здоровой невинности. Тираннія, суевѣріе, торговля и

неравенство были узнаны впервые тогда, когда разсудокъ сдѣлалъ тщетную попытку управлять блужданіями напряженной страсти. Я заключаю эту часть моего разсужденія отрывкомъ изъ сочиненія мистера Ньютона *Защита растительной діэты,* откуда я заимствовалъ вышеизложенное истолкованіе притчи о Прометеѣ.

«Принимая такое перемѣщеніе событій иносказанія, какое могло быть создано временемъ, послѣ того какъ были забыты важныя истины, которыя эта отрасль миѳологіи должна была передавать, мы видимъ, что смыслъ притчи, какъ надо думать, былъ таковъ:—При своемъ созданіи человѣкъ былъ надѣленъ даромъ безпрерывной молодости; другими словами, онъ не былъ созданъ для того, чтобы быть хилымъ недужнымъ существомъ, какимъ мы знаемъ его теперь, а для того, чтобы наслаждаться здоровьемъ, и чтобы съ великой постепенностью отходить на лоно матери-земли, безъ болѣзни и безъ боли. Прометей первый научилъ людей употребленію животной пищи (primus bovem occidit Prometheus *) и огня, чтобы съ помощью этого послѣдняго сдѣлать мясо болѣе удобоваримымъ и болѣе пріятнымъ для вкуса. Юпитеръ и остальные боги, предвидя послѣдствія этихъ нововведеній, потѣшались или гнѣвались на близорукія измышленія вновь созданнаго существа, и предоставили ему испытать на себѣ печальные ихъ результаты. Возникла жажда, необходимый спутникъ мясной пищи» (быть можетъ всякой пищи, испорченной поваренным искусствомъ); «прибѣгли къ водѣ, и человѣкъ утратилъ несравненный даръ здоровья, полученный имъ отъ неба: онъ сдѣлался недужнымъ, жизнь его стала непрочной, и онъ уже не постепенно сталъ сходить въ могилу» **).

Но за распутствомъ слѣдуетъ недугъ,
За смерть—отмщенье въ свой уводитъ кругъ;
Изъ крови—страсти встали въ дикой грудѣ,
И на людей возстали звѣри—люди.

Въ мірѣ больны только человѣкъ и животныя, которыхъ онъ заразилъ своимъ обществомъ, или развратилъ своимъ владычествомъ.

---

*) Plinius, *Naturalis Historia*, lib. VII, sect. 57.
**) *Return to Nature.* Cadell, 1811.

Дикая свинья, дикій баранъ, бизонъ, и волкъ совершенно свободны отъ недуговъ, и неизмѣнно умираютъ или отъ внѣшняго насилія, или отъ естественной престарѣлости. Но домашняя свинья, овца, корова и собака подвержены невѣроятному количеству недуговъ, и, подобно развратителямъ ихъ природы, имѣютъ врачей, преуспѣвающихъ на счетъ ихъ злополучій. Верховное преимущество человѣка—какъ верховное преимущество Сатаны: страданіе; и большая часть человѣческаго рода, осужденная на бѣдность, болѣзнь и преступленіе, имѣетъ всѣ основанія проклинать злополучное событіе, которое, давъ ему способность сообщать свои ощущенія, возвысило его надъ уровнемъ его собратій—животныхъ. Но что пройдено, того вернуть нельзя. Все человѣческое знаніе заключается въ одномъ вопросѣ:—Какимъ образомъ преимущества разума и цивилизаціи могутъ быть примирены со свободой и чистыми наслажденіями жизни, согласной съ природой? Какимъ образомъ можемъ мы удержать благодѣянія и отбросить бѣдствія системы, которая отнынѣ связана со всѣми фибрами нашего существа? — Я думаю, что воздержаніе отъ животной пищи и отъ спиртныхъ напитковъ въ значительной мѣрѣ сдѣлаетъ насъ способными къ разрѣшенію этого важнаго вопроса.

Конечно, духовное и тѣлесное разстройство можетъ быть частію отнесено на счетъ другихъ уклоненій отъ праваго пути и отъ природы, уклоненій, не имѣющихъ никакого отношенія къ діэтѣ. Заблужденія общества касательно отношенія половъ, благодаря чему возникаютъ злополучія и недуги неудовлетвореннаго безбрачія, безрадостная проституція и преждевременное наступленіе возмужалости; промозглая атмосфера многолюдныхъ городовъ; чадныя испаренія химическихъ процессовъ: закутываніе нашего тѣла въ излишніе покровы; нелѣпое воспитаніе дѣтей; — всѣ эти обстоятельства, и безчисленное множество другихъ причинъ, вносятъ свою лепту въ массу человѣческихъ бѣдствій.

Сравнительная анатомія учитъ насъ, что человѣкъ похожъ на травоядныя животныя во всемъ, а на плотоядныя ни въ чемъ; у него нѣтъ ни когтей, чтобы хватать жертву, ни отличительныхъ заостренныхъ зубовъ, чтобы разрывать живыя волокна. Мандаринъ перваго класса, съ ногтями въ два дюйма длины, навѣрное нашелъ бы ихъ

недостаточными, чтобы удержать даже зайца. Во имя удовлетворенія нашего обжорства, быкъ, черезъ посредство противоестественной и безчеловѣчной операціи, превращается въ вола, и сильный баранъ въ кладенаго барана, чтобы вялыя волокна представляли менѣе сопротивленія мятежной природѣ. Лишь послѣ того, какъ мертвое мясо умягчено и замаскировано поваренным искусствомъ оно дѣлается пригоднымъ для пережевыванія и перевариванія. Пусть защитникъ мясной пищи принудитъ себя къ рѣшительному испытанію ея пригодности, пусть, какъ рекомендуетъ Плутархъ, онъ разорветъ собственными зубами живого ягненка, и, погрузивъ свою голову въ его внутренности, удовлетворитъ свою жажду его дымящейся кровью; только что свершивъ это дѣяніе, пусть онъ обратится къ непобѣдимому инстинкту природы, который возстанетъ обвинителемъ противъ него, и скажетъ ему: «Это Природа создала меня для подобныхъ дѣяній». Тогда, и только тогда, онъ будетъ послѣдовательнымъ.

Человѣкъ не похожъ ни на одно плотоядное животное. Общее правило гласитъ, что всѣ травоядныя животныя надѣлены ободочными кишками; исключенія нѣтъ ни одного, развѣ что имъ является человѣкъ.

Орангутангъ вполнѣ походитъ на человѣка, какъ расположеніемъ, такъ и числомъ своихъ зубовъ. Орангутангъ наиболѣе человѣкоподобенъ изъ всего класса обезьянъ, причемъ всѣ обезьяны питаются исключительно плодами. Нѣтъ никакого другого разряда животныхъ, которыя питались бы иной пищей, при наличности этой аналогіи *). У многихъ травоядныхъ животныхъ клыки болѣе заострены и отличительны, нежели у человѣка. Равнымъ образомъ, сходство человѣческаго желудка съ желудкомъ орангутанга больше, чѣмъ съ желудкомъ какого бы то ни было животнаго.

Внутренности человѣка также тождественны съ внутренностями травоядныхъ животныхъ, представляющими болѣе обширную поверхность для всасыванія и указующими на наличность просторныхъ ободочныхъ кишекъ. Слѣпая кишка также, хотя и короткая, больше,

*) Cuvier. *Leçons d'Anatomie Comparée*, tome III, pp. 169, 373, 448, 465, 480. Rees's *Cyclopaedia*, art. Man.

чѣмъ у плотоядныхъ животныхъ; и даже здѣсь мы видимъ это общее сходство съ орангутангомъ.

Такимъ образомъ, строеніе человѣческаго тѣла есть строеніе существа, приспособленнаго къ чисто растительной пищѣ, во всѣхъ существенныхъ частностяхъ. Это вѣрно, что отвращеніе къ воздержанью отъ животной пищи, у тѣхъ, кто издавна привыкъ къ ней, какъ къ возбудительному средству, настолько велико среди людей слабодушныхъ, что врядъ-ли можетъ быть побѣждено; но это вовсе не аргументъ въ ея защиту. Ягненокъ, котораго матросы одного корабля втеченіи нѣкотораго времени кормили мясомъ, въ концѣ пути отказывался отъ своей естественной пищи. Есть множество примѣровъ, что лошади, овцы, быки, и даже дикіе голуби, бывали научены питаться мясомъ и до такой степени, что они уже испытывали отвращеніе къ естественной пищѣ. Дѣти явнымъ образомъ предпочитаютъ пирожное, апельсины, яблоки, и другіе плоды, мясу животныхъ, до тѣхъ поръ, пока, въ силу постепеннаго извращенія пищеварительныхъ органовъ, свободное употребленіе растительной пищи, втеченіи нѣкотораго времени, не создастъ серьезныхъ неудобствъ; *втеченіи нѣкотораго времени*, говорю я, потому что не было еще ни одного примѣра, чтобы переходъ отъ спиртныхъ напитковъ и животной пищи къ растительной діэтѣ и къ чистой водѣ не укрѣпилъ въ концѣ концовъ тѣло, сдѣлавъ его соки чистыми и пригодными къ отправленіямъ, и возстановивъ въ разумѣ ту гибкость и веселость, которыми при современной системѣ не обладаетъ одинъ изъ пятидесяти. Любовь къ крѣпкимъ напиткамъ также лишь съ трудомъ внушаютъ дѣтямъ. Почти каждый помнитъ кислыя лица, причиненныя первымъ стаканомъ портвейна. Инстинктъ, не испорченный лжемудрствованіемъ, не ошибается никогда; но рѣшать о пригодности или непригодности животной пищи, опираясь на извращенные аппетиты, созданные вынужденнымъ ея принятіемъ, это то же самое, что дѣлать преступника судьею своего дѣла; хуже: это то же, что спрашивать отупѣвшаго пьяницу о пользѣ водки.

Въ чемъ заключается причина болѣзненнаго разстройства нашей животной системы? Не въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, потому что и другіе, родственные намъ, обитатели земли дышутъ тѣмъ же

воздухомъ, не причиняя себѣ вреда; не въ водѣ, которую мы пьемъ (если только она не осквернена человѣкомъ и его изобрѣтеніями *), потому что животныя также пьютъ ее; не въ ясномъ ликѣ блистательной природы, не въ лѣсахъ, не въ поляхъ, не въ просторѣ небесъ и океана: ни въ чемъ, что нами сдѣлано или пережито заодно съ безболѣзненными обитателями лѣса. Значитъ, тутъ что-нибудь другое, что-нибудь, въ чемъ мы отличаемся отъ нихъ: наша привычка измѣнять нашу пищу съ помощью огня, такъ что нашъ вкусъ болѣе уже не является истиннымъ мѣриломъ пригодности того или другого способа его удовлетворенія. За исключеніемъ дѣтей, въ насъ нѣтъ и слѣда того инстинкта, который у всѣхъ животныхъ опредѣляетъ, естественна-ли та или другая пища или нѣтъ; и у разсуждающихъ взрослыхъ представителей человѣческаго рода инстинктъ этотъ до такой степени стертъ, что необходимо прибѣгать къ соображеніямъ изъ области сравнительной анатоміи, чтобы доказать, что отъ природы мы не плотоядны, а наша пища—плоды.

Преступленіе есть сумасшествіе. Сумасшествіе—болѣзнь. Какъ только причина болѣзни будетъ открыта, корень, изъ котораго выросло дерево, такъ затѣнявшее земной шаръ всяческими бѣдами и пороками, будетъ обнаженъ для остраго топора. Всѣ усилія человѣка съ этого мгновенья могутъ быть разсматриваемы какъ тяготѣніе къ явной пользѣ представителей человѣческаго рода. Никакой здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ не рѣшится на настоящее преступленіе. Лишь человѣкъ съ необузданными страстями, съ налитыми кровью глазами, и вздувшимися жилами, можетъ схватить смертоубійственный ножъ. Система воздержнаго образа жизни не обѣщаетъ никакихъ Утопическихъ благодѣяній. Это не простая реформа законодательства, при которой бѣшеныя страсти и дурныя наклонности человѣческаго сердца, обусловившія это законодательство, остаются непокоренными. Система простой діэты ударяетъ въ

*) Необходимость прибѣгать къ какимъ-нибудь средствамъ для очищенія воды, и болѣзни, проистекающія изъ ея порчи въ цивилизованныхъ странахъ, фактъ достаточно очевидный. См. Dr. Lambe's *Reports on Cancer*. Я не утверждаю, что употребленіе воды само по себѣ неестественно, но я говорю, что неиспорченный вкусъ не приметъ никакой жидкости, способной причинить болѣзнь.

самый корень зла, и представляетъ изъ себя опытъ, который можетъ быть съ успѣхомъ испробованъ не только цѣлыми народами, но и небольшими обществами, семьями, и даже отдѣльными личностями. Не было случая, чтобы возвращеніе къ растительной пищѣ причинило кому-нибудь хотя малѣйшій вредъ; въ большинствѣ случаевъ оно сопровождалось неотрицаемо благотворными перемѣнами. Если-бы когда-нибудь родился врачъ, обладающій геніемъ Локка, я увѣренъ, онъ могъ-бы такъ-же ясно свести всѣ тѣлесныя и умственныя разстройства къ нашимъ противоестественнымъ привычкамъ, какъ этотъ философъ свелъ все знаніе къ ощущеніямъ. Не представляютъ-ли изъ себя обильныхъ источниковъ болѣзней эти минеральные и растительные яды, которые были введены для ихъ искорененія! Сколько тысячъ людей сдѣлались убійцами и разбойниками, ханжами и домашними тиранами, распутниками и потерянными искателями приключеній, благодаря употребленію возбудительныхъ напитковъ! Если-бы они удовлетворяли свою жажду лишь чистой водой, они жили-бы, распространяя кругомъ счастіе радостнымъ состояніемъ своихъ неизвращенныхъ чувствъ. Какое множество неосновательныхъ мнѣній и безсмысленныхъ учрежденій получило всеобщую санкцію благодаря пьянству и невоздержности отдѣльныхъ личностей! Кто будетъ утверждать, что, если-бы простонародье Парижа удовлетворяло свой голодъ, всегда имѣющейся въ изобиліи, растительной пищей, оно подтвердило-бы своимъ грубымъ согласіемъ листъ изгнанниковъ, составленный Робеспьеромъ? Могло-ли бы сборище людей, чьи страсти не извращены противоестественными возбудителями, хладнокровно смотрѣть на auto da fé? Мыслимо-ли, чтобы человѣкъ съ кроткими чувствами, окончивъ корнеплодную трапезу, сталъ услаждаться кровавыми забавами? Былъ-ли Неронъ человѣкомъ воздержнымъ? Виднѣлось-ли здоровье на его щекахъ, горѣвшихъ непобѣдимой ненавистью къ человѣческому роду? Бился-ли ровно пульсъ у Мулея Измаила, была-ли его кожа прозрачна, сіяли-ли его глаза здоровымъ блескомъ, и были-ли его неизмѣнными спутниками веселость и благоволеніе? Хотя исторія не разрѣшила ни одного изъ этихъ вопросовъ, даже ребенокъ не станетъ колебаться, чтобы отвѣтить отрицательно. Пожелтѣвшія отъ желчи щеки Бонапарта, его наморщенный лобъ, и желтые глаза,

непрестанное безпокойство его нервной системы такъ-же ясно говорятъ о характерѣ его ненасытнаго честолюбія, какъ его убійства и его побѣды. Если-бы Бонапартъ происходилъ изъ рода людей, питавшихся растительной пищей, было бы невозможно, чтобы онъ имѣлъ стремленіе или власть взойти на тронъ Бурбоновъ. Желаніе тиранніи врядъ-ли могло-бы возникнуть въ отдѣльной личности, и во всякомъ случаѣ общество никогда-бы не дало ей тираннической власти, разъ люди не были-бы доведены до безумія опьяненіемъ, и не были-бы безсильными и вздорными благодаря болѣзни. Поистинѣ, отреченіе отъ инстинкта есть неистощимый родникъ злополучій, потому что оно касается нашей тѣлесной природы; вычисленіе безсильно перечислить, и, быть можетъ, разумъ даже неспособенъ подозрѣвать, какъ много источниковъ болѣзни въ жизни цивилизованныхъ людей. Даже вода, такое, повидимому, безвредное вещество, можетъ быть лукавымъ и смертельнымъ разрушителемъ, благодаря нечистотѣ людныхъ городовъ *).

Нѣтъ такой болѣзни, тѣлесной или духовной, которую система растительной пищи и чистой воды не смягчила-бы безошибочно, если только опытъ былъ сдѣланъ настоящимъ образомъ. Хилость постепенно превращается въ силу, болѣзненность въ здоровое состояніе; сумасшествіе, во всемъ своемъ отвратительномъ разнообразіи, отъ неистовства скованнаго маніака до необъяснимыхъ вздорностей дурного расположенія духа, дѣлающихъ изъ семейной жизни адъ, переходитъ въ спокойную и сознательную ровность темперамента, которая одна только и можетъ представлять изъ себя извѣстный залогъ будущаго нравственнаго преобразованія общества. При естественной системѣ пищи, преклонный возрастъ будетъ нашей послѣдней и нашей единственной болѣзнью; предѣлъ нашего существованія будетъ продленъ; мы будемъ наслаждаться жизнью, и не будемъ болѣе исключать другихъ изъ сферы наслажденія ею; всѣ восторги воспріятія будутъ безконечно болѣе изысканными и совершенными; самое чувство бытія будетъ тогда безпрерывнымъ наслажденіемъ, такимъ, какъ мы это чувствуемъ теперь въ рѣдкіе и особенно благопріятные моменты нашей юности. Всѣмъ, что есть священнаго въ нашихъ надеждахъ на человѣческій родъ, я закли-

*) Lambe's *Reports on Cancer*.

наю тѣхъ, кто любитъ счастіе и правду, отнестись серьезно къ системѣ растительной пищи. Всякія разсужденія относительно предмета, достоинства котораго могутъ быть разъ навсегда установлены шестимѣсячнымъ опытомъ, конечно, излишни. Но только среди людей просвѣщенныхъ, исполненныхъ благоволенія, можетъ осуществиться такая большая жертва, какъ отреченіе отъ аппетитовъ и предразсудковъ, хотя-бы конечное преимущество этого отреченія было внѣ спора. Близорукія жертвы болѣзни считаютъ болѣе легкимъ прибѣгать къ палліативу лѣкарствъ, чѣмъ предупреждать болѣзнь здоровымъ образомъ жизни. Толпа всѣхъ классовъ общества неизмѣнно чувственна и упряма; но я глубоко убѣжденъ, что, когда благодѣянія растительной пищи будутъ доказаны математически,—когда будетъ совершенно ясно, что тѣ, которые живутъ согласно съ природой, избавлены отъ преждевременной смерти, тогда и самые отупѣлые люди почувствуютъ преимущество долгой и спокойной жизни передъ жизнью короткой и полной мученій. Среднимъ счетомъ, изъ каждыхъ шестидесяти человѣкъ втеченіи трехъ лѣтъ четверо умираютъ. Есть надежда, что въ апрѣлѣ 1814-аго года появится отчетъ о томъ, что шестьдесятъ человѣкъ, прожившихъ болѣе трехъ лѣтъ на растительной пищѣ и чистой водѣ, находятся *въ полномъ здоровьи*. Теперь уже прошло болѣе двухъ лѣтъ; *ни одинъ изъ нихъ не умеръ;* такого примѣра нельзя найти въ какой-либо группѣ шестидесяти человѣкъ, взятыхъ наудачу. Семнадцать человѣкъ всѣхъ возрастовъ (семьи доктора Лемба и мистера Ньютона) прожили на этой діэтѣ цѣлыхъ семь лѣтъ, и среди нихъ не было ни одной смерти, не было почти ни малѣйшаго нездоровья. Поистинѣ, если мы примемъ во вниманіе, что нѣкоторые изъ этого числа находились въ дѣтскомъ возрастѣ, и что одинъ страдалъ астмой, теперь почти исчезнувшей, мы можемъ бросить вызовъ какой угодно группѣ изъ семнадцати лицъ, взятыхъ наудачу въ этомъ городѣ, съ предложеніемъ представить подобный случай. Если кому-нибудь послѣ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ вздумается провѣрить, насколько правильно осуществлялась установленная діэта, онъ можетъ сдѣлать справку въ блестящемъ и краснорѣчивомъ этюдѣ мистера Ньютона *).

*) *Return to Nature, or Defence of Vegetable Regimen.* Cadell, 1811.

Когда такихъ доказательствъ накопится въ мірѣ достаточное количество, и когда ихъ ясно увидятъ всѣ, кто способенъ понимать простой ариѳметическій расчетъ, врядъ-ли будетъ возможно, чтобы воздержаніе отъ пищи несомнѣнно вредной не сдѣлалось всеобщимъ. Сила доказательства будетъ увеличиваться въ прямомъ отношеніи къ числу приверженцевъ системы; и когда составится группа въ тысячу людей, живущихъ на растительной пищѣ и дистиллированной водѣ, людей, которымъ, кромѣ старости, нечего бояться какой-нибудь болѣзни, міръ поневолѣ будетъ смотрѣть на мясо животныхъ и на возбудительные напитки, какъ на медленные, но вѣрные яды. Перемѣна, которую болѣе простой образъ жизни создастъ въ области народнаго хозяйства, будетъ въ достаточной степени примѣчательна. Монопольный поѣдатель мяса животныхъ не будетъ больше разрушать свой тѣлесный составъ, пожирая за одинъ присѣстъ цѣлую десятину земли, и многочисленное количество хлѣбовъ перестанетъ содѣйствовать развитію подагры, сумасшествія и апоплексіи, возникая въ формѣ кружки портера или рюмки водки, а будетъ напротивъ удовлетворять давнишній голодъ отощавшихъ дѣтей крестьянина, несущаго на себѣ тяжелый трудъ. Количество питательнаго растительнаго вещества, потребнаго для того, чтобы утучнить туловище быка, будетъ доставлять въ десятикратной мѣрѣ пропитаніе, совершенно неиспорченное, и неспособное вызывать болѣзнь, разъ оно только что собрано съ лона земли. Наиболѣе плодородныя области обитаемаго земного шара въ данное время воздѣлываются людьми въ точномъ смыслѣ для животныхъ, съ потерей времени и пищевыхъ веществъ, неподдающейся никакому исчисленію. Даже и теперь лишь богатые могутъ удовлетворять своей противоестественной склонности къ мертвому мясу, и за бо́льшія вольности такой привиллегіи они несутъ иго безчисленныхъ болѣзней. Затѣмъ, духъ націи, которая возьметъ на себя починъ въ дѣлѣ такого великаго преобразованія, незамѣтнымъ образомъ сдѣлается земледѣльческимъ; торговля, со всѣми ея пороками, своекорыстіемъ, испорченностью, постепенно придетъ въ упадокъ; болѣе естественный образъ жизни создастъ болѣе мягкіе нравы, и чрезмѣрная усложненность политическихъ отношеній будетъ настолько упрощена, что каждый отдѣльный чело-

группой, внутренній порядокъ которой имѣетъ въ виду свободу, обезпеченность и удобства многихъ. Только тотъ долженъ быть надѣляемъ властью (а деньги самый полный видъ власти), кто поручился, что онъ будетъ пользоваться ею исключительно въ видахъ всеобщаго благополучія. Но употребленіе мяса животныхъ и возбудительныхъ напитковъ находится въ прямой враждѣ съ такимъ равенствомъ человѣческихъ правъ. Крестьянинъ не можетъ удовлетворять этимъ аристократическимъ потребностямъ, не заставляя свою семью голодать. Безъ болѣзней и войнъ, этихъ опустошительныхъ бичей народонаселенія, пастбища представляли-бы изъ себя бо́льшую трату земельныхъ пространствъ, чѣмъ это можно было-бы допустить. Трудъ, потребный для поддержанія одной семьи, гораздо легче *), чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Крестьяне работаютъ не только на себя, но и на аристократію, на армію, и на фабрикантовъ.

Преимущество реформы въ области питанія явнымъ образомъ превышаетъ преимущество какихъ-бы то ни было другихъ реформъ. Она ударяетъ въ самый корень зла. Устранять злоупотребленія законодательства, прежде чѣмъ мы уничтожимъ наклонности, которыми они были созданы, это равносильно предположенію, что, устранивъ слѣдствіе, мы устранимъ дѣйствующую причину. Но дѣйствительность этой системы всецѣло зависитъ отъ рвенія отдѣльныхъ личностей, и обосновываетъ свои достоинства, въ смыслѣ благотворнаго вліянія на общество, на полной перемѣнѣ способовъ питанія среди его сочленовъ. Она достовѣрнымъ образомъ переходитъ отъ извѣстнаго числа частныхъ случаевъ къ одному всеобщему, и имѣетъ то преимущество предъ обратнымъ методомъ, что одна ошибка не уничтожаетъ всего, что было создано раньше.

Не будемъ, однако, ожидать отъ этой системы слишкомъ мно-

*) Авторъ знаетъ по собственнымъ наблюденіямъ, что нѣкоторые рабочіе, занятые сооруженіемъ плотинъ въ Сѣверномъ Уэльсѣ, рѣдко получая свою заработную плату, благодаря неспособности собственника платить имъ, поддерживали свои многочисленныя семейства тѣмъ, что обрабатывали при лунномъ свѣтѣ небольшіе участки неплодородной почвы. Въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ Пратта, *Bread, or the Poor,* есть разсказъ объ одномъ усердномъ работникѣ, который, работая въ небольшомъ саду до и послѣ окончанія своего дневного труда, достигъ завиднаго состоянія независимости.

гаго. Самый здоровый среди насъ не изъятъ отъ болѣзни. Наиболѣе пропорціонально сложенный, могучій и долговѣчный, представляетъ изъ себя существо несказанно болѣе низкое, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ могъ-бы быть, если-бы неестественный образъ жизни его предковъ не скопилъ для него извѣстной доли болѣзни и уродства. При разсмотрѣніи самаго совершеннаго образца цивилизованнаго человѣка, физіологическая критика всетаки найдетъ въ немъ какой-нибудь недостатокъ. Можетъ-ли, такимъ образомъ, возвращеніе къ природѣ мгновенно искоренить предрасположенія, медленно укоренившіяся въ безмолвіи несчетныхъ поколѣній?—Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Я только утверждаю, что съ того момента какъ привычки, противныя природѣ, оставлены, не возникаетъ никакой новой болѣзни,— и что предрасположеніе къ наслѣдственнымъ заболѣваніямъ постепенно исчезаетъ, за отсутствіемъ обычной ихъ поддержки. Такое свойство діэты, состоящей изъ растительныхъ веществъ и чистой воды, мы неизмѣнно видимъ при чахоткѣ, ракѣ, астмѣ, и золотухѣ.

Кто, на основаніи этихъ замѣчаній, захочетъ серьезно испробовать дѣйствіе данной системы, тотъ, прежде всего, долженъ начать ея практическое осуществленіе съ момента убѣжденности. Все зависитъ отъ того, чтобы рѣшительно, и сразу, порвать съ вреднымъ обыкновеніемъ. Докторъ Троттеръ *) говоритъ, что ни одинъ пьяница никогда не исцѣлился отъ своего порока постепеннымъ оставленіемъ водки. Мясо животныхъ, въ смыслѣ своего дѣйствія на человѣческій желудокъ, подобно водкѣ. Подобно въ смыслѣ способа дѣйствія, хотя и различно въ степени. Приверженецъ чистой пищи долженъ быть предупрежденнымъ: мускульная его сила на время уменьшится. Устраненіе сильнаго возбудительнаго средства является достаточнымъ объясненіемъ такого явленія. Но это уменьшеніе только временное, и за нимъ слѣдуетъ равномѣрная способность къ усиліямъ, далеко превосходящая прежнюю его перемѣнчивую и колеблющуюся силу. Прежде всего у него появится легкость дыханія, благодаря которой могутъ осуществляться эти усилія, и онъ въ удивительной степени избавится отъ того, что теперь мучительно чувствуютъ почти всѣ, быстро взойдя на самую обыкновенную гору:

*) См. Trotter, *On the Nervous Temperament.*

онъ перестанетъ задыхаться. Онъ будетъ способенъ, въ равной мѣрѣ, и къ тѣлеснымъ упражненіямъ и къ умственной дѣятельности, какъ до своей простой ѣды, такъ и послѣ нея. Онъ не будетъ чувствовать ни одного изъ наркотическихъ послѣдствій обычной діэты. Раздражительность, прямое слѣдствіе истощающихъ возбудителей, уступитъ силѣ естественныхъ и спокойныхъ побужденій. Онъ больше не будетъ томиться летаргіей скуки, этимъ непобѣдимымъ отвращеніемъ къ жизни, котораго нужно бояться больше, чѣмъ самой смерти. Онъ ускользнетъ отъ эпидемическаго помѣшательства, тяготѣющаго надъ оскорбительными представленіями о Божествѣ, и «осуществляющаго адъ, измышленный ханжами и старыми бабами». Каждый создаетъ себѣ бога въ соотвѣтствіи съ своимъ характеромъ; кто усвоитъ себѣ простой образъ жизни, тотъ почувствуетъ божество, не желающее никакой иной жертвы, кромѣ счастія своихъ созданій. Онъ будетъ неспособенъ ненавидѣть или преслѣдовать другихъ во имя любви къ Богу. Онъ найдетъ, кромѣ того, что система простой пищи—система истиннаго эпикуреизма. Онъ болѣе не будетъ безпрерывно притуплять и разрушать тѣ самые органы, отъ которыхъ онъ ждетъ своихъ усладъ. Пріятныя вкусовыя ощущенія, которыя можетъ доставлять обѣдъ, состоящій изъ картофеля, бобовъ, гороха, рѣпы, салата, съ десертомъ изъ яблокъ, крыжовника, клубники, смородины, малины, а зимою апельсиновъ, яблокъ, и грушъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ это предполагаютъ. Тѣ, которые будутъ ждать, пока имъ не захочется съѣсть эту простую пищу, съ приправой аппетита, врядъ-ли присоединятся къ лицемѣрному сенсуалисту, который, сидя за столомъ у лорда-мэра, ораторствуетъ противъ удовольствій ѣды. У Соломона была тысяча наложницъ, и онъ въ отчаяніи призналъ, что все суета. Человѣкъ, счастье котораго заключается въ обществѣ одной любимой женщины, найдетъ довольно труднымъ отнестись съ сочувствіемъ къ разочарованности этого почтеннаго старца.

Я обращаюсь не только къ молодому энтузіасту, къ пламенному поклоннику правды и добра, къ чистому и страстному моралисту, еще не испорченному заразой міра. Онъ приметъ систему, полную чистоты, во имя отвлеченной ея правды, во имя ея красоты, простоты, и ея обѣтованій широко-распространеннаго блага; если только

обычай не обратилъ отраву въ пищу, онъ инстинктивно будетъ ненавидѣть грубыя удовольствія охоты; его умъ исполнится ужасомъ и горечью при видѣ того, что существа, способныя на нѣжнѣйшія и самыя удивительныя симпатіи, могутъ услаждаться смертными муками и послѣдними судорогами умирающихъ животныхъ. Даже человѣкъ преклоннаго возраста, юность котораго была отравлена невоздержностью, или который жилъ съ нѣкоторой умѣренностью, и отягощенъ самыми разнообразными мучительными болѣзнями, найдетъ свою пользу въ благотворной перемѣнѣ, совершившейся безъ риска ядовитыхъ лѣкарствъ. Мать, для которой безпрерывныя болѣзни и необъяснимыя смерти ея дѣтей были причиною неизлѣчимаго несчастія, при этой діэтѣ съ чувствомъ удовлетворенія будетъ видѣть ихъ безперемѣнно здоровыми и исполненными природной веселости *).

Самыя драгоцѣнныя жизни въ настоящее время ежедневно разрушаются болѣзнями, которыя лишь съ опасностью можно излѣчивать палліативно, и невозможно исцѣлить совершенно съ помощью лѣкарствъ. До которыхъ-же поръ человѣкъ будетъ угодливымъ слугою прожорливой смерти, своего наиболѣе лукаваго, неумолимаго, и вѣчнаго врага?

* * * * * *

«Вы называете змѣй, пантеръ, и львовъ жестокими, и, однако, сами убиваете безъ страха, и нисколько не уступаете имъ въ же-

---

*) См. книгу мистера Ньютона. Его дѣти самыя красивыя и здоровыя существа, какія только можно себѣ вообразить: дѣвочки представляютъ изъ себя настоящія модели для ваятеля; ихъ характеры отличаются кротостью и миролюбивыми наклонностями; разумное обращеніе, съ которымъ къ нимъ относятся въ другомъ, является, быть можетъ, содѣйствующей причиной. Въ первыя пять лѣтъ жизни изъ 18000 новорожденныхъ дѣтей 7500 умираютъ отъ разныхъ болѣзней, а сколько изъ тѣхъ, которые выживаютъ на всю жизнь дѣлаются несчастными, благодаря болѣзнямъ, не тотчасъ причиняющимъ смерть? Качество и количество женскаго молока существеннымъ образомъ ухудшается вслѣдствіе употребленія мертваго мяса. На одномъ островѣ, около Исландіи, гдѣ нельзя получать растительныя вещества, дѣти, до истеченія трехъ недѣль, неизмѣнно умираютъ отъ судорогъ, и населеніе пополняется съ материка.—См. G. Mackenzie's *History of Iceland*. См. также *Emile*, chap. I, pp. 53. 54. 56.

стокости; потому что они убиваютъ, чтобы доставить себѣ пропитаніе, а вы лишь ради лакомства.

* * * * * *

«Что услажденіе мясомъ не свойственно человѣку отъ природы, явствуетъ изъ распорядка и строенія человѣческаго тѣла. Ибо тѣло человѣка не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣломъ тѣхъ, кто предназначенъ для поѣданія мяса. У него нѣтъ ни кривого клюва, ни острыхъ когтей или заостренныхъ зубовъ, ни той силы желудка и теплоты жизненнаго духа, которые сдѣлали-бы его способнымъ переваривать тяжелую мясную пищу. Гладкіе зубы, малый ротъ, мягкій языкъ, и слабая способность перевариванія доказываютъ напротивъ, что природа съизначала возбранила намъ мясную пищу. Если-же ты всетаки настаиваешь на томъ, что ты созданъ для подобной пищи, тогда прежде всего убей самъ то, что ты долженъ ѣсть, по собственною своею силой, безъ помощи мясницкаго ножа, дубины, или топора, убей, какъ волки, медвѣди и львы убиваютъ животныхъ, которыхъ они пожираютъ. Удуши быка укусомъ, или растерзай своею пастью свинью, ягненка, зайца, и пожирай, какъ тѣ, свою добычу, наполовину еще живую.

* * * * * *

«Но мы такъ распутно услаждаемся убійствомъ, что называемъ мясо лишь закуской, приправой, и къ мясу намъ нужна еще другая приправа; мы примѣшиваемъ къ нему масло, вино, медъ, соусъ изъ рыбы, уксусъ, а также сирійскія и аравійскія пряности, и можно сказать, мы бальзамируемъ мясо, какъ настоящій трупъ. Мясо, такимъ образомъ, растворенное, размягченное, и до извѣстной степени перешедшее въ гніеніе, крайне трудно переваривается, и если желудокъ настолько силенъ, что овладѣваетъ имъ, все-же оно очень часто вызываетъ несвареніе и причиняетъ иного рода непріятное обремененіе.

* * * * * *

«Сперва былъ съѣденъ какой-нибудь дикій вредный звѣрь, потомъ какая-нибудь птица или рыба. Испробованная на этихъ жи-

вотныхъ и возбужденная жажда убійства перешла потомъ на работающій рогатый скотъ, на одѣвающую насъ овцу, и на бодрствующаго пѣтуха, и, такимъ образомъ, люди все болѣе укоренялись въ своей ненасытимости, пока наконецъ не дошли до войны, до избіенія и удушенья своихъ ближнихъ».

Πλουταρχος. Περὶ τῆς Σαρκοφαγίας.

1815.

ДЕМОНЪ МІРА.

ОТРЫВОКЪ.

Nec tantum prodere vati
Quantum scire licet. Venit aetas omnis in unam
Congeriem, miserumque premunt tot saecula pectus.
Lucan, *Phars.*, L. v. l, 176

Больше поэту дано знать, чѣмъ онъ выразить можетъ.
Въ хаосѣ всѣ времена предъ вѣщей душою проходятъ,
Мукою грудь подавивъ.
Лу канъ, *Фарс.*, Кн. 5, ст. 176.

ДЕМОНЪ МІРА.

Отрывокъ.

Часть 1-я.

Какъ странно-загадочна Смерть,
Смерть, и братъ ея, Сонъ!
Одна вся мертвенно-блѣдная,
Какъ тотъ убывающій мѣсяцъ,
Съ устами изсиня-бѣлыми;
Другой какъ утро бодрящее,
Какъ утро, когда, восходя на престолъ,
Надъ волной океана вздохнетъ оно къ міру:
И оба проходятъ такъ странно, такъ сказочно.

Такъ значитъ тотъ страшный Скелетъ,
Со скипетромъ мрачно-желѣзнымъ,
Чье царство—въ гробницахъ, исполненныхъ тлѣнія,
Эту прекрасную жертву швырнулъ
Адскимъ собакамъ, лежащимъ подъ трономъ его?
Такъ значитъ погибнетъ божественно-ясная форма,
Созерцанье которой
У любви и восторга
Пробуждало біеніе сердца,

Погибнутъ и эти лазурныя вены,
Что, сквозя, пробирались подобно ручьямъ
По полямъ бѣлоснѣжнымъ,
Погибнутъ и эти
Очертанія нѣжныя,
Что прекрасны какъ мраморъ, одѣтый въ сіянье
Возвышенной мысли ваятеля?
И дыханье гніенія
Ничего не оставитъ
Отъ видѣнія чистаго,
Кромѣ смутныхъ обломковъ
И уродства угрюмаго?
Ничего, кромѣ темы неясной,
Надъ которою самое легкое сердце
Поученія будетъ слагать безполезныя?
Или то—сновидѣнья съ крылами пушистыми
Заманили къ рѣсницамъ ея
Пѣстуна ихъ, Молчаніе,
Чтобъ оно берегло ихъ покой?
Въ часъ когда черезъ эти источники свѣта
Лучъ зари проскользнетъ,
Не уйдутъ-ли они отъ дневного докучнаго шума
Въ одну изъ пещеръ, что на западѣ,
Гдѣ лѣса и потоки сливаютъ съ дыханьемъ вѣтровъ
Колыбельный чарующій ропотъ?—

Нѣтъ, Іанте не спитъ
Сномъ смерти, лишеннымъ видѣній:
И Генри, внимая,
Какъ пульсъ ея правильно бьется,
Безмолвно слѣдя,
Какъ въ нѣжномъ лицѣ подъ луною
Мѣняются краски,
За эту безсонную ночь
Получитъ награду.
Закрыты глаза, умягченные влажной росой;
И на вѣкахъ прозрачныхъ, чья ткань
Блѣдно-тонкимъ покровомъ

Едва закрываетъ
Темносинія сферы.
Что подъ ними горятъ незамѣтнымъ огнемъ,
На вѣкахъ прозрачныхъ,
Какъ въ родной колыбели,
Съ улыбкою Сонъ задремалъ.
И пряди волосъ золотыхъ затѣняютъ
Эту гордость прекрасную —
Грудь ея бѣлоснѣжную,
И вьются, сплетаясь, вокругъ бѣлизны ея,
Какъ побѣги густой павилики
Вьются вкругъ мрамора.

Чу! стремительный натискъ порывистыхъ звуковъ
Точно слитный волшебный напѣвъ,
Что встаетъ и ростетъ вкругъ забытыхъ развалинъ,
Въ часъ когда чуть проносится западный вѣтеръ,
И вечернія волны ему отвѣчаютъ,
По прибрежью шурша:
Онъ безсвязнѣй, чѣмъ звуки,
Что не скованы мѣрой,
Звуки арфы невидимой рощъ и долинъ,
Близь которой проносятся геніи вѣтра.
Проносясь по волнамъ благозвучья и свѣта,
Демонъ Міра, въ воздушной своей колесницѣ,
Полонъ власти безмолвной, нисходитъ:
Въ колесницѣ своей онъ покоится, легкій,
Точно облачко, самый воздушный оттѣнокъ
Отъ зари сохранившее въ часъ предвечерній,
И блестящій, какъ этотъ покровъ волокнистый,
Подъ сіяніемъ звѣздъ,
Надѣвающихъ пышность одеждъ преходящихъ.
Колесница сіяла таинственнымъ блескомъ,
И четыре прекрасныя тѣни ее
Увлекали по воздуху; возжи изъ яркихъ лучей
Умѣряютъ ихъ бѣгъ неземной;
И они, повинуясь, сложили
Воздушныя крылья:

И на спящую дѣвушку Демонъ глядѣлъ,
Перегнувшись съ эѳирной своей колесницы.
Никогда человѣческій глазъ не видалъ
Столь безумной, блестящей, плѣнительной формы,
Какъ чарующій призракъ, который,
Тяготѣя надъ сномъ зачарованнымъ дѣвушки,
И качая своимъ многозвѣзднымъ жезломъ,
Былъ надъ нею какъ свѣтлый туманъ.
И какъ будто бы лепетъ вѣтровъ благовонныхъ
Пробужденной весны,—
Въ этой комнатѣ, въ небѣ, луною окованномъ,
Неземные послышались звуки.

О, дѣва, высшій духъ вселенной
Подъ тѣнь своихъ воздушныхъ крылъ
Все принялъ, что изъ мглы забвенной
Твой умъ въ наслѣдство получилъ,
Обманы чувствъ, тебя зовущихъ,
Свѣтъ мыслей, лучъ минутный льющихъ.

Какъ щедро ты награждена:
Очамъ мудрѣйшаго поэта
Неясно истина видна,
Твой зоркій взглядъ исполненъ свѣта.
Себя ты видишь на волнѣ,
Въ самозабвенной тишинѣ.

Обычай, Силу, Заблужденье
Отвергла вольнымъ сердцемъ ты;
Ты лучезарное видѣнье
Среди холодной темноты;
Ты въ мірѣ свѣтъ живой для мрака,
Межъ тусклыхъ вспышекъ бивуака.

Изъ сокровенныхъ тайниковъ,
Гдѣ слиты демоны и боги,
Схвати огонь, порви покровъ,
И встань на царственномъ порогѣ,

Гдѣ спитъ огромная змѣя,
Спитъ Вѣчность, въ сказкѣ бытія.

Все, что въ тебѣ любовью дышетъ,
Въ глазахъ сверкаетъ красотой,
Что мыслитъ, чувствуетъ, и слышитъ,
Да вспыхнетъ все одной мечтой!
Разстанься съ тлѣнностью земною,
Побудь съ моими и со мною!

Слова умолкли; изъ недвижной формы
Возсталъ блестящій духъ,
Во всемъ своемъ нагомъ очарованьи.
Одѣтый въ человѣческія краски,
Передъ собой движеньемъ раздѣляя
Воздушность серебристыхъ облаковъ,
Онъ медленно взошелъ на колесницу
И возлѣ Демона, сіяя счастьемъ, сѣлъ.

Воздушной пѣснѣ повинуясь,
Могучія видѣнья понеслись,
Раскрывши призматическія крылья.
Неслась все дальше колесница;
Была прекрасна ночь,
И сонмы звѣздъ неисчислимыхъ
Гнѣздилися по небу голубому;
А надъ восточною волною
Улыбкой блѣдной глянулъ проблескъ утра.

Неслась все дальше колесница.
Отъ взмаха быстрыхъ легкихъ крыльевъ
Въ огнистыхъ брызгахъ таялъ воздухъ;
И гдѣ проворное круженье
Огнепылающихъ колесъ
Надъ самой гордою вершиной
Сверкало между мощныхъ горъ,
Тамъ слѣдъ струился въ видѣ молній.
Теперь воздушный очеркъ колесницы

Предѣлъ земли обширной преходя,
Летѣлъ высоко надъ скалой могучей,
Что съ Андами соперничать дерзаетъ,
Чьи глыбы хмурыя висятъ
Надъ безднами серебрянаго моря.

Внизу, вдали, вдали подъ колесницей,
Невозмутимъ, какъ сонъ ребенка,
Лежалъ свирѣпый океанъ.
И гладь широкая спокойствія его
Въ себѣ зеркально отражала
Изнемогающія звѣзды,
Огнистый слѣдъ колесъ воздушныхъ,
И блѣдно-сѣрый свѣтъ разсвѣта,
Который глянулъ въ очертаньяхъ
Рунообразныхъ облаковъ,
Лелѣющихъ зарю въ воздушной колыбели.

И чудилось, что колесница
Сквозь вогнутость огромную летѣла,
Горящую мильонами созвѣздій,
Оттѣнками неисчислимыхъ красокъ,
Включенную въ блестящій полукругъ
Изъ метеоровъ безпрерывныхъ.

И видя близко цѣль пути,
Какъ будто въ первый разъ постигли
Легко несущіяся тѣни
Всю скорость бѣга своего.
Морская даль была неразличима:
Земля внизу
Казалась тѣневой огромной сферой,
Висѣвшей въ черной впалости небесъ.
И вмѣстѣ съ нею
Шаръ солнца, чуждый облачныхъ покрововъ,
Струилъ лучи стремительнагó свѣта,
Дробя ихъ вкругъ мелькающихъ колесъ,
Объятыхъ скоростью сильнѣйшей,

И падали они, какъ тотъ налетъ
Перистой легкой пѣны океана,
Что мчится прочь отъ зыби водъ вскипѣвшихъ,
Разрѣзанныхъ ударомъ корабля.

Неслась все дальше колесница.
Далекій шаръ земной казался еле виднымъ,
Чуть брезжущимъ огнемъ въ безбрежномъ небѣ,
А вкругъ пути колесъ горящихъ
Неисчислимыя системы
Катились въ дальнихъ безднахъ міровыхъ.
За сферами безчисленныя сферы
Вокругъ себя распространяли
Свой вѣчно-перемѣнный блескъ.

То было зрѣлище достойное восторга.
Иныя сферы проплывали
Серпообразною серебряной луной,
Вися на темномъ небосводѣ;
Другія ласково свѣтились,
Какъ кроткій Весперъ, въ часъ когда
Еще пылаетъ влага моря
Блѣднѣющимъ сіяніемъ заката;
Иныя, пресѣкая ночь
Своею косвенной дорогой,
Струили полосы дрожащаго огня,
Какъ бы міры стремящіеся къ смерти;
Другія звѣздами свѣтились,
И вкругъ летящей колесницы
Сіянье всѣхъ другихъ свѣтилъ
Своимъ сіяньемъ затмѣвали.

О, Духъ Природы! здѣсь,
Въ запутанной пустынѣ міра,
Предъ чьей громадностью фантазія робѣетъ,
Здѣсь твой достойный храмъ.
Но и малѣйшій листъ, дрожащій въ вѣтрѣ,
Живетъ и движется тобой,—

Но и ничтожный червь, въ гробахъ живущій,
Живетъ твоимъ безсмертнымъ блескомъ.
О, Духъ Природы, здѣсь
Среди міровъ, какъ ты, непогасимыхъ,
Здѣсь твой достойный храмъ.

О, если одиночество тебя
Когда-нибудь случайно приводило
На берегъ нескончаемаго моря,
И ты на взморьѣ ждалъ, пока
Широкій кругъ слабѣющаго солнца
Не представлялся возлежащимъ
На огнецвѣтной грани океана,
Ты вѣрно видѣлъ ткани золотыя
Что безъ движенія висятъ
Надъ заходящей сферой:
Ты вѣрно видѣлъ волны облаковъ,
Сіяньемъ нестерпимымъ обрамленныхъ,
Которыя возносятся какъ горы,
Вздымаются какъ башни изъ агата
Надъ лучезарной глубиной:
Есть мигъ, когда надъ океаномъ,
Надъ краемъ западнымъ его,
Тончайшій край верхушки солнца
Глядитъ звѣздой, а сонмы облаковъ,
Сплетенные изъ розоваго пуха,
Горятъ какъ зачарованныя страны,
И вкругъ тѣхъ странъ сіяетъ море-небо:
Плѣненное твое воображенье
Въ тотъ мигъ туда въ восторгѣ воспаряло,
Гдѣ между всѣхъ вещей, что существуютъ,
Возносится величественный храмъ,
И въ немъ царитъ, изъ всѣхъ сильнѣйшій, Демонъ.

Но въ зрѣлищѣ величественно-пышномъ
Ни эти золотые острова,
Что зыбятся въ пурпуровомъ сіяньи,
Ни ткани тѣхъ завѣсъ перистыхъ,

Что были надъ блестящимъ ложемъ солнца,
Ни волны, тронутыя блескомъ
И ткущія подвижный полъ
Для этого небеснаго собора,
Не могутъ стать такимъ прекраснымъ дивомъ,
Какимъ является для взора
Тотъ вѣчный стройный храмъ.

Все то, что человѣческою мыслью
Отмѣчено какъ радость красоты,
Какъ высшее, что можетъ намъ присниться,
Соединилось, чтобъ создать тотъ храмъ,
И на землѣ ничто не дастъ сравненья
Съ величіемъ единственнымъ его.
Но какъ чертогъ волшебный этотъ
Похожъ на сводъ вечерняго огня!
Какъ небеса, что оперлись
На влагу волнъ, къ нимъ низко наклонившись,
Тотъ дивный храмъ распростиралъ
Свои полы изъ яркихъ вспышекъ,
Лазурный стройный свой соборъ;
И на краю той пропасти неясной,
Гдѣ высятся хрустальные оплоты
Надъ темною, надъ страшной бездной міра,
Распространяли десять тысячъ сферъ
Свой свѣтъ черезъ врата изъ брилліантовъ.

Свой путь свершила лестница;
И Демонъ вмѣстѣ съ Духомъ
Вступилъ въ тѣ вѣчныя врата.
Тѣ облака воздушно-золотыя,
Что въ искристыхъ волнахъ дремали,
Подъ голубымъ шатромъ,
Къ которому вели небесныя ступени,
Недвижны были;
Межъ тѣмъ какъ благовонные туманы
Подъ звукъ проникновеннѣйшихъ мелодій,

Медлительно скользили межь колоннъ,
Межь алтарей, горѣвшихъ перламутромъ.

Духъ вмѣстѣ съ Демономъ приблизился къ зубцамъ
Нависшей крѣпости воздушной.
Внизу вселенная виднѣлась безъ границъ.
Тамъ далеко, чертою самой крайней,
Предѣломъ для мечты воображенья,
Безъ счета, свѣтлые шары
Въ своемъ движеньи лабиринтномъ,
Осуществляли неизмѣнно
Уставъ Природы вѣчной.
Вверху, внизу, кругомъ,
Неисчислимыя системы создавали
Пустынную гармонію міровъ;
И каждая, къ своей стремяся цѣли,
Въ молчаніи краснорѣчивомъ,
Въ нѣмой обширности пространства,
Свой совершала дивный путь.—

Въ восторгѣ Духъ замедлилъ на мгновенье.
Но сферы неизмѣнно проплывали,
И въ нихъ, въ ихъ опоясанныхъ шарахъ,
Онъ странныя явленія замѣтилъ.
Живыми помѣшательствами, всюду
Въ движеньи смутномъ тѣни проходили,
Скелеты, сонмы дьявольскихъ видѣній.
Они толпились вкругъ могилъ людскихъ,
И надъ могилой каждой изсѣкали
Воспоминанья страшныя въ стихахъ,
Какіе боги злобные слагаютъ,
Въ уничтоженье чаяній людскихъ,
Когда, смѣшавшись въ гибельномъ свиданьи,
Надъ міромъ разразятся адъ и небо:
И въ мрачномъ соучастіи они
Великіе трофеи сочетали,
Орудія убійства и насилья,
Людскія кости, слитки золотые,

Съ живыхъ людей ободранныя кожи,
И башни изъ безмолвныхъ череповъ,
Чьи впадины незрячія взираютъ
На небо, что слѣпѣе этихъ впадинъ,
Короны, митры, знаки, колесницы,
Запятнанныя кровью и слезами,
И свитки непостижнаго злодѣйства,
Кровавый сводъ почтенныхъ преступленій.
Когда прошли толпы тѣней зловѣщихъ,
Явилося подобье короля,
На лбу его трикратная корона;
Его лицо невозмутимо было,
Глаза глядѣли холодно и строго;
Но въ правой онъ рукѣ держалъ монету,
Запачканную сгусткомъ красной крови,
И съ тайною усмѣшкой онъ глодалъ
Людское сердце, что держалъ подъ платьемъ;
И пестрая толпа вокругъ него
Униженно колѣни преклоняла,
Грудь обнаживши, голову склонивъ,
Рабы глядѣли лживыми глазами,
Съ правдивымъ подчиненьемъ, между тѣмъ
Какъ сфера прочь скользила, не давая
Возможности позоръ ихъ мерзкій видѣть,
Что сердце человѣка ощущаетъ,
Хотя языкъ о томъ сказать не смѣетъ.
Въ самопрезрѣньи, въ бѣшенствѣ ужасномъ,
Они произносили богохульства,
Кричали: «Проклятъ, проклятъ Демонъ Міра!»
И, въ руки взявъ оружье, ихъ вздымали
Туда, гдѣ пребываетъ чистый Духъ,
Гдѣ ясный и навѣкъ недостижимый,
На обособленной вершинѣ
Онъ высился, а далеко надъ нимъ,
Въ глубинахъ нескончаемой вселенной,
Кипѣлъ потокъ враждующихъ столѣтій,
Вверху, кругомъ,
Безперемѣнная гармонія Природы.

Земля-Эдемъ! дѣйствительность Небесъ!
Тѣ силы неустанныя, что вѣчно
Проходятъ сквозь вселенную людей,
Къ тебѣ стремятся; ты предѣлъ желаній;
Награда воли слѣпо-неуклонной,
Чьи яркіе лучи, разсѣеваясь
Сквозь безпредѣльность времени и мѣста,
Къ одной блестящей точкѣ тяготѣютъ,
И всѣ въ единой слиты навсегда:
Чистѣйшихъ духовъ свѣтлое жилище,
Куда войти не смѣютъ ни болѣзнь,
Ни скорбь, ни преступленье, ни безсилье:
Земля-Эдемъ! дѣйствительность Небесъ!

Тебя увидѣлъ геній въ страстныхъ снахъ,
И, посѣщая сердце человѣка,
Предчувствія твоихъ высокихъ чаръ
Въ него внѣдрили твердую надежду
На то, что Сила Зла не будетъ вѣчно
Надъ этимъ міромъ, полнымъ красоты,
Распространять войну и бичъ заразы,
И что его послушные рабы,
Взамѣнъ молитвъ произнося проклятья
И расточая кровь людей какъ жертву,
Не будутъ больше вѣчно преклоняться
Предъ мерзостнымъ святилищемъ его,
И что Эребъ, съ своей бѣсовской шайкой,
Не встанетъ, полный зависти и мщенья,
Чтобъ раздавить безстрашныхъ и благихъ,
Которые дерзаютъ бросить вызовъ
Къ его престолу,—пусть онъ опоясанъ
Всевластьемъ Смерти. Власть его ты видѣлъ
Надъ настоящимъ, какъ и надъ прошедшимъ:
Печальная картина! Посмотри же
На будущее, гдѣ владѣю я.
Сѣдой гигантъ, задумчивое Время,

Раскрой захватистыя крылья,
Въ тѣни которыхъ дышетъ мракъ,
Отдай своихъ дѣтей, лишь вполовину
Погубленныхъ; и съ вѣчныхъ колыбелей,
Гдѣ сонмы спятъ тѣмъ сномъ, что имъ назначенъ,
Подъ ропотъ преходящаго,—сорви
Могильный саванъ!—Духъ, ты видишь,
Вотъ твой блистательный удѣлъ.

И Духъ, взглянувъ, увидѣлъ строй обширный
Сіянье пересозданнаго міра,
Межъ Хаоса одѣтый солнцемъ островъ,
И, подчиняясь чувству упованья,
Воздушная живая ткань его
Измѣнчивостью красокъ засвѣтилась,
Какъ лѣтній вечеръ свѣтится на зыби
Пловучихъ тучъ и стынущихъ озеръ.
И какъ порой вечерній легкій вѣтеръ,
Чуть пробуждая рябь на спящемъ морѣ,
Едва вздохнувъ, сейчасъ же умираетъ,
Вздыхаетъ вновь, и умолкаетъ снова,
Такъ было нѣжно въ немъ теченье мысли,
Которое съ движеньемъ прихотливымъ
Влилось въ волну людскихъ сочувствій Духа.
Потокъ могучей мысли, истекавшій
Отъ Демона, тѣмъ временемъ замедлилъ,
Теперь же вновь, какъ мощный Океанъ,
Открылъ свое безбрежное теченье.—

Всѣ дива человѣческаго міра
Мнѣ отдано хранить—пространство, время,
Матерію, и умъ—зажги ихъ видомъ
Надежду потемнѣвшую твою.

Во всемъ веселый праздникъ возрожденья.
Все, что живетъ, горитъ однимъ огнемъ,
Огнемъ любви, лучомъ согласованья;
Земля своею грудью материнской

Питаетъ миріады, и они
Ее за всѣ заботы награждаютъ
Восторгомъ совершенства своего;
Дыханія вѣтровъ благоуханныхъ
Распространяютъ всюду ароматъ;
Здоровьемъ нѣжно дышетъ атмосфера,
Оно въ плодахъ горитъ, въ лучахъ сіяетъ;
Мятежность бурь не безобразитъ больше
Чело невозмутимое небесъ,
И не срываетъ трепетныхъ и свѣжихъ
Листовъ съ деревьевъ, навсегда зеленыхъ;
Цвѣты цвѣтутъ, плоды ростутъ и зрѣютъ,
И осень красотой матроны блещетъ,
Весну румянцемъ нѣжнымъ зажигая,
Чья дѣвственность подъ красными плодами
Хранитъ оттѣнки вкрадчивой любви.

Земля сіяетъ счастіемъ и жизнью,
Обширныя морозныя пустыни,
Что вѣчнымъ дуновеньемъ снѣжныхъ бурь
Вкругъ полюсовъ замкнуты были въ цѣпи,
Окованы великой тишиной,
Пустыни, гдѣ матерія не смѣла
Ни жить, ни расцвѣтать, теперь свободны;
Дыханіе душистыхъ вѣтерковъ,
Отъ острововъ стремяся благовонныхъ,
Чуть зыбитъ океанъ, глубоко-мирный,
И на песокъ прибрежный отъ него
Широкія свѣтло доходятъ волны,
Ихъ рокотъ гармоничной перекличкой
Доносится до свѣжей тѣни рощъ,
И шлетъ привѣтъ природѣ человѣка.

Обширныя сожженныя пустыни
Исполнены теперь живымъ журчаньемъ
Безчисленныхъ ручьевъ, лѣсною тѣнью,
Отрадой пастбищъ, нивъ, и бѣлыхъ хижинъ;
И гдѣ пустыня слышала съ испугомъ,

Какъ дикій хищникъ, родственною кровью
Себя пятная, пѣлъ свои побѣды,
Или не столь жестокая змѣя
Ломала кости хрупкой антилопы,
Въ объятіяхъ—своихъ желѣзныхъ звеньевъ,—
Росистыя сіяютъ тамъ лужайки,
Разсвѣту солнца шлютъ свои куренья,
И смотрятъ, улыбаясь,—какъ ребенокъ,
Предъ дверью, у которой мать сидитъ,
Охотно дѣлитъ утренній свой завтракъ
Съ зеленымъ золотистымъ василискомъ,
Пришедшимъ кротко лечь къ его ногамъ.

И тѣ неизслѣдимыя глубины,
Гдѣ столько разъ усталый парусъ видѣлъ,
Какъ день встаетъ за ночью, ночь за днемъ,
А нѣтъ и нѣтъ земли на дальнемъ морѣ,
И только слышенъ дикій ревъ зыбей,
И только вѣтеръ ноетъ съ горькимъ плачемъ,
Да чайки надрываются надъ моремъ,
Да шумъ грозы, и крикъ морскихъ чудовищъ,
Теперь они отвѣтствуютъ душѣ
Плѣнительностью звуковъ многослитныхъ.

Въ пустынномъ этомъ царствѣ, ожерельемъ,
Цвѣтущіе сіяютъ острова,
Межъ нихъ блистаетъ море, дышутъ тучки,
Пестрѣютъ плодородныя долины,
Надъ влагой волнъ лѣса встаютъ какъ своды,
И волны, добѣжавъ до береговъ,
Съ улыбкою на нихъ цвѣты цѣлуютъ.

Всѣхъ больше измѣнился человѣкъ,
Ростетъ въ немъ постепенно возрожденье,
И каждое движеніе его
Въ умѣ свой слѣдъ блестящій оставляетъ.
Тамъ гдѣ въ глубокой тьмѣ полярной ночи
Мертва оледенѣлая земля,

И только стебли той травы безстрашной,
Что не боится жгучаго мороза,
Подъ безучастной грѣются луной,
Тамъ человѣкъ былъ сморщенъ, какъ растенья,
И теменъ былъ, какъ ночь; въ немъ кровь застыла;
И тамъ гдѣ въ зноѣ тропиковъ пространство
Пересѣкалось въ голубыхъ туманахъ
Широкой полосой огня и тучъ,
И гдѣ чума въ недвижной атмосферѣ
Посѣяла незримо сѣмена,
Взростивши неестественные стебли,
Тамъ гдѣ земля недугами кишѣла,
Землетрясеньемъ, зноемъ, и грозой,
Былъ человѣкъ не болѣе прекраснымъ;
Невольничествомъ былъ онъ пригнетенъ
До праха, гдѣ горѣли капли крови.

И даже тамъ гдѣ былъ нѣжнѣе воздухъ,
И человѣкъ убѣжище имѣлъ,
Зараза также тамъ распространялась,
Его существованье оскверняя
Неисчислимымъ полчищемъ невзгодъ,
И жгла его огнемъ непогасимымъ;
И возрастанье той заразы грозной
Вплоть до часовъ послѣднихъ даже правда
Была не въ силахъ задержать, и мира
Въ душѣ не поселяла, до тѣхъ поръ
Пока впервые, въ торжествѣ безкровномъ,
Она свой снѣжный стягъ не подняла
Надъ той страной, обласканной природой:
Какъ долго былъ тамъ жалкій человѣкъ
Лишь прихвостнемъ рабовъ, каррикатурой
На низость окружавшую его,
Шакаломъ передъ львомъ честолюбивымъ,
Пищейкой фанатическихъ святошъ.

Людское существо, умомъ и тѣломъ,
Теперь лишь краситъ ласковую землю,

Онъ съ самаго рожденья осѣненъ
Воздушностью желаній гармоничныхъ,
Что въ сердцѣ благородномъ у него
Лишь будятъ страсти добрыя отнынѣ.
Отъ чаянья онъ къ чаянью идетъ,
Сокровища несчетныя сбираетъ,
Которыя для разума благого
Толпой неисчислимою ростутъ,
И мысли, возникая безконечно,
И время для него уничтожая,
Въ его живой душѣ рождаютъ вѣчность,
Которая смѣется надъ безсильемъ
Сѣдыхъ столѣтій: прежде человѣкъ
Въ картинѣ зыбкой былъ видѣньемъ бѣглымъ,
Что памяти, пройдя, не оставлялъ,
Теперь же на землѣ онъ сталъ безсмертенъ:
Не убиваетъ больше онъ животныхъ,
Играющихъ вокругъ его жилища,
Не пожираетъ труповъ искаженныхъ,
Не пьетъ живую кровь существъ невинныхъ,
Которая отравными струями
Въ его тревожныхъ жилахъ пробѣгала,
Снѣдая тѣло хрупкое его
Незримою, но вѣрною чумою,
И зажигая въ разумѣ людскомъ
Всѣ помыслы гнилые, грязь желаній,
Дурныя страсти, тщетныя мечты,
Отчаяніе, злобу, отвращенье,
Зародыши недуговъ, преступленій,
И самой смерти. Рой существъ крылатыхъ,
Что въ пѣсняхъ жизнь свою въ лѣсахъ проводятъ,
Отъ формы человѣка не бѣжитъ,
Но радостными крыльями блистаетъ,
И на руки дѣтей садится малыхъ,
Которыя ласкаютъ этихъ смѣлыхъ
Товарищей ихъ кроткихъ дѣтскихъ игръ.
Да, существа не знаютъ больше страха:
Утратилъ человѣкъ свое отличье,

Которымъ всѣхъ пугалъ, и межъ существъ
Онъ равный между равныхъ; надъ землею,
Хоть поздно, свѣтитъ счастіе и знанье;
Покой у всѣхъ въ душѣ, здоровье въ тѣлѣ;
Не слито наслажденіе съ болѣзнью,
И болѣе не спорятъ умъ и страсть;
Благія силы, каждая, свободно
Свое вліянье всюду простираютъ,
И правятъ этимъ царствомъ безграничнымъ.

И неизбѣжность медленная смерти
Спокойной стала: духъ въ ея объятьяхъ
Безъ стона, безъ страданья погасаетъ,
Почти безъ страха: такъ спокойный путникъ
Въ невѣдомый идетъ и дивный край,
Исполненный надеждъ и изумленья.
Смертельные зародыши болѣзней
Исчезли изъ людского существа,
И лучшія даянія Природа
Даруетъ почитателямъ своимъ.
Какъ мощенъ сталъ теперь преклонный возрастъ,
Съ величественнымъ обликомъ атлета,
Съ открытымъ и несморщеннымъ челомъ,
Гдѣ ни одинъ изъ тѣхъ пороковъ низкихъ,
Какъ хитрость, гордость, алчность и забота,
Свою печать сѣдого безобразья
Не наложили на скрещенье линій,
Оставленныхъ теченьемъ долгихъ лѣтъ!
Какъ ласковъ сталъ безстрашный обликъ юныхъ!
Какъ нѣженъ взоръ невозмутимый дѣтства!

Въ запущенныхъ дворахъ массивныхъ тюремъ
Играетъ шумный рой дѣтей румяныхъ,
Сплетая разноцвѣтные вѣнки,
Желтофіоль стѣнной и плющъ зеленый,
И надѣваютъ ихъ, какъ бы въ насмѣшку
Надъ безполезнымъ сумракомъ тюрьмы;
Тяжелыя оковы и запоры
Заржавѣли межъ глыбъ нѣмыхъ развалинъ,

И медленно сливаются съ землею,
Родившей ихъ: и солнца лучъ широкій,
Едва свѣтившій ранѣе на щеки
Худого истомленнаго плѣненья,
Болѣзненнымъ мерцаніемъ, теперь
Блистаетъ вольно въ радостныхъ улыбкахъ
Безхитростной младенческой игры;
И хриплое отчаяніе больше,
Подъ сводами рождающими эхо,
Чудовищныхъ не испускаетъ воплей,
Но слышенъ умилительный тамъ лепетъ
Воздушныхъ вѣтерковъ среди плюща,
И пѣнье птицъ, и возгласы веселья.

Тѣ капища, гдѣ Ложь и Страхъ царили,
Не слышатъ больше голоса, который,
Подъ сводами гремя, сзывалъ толпу
На пажити войны: теперь въ нихъ слышенъ
Лишь похоронный гимнъ вѣтровъ печальныхъ:
Угрюмая и грозная картина—
Обширное роскошное созданье,
Воздвигнутое рабствомъ суевѣрнымъ,
На гибель осужденное судьбой!
Сегодня сонмы плакальщиковъ мрачныхъ
Великолѣпье смерти созидаютъ,
И дышетъ мраморъ, памяти хранитель,
И всѣ объ этомъ только говорятъ:
А завтра въ мракѣ, въ сумрачномъ молчаньи,
Добыча предоставлена червямъ.
И вскорѣ отъ развалинъ этихъ мрачныхъ
Ни одного нѣтъ камня на землѣ:
Ихъ составныя части разлетѣлись,
И въ лучшихъ сочетаніяхъ слились,
Чтобы служить безгрѣшнымъ побужденьямъ:
Достигло все людское совершенства,
И, какъ ребенокъ въ ласкѣ материнской,
Земля достигла силы, превосходства,
И что ни годъ, все лучше, все нѣжнѣй.

Теперь завѣсы сумрачныя крыльевъ
Распространяетъ Время надъ картиной,
И снова мракъ, и все, что ты увидѣлъ,
Предъ взоромъ очарованнымъ блѣднѣетъ.
Моя задача кончена: ты знаешь,
Что долженъ знать. Всѣ чудеса земли
Теперь твои, съ ихъ страхомъ, съ ихъ надеждой.
Моимъ очарованіямъ конецъ.
И то, что есть, опять вступаетъ въ силу.
О, горе, есть еще такая глушь,
Которую необходимо будетъ
Преобразить сознаньемъ человѣка!

Но, Духъ людской, иди впередъ безстрашно,
И, повинуясь доблести, упорно
За шагомъ шагъ свершай свой вѣрный путь,
Ведущій къ благодатнымъ перемѣнамъ.
Запомни, что рожденіе, и жизнь,
И смерть, и состояніе, въ которомъ
Душа еще очагъ свой не нашла,
Стремятся всѣ къ великому блаженству,
И всѣ влекутъ своимъ путемъ колеса,
Чьи спицы лучезарныя горятъ,
Исполненныя жизни безконечной,
И быстро такъ мѣняются затѣмъ,
Чтобы достичь назначенной имъ цѣли:
Рожденье пробуждаетъ умъ всемірный,
Чьи мощныя теченія иначе
Безмолвно бы скользили во вселенной,
Въ сознаньи личномъ будитъ ощущенье
Тѣхъ внѣшнихъ зрѣлищъ, чей нежданный видъ
Его ласкаетъ новизною страсти;
Жизнь—дѣйствіе, и какъ бы складъ событій,
Которыя вселенную пестрятъ;
Смерть—мрачныя врата, чей входъ угрюмый
Ведетъ въ просторъ, къ лазурнымъ островамъ,
Къ счастливымъ странамъ вѣчныхъ упованій.
И потому, о, Духъ, иди безстрашно;

И пусть сломаютъ бури первоцвѣтъ,
И пусть морозъ листки его изранитъ,
Дыханіе весны, будящей радость,
Обниметъ землю, лаской животворной,
Чтобы кормить нѣжнѣйшею росою
Ея цвѣты, которые цвѣтутъ
На мшистыхъ берегахъ, тѣнистыхъ долахъ,
Въ лѣсахъ зеленыхъ,—всѣ ихъ веселя
Своей весенней солнечной улыбкой.

Не бойся, Духъ, губящей длани смерти,
Желанной въ часъ, когда тиранъ не спитъ,
Когда ханжи зажгли свой адскій факелъ;
Она лишь странный мигъ дороги темной,
Видѣнье поразительнаго сна.
Смерть—для добра не врагъ: земля видала,
Что розы наилучшія любви
Не разъ на эшафотѣ расцвѣтали,
Сіяя между лаврами свободы
И предвѣщая рай для бытія.
Въ тебѣ, скажи, не дышутъ-ли надежды,
Которыя такъ ярко подтвердились
Видѣньемъ постепенныхъ совершенствъ,—
Надежды, что не тщетно ты, а также
Свѣтильники ума такіе жъ точно
Блестящіе и чистые, какъ ты,
Бросали свѣтъ на путь людей,—вернись же,
Прекрасный Духъ, въ тотъ міръ, гдѣ долженъ ты
Вести непримиримую войну
Съ обманомъ и съ позорной тиранніей,
Навѣкъ изъ человѣческаго сердца
Исторгнуть сѣмена жестокихъ бѣдъ.
Твоя рука да умягчитъ съ любовью
Терновую подушку преступленья,
И да проститъ безсиліе его,
Склонясь надъ заблужденьями такими,
Какъ надъ больнымъ, томящимся въ бреду:
А если преступленье не несчастно,

Въ союзѣ съ властью властвуетъ надъ міромъ,
Твое лицо своимъ спокойнымъ видомъ
Да вызоветъ его на бой, на схватку,
Со всей свирѣпой волею его.
Ты искрененъ и добръ; ты полонъ страсти,
Возвышенной, ничѣмъ не покоренной,
Рѣшимости исполненъ, и свободенъ
Отъ посягательствъ жесткихъ и сухихъ
Обычая. Ни низость, ни надменность
Земли тебя не могутъ побѣдить,
И потому ты милости достоинъ,
Которую сейчасъ ты получилъ;
Тебѣ охраной будетъ добродѣтель
На томъ пути, которымъ ты идешь,
И много дней надежды лучезарной
Благословятъ возвышенную жизнь
Священною и нѣжною любовью.
Иди съ блаженствомъ, и обрадуй сердце,
Что, неусыпное, слѣдитъ,
Чтобы найти въ твоей улыбкѣ
И жизнь, и утро, и восторгъ.

Могучій Демонъ слугъ своихъ воздушныхъ
Позвалъ, и Духъ, безмолвный отъ блаженства,
Взошелъ на колесницу, что качалась
Передъ дворцомъ, близь стѣнъ его хрустальныхъ,—
И въ знакъ своей признательности нѣжной
Онъ опустилъ блестящіе глаза.
И блескъ пылающихъ колесъ
Опять помчался вдоль по небу,
По невозбранной крутизнѣ.
Огромные блестящіе шары,
Что катятся вкругъ Вѣчнаго Чертога,
Все меньше, все туманнѣй становились,
И вскорѣ стали какъ мерцанье
Далекихъ тѣхъ планетныхъ сферъ,
Что служатъ побѣдительному солнцу,
И слѣдуютъ по узкому пути

Въ своемъ сіяніи заемномъ.
Уже внизу земля виднѣлась:
Остановилась колесница,
И Духъ сошелъ:
И тѣни съ быстрыми крылами,
Бросая чуждую имъ землю,
Какъ мысли, понеслись къ сіянію Небесъ.

Душа и Тѣло вновь соединились,
И обликъ Іанте нѣжно вздрогнулъ:
Раскрылись вѣки съ тонкой сѣтью жилокъ;
Но сферы темносиія пока
Недвижны оставались, и глядѣла
Она вокругъ съ глубокимъ изумленьемъ,
Безмолвно на колѣняхъ передъ ней
Слѣдилъ за сномъ ея влюбленный Генри,
И несказанная любовь
Горѣла у него во взорахъ,
И въ окна, скованныя мглой,
Смотрѣли искристыя звѣзды.

1815.

АЛАСТОРЪ, или

ДУХЪ УЕДИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поэма, озаглавленная «Аласторъ», можетъ быть разсматриваема, какъ иносказательное описаніе одного изъ наиболѣе интересныхъ состояній человѣческаго ума. Въ ней представленъ юноша, отличающійся чистотой чувствъ и предпріимчивостью генія. Пылкая фантазія, облагороженная тѣснымъ общеніемъ со всѣмъ, что̀ есть величественнаго и возвышеннаго, увлекаетъ его къ созерцанію вселенной. Жадными устами онъ прильнулъ къ источнику знанія, но все еще не насытился. Величіе и красота внѣшняго міра глубоко запали въ его душу, сообщивъ всѣмъ его представленіямъ неистощимое разнообразіе. До тѣхъ поръ пока онъ всецѣло исполненъ стремленія къ безконечному и неизмѣримому, онъ радостенъ, спокоенъ, и полонъ самообладанія. Но приходитъ время, когда такіе предметы не могутъ уже доставлять ему удовлетворенія. Духъ его наконецъ внезапно пробужденъ и жаждетъ общенія съ родственнымъ ему существомъ. Онъ создаетъ въ своей фантазіи Видѣніе, къ которому устремляется его любовь. Близко освоившись съ представленіями самыхъ благородныхъ, самыхъ совершенныхъ натуръ, онъ влагаетъ въ это завѣтное видѣніе все чудесное, все мудрое, все прекрасное, что только можетъ нарисовать воображеніе поэта, философа и любящаго человѣка. Логическій умъ, фантазія, влеченія чувства, взывая о симпатіи, обращаются къ отдѣльнымъ соотвѣтствующимъ отправленіямъ другихъ людей. Поэтъ представленъ, какъ существо, соединяющее воедино всѣ эти стремленія, сливающее ихъ въ одинъ цѣльный образъ. Напрасно ищетъ онъ прообраза своего представленія. Разбитый, разочарованный, онъ сходитъ преждевременно въ могилу.

Эта картина не можетъ не включать въ себѣ предостереженія для представителей современной дѣйствительности. Самоуединеніе Поэта было отомщено фуріями непобѣдимой страсти, которая привела его къ быстрой погибели. Но та же Власть, которая быстро гаситъ свѣтильники міра, давая имъ внезапное и слишкомъ ясное пониманіе всего ея могущества, караетъ медленнымъ и ядовитымъ угасаніемъ низменныя души, осмѣливающіяся отвергать ея владычество. Ихъ участь настолько же отвратительнѣе и безславнѣе, насколько ихъ преступность презрѣннѣе и вреднѣе. Есть люди: они никогда не были обмануты никакой великодушною ошибкой, ихъ не снѣдала священная жажда недостовѣрныхъ знаній, не были они обольщены благороднымъ суевѣріемъ, они не любятъ ничего на землѣ и не лелѣютъ надеждъ на внѣземное, они остаются чуждыми всѣмъ влеченіямъ существъ имъ родныхъ, не радуются человѣческой радостью, не скорбятъ человѣческой скорбью; эти и подобные имъ несутъ достодолжную кару. Они томятся, ибо съ ними не чувствуетъ никто. Они духовно мертвы. Кто они? Не друзья, не любовники, не отцы, не граждане міра, не благодѣтели своей страны. Среди людей, пытающихся жить безъ человѣческихъ симпатій, гибнетъ чистое, нѣжное сердце, когда, въ страстной жаждѣ сочувствія, оно внезапно пойметъ свое изолированное положеніе. Всѣ тѣ, что остаются слѣпы, себялюбивы, безсердечны, создаютъ, своимъ безсмысленнымъ множествомъ, постоянное горе, создаютъ одиночество, любовь къ уединенію. Тѣ, которые не любятъ своихъ ближнихъ, живутъ жизнью безплодной и уготовляютъ для своей старости безславную могилу.

Въ безвременной покоятся могилѣ
Всѣ добрые, достойные вѣнца;
А тѣ, чье сердце суше лѣтней пыли,
Свѣтильникъ свой сжигаютъ до конца.

(Wordsworth's Excursion).

14 декабря, 1815.

Nondum amabam, et amare amabam, quaerebam quid amarem, amans amare.
Confess. St. August.

Я еще не любилъ, но любилъ любовь, и люби любовь искалъ, что̀ бы полюбить.
Исповѣдь Св. Августина.

О, братья, воздухъ, океанъ, земля!
Одной великой Матери мы дѣти,
Которая мнѣ душу напитала
Свободнымъ благочестіемъ любви,
Соединившей насъ единой связью.
Всегда во мнѣ волненье возбуждали—
Разсвѣтъ росистый, полдень ароматный,
И вечеръ съ потухающей зарею,
Съ нарядной свитой тучекъ золотыхъ,
И полночи торжественной молчанье,
Такъ много говорящее уму;
Глухіе вздохи осени въ лѣсу,
Среди листовъ увядшихъ и опавшихъ;
И зимній блескъ сѣдыхъ засохшихъ травъ
Въ одеждахъ незапятнанныхъ изъ снѣга,
Въ коронахъ изъ сверкающаго льда;
И первое біенье сладострастья
Весны, объятой нѣгою любви.
О, если правда все, что̀ говорю я,
И если правда то, что никогда
Я не вредилъ сознательно—ни мошкѣ,
Ни кроткому звѣрьку, ни птичкѣ нѣжной,
Но, какъ родныхъ. любилъ ихъ и ласкалъ,
Тогда молю, простите мнѣ, о, братья,
Моихъ признаній гордую правдивость
И будьте благосклонны, какъ всегда!

Молю тебя, о, вѣчная Праматерь,
Кѣмъ порожденъ весь міръ непостижимый,
Будь благосклонна къ гимну моему;
Тебя всегда любилъ я неизмѣнно,
Тебя одну: я тѣнь твою слѣдилъ,
Твои шаги я прозрѣвалъ во мракѣ
И сердцемъ устремлялся въ глубину
Твоихъ глубокихъ тайнъ. Моимъ жилищемъ
Былъ мрачный склепъ, я спалъ среди гробовъ,
Гдѣ смерть рукой костлявой сводитъ счеты
Трофеямъ, взятымъ ею у тебя;
Я думалъ утишить свою пытливость,
Я ждалъ, чтобъ духъ блуждающій, твой вѣстникъ,
Разоблачилъ мнѣ тайну бытія.
Въ часы уединенныхъ размышленій,
Когда, какъ чаровница, шепчетъ ночь
На языкѣ безмолвія невнятномъ,
Я волновался жгучимъ вдохновеньемъ,—
И какъ алхимикъ, въ смутномъ упованьи,
Лелѣя мысль, готовъ утратить все,—
Такъ, движимый неясною надеждой,
Я устремлялъ внимательные взоры,
И заклинанья страшныя шепталъ,
И весь горѣлъ невинною любовью,
И чудныхъ слезъ родникъ въ моей душѣ,
Сливаясь съ этой страстью неземною,
Звучалъ мольбой магически-волшебной
И заклиналъ чарующую ночь
Довѣрить мнѣ твои святыя тайны.
Хотя передо мной ты никогда
До сей поры еще не открывала
Святилищъ сокровенныхъ, но ты ночью
Мнѣ посылала сны, а въ полдень—думы,
И въ сумерки—туманныя видѣнья,
Они свѣтили мнѣ, и я теперь,
Подобно старой арфѣ, позабытой
Подъ сводами заброшеннаго храма,
Гдѣ прежде обиталъ безвѣстный богъ,—

Жду твоего дыханія, Праматерь,
Чтобъ сердца моего живыя струны
Послушно воспріяли отъ тебя
Немолчный гулъ лѣсовъ, и ропотъ моря,
И голоса твоихъ живыхъ существъ,
И звучное движенье сферъ воздушныхъ,
И дня, и ночи гимнъ соединенный,
И вздохи человѣческихъ сердецъ.

Былъ нѣкогда Поэтъ, который умеръ
Безвременно, и изъ людей никто
Съ любовью не воздвигнулъ холмъ могильный
Надъ прахомъ охладѣвшимъ, только вѣтеръ,
Какъ будто очарованный, промчался
Надъ дикою безлюдною пустыней
И мертвые осенніе листы
Нагромоздилъ, какъ холмъ пирамидальный:—
То былъ прекрасный юноша, достойный
Любви горячей, но ничья слеза
Надъ нимъ не пролилась,—близь одинокой
Могилы, гдѣ заснулъ онъ вѣчнымъ сномъ,
Ни траурныхъ цвѣтовъ, ни кипариса
Не посадила женская рука:—
Ни одного изъ странствующихъ бардовъ
Его безвѣстный рокъ не побудилъ
Почтить страдальца вздохомъ мелодичнымъ:
Великодушный, смѣлый, благородный,
Онъ умеръ въ одиночествѣ, какъ жилъ.
Мелодія его могучихъ пѣсенъ
У чужеземцевъ слезы вызывала;
Какъ странникъ неизвѣстный, онъ блуждалъ,
Къ себѣ вниманье всюду привлекая;
Безумно-восхищеннымъ свѣтлымъ взоромъ
Будилъ онъ страсть въ дѣвическихъ сердцахъ,
И мрачное Безмолвіе, плѣнившись
Волшебнымъ пѣснопѣньемъ, заключило
Его въ свою суровую тюрьму.

Видѣнья величавыя, и думы,
И чары серебристыхъ сновидѣній
Питали духъ его отъ дѣтскихъ дней.
И самый слабый вздохъ земли пространной,
И самый тихій звукъ воздушныхъ сферъ
Въ его душѣ будили нѣжный откликъ.
Онъ отыскалъ божественный родникъ
Высокихъ философскихъ размышленій
И жадно пилъ, припавъ къ его струямъ.
Онъ зналъ о всемъ великомъ и прекрасномъ,
О чемъ гласятъ легенды дней былыхъ.
Когда же юность ранняя умчалась,
Холодный свой очагъ покинулъ онъ,
Простился навсегда съ родимымъ краемъ,
Чтобъ въ чуждыхъ странахъ истину искать.
Среди пустынь, среди лѣсовъ безлюдныхъ
Себѣ онъ путь безстрашно пролагалъ;
Плѣненные его глубокимъ взглядомъ
И нѣжный голосъ слушая, давали
Ему пріютъ и пищу дикари.
По ступенямъ невѣдомымъ, незримымъ
Онъ въ тайники природы проникалъ,
Какъ тѣнь ея слѣдилъ за ней повсюду.
Гдѣ бурный огнедышащій вулканъ
Свои равнины снѣжно-ледяныя
Окутываетъ пламенемъ и дымомъ;
Гдѣ горныя озера изъ смолы
Своей волной лѣнивой вѣчно бьются
Объ острый берегъ дикихъ островковъ;
Гдѣ мрачныя, суровыя пещеры,
Вкругъ родниковъ изъ яда и огня,
Восходятъ лабиринтомъ, недоступнымъ
Ни жадности, ни гордости людской,
И образуютъ звѣздные соборы
Въ сіяніи алмазно-золотомъ,
И безъ конца повсюду простираютъ
Несчетные роскошные чертоги,
Гдѣ высятся хрустальныя колонны,

И жемчугъ блескомъ матовымъ горитъ,
И хризолитъ сверкаетъ лучезарный.

Но созерцанье пышной красоты,
Измѣнчивыхъ картинъ земли и неба
Въ немъ не убило нѣжнаго желанья
Любить, и восхищаться, и мечтать;
Среди долинъ и горъ уединенныхъ
Подолгу медлилъ онъ, въ глуши лѣсной
Безкровной пищей братски онъ дѣлился
Съ проворной бѣлкой, жительницей чащи,
Его невиннымъ видомъ прирученной,—
И дикая, пугливая газель,
Дрожащая при шорохѣ малѣйшемъ,
Бѣгущая отъ шелеста травы,
Свои шаги невольно замедляла.
Увидя образъ болѣе прелестный,
Чѣмъ собственная грація ея.

По прихоти своихъ высокихъ мыслей,
Безъ устали онъ шелъ и шелъ впередъ;
Онъ посѣтилъ священныя руины
Временъ сѣдыхъ: Аѳины, Тиръ и Бальбекъ,
Пустыню, гдѣ стоялъ Іерусалимъ,
Разрушенныя башни Вавилона,
Безсмертныя нѣмыя пирамиды,
И дремлющія Ѳивы, и Мемѳисъ;
Скульптурныя онъ видѣлъ изваянья
На странныхъ обелискахъ, на гробницахъ
Изъ яшмовыхъ узорчатыхъ камней,
И сфинксовъ непонятныхъ и прекрасныхъ,
Что въ мрачной Эфіопіи сокрыты,
Среди ея безжизненныхъ холмовъ.
И здѣсь среди руинъ забытыхъ храмовъ,
Гдѣ межъ колоннъ видны изображенья
Существъ нечеловѣчески-прекрасныхъ,
Гдѣ мраморные демоны хранятъ
Мистическую тайну Зодіака,

И на стѣнахъ нѣмыхъ запечатлѣлись
Нѣмыя мысли тѣхъ, кого ужь нѣтъ,
Кто говоритъ сквозь тьму тысячелѣтій,—
Здѣсь медлилъ онъ, пытливо созерцая
Обломки дней былыхъ, тѣхъ дней, когда
Былъ молодъ міръ. И цѣлыми часами,
Межь тѣмъ какъ въ небѣ свѣтъ горѣлъ и гасъ,
На образы безмолвные глядѣлъ онъ;
Когда же блѣднолицая луна
Чертоги сонныхъ храмовъ наполняла
Плывущимъ роемъ трепетныхъ тѣней,
Онъ продолжалъ свой трудъ невозмутимо
И все глядѣлъ—глядѣлъ, до той поры
Пока значенье символовъ неясныхъ
Не вспыхивало искрой свѣтоносной
Во тьмѣ его пытливаго ума,—
И въ этотъ краткій мигъ проникновенья
Онъ понималъ весь смыслъ, весь скрытый ужасъ
Рожденія временъ.

А между тѣмъ
Ему Аравитянка молодая
Носила изъ отцовскаго шатра
Свою дневную долю скромной пищи
И разстилала бѣдную цыновку,
Чтобъ могъ онъ отдохнуть ночной порой,
И забывала о своихъ работахъ,
И забывала о своемъ досугѣ,
Слѣдя за нимъ тревожною душою:—
Влюбленная, она была стыдлива
И говорить не смѣла о любви:—
Безсонная, она во тьмѣ внимала
Спокойному дыханію его
И видѣла, что сны его безгрѣшны:—
Потомъ, когда румянилося утро,
И блѣдный ликъ луны сильнѣй блѣднѣлъ,
Дрожащая, безумная, больная,
Въ холодный домъ свой шла она, скорбя.

Поэтъ въ скитаньяхъ долгихъ миновалъ
Аравію и Персію, и земли
Пустыни Карманійской, и мѣста,
Гдѣ Индъ и Оксъ изъ ледяныхъ пещеръ
Возносятъ ввысь воздушныя вершины;
Онъ радостно и бодро шелъ впередъ
И наконецъ въ долинѣ Кашемира
Въ одномъ изъ уголковъ уединенныхъ,
Гдѣ, свѣсившись надъ впалою скалой,
Ползучія душистыя растенья,
Сплетясь, образовали колыбель,
У звонкаго ручья, на мягкомъ ложѣ
Онъ членамъ утомленнымъ далъ покой.
И сонъ его видѣнье посѣтило,
Предчувствіе плѣнительныхъ надеждъ,
Его еще ни разу не ласкавшихъ.
Привидѣлась красавица ему,
Покрытая туманнымъ одѣяньемъ.
И вотъ она съ нимъ повела бесѣду,
Торжественно и тихо. И, казалось,
Что говорила голосомъ ея
Его душа—въ спокойствіи безмолвномъ
Глубокихъ мыслей; мѣрнымъ ритмомъ словъ
Онъ убаюканъ былъ, онъ слышалъ звуки
Журчанія ручья, роптанья вѣтра,—
И чувства сокровенныя его
Какъ будто бы незримо сочетались
Съ какою-то воздушной свѣтлой тканью,
Мѣнявшей каждый мигъ свои цвѣта.
Объ истинѣ она съ нимъ говорила.
О доблести, о знаньи, о мечтахъ
Поэзіи святой, и о свободѣ,
Которая была ему дороже
Всего на свѣтѣ. Вскорѣ духъ ея.
Исполненный торжественности вѣщей,
Огнемъ проникновеннымъ загорѣлся.
И голосомъ рыдающимъ она
Произнесла загадочныя числа,

И легкими перстами ударяя
По стонущимъ сверкающимъ струнамъ
Какой-то странной арфы, извлекала
Пѣвучихъ странныхъ звуковъ сочетанье.
И видно было, какъ на бѣлизнѣ
Прозрачныхъ рукъ, въ ея вѣтвистыхъ венахъ,
Краснорѣчиво кровь переливалась,
Движеньями своими говоря
О чемъ-то несказанномъ. Было внятно
Въ безмолвной тишинѣ минутныхъ паузъ
Біеніе ея живого сердца;
Но вновь звучалъ стремительный аккордъ,
И вновь, съ дыханьемъ бурнымъ сочетаясь,
Лились потоки прерванныхъ напѣвовъ.
Вдругъ быстро поднялась она, какъ будто
Ея душа въ конецъ изнемогла,
Снѣдаемая жгучимъ нетерпѣньемъ.
Онъ обратился къ ней, и увидалъ,
Что вся она жила и вся дышала
Въ своемъ полувоздушномъ одѣяньи;
Онъ увидалъ раскинутыя руки,
Сверкавшія прекрасной наготою,
Тяжелую волну ея волосъ,
Ласкаемыхъ живымъ дыханьемъ ночи,
Чарующихъ очей лучистый взоръ,
И, полныя желанія и страсти,
Ея полураскрытыя уста.
И дрогнулъ онъ, охваченный любовью.
Сдержавъ свое дыханье, онъ простеръ
Къ ея груди трепещущія руки,
На мигъ она отпрянула назадъ,
Потомъ, отдавшись бѣшеному чувству,
Съ безумнымъ воплемъ кинулась къ нему,
И съ нимъ слилась въ объятьи нераздѣльномъ.
Его глаза окуталъ мертвый мракъ,
Во тьмѣ ночной видѣнье потонуло,
И тяжкій сонъ,—какъ черная рѣка,
Прервавшая на мигъ свое движенье,—

Надъ мозгомъ опустѣвшимъ вновь открылъ
Теченье волнъ беззвучныхъ.

Потрясенный
Внезапнымъ страхомъ, съ ложа онъ вскочилъ,—
Разсвѣтъ, бѣлесоватый и холодный,
Чуть брезжилъ въ непривѣтной полумглѣ,
На западѣ виднѣлся блѣдный мѣсяцъ,
Вдали сверкали горныя вершины,
И пустъ былъ лѣсъ, и пустъ росистый долъ.
Куда исчезли краски небосвода,
Соткавшія надъ нимъ свой тонкій кровъ?
И звуки, услаждавшіе дремоту,
И тайна, и величіе Земли,
И радость, и восторгъ? На міръ громадный,
Вчера прекрасный, нынче опустѣвшій,
Смотрѣлъ онъ такъ же смутно и печально,
Какъ смотритъ ликъ луны изъ океана
На ликъ луны, горящій въ небесахъ.
Духъ ласки, духъ любви свое видѣнье
Послалъ ему, презрѣвшему дары
И ласки, и любви. Тревожной мыслью
Онъ ловитъ убѣгающую тѣнь,
Въ пытливости поспѣшной переходитъ
За грани сновидѣнья, за предѣлы
Всѣхъ чувствъ, всѣхъ высшихъ думъ. Увы! увы!
Гдѣ эта тѣнь съ обманчивой улыбкой?
Гдѣ красота, сверкнувшая на мигъ?
Потеряна, потеряна на вѣки
Въ безбрежномъ морѣ сна, гдѣ нѣтъ пути!
Но, можетъ быть, врата безмолвной смерти
Ведутъ, о, Сонъ, въ твой несказанный рай?
Межъ тѣмъ какъ своды радуги небесной,
Въ зеркальномъ морѣ ярко отражаясь,
Ведутъ лишь къ черной мертвой глубинѣ
И лгутъ своимъ миражемъ лучезарнымъ,—
Быть можетъ смерти сводъ, лишенный красокъ,
Исполненный гніенья, испареній

И гнусныхъ омерзительныхъ тѣней,
Вѐдетъ, о, Сонъ, къ твоимъ владѣньямъ свѣтлымъ?
Въ его душѣ вдругъ вспыхнулъ быстрый рой
Сомнѣній и надеждъ ненасытимыхъ,
Его какъ бы отчаяньемъ ужаливъ.

Пока на небѣ медлилъ свѣтъ дневной
Поэтъ съ своей душою велъ бесѣду.
А ночью страсть пришла, какъ духъ лукавый,
И повела его въ ночную тьму.—
Какъ иногда могучій тяжкій коршунъ,
Сжимаемый въ объятіяхъ змѣи,
Отъ боли ядовитой обезумѣвъ,
Летитъ, спѣшитъ, сквозь тьму и облака,
Сквозь свѣтъ и бурю, все впередъ, все дальше,
Въ пустынѣ сферъ воздушныхъ,—такъ гонимый
Прекрасной тѣнью ласковаго сна,
Поэтъ бѣжалъ черезъ холмы, долины,
И топь болотъ, въ мерцаньи тусклой ночи,
Въ пустынѣ безутѣшнаго молчанья,
И шумъ его шаговъ пугалъ змѣю,
Сверкавшую подъ блѣдною луною.
Забрезжилась заря надъ бѣглецомъ
И, точно насмѣхаясь, освѣтила
Живою краской мертвенныя щеки
Усталаго скитальца. Долго шелъ онъ,
Пока предъ нимъ съ крутой стремнины Петры
Не распростеръ Аорнъ свои владѣнья,
Нависшія надъ низкимъ горизонтомъ,
Подобно сонму тучъ; и черезъ Балькъ
Онъ проходилъ, блуждая, какъ безумный,
И видѣлъ, какъ на сумрачныхъ могилахъ,
Въ которыхъ спятъ Пароянскіе цари,
Кружится прахъ въ дыханьи легкомъ вѣтра;
Здѣсь день за днемъ, снѣдаемый тоской,
Онъ все лелѣялъ тщетное желанье,
Былъ полонъ все одной и той же думой,
И жизнь свою сжигалъ, и тихо гасъ.

Изсякъ источникъ силы въ нѣжномъ тѣлѣ.
Обострились черты его лица,
Изсохли руки, кудри разметались:
Одни глаза глубокіе хранили
Послѣднихъ силъ слабѣющій огонь.
Съ невольнымъ изумленіемъ и страхомъ
Взирали на скитальца поселяне,
Охотно съ нимъ дѣлясь отъ своего
Достатка небольшого. Горный житель,
Случайно встрѣтивъ, гдѣ-нибудь межъ скалъ,
Надъ пропастью, прекрасное видѣнье,
Дивясь, рѣшалъ, что это Геній вѣтра,
Съ блестящимъ взоромъ, съ легкою стопою,
Слѣда не оставлявшей на снѣгу;
Испуганный его лучистымъ взглядомъ,
Спѣшилъ ребенокъ къ матери родной,
Чтобъ въ ужасѣ прижаться къ ней,—и долго
Потомъ во снѣ видалъ онъ этотъ образъ;
Но дѣвы молодыя, повинуясь
Своимъ сердцамъ, истолковать пытались
Нѣмую скорбь, снѣдавшую его,
И лживыя названья друга, брата
Ему давали нѣжно; разставаясь,
Любовно руку блѣдную сжимали
И взоромъ, отуманеннымъ слезами,
За нимъ слѣдили долго.

Наконецъ
Остановился онъ въ своихъ скитаньяхъ
На берегу безплоднаго Корэсма,
Среди болотъ пустынныхъ и гнилыхъ.
Его увлекъ порывъ непобѣдимый
На берегъ моря. Тамъ межъ тростниковъ
Качался лебедь на струяхъ лѣнивыхъ;
Онъ встрепенулся, увидавъ Поэта,
Взмахнулъ своими сильными крылами
И высоко полетъ направилъ вдаль
Надъ мощнымъ океаномъ. И воскликнулъ

Больной скиталецъ: «О, дитя небесъ,
Прекрасное воздушное созданье,
Есть у тебя очагъ, и ты летишь
Въ пріютъ родной, гдѣ у тебя—подруга;
Она твою изгибистую шею
Своей пушистой шейкой обойметъ,
И взоръ ея блеснетъ привѣтомъ нѣжнымъ.
А я? Зачѣмъ я здѣсь томлюсь напрасно?
Звучнѣй мой голосъ, чѣмъ твои напѣвы,
Нѣжнѣй, чѣмъ эти гаснущіе звуки,
Твоя краса съ моею не сравнится,
Моя душа пространнѣй, чѣмъ твоя,—
А между тѣмъ всѣхъ этихъ силъ богатство
Я трачу въ безучастной тишинѣ,
И воздухъ глухъ, земля слѣпа, и небо
На мысль мою мнѣ откликa не шлетъ?»
Его уста невольно исказились
Улыбкой безнадежною: онъ зналъ,
Что сонъ свое сокровище ревниво
Хранитъ—и не отдастъ, что смерть—безмолвна
И, можетъ быть, обманчива, какъ сонъ,
Что, прелестью неясной привлекая,
Она смѣется странною улыбкой
Надъ красотой загадочной своей.

Онъ устрашился собственныхъ догадокъ
И, вздрогнувъ, оглянулся. Но нигдѣ
Не увидалъ онъ вражеской угрозы,
И не было ни образа, ни звука,
Внушающаго страхъ. Но въ немъ самомъ
Былъ ужасъ. Лодка тихо колебалась
У берега, въ затонѣ одинокомъ;
Уже давно была она забыта,
Въ ея бокахъ просвѣчивали щели,
По волѣ струй закраины качались,
Она была стара. Въ груди скитальца
Желаніе зажглось—войти въ нее,
И удалиться въ океанъ безбрежный,

И встрѣтить Смерть лицомъ къ лицу; онъ зналъ,
Что эта Тѣнь могучая охотно
Живетъ въ пещерахъ плистыхъ, на днѣ
Глубинъ морскихъ, кишащихъ скрытой жизнью.

Былъ ясенъ лучезарный теплый день;
И небеса, и воды океана
Впивали жадно нѣжный свѣтъ его:
А съ берега поднялся сильный вѣтеръ
И взбороздилъ волнистую равнину;
Поэтъ вскочилъ въ ладью, повѣсилъ плащъ
На мачту обнаженную, и тотчасъ
Почувствовалъ, что лодка мчится вдаль,
Какъ туча подъ порывомъ урагана.

По чернымъ взбунтовавшимся волнамъ
Ладья впередъ неслася такъ же быстро,
Какъ иногда въ счастливомъ сновидѣньи
По волѣ грезы носится душа
Межь свѣтлыхъ облаковъ, въ лазури неба.
Сильнѣй вздувался вихрь.—Волна росла.
Подъятый бичъ грозы хлесталъ по морю.
Вздымались воды, бѣшено сплетались,
И корчились подобно сотнямъ змѣй,
Сжимаемыхъ въ объятьяхъ ястребиныхъ.
Поэтъ дышалъ глубоко грудью вольной
И съ радостнымъ спокойствіемъ взиралъ
На шумное смятеніе пучины,
На смѣну бури новымъ взмахомъ бури;
И между тѣмъ какъ яростный потокъ
Незримо влекъ его къ водовороту,
Увѣренно рулемъ онъ управлялъ,
Какъ будто имъ владѣли духи моря
И увлекали вдаль, туда, туда,
Гдѣ блескъ любимыхъ глазъ предъ нимъ зажжется.
Склонился день. Заискрился закатъ
И радужными красками наполнилъ
Тончайшіе воздушные чертоги,

Встававшіе на мигъ изъ пѣны волнъ.
И сумерки надвинулись съ востока
И темными кудрями осѣнили
Прекрасный ликъ забывшагося дня,
И сумерки ушли, и вслѣдъ за ними
Явилась ночь въ одеждѣ изъ свѣтилъ.
А въ морѣ все сильнѣй кипѣли волны
И шумомъ стоголосымъ насмѣхались
Надъ ласковымъ спокойствіемъ небесъ.

Безъ устали впередъ ладья бѣжала,
Гонимая вѣтрами, а за ней
Безъ устали, шипя, крутилась пѣна.
Подобно тѣмъ струямъ, что въ зимній день
Курчавятъ грудь сѣдого водопада;
И такъ безстрашно, такъ неудержимо
Неслася лодка вдаль средь темной бездны,
Какъ будто человѣкъ, сидѣвшій въ ней
Былъ демономъ стихій.

Настала полночь.
Взошла луна. И вотъ вдали зажглись,
Какъ свѣтъ зари, воздушныя вершины
Могучаго Кавказа, чье подножье,
Изъ тяжкихъ скалъ и вогнутыхъ пещеръ,
Навѣкъ окружено водоворотомъ
И вѣчно внемлетъ грохоту валовъ,
Рождающихъ въ тѣснинахъ долгій откликъ.
Что ждетъ ладью? Спасенье или гибель?
Она бѣжитъ, потокъ ее влечетъ,—
И вкругъ нея свои сомкнула руки
Скалистыхъ горъ зловѣщая толпа.
Обрывистый утесъ повисъ надъ моремъ,
Онъ былъ грозой расщепленъ, а подъ нимъ
Зіяла пасть извилистой пещеры;
Туда врывался бѣшеный потокъ,
Туда съ неудержимой быстротою
Стремилась лодка.—«О, Любовь и Призракъ!»

Вскричалъ Поэтъ.—«Я встрѣтилъ васъ на мигъ,
Я видѣлъ, какъ вы быстро удалились;
Отнынѣ сонъ и смерть не будутъ больше
Насъ разлучать!»

Отдавшись силѣ волнъ,
Ладья вступила въ лабиринтъ пещеры.
И вотъ зажглося утро. Буря стихла,
Смятенье водъ уменьшилось, и лодка
Едва скользила на бездонномъ токѣ.
Тамъ, гдѣ гора, разбитая грозою,
Давала дню лазурному взглянуть
На эти непривѣтныя пучины,
Кипѣлъ и клокоталъ водоворотъ,
Туда громада водъ бѣжала съ ревомъ
И билась о подножіе Кавказа.
И скалы вѣковыя содрогались
Отъ грохота стремительныхъ валовъ;
Кружась съ неизмѣримой быстротою,
Потокъ могучій росъ и возросталъ
И окроплялъ то брызгами, то пѣной
Узлы корней развѣсистыхъ деревьевъ,
Которыя безмолвно простирали
Гигантскія объятья въ темноту.
Виднѣлся, какъ пятно, посерединѣ
Съ змѣиными отливами прудокъ,
Предательски-спокойный и ужасный.
Подъятая вздымающимся валомъ,
Неслася лодка съ странникомъ своимъ
Кругомъ, кругомъ, кругомъ, все дальше, выше,
Потомъ, достигнувъ крайняго предѣла,
Гдѣ воды льются точно изъ цистерны,
Стекая сквозь отверстіе скалы,
Она, остановившись, задрожала.—
Что́ будетъ съ ней?—Погибнетъ ли она,
Проглочена пучиной ненасытной?—
Опасность сторожитъ, опасность ждетъ!—
Но вотъ, поднявшись съ запада, примчался

Кочующій спокойный вѣтерокъ,
Онъ къ парусу прильнулъ,—и незамѣтно
Увлекъ впередъ трепещущую лодку,
Межъ рифовъ, обрамленныхъ влажнымъ мхомъ,
Подъ тѣнь вѣтвей, раскидистыхъ и пышныхъ.
И чу! потокъ, подобный привидѣнью,
Смѣшалъ свой дальній ревъ съ протяжнымъ гуломъ,
Съ мелодіей лѣсного вѣтерка.
Гдѣ, цѣпкими сплетаяся вѣтвями,
Деревья другъ отъ друга отошли,
Образовалось свѣтлое пространство
Съ оттѣнкомъ изумруднымъ,—между рифовъ
Виднѣлась вѣчно-дремлющая бухта.
Туда, слегка головку свѣся внизъ,
Всегда смотрѣлся лютикъ желтоглазый
И въ зеркалѣ воды кристально-чистой
Всегда встрѣчалъ свой томный взоръ. Волна
Затрепетала отъ движенья лодки
И отраженье лютика исчезло,
Почти впервые: никогда никто
Воды не возмущалъ здѣсь,—развѣ птичка
Присядетъ на мгновенье, или вѣтеръ
Слегка вздохнетъ, промчится и замретъ,
Сронивъ поблекшій листъ осоки длинной.
Поэтъ хотѣлъ нарвать душистыхъ травъ
И сплесть вѣнокъ и имъ себя украсить,
Но, вспомнивъ одиночество свое,
Онъ подавилъ минутное желанье.
Еще порывъ могучій не изсякъ
Въ его груди больной, въ усталомъ тѣлѣ,
Былъ впереди завѣтный мигъ,—онъ ждалъ:
Такъ молнія скрывается порою
Въ тяжелой тучѣ, ждетъ, и не зажжется,
Пока не встанетъ буря.

Ясный полдень
Теперь сіялъ надъ лѣсомъ, надъ семьей
Тѣней переплетенныхъ, окаймлявшихъ

Долины ленту. Мрачныя пещеры
Вонзилися въ гигантское подножье
Воздушныхъ скалъ и, внемля шуму волнъ,
Другъ другу перебрасывали эхо.
Сплошная сѣть изъ листьевъ и вѣтвей
Роняла кружевную тѣнь на землю.
Гдѣ шелъ теперь Поэтъ, влекомый—кѣмъ?
Любовью, сновидѣньемъ, или богомъ?
Иль, можетъ быть, той Тѣнью, предъ которой
Ничтожны и безсильны боги,—Смертью?
Въ налюбленномъ убѣжищѣ Природы,
Гдѣ колыбель она создать хотѣла,
Себѣ хотѣлъ найти онъ саркофагъ.
Сильнѣе и сильнѣй сгущались тѣни,
Съ могучимъ дубомъ легкій букъ обнялся;
Высокія вершины старыхъ кедровъ,
Подобныхъ пирамидамъ, создавали
Величественный сказочный соборъ;
И блѣдною листвою трепетали
Акація и ясень, точно тучки,
Что таютъ въ изумрудныхъ небесахъ.
Подобно змѣямъ, тонкимъ и огнистымъ,
Висѣли чужеядныя растенья
Вокругъ стволовъ,—и дѣтски-шаловливо
Вились, росли, цвѣли, и обнимались,
И усиками нѣжными они
Сплетали вѣтви ласковыхъ деревьевъ,
Соединяя тайную любовь:
Сплошная сѣть листвы образовала
Измѣнчиво-сверкающую ткань,
Гдѣ мракъ ночной былъ слитъ съ лазурью полдня.
Прогалинки, кой-гдѣ курчавясь мхомъ,
Покрыты были зыбью травъ пахучихъ
И тысячами маленькихъ цвѣтковъ,
Смотрѣвшихъ, какъ глаза. На склонѣ дола
Былъ цѣлый лѣсъ изъ мускусовыхъ розъ,
Смѣшавшихся съ жасминами: оттуда
Распространялся пряный ароматъ,

Онъ опьянялъ и звалъ къ какой-то нѣгѣ,
Таинственной и страстной. Надъ долиной
Безмолвіе и Сумерки, два брата,
Какъ будто вмѣстѣ что-то стерегли
И межъ тѣней скользили и качались,
Созданья испареній и лучей;
А дальше—ключъ съ прозрачною волною,
Куда глядѣлись стройные стволы,
И каждый листъ, и каждый клокъ лазури,
Прорвавшійся сквозь ткань листвы дрожащей;
Здѣсь отражалась вечеромъ звѣзда,
И птичка, задремавшая на вѣткѣ
Подъ ласковымъ сіяніемъ луны,
А утромъ трепетало коромысло,
Играя стекловидными крылами
И радуясь живительному дню.

Сюда пришелъ Поэтъ. Изъ водъ глубокихъ,
Сквозь сѣть волосъ, во влагѣ отраженныхъ,
Его же образъ глянулъ на него
Туманнымъ взоромъ; такъ въ видѣньи сонномъ
На гробъ взираетъ сердце человѣка
И видитъ въ немъ свой вѣроломный символъ.
Онъ слышалъ шелестъ травъ, и лепетъ листьевъ,
Испуганныхъ присутствіемъ его,—
Дотолѣ видъ людской имъ былъ невѣдомъ;
Онъ слышалъ, какъ родникъ, журча, струился
Изъ-подъ земли. Скитальцу показалось,
Что снова рядомъ съ нимъ какой-то Духъ,—
Но только не въ серебряныхъ одеждахъ,
Не въ блескѣ золотистомъ,—ничего
Въ немъ не было изъ видимаго міра,
Ни граціи, ни тайны, ни величья;—
Но мощные лѣса, ручей, долина,
Вечерній мракъ, толпы нѣмыхъ тѣней
Бесѣдовали съ нимъ, какъ будто въ мірѣ
Всего и было—лишь они да онъ...
Но вотъ... глубоко въ думы погруженный,

Онъ видитъ взоръ двухъ глазъ, двухъ звѣздныхъ глазъ,
Они зажглись во мглѣ его мечтаній,
И ясною лазурною улыбкой
Куда-то манятъ.

Свѣтомъ ихъ согрѣтъ,
Пошелъ онъ по извилинамъ долины.—
Звенѣлъ ручей капризною волной,
Онъ то скользилъ въ оврагахъ, то онъ падалъ
На ложе мховъ и воздухъ оглашалъ
Мелодіей протяжной и печальной;
То по камнямъ плясалъ онъ, какъ ребенокъ,
И серебрился звонкій смѣхъ его;
То съ важностью лѣнивой пробирался
По зелени долины, отражая
И стебли травъ и сонные цвѣты.
«Куда ты мчишься, о, потокъ пѣвучій?
Твои ключи—въ глубинахъ недоступныхъ,
Конецъ твоихъ скитаній скрытъ во тьмѣ.
Ты—образъ моего существованья,
Во мнѣ есть все, что вижу я въ тебѣ:
Печальное молчаніе, и волны
Съ измѣнчивой игрой, журчанье, глубь,
Источники въ безвѣстности неясной,
И скрытое теченье свѣтлыхъ струй;
Лишь океану и лазури неба
Извѣстно, гдѣ твои сокрыты воды—
Въ пещерѣ-ль грязной, въ тучкѣ-ль золотой,
Такъ точно лишь вселенная разскажетъ,
Гдѣ будутъ жить мои живыя мысли,
Когда мой трупъ, холодный и нѣмой,
Какъ легкій прахъ развѣется по вѣтру!»

Дрожащею стопою оставляя
Минутный слѣдъ на ложѣ мягкихъ мховъ,
Онъ быстро шелъ по берегу потока,
Какъ человѣкъ, возставшій отъ болѣзни,
Безумный отъ прилива свѣжихъ силъ;

Но онъ не забывалъ ни на мгновенье,
Что ждетъ его могилы мертвый мракъ.
Когда изсякнетъ сладкій жаръ экстаза.
Деревья разступались и рѣдѣли
И, вмѣсто ихъ зеленаго навѣса,
Предсталъ небесъ вечернихъ синій сводъ.
Надвинулись обрывистыя скалы,
Прервавши путь вспѣненному ручью;
Ложилась тѣнь травы на скатъ безплодный,
И корни вѣковыхъ разбитыхъ сосенъ
Цѣплялись жадно за клочки земли.
Печальная свершалась перемѣна:
Какъ смоль кудрей, смѣняясь сѣдиною,
Даетъ намъ знать, что старость наступаетъ,
И волосы рѣдѣютъ, и глаза,
Горѣвшіе когда-то блескомъ влажнымъ,
Какъ камни тускло, мертвенно мерцаютъ,
Такъ точно въ этотъ мигъ передъ Поэтомъ
Вся пышность ароматовъ и цвѣтовъ,
Вся прелесть мелодичныхъ звуковъ лѣса
Исчезла, замѣнясь природой скудной,
Однообразной мертвой пустотой.
Спокойный, шелъ онъ дальше надъ потокомъ,
И, лабиринтъ долины прорѣзая,
Потокъ все шире—шире становился,
Спѣша по нисходящей кривизнѣ.
Со всѣхъ сторонъ теперь тѣснились скалы;
Ихъ черныя вершины, точно башни,
Подъ свѣтомъ удалявшагося дня
Причудливыми формами сверкали;
Обрывы, затемняя горизонтъ,
Зіяли смутной мглою углубленій,
И въ темнотѣ ущелій и тѣснинъ
Звучало дико-плачущее эхо.
Но вотъ,—гдѣ каменистый зѣвъ ущелья
Раскрылся шире,—свѣсилась скала.
Надъ пропастью глубокой тяготѣя.
И, мнилось, затѣняя цѣлый міръ;

И далеко подъ блѣдною луною
Предстали острова, морскія бездны,
Пустыни, очертанья синихъ горъ,
Пути, дороги, мощные потоки,
И призрачныя снѣжныя вершины,
Пріявшія послѣдній лучъ зари.
Суровою своею простотою,
Ближайшая картина представляла
Контрастъ вселенной. Старая сосна
Внѣдрилась въ камни скалъ и, простирая
Висячихъ сучьевъ сѣть, давала вѣтру
Одинъ отвѣтъ на всѣ его рыданья
И тотъ же звукъ сливала съ ревомъ водъ,
И съ грохотомъ громовъ, и съ свистомъ молній,
Межъ тѣмъ какъ разъяренная рѣка
Бросала пѣну крупными клубами
И съ высоты роняла брызги волнъ.

Но въ сторонѣ отъ пропасти глубокой
И шума водъ, и сосенъ величавыхъ,
Былъ въ этомъ мѣстѣ мирный уголокъ.
Онъ былъ подъятъ, какъ нѣжными руками,
Корнями узловатыми и грудой
Гранитныхъ глыбъ. Спокойно съ высоты
Онъ созерцалъ—и высь небесъ лазурныхъ,
И темный ликъ задумчивой земли.
Здѣсь, гдѣ кругомъ царилъ мертвящій ужасъ,
Онъ кротко улыбался. Мирный плющъ
Своею цѣпкой кистью прикрѣплялся
Къ расщелинамъ камней; онъ сплелъ плетень,
И охранялъ, ревниво и любовно,
Непопраннымъ спокойный уголокъ;
Здѣсь тѣшились игрою шаловливой
Вѣтровъ осеннихъ радостныя дѣти,
Багряные и желтые листы,
Чье увяданье ярче и пышнѣе,
Чѣмъ гордая весенняя краса.
Здѣсь вѣтерки слетались на свиданье,

Чье нѣжное дыханіе могло бы
Тревожнымъ дать понять всю прелесть мира.
Одинъ лишь человѣкъ своей стопою
Прерваль уединеніе его;
И голосомъ лишь онъ одинъ встревожилъ
Дремавшее здѣсь эхо. Онъ пришелъ
Въ невѣдомый пріютъ, чтобъ здѣсь навѣки
Съ природой слить всю красоту свою,
Всю грацію, всю прелесть юныхъ членовъ,
Чтобъ разметать въ громахъ бездушной бури
Всю музыку пѣвучихъ нѣжныхъ словъ,
И ввѣрить мертвымъ листьямъ и пещерамъ,
Лелѣющимъ цвѣты и мохъ вѣтвистый,
Послѣдній взглядъ очей, послѣдній вздохъ.

Свой рогъ едва поднявъ надъ горизонтомъ,
Стояла низко тусклая луна,
Сіяньемъ блѣднымъ горы озаряя.
Пространство безграничной атмосферы
Наполнилось туманомъ золотистымъ,
Впивавшимъ жадно мягкій лунный свѣтъ.
И не было на всей землѣ ни звука,
И не было на небѣ ни звѣзды;
Средь тишины глубокой даже вѣтры,
Товарищи опасности, заснули
Надъ пропастью, прильнувъ къ ея краямъ.—
О, буря смерти! Ты незримымъ бѣгомъ
Пронзаешь мракъ угрюмой этой ночи;
И ты, Скелетъ, колоссъ неодолимый,
Всемірный вѣковѣчный разрушитель,
И царь надъ этой хрупкою землей,
Къ тебѣ несется возгласъ отовсюду,—
Съ кровавыхъ сѣчъ, изъ госпиталей душныхъ,
Изъ нѣжной колыбели, съ ложа ласкъ,
Съ постели старца, съ трона, съ эшафота.
Тебя, о, Смерть, на пиръ свой Гибель ждетъ:
Недаромъ, какъ разбойникъ, какъ бродяга,
Она скиталась въ мірѣ: въ этотъ мигъ

Тебя она зоветъ къ добычѣ царской;
Пожри ее—и отдохни навѣкъ,
Отнынѣ родъ людской передъ тобою
Не больше будетъ, чѣмъ могильный червь.
Отнынѣ для твоихъ святилищъ черныхъ
Не обрѣтется больше рѣдкій даръ
Разбитаго непризнаннаго сердца.

Когда усталый странникъ преступилъ
Порогъ пріюта мирнаго, онъ понялъ,
Что смерть—надъ нимъ. Еще, еще немного.
Предъ тѣмъ какъ унесется духъ на волю,
Ему хотѣлось мыслью отдохнуть,
Помедлить на высокомъ и прекрасномъ,
Вновь пережить восторгъ великихъ думъ,—
И вспыхнули забытыя картины,
Донесся еле-внятный, слабый отзвукъ
Погибшихъ чувствъ, затерянныхъ во тьмѣ.
Онъ оперся своей рукою блѣдной
Объ искривленный стволъ сѣдой сосны,
И голову усталую на камень,
Какъ на подушку мягкую, склонилъ,
И на краю гигантскаго обрыва
Лежалъ онъ такъ, недвижный и нѣмой,
Вкушая сладкій трепетъ умиранья,
Біеніе послѣднихъ жизни силъ.
Надежда и отчаянье уснули—
Мучители его; покой глубокій
Надъ нимъ виталъ; его ужь не касались
Ни смертный страхъ, ни смертная тоска:
Спокойно онъ слабѣлъ; невозмутимо
Бесѣдовалъ съ собой передъ концомъ,
И улыбался блѣдною улыбкой:—
Послѣднею картиною, представшей
Его ослабѣвающимъ очамъ,
Была луна; надъ западомъ подъяла
Она свой золотистый, мощный рогъ
И наполняла дымными лучами

Весь темный міръ. Потомъ, скользя по небу,
Она остановилась надъ холмами,
Помедлила, наполовину стерлась,—
И кровь Поэта, бывшая всегда
Въ мистическомъ согласіи съ природой,
Съ приливомъ и отливомъ силъ ея,
Замедлилась въ біеньи слабомъ пульса:
Еще немного, и въ пространствѣ черномъ
Лишь теплилися двѣ блестящихъ точки,—
Дыханье чуть тревожило покой
Недвижной ночи; наконецъ послѣдній
Тончайшій лучъ погасъ—и въ тотъ же мигъ
Остановился пульсъ въ предѣлахъ сердца,
Помедлилъ и исчезъ. Безмолвный міръ
Былъ весь охваченъ тьмою непроглядной,
И мрачной тѣнью былъ окутанъ образъ
Холодный, неподвижный и нѣмой—
Какъ ширь небесъ, какъ даль земли безгласной.
Пока закатъ горитъ и догораетъ,
Живутъ минутной жизнью испаренья,
Минутной красотой сверкаютъ тучки,
Но вотъ закатъ погасъ, блѣднѣетъ западъ,—
И меркнутъ тучки, точно эта форма,
Безъ чувства, безъ мечты, безъ божества,—
Разбитая умолкнувшая лира,
Издавшая пѣвучій бѣглый звукъ,—
Потокъ, вспѣненный нѣкогда волнами,—
Сонъ юности, угасшій навсегда,
Въ ночи временъ поблекшій, позабытый.

О, для чего исчезли волшебства,
Чьей властію Медея вызывала
На зимнихъ вѣткахъ вешніе цвѣты,
И пышность травъ на полѣ обнаженномъ!
О, еслибъ Богъ, ядами столь богатый,
Намъ уступилъ ту чашу, изъ которой
Пилъ лишь одинъ, блуждающій теперь
Безъ устали, безъ цѣли, безъ пріюта,

Изъятый отъ всеобщаго удѣла,
Невольникъ жизни, сумрачный, какъ смерть!
О, еслибъ сонъ задумчиваго мага,
Который одряхлѣвшею рукой
Подъ пепломъ ищетъ даръ высокой власти,
Закономъ непреложнымъ былъ для міра
Земного, столь достойнаго любви!
Но нѣтъ! Ты отлетѣлъ, какъ вздохъ минутный,
Какъ облачко, блеснувшее въ зарѣ,—
Навѣки отлетѣлъ, прекрасный, свѣтлый,—
Дитя добра, познанья, красоты!
Немало черныхъ дѣлъ свершилось въ мірѣ,
Немало ихъ свершается донынѣ,
Земля кишитъ червями и людьми;
Съ морей и горъ, изъ городовъ обширныхъ,
Изъ тихихъ деревень несутся звуки,
Прекрасенъ гимнъ ликующей Земли,—
Но нѣтъ тебя—ты отлетѣлъ навѣки!
Ужь не увидишь ты своихъ любимцевъ—
Тѣней воздушныхъ сказочныхъ созданій,
Встававшихъ предъ тобой въ твоихъ мечтаньяхъ!
Но пусть ничья слеза не оросить
Ни этихъ формъ, еще враждебныхъ тлѣнью,
Ни этихъ блѣдныхъ устъ, еще прекрасныхъ,
Хотя безмолвныхъ, ни очей сомкнутыхъ,
Явившихъ въ смерти нѣжный образъ сна.
О, пусть никто не плачетъ даже въ мысляхъ!
Когда жь исчезнутъ жизненныя краски,
И эти благородныя черты,
Развѣянныя вѣтромъ безучастнымъ,
Лишь будутъ жить въ моихъ строфахъ безвѣстныхъ.
Пусть не скорбятъ о томъ, чего ужь нѣтъ,
Ни звуки чьихъ-нибудь высокихъ гимновъ,
Ни живопись, ни мертвая скульптура,
Ни музыка,—пусть замолчатъ искусства,
Твердящія своей холодной рѣчью
О собственномъ безсиліи. Что́ пышность,
Что́ всѣ слова и ухищренья міра!

Они безсильны, тщетны—предъ потерей,
Затмившей черной тьмою свѣточъ дня.
Среди скорбей, безчисленныхъ и скрытыхъ,
Есть скорбь, что слишкомъ глубока для слезъ,
Утрата, для которой нѣтъ замѣны.
Когда высокій Геній покидаетъ
Украшенный его сіяньемъ міръ,
Онъ по себѣ живымъ не завѣщаетъ
Ни вздоховъ, ни рыданій, ни надеждъ,
Но блѣдное отчаянье покоя,
Холодный безграничный храмъ Природы,
Рожденье, ткань земного бытія,
И вѣчное безмолвіе могилы.

ПРИМѢЧАНІЯ

К. Д. БАЛЬМОНТА.

Къ стр. 1.

Стансы.

Это стихотвореніе Шелли было написано въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ его жизни, за нѣсколько недѣль до окончательнаго разрыва съ первой его женой, Гарріэтъ Вестбрукъ, на которой онъ женился девятнадцатилѣтнимъ юношей (ей было шестнадцать лѣтъ), болѣе по соображеніямъ юношескаго рыцарства, чѣмъ по соображеніямъ любви. Ихъ разногласія были глубокаго внутренняго характера, и неизбѣжно должны были окончиться разрывомъ, который однако легъ тяжелымъ жизненнымъ бременемъ какъ на Шелли, такъ и на Гарріэтъ.

Къ стр. 3

Къ Мэри Годвинъ.

Это стихотвореніе написано Шелли на утрѣ любви его къ Мэри Вульстонкрафтъ Годвинъ, съ которой 28 іюля 1814 года онъ бѣжалъ изъ Лондона на континентъ и на которой впослѣдствіи женился. Въ то время когда это стихотвореніе было написано, Шелли было двадцать два года, Мэри еще не было семнадцати. Она была дочерью извѣстнаго въ свое время писателя Вильяма Годвина (1756—1836), оказавшаго своей книгой *Political Justice* (*Общественная справедливость*) большое вліяніе на міросозерцаніе Шелли, и извѣстной писательницы Мэри Вульстонкрафтъ (1759—1797), написавшей книгу *Vindications of the Rights of Men* (*Въ защиту человѣческихъ правъ*) и др. Шелли прожилъ съ Мэри до конца своей жизни и всегда любилъ и цѣнилъ ее. Она была выдающейся женщиной какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ. Она также заявила свою личность въ области литературы, и ея превосходный фантастическій романъ *Frankenstein* оказалъ вліяніе на цѣлый рядъ такихъ образцовыхъ произведеній, какъ фантастическія сказки Эдгара По, Стивенсона, *The Picture of Dorian Gray* (*Портретъ Доріана Грея*) Оскара Уайльда, *The Jsle of Dr Moreau* (*Островъ Доктора Моро*) Уэльса и мн. др.

Къ стр. 4.

Измѣнчивость.

Въ ранней юности Шелли былъ гораздо болѣе склоненъ къ пессимизму, чѣмъ въ позднѣйшіе годы своей жизни, и часто размышлялъ о смерти. Ближайшимъ примѣромъ служатъ два слѣдующія стихотворенія—*О смерти* и *Лѣтній вечеръ на кладбищѣ*, причемъ однако въ послѣднемъ можно уже уловить то пантеистическое успокоительное настроеніе, которое впослѣдствіи сдѣлалось господствующей чертой его поэзіи.

Къ стр. 9.

Къ Кольриджу.

Самьюэль Тэйлоръ Кольриджъ (1772—1834), поэтъ и философъ, воспринявшій вліяніе Плотина и мистиковъ и изучавшій нѣмецкихъ метафизиковъ, былъ однимъ изъ излюбленныхъ писателей Шелли и имѣлъ общія съ нимъ черты. Лучшимъ его произведеніемъ является геніальная фантазія *The Rime of the Ancyent Marinere* (*Пѣсня стараго моряка*), стоящая въ уровень съ наиболѣе совершенными произведеніями Эдгара По. Въ данномъ стихотвореніи Шелли впрочемъ обращается не столько къ Кольриджу, сколько, внутренно, къ самому себѣ.

Къ стр. 11.

Къ Вордсворту.

Вильямъ Вордсвортъ (1770—1850) одинъ изъ первыхъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, которые начали обращать большое вниманіе на жизнь природы. Лучшимъ его произведеніемъ является поэма *Excursion* (*Странствіе*), въ особенности первая ея часть *The Wanderer* (*Странникъ*), которая своимъ пантеистическимъ настроеніемъ оказала большое вліяніе на Шелли, какъ автора *Аластора* и *Монблана*, и на Байрона, какъ автора *Чайльдъ-Гарольда*. Въ юности Вордсвортъ, также какъ Робертъ Соути (1774—1843), былъ представителемъ освободительныхъ воззрѣній, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, также какъ Соути, сдѣлался консервативнымъ и весьма ограниченнымъ, чѣмъ и вызвано данное стихотвореніе Шелли.

Къ стр. 12.

Чувства республиканца при паденіи Бонапарта.

Въ 18 вѣкѣ и въ началѣ 19 въ поэзіи любили длинныя заглавія, кажущіяся намъ наивными и смѣшными. Шелли совсѣмъ не раздѣлялъ

того идолопоклонническаго отношенія къ Наполеону, которое мы видимъ у Байрона и почти у всѣхъ, или по крайней мѣрѣ у многихъ выдающихся поэтовъ того времени. Онъ видѣлъ въ немъ главнымъ образомъ убійцу Республики. Онъ впрочемъ признаетъ до извѣстной степени размѣры его личности въ болѣе позднемъ своемъ стихотвореніи *Строки, написанныя при извѣстіи о смерти Наполеона*, являющемся однимъ изъ лучшихъ его пантеистическихъ стихотвореній.

Къ стр. 13.

Холодное небо.

Какъ читатели легко могутъ замѣтить, у Шелли въ его лирикѣ, также какъ и въ его болѣе крупныхъ произведеніяхъ, необыкновенное разнообразіе ритмовъ, какого, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни у одного англійскаго поэта 19 вѣка, кромѣ Тэннисона и Суинбёрна (къ нимъ необходимо также присоединить американскаго поэта Эдгара По, являющагося однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ ритмистовъ, какіе когда-либо существовали). Въ данномъ стихотвореніи тревожный размѣръ съ неровными строками особенно гармонируетъ съ загадочнымъ настроеніемъ этихъ строкъ, которыя могутъ служить образцомъ ритмической поэзіи, въ противоположность поэзіи описательной.

Къ стр. 14.

Закатъ.

Когда Шелли описываетъ природу или человѣка, прикосновенія его кисти легки и воздушны. Онъ представляетъ изъ себя истинный типъ импрессіониста. Его поэзія нѣжна, какъ музыка Шумана и какъ нѣжнѣйшія лирическія волны музыки Вагнера, и такъ же, какъ Шуманъ и Вагнеръ, онъ волнуетъ душу своей таинственной нѣжностью. Его поэзію можно также сравнить съ живописью Боттичелли и съ живописью англійскихъ прерафаэлитовъ, Данте Россэтти и Бёрнъ-Джонса.

Къ стр. 17.

Гимнъ духовной красоты.

Гимнъ духовной красоты и слѣдующее стихотвореніе, *Монбланъ*, являются одними изъ важнѣйшихъ для выясненія міросозерцанія Шелли. Оба стихотворенія были написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ величественныхъ картинъ швейцарской природы, безмѣрныхъ горъ и таинственной воды. Названныя стихотворенія, вмѣстѣ съ поэмами *Лаонъ и*

Цитна, Эпипсихидіонъ, Адонаисъ, Аласторъ, Освобожденный Прометей, даютъ очень любопытныя возможности для сближенія Шелли съ такими мыслителями и поэтами, какъ Платонъ, Плотинъ, Спиноза, Вильямъ Блэкъ (1757—1827), Вордсвортъ и Кольриджъ. По представленіямъ Плотина Богъ есть Высшее Благо и Высшая Красота. Космическій Разумъ прекрасенъ, ибо онъ образъ Бога. Міръ прекрасенъ, ибо онъ образъ Разума. Космическій Разумъ, Міровая Душа, и Міровое Тѣло—три высшія Красоты. Когда мы созерцаемъ красивое, мы дѣлаемся красивыми, но, чтобы созерцать Высшую Красоту, нужно сдѣлать свое внутреннее «я» изваяніемъ: закрыть глаза тѣла и воскресить живущее въ насъ видѣніе, которымъ обладаютъ всѣ, но которое развиваютъ немногіе. Міросозерцаніе Шелли, также какъ міросозерцаніе современной теософіи, весьма близко къ этой схемѣ.

Къ стр. 20.

Монбланъ.

У Кольриджа есть стихотвореніе *Гимнъ предъ восходомъ солнца въ долинѣ Шамуни,* послужившее до извѣстной степени первообразомъ шелліевскаго гимна. Однако стихотвореніе Кольриджа, родственное по содержанію, значительно слабѣе стихотворенія Шелли, и вообще, если Шелли что-нибудь у кого бы то ни было заимствовалъ, онъ все претворялъ въ своей индивидуальной, единственной въ мірѣ, воспріимчивости. Геній не можетъ подражать, также какъ бездарность не можетъ не подражать. Въ ту пору жизни Шелли значительнѣе, чѣмъ вліяніе Кольриджа, было вліяніе Вордсворта. Онъ увлекъ и Байрона черезъ посредство Шелли. Подъ вліяніемъ тѣхъ же внутреннихъ элементовъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же картинъ природы, Байронъ восклицалъ въ то же самое время:

Я не живу въ себѣ, я обращаюсь
Лишь въ часть того, что здѣсь вокругъ меня.

(*Childe Harold's pilgrimage*, Canto III, LXXII).

И такъ я поглощенъ, и это жизнь.

(ib., LXXIII).

И развѣ эти волны, горы, тучи
Не часть моей души, какъ я ихъ часть?

(ib., LXXV).

У Шелли очень тонко описано это сліяніе человѣческой Души съ Природой, подъ вліяніемъ созерцанія. Оно не менѣе прекрасно описано у Вордсворта въ стихотвореніи *The Prelude*.

Моей душой тогда овладѣвало
Священное спокойствіе, такое,
Что зрѣніе тѣлесное мое
Я забывалъ, и то, что видѣлъ взоромъ,
Являлось мнѣ какъ нѣчто, что во мнѣ,
Видѣнье сна, просвѣтъ въ мой умъ идущій

Къ стр. 37.

Сонъ Маріанны.

Этотъ сонъ не есть простой поэтическій вымыселъ. Шелли разсказываетъ здѣсь сонъ, который видѣла Маріанна Гёнтъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ возможности провѣрить въ точности, много ли было образовъ Шелли въ снѣ этой леди. Думаю, что почти все принадлежитъ Шелли, и думаю также, что въ данномъ случаѣ онъ изображаетъ, въ извѣстной мѣрѣ, дѣйствіе опіума, съ которымъ, какъ съ лекарствомъ, онъ былъ знакомъ. Дѣйствіе опіума геніально описано въ книгѣ Де-Куинси (1785—1859) *Confessions of an english opium-eater* (*Исповѣдь англійскаго опіумоѣда*). Бодлэръ перевелъ ее, въ увлеченіи, на французскій языкъ въ *Les paradis artificiels* (*Искусственные эдемы*). Де-Куинси видѣлъ подъ вліяніемъ опіума причудливыя зданія и большія пространства воды. Онъ говоритъ: «Лучшій мой годъ былъ годомъ блестящей воды, обостровленнымъ, въ оправѣ изъ темной тѣни опіума». Обращаясь къ опіуму, онъ говоритъ: «Ты строишь на лонѣ темноты, изъ фантастическихъ образовъ мозга, города и храмы, превыше искусства Фидія и Праксителя, превыше блесковъ Вавилона и стовратныхъ египетскихъ Ѳивъ. Изъ безпорядочности дремотной мечты ты властенъ воззвать въ солнечный свѣтъ лики давно схороненной красоты». Эдгаръ По неоднократно описалъ необыкновенную *силу видѣнія* подъ вліяніемъ этого яда, «міръ внушеній, веселую и пеструю волну чуждой метода рапсодической мысли». Кольриджъ, который также втеченіи цѣлыхъ лѣтъ зналъ дѣйствіе опіума, написалъ подъ вліяніемъ сна, навѣяннаго имъ, геніальную фантазію *Кубла Ханъ*, начинающуюся строками:

Въ странѣ Ксанадъ благословенной
Дворецъ построилъ Кубла Ханъ,

Гдѣ Альфъ бѣжитъ, потокъ священный,
Сквозь мглу пещеръ гигантскихъ, пѣнный,
Впадаетъ въ сонный океанъ.

И дальше:

И на пять миль, изгибами излучинъ,
Потокъ бѣжалъ, пронзивъ лѣсной туманъ,
И вдругъ, какъ бы усиліемъ замученъ,
Сквозь мглу пещеръ, гдѣ мракъ отъ влаги звученъ,
Въ безжизненный впадалъ онъ океанъ.
И изъ пещеръ, гдѣ человѣкъ не мѣрялъ
Ни призрачный объемъ, ни глубину,
Рождались крики: внявъ имъ, Кубла вѣрилъ,
Что возвѣщаютъ праотцы войну.

Интересно, что во всѣхъ имѣющихся у насъ описаніяхъ дѣйствія опіума неизмѣнными элементами являются вода и причудливыя зданія. Образъ чернаго якоря можетъ показаться читателю гротескнымъ. Но онъ не страненъ для того, кто знакомъ со средневѣковыми легендами. Въ средніе вѣка вѣрили въ существованіе воздушныхъ кораблей. Чарльзъ Шарпъ, въ своей книгѣ *History of witchcraft in Scotland,* London, 1884 (*Исторія колдовства въ Шотландіи*), разсказываетъ, какъ прихожане одной церкви видѣли на кладбищѣ огромный черный якорь. На ихъ глазахъ онъ поднялся на воздухъ и исчезъ. Воздушный корабль бросалъ, для отдыха, якорь около церкви, и потомъ снова отправился въ свое безвѣстное странствованіе по воздушнымъ морямъ!

Къ стр. 32.

Къ Констанціи, поющей.

Это стихотвореніе, также какъ слѣдующія: *Къ Констанціи*, *Къ поющей*, *Къ музыкѣ*, *Музыка*, относятся къ сводной сестрѣ Мэри, къ Джэнъ Клэрмонтъ, или, какъ она сама себя называла, Клэръ Клэрмонтъ, дочери второй жены Годвина отъ перваго ея мужа. Клэръ Клэрмонтъ была красивая умная живая дѣвушка, въ нее одно время былъ влюбленъ Байронъ, и у нихъ родилась дѣвочка Аллегра, умершая въ отроческомъ возрастѣ, въ Италіи. Клэръ оставила извѣстный слѣдъ и въ жизни Шелли, котораго она любила всю жизнь, гораздо болѣе, чѣмъ Байрона. Вильямъ Грэхэмъ, въ своей интересной книгѣ *Last Links with Byron, Shelley, and Keats* (*Послѣднія звенья къ Байрону, Шелли, и Китсу*) разсказываетъ, что

и въ возрастѣ восьмидесяти лѣтъ она еще сохраняла свою замѣчательную красоту, серебряный смѣхъ, грацію движеній, живость ума и насмѣшливость. У нея былъ хорошій голосъ. Шелли всегда любилъ музыку, но лишь въ самыхъ простыхъ мелодіяхъ. Въ настоящемъ смыслѣ слова онъ не понималъ ни музыки, ни живописи, но былъ очень впечатлителенъ къ красотѣ скульптурныхъ созданій. Въ этомъ отношеніи его личность и его творчество совершенно противоположны: его стихи необыкновенно музыкальны и живописны, но въ нихъ почти совсѣмъ отсутствуетъ скульптурный элементъ.

Къ стр. 38.

Орелъ могучій.

Повидимому, это стихотвореніе относится къ Вильяму Годвину.

Къ стр. 39.

Къ лорду Канцлеру.

Два ребенка отъ перваго брака Шелли, Іанте и Чарльзъ, были по приговору канцлера лорда Эльдона отняты у Шелли и переданы на воспитаніе лицу совершенно чужому, какъ для него, такъ и для нихъ, на томъ основаніи, что онъ въ примѣчаніяхъ къ поэмѣ *Царица Мабъ*, написанной имъ въ возрастѣ девятнадцати лѣтъ и не предназначавшейся имъ для продажи, высказалъ отрицательное отношеніе къ обязательности брачнаго института и осужденіе установленныхъ формъ христіанства. Мѣра эта была совершенно произвольной не только по существу, но и по внѣшнимъ даннымъ: такіе взгляды высказывались въ тогдашней англійской печати не однимъ Шелли, однако же у другихъ не отнимали дѣтей. Но въ ту пору въ Англіи еще не было полной свободы слова, и личность не была обезпечена въ своихъ основныхъ правахъ. Впрочемъ, Англія и въ данное время не представляетъ изъ себя свободной страны въ точномъ смыслѣ слова. Отсутствіе административнаго произвола съ успѣхомъ замѣняется въ ней тяжеловѣснымъ лицемѣріемъ, составляющимъ одну изъ основныхъ чертъ британскаго темперамента и налагающимъ на все свою оцѣпеняющую цензуру.

Къ стр. 42.

Къ Вильяму Шелли.

Послѣ канцлерскаго приговора Шелли опасался одно время, что ребенокъ отъ второго его брака также будетъ у него отнятъ, но этотъ страхъ былъ неоснователенъ.

Къ стр. 44.

О Фанни Годвинъ.

Фанни, сестра Мэри, была дочерью Мэри Вульстонкрафтъ и нѣкоего Имлэя; она была усыновлена Годвиномъ. Когда Мэри и Клэръ покинули домъ Годвина, она осталась совершенно одинокой, и жизнь ея была совершенно безрадостной, такъ какъ Годвинъ не отличался особенной нѣжностью, а его жена была грубая и вздорная особа. Есть основанія думать, хотя нѣтъ возможности утверждать, что она любила Шелли, безъ взаимности. Какъ бы то ни было, ея нѣжность и ея тонкая впечатлительность, нашедшія художественное выраженіе въ письмахъ, были для нея не отрадой, а невыносимымъ бременемъ; уѣхавъ въ уединенный городъ Свансію, она выпила флаконъ раствора опія, и ушла изъ жизни безъ слова упрека, какъ умираютъ цвѣты.

Къ стр. 45.

Блаженныхъ сновъ ушла звѣзда.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Фанни Годвинъ Шелли постигъ другой тяжелый ударъ: его первая жена, Гарріэтъ, къ которой онъ никогда не переставалъ относиться дружески, утопилась въ Лондонѣ, въ the Serpentine-river. Врядъ ли можно винить въ этомъ Шелли. Какъ могъ онъ жить съ ней, когда между ними не было больше любви? Его душа была слишкомъ правдива, быть можетъ, даже неизбѣжно-безпощадна благодаря своей чрезмѣрной чистотѣ и правдивости. Онъ любилъ Мэри Годвинъ, и у Гарріэтъ была другая любовь. Вѣроятной непосредственной причиной самоубійства Гарріэтъ было то, что этотъ другой, кого она любила, безжалостно бросилъ ее. Во всякомъ случаѣ, вся эта исторія производитъ тяжелое впечатлѣніе. Насколько тяжелѣе было впечатлѣніе, которое она должна была оставить въ душѣ Шелли, хотя бы онъ и не чувствовалъ вины! Двѣ эти смерти такъ повліяли на него, что самая его внѣшность измѣнилась. Указанное стихотвореніе, также какъ слѣдующее, *Смерть,* вызваны однимъ изъ настроеній, этимъ обусловленныхъ.

Къ стр. 47.

Крылья облаковъ.

Въ подлинникѣ не крылья облаковъ, а колесница облака, a chariot of cloud, — античный образъ, близкій англійскому воспріятію и хорошо укладывающійся въ англійскій стихъ, но совершенно чуждый воспріятію

русскому, а главное,—первое еще не есть оправданіе,—плохо гармонирующій съ русскими ритмами.

Къ стр. 48.

Любовь безсмертная.

У Шелли много такихъ небольшихъ стихотвореній, какъ это и слѣдующее. Они кажутся неоконченными отрывками, на самомъ же дѣлѣ это совершенно законченныя маленькія лирическія стихотворенія, въ которыхъ виртуозный и полный граціи талантъ Шелли сказывается съ особеннымъ изяществомъ. Шелли по натурѣ своей былъ не эллиномъ, какъ онъ самъ думалъ, а индійцемъ. Его прямая утонченная экзотическая поэзія нерѣдко страдаетъ тѣмъ, что я назову перепроизводствомъ образовъ, совершенно такъ же, какъ философскія и поэтическія произведенія индійцевъ. Въ немъ такъ мало земного, онъ такъ усложняетъ каждый свой душевный процессъ, что читателю съ обыкновенной впечатлительностью нерѣдко бываетъ очень трудно разобраться въ его образахъ. Въ небольшихъ же стихотвореніяхъ этотъ недостатокъ всегда отсутствуетъ; въ нихъ мы видимъ эллинскую сторону его поэтическаго темперамента, тяготѣющую къ художественной мѣрѣ.

Къ стр. 49.

Пѣсня ненависти.

Чуть ли не единственный примѣръ шелліевской эпиграммы.

Къ стр. 50.

Критику.

За все время своей литературной дѣятельности Шелли подвергался не только ожесточеннымъ и грубымъ нападкамъ на его творчество, но и безчестнымъ пасквильнымъ выходкамъ, клеветническимъ нападкамъ на его частную жизнь, за которой консервативные [illegible] слѣдили съ ревностью шпіоновъ, притомъ неизмѣнно лживыхъ. Имя Шелли втеченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ послѣ его смерти не произносилось «въ порядочномъ обществѣ», и мой другъ, оксфордскій ученый Вильямъ Морфиль разсказывалъ мнѣ объ этомъ, какъ живой свидѣтель. До сихъ поръ можно встрѣчать въ Англіи лицъ, которыя не будутъ распространяться, если вы заговорите съ ними о Шелли. Читатель можетъ оцѣнить его мягкость, если при всемъ этомъ онъ могъ *такъ* обращаться къ критику. Къ нему можно примѣнить строки Тэннисона изъ стихотворенія *The Poet*:

Поэтъ рожденъ, чтобъ жить среди людей видѣньемъ,
Въ особенной странѣ, подъ золотой звѣздой;
И полонъ духъ его къ презрѣнію презрѣньемъ,
Къ любви любовью, и къ враждѣ враждой.

Къ стр. 51.

Озимандія.

Въ Египтѣ дѣйствительно былъ найденъ обломокъ статуи царя Озимандіи, и на немъ сохранилась надпись, внушившая Шелли его геніальное стихотвореніе. Любопытно, что другъ Шелли, поэтъ-диллетантъ, Хорэсъ Смитъ, тоже написалъ стихотвореніе *Озимандія*, или вѣрнѣе,—какъ гласитъ его заглавіе, въ стилѣ того времени,—*По поводу огромной гранитной ноги, которую нашли стоящею въ пустыняхъ Египта, съ нижеприведенною надписью*:

«Я Озимандія, я царь царей,
«И этотъ городъ мощный есть свидѣтель
«Чудесъ, содѣланныхъ рукой моей».
Нѣтъ города.

Затѣмъ авторъ говоритъ, что современемъ какой-нибудь охотникъ будетъ такъ же дивиться на огромные обломки чего-то, тамъ, гдѣ нѣкогда былъ невѣдомый ему Лондонъ, и гдѣ онъ теперь охотится на волковъ. (Приведено въ приложеніи къ 3 тому сочиненій Шелли, въ изданіи Формана, P. B. Shelley, *The Poetical Works, edited by* H. B. Forman, 4 vols, London, 1876—77).

Къ стр. 52.

Къ Нилу.

Это стихотвореніе было написано по уговору: это было дружеское состязаніе, въ которомъ принимали участіе Лей Гёнтъ, Китсъ и Хорэсъ Смитъ. Лучшее обращеніе къ Нилу принадлежитъ Лей Гёнту (Всѣ стихотворенія приведены у Формана).

Къ стр. 53.

Перевалъ черезъ Аппенины.

Написано при переѣздѣ въ Италію, гдѣ Шелли провелъ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни.

Къ стр. 54.

Минувшее.

Образецъ отвлеченной лирики, примѣровъ которой можно найти множество почти у каждаго англійскаго поэта, въ особенности у такихъ поэтовъ, какъ Тэннисонъ или Данте Россэтти.

Къ стр. 55.

Къ Мэри.

Написано въ байроновской Вилла д'Эсте, среди Эвганейскихъ холмовъ, которымъ Шелли посвятилъ цѣлую поэму, во время вынужденной разлуки съ Мэри.

Къ стр. 56.

Объ увядшей фіалкѣ.

О любви Шелли къ цвѣтамъ и объ его пониманіи ихъ см. дальше, въ примѣчаніи къ *Мимозѣ.*

Къ стр. 57.

Къ Бѣдѣ.

Невольно припоминаешь обращеніе Франциска Ассизскаго къ Бѣдности, и вообще олицетворенія средневѣковой католической поэзіи.

Къ стр. 60.

Стансы, написанные близь Неаполя.

Вода таитъ въ себѣ особую притягательную силу. Изъ четырехъ стихій она наиболѣе затягивающая. Огонь — самая красивая и наиболѣе разнообразная среди стихій. Это символъ жизни. Воздухъ — самая утонченная. Это символъ поэтическаго отвлеченнаго созерцанія, символъ иной жизни, чѣмъ наша. Земля—самая успокоительная. Она говоритъ намъ о доступномъ счастьи. Вода — самая таинственная. Она символъ безднъ и непостижимостей, окружающихъ нашу жизнь. Шелли всегда чувствовалъ особое влеченіе къ водѣ, и у него всю жизнь было предчувствіе, что онъ встрѣтитъ смерть въ этой стихіи. У него была любимая забава: дѣлать бумажные кораблики и пускать ихъ по волѣ вѣтра и теченія. Однажды, когда такой кораблик потонул, онъ сказалъ: «Какъ счастливъ былъ бы я потерпѣть крушеніе въ такой ладьѣ; это самая желанная форма смерти!» Когда онъ бѣжалъ съ Мэри на континентъ, при переѣздѣ

черезъ каналъ онъ едва не утонулъ. Онъ едва не утонулъ позднѣе въ Швейцаріи, когда катался съ Байрономъ по Женевскому озеру. За годъ до смерти то же самое случилось между Ливорно и Пизой. Незадолго передъ смертью онъ далеко уплылъ въ легкой ладьѣ съ Джэнъ Уильемсъ, и предложилъ ей «разрѣшить великую тайну». Однако Джэнъ не захотѣла этого, а смерть уже ждала совсѣмъ рядомъ, и наконецъ овладѣла имъ, какъ будто давно стерегла его.

Къ стр. 62.

Сонетъ.

Совершенно индійское представленіе: жизнь — покровъ, на которомъ мерцаютъ узоры вымысла.

Къ стр. 63.

Строки, написанныя во время правленія Кэстльри.

Время правленія Георга IV и Кэстльри, равно какъ ихъ непосредственныхъ предшественниковъ, было временемъ посягательствъ на свободу личности, народныхъ бѣдствій, временемъ насильственныхъ мѣръ для подавленія общественнаго мнѣнія, вплоть до примѣненія къ гражданамъ военной силы. Негодованіе Шелли нашло блестящее выраженіе какъ въ данномъ стихотвореніи, такъ и въ слѣдующихъ пяти, а также въ поэмѣ *The Mask of Anarchy* (*Маскарадъ Анархіи*), гдѣ онъ надѣлилъ мѣткими ударами бича Кэстльри, Эльдона и другихъ представителей англійскаго мракобѣсія.

Къ стр. 72.

Пѣснь къ защитникамъ Свободы.

Въ этомъ стихотвореніи была еще строфа, которую Шелли вычеркнулъ:

Сберите, сберите, сберите,
Въ любви и въ согласьи, враговъ и друзей.
Чуть спрячутся бури въ прибрежномъ гранитѣ,—
И волны спятъ вмѣстѣ средь мирныхъ зыбей.
Съ ребенкомъ Свободы спокойная Сила
Играетъ, и когти свои притупила,
И голубя съ змѣемъ она примирила.

Написано по поводу освободительнаго движенія въ Испаніи. Идея мести была совершенно чужда Шелли. По этому поводу онъ много разъ выска-

зался въ разныхъ мѣстахъ своихъ произведеній, напримѣръ, въ поэмѣ *Лаонъ и Цитна* и въ предисловіи къ трагедіи *Ченчи*.

Къ стр. 74.

Пѣснь къ Небу.

Произведеніе философской лирики, лучшіе образцы которой Шелли даетъ въ поэмѣ *Монбланъ* и на многихъ страницахъ лирической драмы *Освобожденный Прометей*. См. напримѣръ 4-е дѣйствіе *Прометея*. Снова индійскій образъ: міръ — цвѣтокъ, съ лепестками, уходящими въ безконечность.

Къ стр. 76.

Пѣснь къ западному вѣтру.

Шелли дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этому гимну: «Эта поэма была задумана и почти цѣликомъ написана въ лѣсу, обрамляющемъ Арно, близь Флоренціи, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда этотъ бурный вѣтеръ, температура котораго одновременно ласкаетъ и живитъ, собираетъ испаренія, разрѣшающіяся осенними дождями. Они возникли, какъ я и предвидѣлъ, на закатѣ, вмѣстѣ съ сильными взрывами града и дождя, сопровождаемые тѣми величественными явленіями грома и молніи, которыя составляютъ особенность Заальпійскихъ областей. Природный фактъ, на который я намекаю въ концѣ третьей стансы, хорошо извѣстенъ естествоиспытателямъ. Растительность на днѣ моря, рѣкъ и озеръ находится въ содружественной связи съ земной растительностью при перемѣнѣ временъ года, и слѣдственно подчиняется вліянію вѣтровъ, которые ихъ возвѣщаютъ». По поводу способности Шелли индивидуализировать явленія природы см. дальше примѣчаніе къ *Облаку*. Первобытный индіецъ совершенно такъ же, какъ Шелли, обращался къ Вѣтру съ мольбой и восклицалъ: «Приди, о, Вайю, приди, прекрасный. Вайю впрягаетъ двухъ красныхъ коней, Вайю впрягаетъ въ свою колесницу двухъ быстрыхъ коней, двухъ сильнѣйшихъ» (*Ведійскіе гимны*). Гимнъ Шелли начинается великолѣпной аллитераціей, какъ бы сразу вводящей насъ въ область вѣянія: «O wild West Wind...» Эта аллитерація существовала уже тысячи лѣтъ тому назадъ въ индійскомъ наименованіи Вѣтра, Вайю (Vâyu). Я позволю себѣ указать, что въ моемъ стихотвореніи «Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю» эта аллитерація исчерпана сполна (Сборникъ *Тишина*). У современнаго бельгійскаго поэта Верха-

рэна, есть стихотвореніе посвященное Вѣтру, *Le Vent*, гдѣ есть отчасти та же аллитерація:

Sur la bruyère longue infiniment
Voici le vent cornant Novembre...
Voici le vent,
Le vent sauvage de Novembre.

(Les Villages illusoires).

Но французскій языкъ гораздо бѣднѣе русскаго по своимъ звуковымъ даннымъ, въ немъ слишкомъ мало стихійнаго элемента. Пушкинъ улавливаетъ въ Вѣтрѣ другую особенность, шуршанье, когда онъ говоритъ о деревьяхъ въ своемъ превосходномъ стихѣ: «Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ — меня привѣтствовалъ» (*Вновь я посѣтилъ*).

Къ стр. 80.

Увѣщаніе.

У Шелли было пристрастіе къ экзотическимъ растеніямъ и къ экзотическимъ животнымъ. У такого средняго англійскаго поэта, какъ Вордсвортъ, нѣтъ Мимозы и нѣтъ Хамелеона.

Къ стр. 81.

Индійская мелодія.

У Байрона есть *Stanzas to a Hindoo air* (*Стансы для Индійской мелодіи*), напечатанныя въ 1832 году. Они гораздо хуже стихотворенія Шелли.

Къ стр. 82.

Къ Софіи (*Миссъ Стэси*).

Миссъ Стэси была красивая дѣвушка съ хорошимъ голосомъ. Несмотря на самые «черные» слухи о Шелли, который жилъ въ то время во Флоренціи, она выразила твердое желаніе познакомиться съ нимъ, вопреки своимъ старшимъ. Профессоръ Морфиль, знавшій ее въ старости, говорилъ мнѣ, что, несмотря на преклонный возрастъ, «она хранила слѣды былой красоты, какъ сказалъ бы Пушкинъ».

Къ стр. 83.

Къ Вильяму Шелли.

Вильямъ Шелли, красивый голубоглазый мальчикъ, котораго горячо любили и Шелли и Мэри, умеръ въ Римѣ, трехъ съ половиной лѣтъ отъ

роду. Красивый пантеистическій образъ этого стихотворенія болѣе подробно развитъ въ поэмѣ *Адонаисъ*.

Къ стр. 84.

Медуза Леонардо да Винчи.

Стихотвореніе Шелли гораздо глубже и красивѣе, чѣмъ находящаяся во Флоренціи картина Медузы, въ которой весьма мало Леонардовскаго. Образъ Медузы былъ близокъ фантазіи Шелли. Также какъ Кольриджъ и Эдгаръ По, онъ хорошо понималъ поэзію чудовищнаго, змѣя была его любимымъ животнымъ; какъ онъ умѣлъ поэтизировать ужасъ, показываетъ его геніальная трагедія *Ченчи*.

Къ стр. 86.

Философія любви.

Это стихотвореніе, также какъ слѣдующее, по непосредственной своей граціи можетъ быть сопоставлено съ лучшими образцами лирики Гейне; только у Шелли такія любовныя стихотворенія окрашены лишь ему свойственнымъ нѣжно-пантеистическимъ оттѣнкомъ.

Къ стр. 88.

Рожденіе Наслажденья.

Это воздушное стихотвореніе, составленное изъ тончайшихъ чертъ, по манерѣ своей удивительно напоминаетъ итальянскія картины временъ Боттичелли.

Къ стр. 89.

Атмосфера любви.

Это стихотвореніе, также какъ слѣдующія восемь, относятся къ тому совершенному типу поэтическихъ миніатуръ, которыхъ такъ много у Шелли, и о которыхъ говорилось въ примѣчаніи къ страницѣ 48.

Къ стр. 98.

Мимоза.

Одно изъ самыхъ оригинальныхъ и блестящихъ созданій европейской лирики всѣхъ временъ и лучшее изъ всѣхъ стихотвореній, какъ европейскихъ, такъ и не европейскихъ, въ которыхъ возсозданы цвѣты. Шелли, сколько мнѣ извѣстно, первый ввелъ Мимозу въ англійскую поэзію, и онъ вполнѣ справедливо называетъ самого себя въ письмѣ

къ Клэръ Клэрмонтъ, «Экзотикомъ, относящимся къ разряду мимозы» (*The Life of P.B. Shelly, by Edw. Dowden, vol.* II, стр. 453). Интересно бросить общій взглядъ на то, какъ относится Шелли къ цвѣтамъ, и какъ относились къ нимъ другіе англійскіе поэты. Шелли не всегда испытывалъ такую сильную любовь къ Природѣ, какою отмѣчено его творчество болѣе поздняго періода. Въ ранней юности онъ былъ такъ захваченъ психологическими, философскими и соціальными вопросами, что видъ живописныхъ горъ и вообще видъ красивыхъ мѣстъ Природы оставлялъ его холоднымъ. Онъ сознавалъ красоту Природы, но это сознаніе не оживлялось чувствомъ. Мало по малу, однако, онъ вошелъ въ тайники Природы, и, разъ понявъ ее, уже никогда не остывалъ къ ней. У него въ удивительной степени развита способность рисовать неопредѣленныя мимолетныя состоянія Природы, и способность изолировать ее, созерцать ее, какъ вполнѣ единичное, живущее въ предѣлахъ особой индивидуальной жизни, явленіе. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ нашимъ Тютчевымъ, и, что оригинально, Лей Гёнтъ (1784—1859) говоритъ о Шелли почти тѣми же словами, какими Владиміръ Соловьевъ говоритъ о Тютчевѣ, въ своей статьѣ о немъ. «Шелли», говоритъ Лей Гёнтъ, «повидимому смотритъ на Природу съ такой серьезной и напряженной любовью, что въ концѣ концовъ, если она не нарушаетъ свое всегдашнее молчаніе, она платитъ ему взглядомъ за взглядъ. Она какъ будто говоритъ ему: Ты меня знаешь, другіе не знаютъ меня. Для него у красоты внѣшняго міра есть отвѣтствующее сердце, въ самомъ шопотѣ вѣтра есть значеніе. Для другихъ это просто слова. Для Шелли все, что существуетъ, существуетъ въ дѣйствительности—цвѣтъ, звукъ, движеніе, мысль, чувство, возвышенное и смиренное, частность и общее, отъ красоты травинки или нѣжнѣйшаго тающаго оттѣнка облака до сердца человѣка и мистическаго духа вселенной» (напечатано въ *Examiner*, по поводу поэмы *Розалинда и Елена*, воспроизведено у Даудэна, т. II, стр. 281). Эту черту индивидуализаціи природныхъ явленій мы видимъ и въ стихотвореніи *Мимоза*. Изъ старыхъ англійскихъ поэтовъ очень часто и хорошо говорятъ о цвѣтахъ Чосеръ (1340—1400) и Шекспиръ (1564—1616). Но, вопреки Шелли, любившему экзотическія и рѣдкія растенія и говорящему о цвѣтахъ съ особымъ пристрастіемъ, Шекспиръ почти исключительно говоритъ о растеніяхъ англійскихъ, и говоритъ о нихъ лишь тогда, когда это логически требуется по условіямъ данной сцены или даннаго образа. Этимъ объясняется, что у него совсѣмъ не упоминаются такіе общеизвѣстные цвѣты, какъ Подснѣжникъ, Незабудка, Ландышъ. Современники Шекспира, кромѣ

Бенъ Джонсона (1573—1637) и Вильяма Брауни (1591—1643), почти совсѣмъ не говорятъ о цвѣтахъ. Мильтонъ (1608—1674) и Спенсеръ (1552—1599) описываютъ цвѣты, какъ книжники, изучавшіе классиковъ или итальянцевъ, между тѣмъ какъ Шекспиръ описываетъ ихъ какъ реалистъ (См. превосходную книгу H. N. Ellacombe, *The Plant-lore and Garden-craft of Shakespeare,* London, 1896, *Знаніе растеній и садоводство у Шекспира*). Въ 18 столѣтіи англійскіе поэты почти совсѣмъ не говорятъ о цвѣтахъ, во всякомъ случаѣ не говорятъ о такихъ, напримѣръ, скромныхъ цвѣтахъ, какъ Маргаритка, царственно воспѣтая Чосеромъ. Зато въ поэтахъ 19 вѣка цвѣты нашли особенно преданныхъ и сладкозвучныхъ трубадуровъ. Шелли, Китсъ, Вордсвортъ, Тэннисонъ и многіе другіе англійскіе поэты являются преданными рыцарями Розы и Лиліи, Фіалки и Туберозы и многихъ иныхъ садовыхъ, луговыхъ, водныхъ и лѣсныхъ красавицъ. Изъ отдѣльныхъ цвѣтовъ Чосеръ особенно любитъ Маргаритку, которую онъ считаетъ царицей цвѣтовъ, Шекспиръ чаще всего говоритъ о Розѣ и Лиліи, также какъ Вордсвортъ. Шелли особенно любитъ Анемону, Фіалку, Туберозу и Златоокъ. Переходя въ отдѣльности къ тѣмъ цвѣтамъ, которые Шелли возсоздалъ въ *Мимозѣ*, можно сообщить о нѣкоторыхъ интересныя подробности.

Фіалка. Шекспиръ очень часто говоритъ о ней, какъ о нѣжномъ весеннемъ душистомъ цвѣткѣ, съ голубыми жилками. Мильтонъ помѣщаетъ ее среди цвѣтовъ, которые услаждали Адама и Еву въ Раю, а именно онъ называетъ ее наряду съ Ирисомъ, Розой, Жасминомъ, Крокусомъ и Гіацинтомъ (*Paradise Lost, book IV*). Вальтеръ Скоттъ называетъ ее красивѣйшимъ цвѣткомъ долины и лѣсной чащи.

Нарциссъ (*Златоокъ*). Шекспиръ очень любилъ Златоокъ. Онъ очаровательно описалъ его въ *Бурѣ*. Китсъ примѣняетъ къ Нарциссу свой прекрасный стихъ «A thing of beauty is a joy for ever» («Созданье красоты — безсмертная услада»). Его очень любили Вордсвортъ и Эдгаръ По. Въ одной изъ своихъ лучшихъ сказокъ, *Элеонора*, Эдгаръ По описываетъ Златоокъ, какъ цвѣтокъ той Долины Многоцвѣтныхъ Травъ, гдѣ ему дано было испытать первичную райскую любовь. «Роза Шарона» это большой желтый Нарциссъ, о которомъ Магометъ сказалъ: «У кого два хлѣба, пусть онъ продастъ одинъ за цвѣтокъ Нарцисса, ибо хлѣбъ — пища для тѣла, а Нарциссъ — пища для души».

Ландышъ. Никто такъ хорошо не сказалъ о Ландышѣ, какъ Лермонтовъ, назвавъ его «росой обрызганный».

Гіацинтъ. Эдгаръ По въ своемъ разсказѣ *Помѣстье Арнгеймъ* рисуетъ идеальный пейзажъ, и въ немъ, среди подобныхъ видѣніямъ восточныхъ деревьевъ, между озеръ, обрамленныхъ Лиліями, луга, пересѣченные серебряными ручейками, украшены Фіалками, Тюльпанами, Маками, Гіацинтами и Туберозами (*Собраніе сочиненій Эдгара По*, въ переводѣ К. Бальмонта, т. 1, Москва, 1901).

Роза и Лилія. Эти два цвѣтка очень часто сочетаются въ описаніяхъ, хотя они не гармонируютъ въ одномъ букетѣ. Древне-персидская поэзія окропляетъ свои любовные гимны пряным запахомъ свѣжихъ Розъ, сладчайшая *Пѣснь Пѣсней* прославляетъ любовь среди Лилій. У Шекспира множество упоминаній Розы и Лиліи. Сехисмундо въ драмѣ Кальдерона *La Uida es Sueno* (*Жизнь есть сонъ*, II, 7) говоритъ, что на небѣ царствуетъ Солнце, между ночныхъ свѣтилъ вечерняя звѣзда, между драгоцѣнныхъ камней алмазъ, а въ царствѣ ароматовъ «Царица-Роза надъ цвѣтами владычествуетъ въ силу красоты». Въ другой драмѣ Кальдерона, *Amar despues de la muerte* (*Любовь послѣ смерти*, II, 5), говорится, что Весна сзываетъ цвѣты на всенародный праздникъ,

Чтобы въ собраньи этомъ яркомъ,
Сильнѣйшей въ чарахъ красоты,
Царицѣ-Розѣ присягнули
Въ повиновеніи цвѣты.

Два русскіе поэта очень красиво сочетаютъ Розу съ пчелой. Пушкинъ: «Журчанье пчелъ надъ Розой алой» (Къ Н., 1834); Фетъ: «И тебѣ, Царица-Роза, брачный гимнъ поетъ пчела» (*Полное собраніе стихотвореній*, т. 1, стр. 8, новое изданіе подъ ред. Б. Никольскаго). Что касается Лиліи, она за послѣднія десятилѣтія сдѣлалась наиболѣе излюбленнымъ цвѣткомъ поэтовъ-декадентовъ, также какъ, до извѣстной степени родственная съ ней, и въ то же время прямо ей противоположная, чувственная и хищная, Орхидея. Шекспиръ говоритъ о Лиліи такъ же часто, какъ о Розѣ. Онъ называетъ ее «владычицей луга». Спенсеръ называетъ ее «царицей цвѣтущаго луга».

Индійскія травы. У Минскаго есть красивый сонетъ, начинающійся словами: «Какъ пряный ароматъ Индійскихъ травъ—для вкуса пресыщеннаго услада....»

Мандрагора. Въ драмѣ *Отелло*, игрою случая или съ высшей тонкой преднамѣренностью, Шекспиръ назвалъ лишь четыре растенія: Locusts, Coloquintida, Poppy, Mandragora (Рожокъ, Чортово яблоко, Макъ, и

Мандрагора): сладкое, горькое, усыпляющее и убивающее. Въ средніе вѣка вѣрили, что Мандрагора обыкновенно ростетъ лишь подъ висѣлицами. Если повѣшенный былъ мужескаго пола, гной, упадавшій съ мертвеца, рождалъ Мандрагору мужескаго рода, гной съ женскаго тѣла рождалъ Мандрагору женскаго рода. По виду своему Мандрагора имѣетъ въ себѣ нѣчто человѣческое. Колумелла называетъ это растеніе «получеловѣкомъ» (semi-homo), Пиѳагоръ называетъ его «человѣкообразнымъ» (anthropomorphus). Въ средніе вѣка относительно Мандрагоры существовало зловѣщее повѣрье, о которомъ говоритъ Шекспиръ въ *Ромео и Юліи*, IV, 3.

Такъ Мандрагора, вырванная съ корнемъ,
Кричитъ, и, услыхавши этотъ крикъ,
Теряютъ люди въ ужасѣ разсудокъ.

Среди всѣхъ этихъ цвѣтовъ, какъ мрачныхъ, такъ и радостныхъ, Мимоза остается одинокой. Среди всѣхъ людей, которые приближались къ Шелли, онъ оставался одинокимъ въ смыслѣ возможности длительнаго единенія. Его только частію понимали самые близкіе люди, и только въ нѣкоторыхъ движеніяхъ его души, слишкомъ необычной и слишкомъ сложной.

Къ стр. 109.

Морское видѣніе.

Въ этомъ красивомъ отрывкѣ много интересныхъ и даже блестящихъ частностей, но въ цѣломъ это скорѣе байроновская манера, чѣмъ шелліевская.

Къ стр. 115.

Облако.

Пантеистическая поэзія Шелли очень родственна съ поэзіей космогоній. Природныя явленія, какъ облако, вѣтеръ, луна, не явленія для него, а живыя индивидуальныя сущности. Интересно сблизить это стихотвореніе, также какъ стихотвореніе *Пѣснь къ западному вѣтру*, съ *Гимномъ богамъ Грозы*, изъ *Ригъ-Веды*. Шелли, также какъ ведійскій поэтъ, особенно тонко сумѣлъ подмѣтить противоположности Вѣтра и Облака: Вѣтеръ у него губитель и зиждитель, Облако переходитъ отъ нѣжнѣйшаго къ самому грозному, и, какъ Маруты, едва ихъ вскормишь, тотчасъ создаютъ темную тучу и снова смотрятъ, гдѣ бы найти имъ укрѣпляющей пищи, такъ шелліевское Облако, едва только все небо сдѣлается безоблачнымъ, встаетъ бѣлизною и опять разрушаетъ лазурь.

ГИМНЪ БОГАМЪ ГРОЗЫ.

(Ригъ-Веда, 1, 168).

1.

Вы спѣшите на каждую жертву.
Вы берете мольбу за мольбой,
О, Маруты проворные!
Дозвольте же мнѣ,
Моими молитвами,
Привлечь васъ сюда отъ небесъ и земли,
Для нашей защиты
И благоденствія!

2.

О, вы, потрясатели,
Рожденные въ мірѣ затѣмъ,
Чтобъ влагу и свѣтъ приносить,
Само-рожденные, само-вспоенные,
Какъ источники быстро-бѣгущіе,
Какъ обильныя волны воды,
Вы, зримые, точно стада превосходныхъ быковъ!

3.

Ты, укрѣпляющій сильныхъ Марутовъ,
Какъ капли священныя Сомы,
Что, брызнувъ изъ сочныхъ стеблей,
Испитыя, ярко живутъ
Въ сердцахъ у молящихся,—
Гляди, какъ у нихъ на плечахъ
Сверкаетъ, прильнувши, копье.
Такъ льнутъ къ намъ влюбленныя жены.
И дискъ въ ихъ проворныхъ рукахъ,
И губительный мечъ!

4.

Какъ легко они съ неба спустились,
По согласью съ самими собой!
Пробудитесь подъ шорохъ свистящихъ бичей,
О, безсмертные!
По безпыльнымъ путямъ прошумѣли Маруты могучіе,
И блестящими копьями ихъ
До основъ сотряслись всѣ мѣста!

5.

Кто васъ двинулъ сюда изнутри,
О, Маруты съ блестящими копьями,
Какъ мы видимъ, что движется пасть языкомъ?
Точно пищи хотя, возмутили вы небо;
Вы приходите къ многимъ, влекомые многими,
Какъ солнце горящее, конь лучезарнаго дня!

6.

Гдѣ вершина, гдѣ дно тѣхъ великихъ небесъ,
О, Маруты, куда вы пришли?
То, что сильно, какъ хрупкое что-то,
Грозовою стрѣлой поразивъ,
Вы летите по страшному морю!

7.

Какъ ваша побѣда, Маруты,
Страшна, полновластна, насильственна,
Какъ блестяща она и губительна,
Такъ даръ вашъ прекрасенъ, богатъ,
Какъ щедрости щедрыхъ молящихся,
Онъ веселъ, широкъ, и лучистъ,
Какъ небесная молнія!

8.

Отъ колесъ колесницъ ихъ проворныхъ
Струятся потоки дождя,
Когда разрѣшаютъ они

Голосъ густыхъ облаковъ.
И молніи вмигъ улыбнулись землѣ,
Когда ниспослали Маруты
Потокъ плодородныхъ дождей!

9.

Присни на свѣтъ родила для великой борьбы
Страшную свиту Марутовъ,
Неутомимыхъ.
Только ихъ вскормишь,
Какъ темную тучу они создаютъ,
И смотрятъ, и смотрятъ кругомъ,
Гдѣ бъ найти укрѣпляющей пищи!

Къ стр. 118.

Къ жаворонку.

Почти всѣ англійскіе поэты очень любятъ Жаворонка и говорятъ о немъ болѣе или менѣе краснорѣчиво. Его прославляютъ Шекспиръ, Флетчеръ, Бёрнсъ, Куперъ, Вальтеръ Скоттъ, Вордсвортъ, Китсъ, но одинъ только Шелли сумѣлъ создать такой блестящій гимнъ этому маленькому царю лазури, несомнѣнно гораздо болѣе заслуживающему всеобщаго признанія, нежели трубадуръ Луны, Соловей. Шекспиръ называетъ Жаворонка веселымъ, нѣжнымъ, и вѣстникомъ Солнца. «То вѣстникъ утра, Жаворонокъ былъ», говоритъ Ромео въ извѣстной сценѣ любви (III, 5). «Чу, Жаворонокъ пѣснь свою поетъ—у вратъ небесныхъ», говорится въ *Цимбелинѣ* (II, 2).

Твои глаза—сіянье звѣздъ полярныхъ,
И голосъ твой плѣнительнѣй для слуха,
Чѣмъ Жаворонка пѣсня пастуху,—

говоритъ Елена въ драмѣ *Сонъ въ лѣтнюю ночь.*

Вотъ Жаворонокъ нѣжный, утомившись
Покоемъ, воспаряетъ къ высотѣ
И будитъ утро: Солнце, пробудившись,
Является въ роскошной красотѣ,—

читаемъ мы въ *Венерѣ и Адонисѣ.*

Вордсвортъ написалъ два гимна Жаворонку. Въ одномъ изъ нихъ есть удачныя строки:

Вверхъ со мной! вверхъ со мной! насъ зоветъ вышина!
Твоя звонкая пѣсня сильна!

Къ стр. 123.

Пѣснь къ Свободѣ.

Пѣснь къ Свободѣ написана подъ впечатлѣніемъ освободительнаго движенія Испаніи весною 1820 года. Шелли излагаетъ въ ней свой взглядъ на исторію человѣчества нѣсколько туманно и черезчуръ субъективно. Въ ней была еще слѣдующая строфа, которую онъ вычеркнулъ:

Въ неизслѣдимомъ духѣ человѣка,
Въ пещерѣ—тронъ, тамъ Образъ красоты
Такой волшебной, царственной отъ вѣка,
Что, если дерзновенныя мечты
Туда зайдутъ, они свой ликъ склоняютъ,
Трепещутъ предъ сіяніемъ его,
И этотъ блескъ впиваютъ—до того,
Что имъ себя всецѣло наполняютъ
И, будучи воздушными, какъ сны,
Тѣмъ пламенемъ свѣтло озарены.

Нѣкоторыя мѣста заслуживаютъ особаго разъясненія. *Маркъ Фурій Камиллъ* (4 вѣкъ до Р. Хр.)—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей республиканскаго Рима. За свои заслуги онъ былъ прозванъ вторымъ основателемъ Рима. *Люцій Атилій* (4 вѣкъ до Р. Хр.) — народный трибунъ. *Гирканія* — песчаная пустыня, обширная область въ центральной Азіи, отъ восточнаго берега Каспійскаго моря до Окса, и отъ Аральскаго моря до границъ Персіи и Афганистана. *Друиды и Скальды.* Шелли говоритъ, что они не знали свободы. Это не вполнѣ вѣрно. Друиды были древніе галльскіе и британскіе жрецы, учившіе о вѣчности матеріи и духа, о перевоплощеніи, а отсюда о возмездіи и наградѣ за поступки. Скальды—древнескандинавскіе поэты, пѣвшіе о тайнахъ мірозданія, о жизни боговъ, о подвигахъ царей и героевъ. Поэзія Скальдовъ развилась главнымъ образомъ въ Исландіи, куда переселились наиболѣе свободолюбивые норвежцы. Шелли смотритъ на тѣхъ и другихъ слишкомъ узко, и вѣроятно разумѣетъ то, что Друиды, какъ говоритъ Вольтеръ, были «обманщики», а Скальды воспѣвали подвиги царей.

Альфредъ Великій, король англо-саксонскій (849—901), дважды спасъ Англію отъ датчанъ, былъ законодателемъ, покровителемъ литературы, и самъ написалъ нѣсколько сочиненій. Въ своемъ *Завѣщаніи* онъ сказалъ достопримѣчательныя слова: «Англичане должны быть такъ же свободны, какъ ихъ мысли». *Цитекуза*—древнее названіе маленькаго острова Исхіи, въ Неаполитанскомъ заливѣ. *Пелоръ*—очень высокій Сицилійскій мысъ. Шелли называетъ Англію и Испанію близнецами одной судьбы, ибо двѣ эти страны съиграли великую міровую роль, въ колонизаціи. *Арминій* (18 г. до Р. Хр.—20 по Р. Хр.)—вождь Херусковъ, освободитель Германіи, знаменитый побѣдитель Вара.

Къ стр. 132.

Я ласкъ твоихъ страшусь.

Это нѣжное стихотвореніе можно сопоставить со стихотвореніемъ Лермонтова *Мнѣ грустно потому...*

Къ стр. 133.

Аретуза.

Миѳъ Аретузы и Алфея красиво разсказанъ у Овидія, въ 5 книгѣ *Метаморфозъ*. Шелли воспользовался этимъ миѳомъ художественно и самостоятельно. Какъ я сказалъ, онъ слишкомъ талантливъ, чтобы заимствовать что-нибудь въ точномъ смыслѣ слова.

Къ стр. 136.

Пѣснь Прозерпины.

Исторія Прозерпины описана въ 5-ой книгѣ *Метаморфозъ*.

Къ стр. 137.

Гимнъ Аполлона.

Въ собраніи стихотвореній въ сущности нужно было бы помѣстить сперва *Гимнъ Пана*, а за нимъ *Гимнъ Аполлона*, ибо состязаніе началъ Панъ. Но Шелли и здѣсь, какъ всегда, сумѣлъ внести свою оригинальную черту. Состязаніе Аполлона и Пана, состязаніе лиры и свирѣли, описано въ 11 книгѣ *Метаморфозъ*. Панъ былъ обманутъ похвалами нимфъ, и дерзнулъ вызвать Аполлона на состязаніе. Тмолъ (гора) былъ выбранъ судьей. Когда Панъ кончилъ, Тмолъ повернулъ свое лицо къ Аполлону, и весь лѣсъ послѣдовалъ этому движенію. Аполлонъ побѣдилъ души всѣхъ звуками необыкновенной сладости, и только Мидасъ не

признаетъ его побѣдителемъ, за что и потерпѣлъ извѣстную кару. У Шелли и Аполлонъ и Панъ состязатели, но побѣжденнаго нѣтъ, такъ какъ оба несравненны въ своихъ чарахъ. Аполлонъ, этотъ гордый богъ, который, едва родившись, сказалъ: «Мнѣ нравится киѳара», роскошенъ и разнообразенъ, какъ его аттрибуты и какъ сфера его вліянія, но въ то же время онъ индивидуальный богъ, богъ личности. Въ Панѣ нѣтъ такой роскоши, но въ немъ чувствуется пониманіе всего Творенія, безъ выдѣленія частей, поэтическое пониманіе красоты печали, близость ко всемірной тайнѣ.

Къ стр. 141.

Вопросъ.

О шелліевскихъ цвѣтахъ уже говорилось въ примѣчаніи къ *Мимозѣ*. Здѣсь необходимо только сказать объ Анемонѣ, которую такъ любилъ Шелли. Біонъ говоритъ, что Анемона произошла изъ слезъ Венеры. Теокритъ называетъ ее цвѣткомъ Адониса. Плиній говоритъ, что Анемона раскрывается лишь тогда, когда вѣетъ вѣтеръ (Nat. Hist. XXI, 11).

Къ стр. 143.

Два духа.

Шелли всегда, въ своей жизни, какъ и въ своей поэзіи, былъ *вторымъ духомъ*, безотчетно стремящимся къ высотѣ и никогда не связаннымъ чувствомъ страха,—именно поэтому его и окружалъ всегда свѣтъ, который дѣлалъ изъ ночи день.

Къ стр. 145.

Пѣснь къ Неаполю.

Шелли дѣлаетъ къ этому стихотворенію слѣдующее примѣчаніе: Авторъ соединилъ воспоминанія о своемъ посѣщеніи Помпеи и Байскаго залива съ тѣмъ восторгомъ, который былъ вызванъ извѣстіемъ о провозглашеніи Конституціоннаго Правленія въ Неаполѣ. Это придало отпечатокъ живописной и описательной фантазіи вступительнымъ Эподамъ, изображающимъ данныя картины, и вложило въ нихъ нѣкоторыя изъ величественныхъ чувствъ, неразрывно связанныхъ съ обстановкой этого оживляющаго событія». Подъ уснувшими царями Пѣснопѣнья подразумѣваются Гомеръ и Виргилій. Ехидна, упоминаемая въ стихѣ о Миланѣ, была гербовымъ девизомъ миланскихъ деспотовъ, Висконти.—Шелли видѣлъ въ Италіи наслѣдницу великихъ истинъ, освобождающихъ человѣ-

ческій духъ, и оплотъ противъ Сѣверной грубости и Сѣвернаго варварства.

Къ стр. 151.

Осень.

Вильямъ Блэкъ говоритъ: «Рѣки, камни, травы и деревья, и все иное, это—люди, зримые издали». Для Шелли, мѣсяцы и дни—люди.

Къ стр. 152.

Убывающая луна.

Шелли настоящій Ассиріянинъ въ своемъ поклоненіи Лунѣ. Онъ можетъ говорить о ней безъ конца, и всегда находитъ какой-нибудь новый образъ, какой-нибудь новый неожиданный оттѣнокъ ея красоты. Прекрасноволосая, красивая, бѣлая, блѣдная, холодная, заостряющая свой серебряный рогъ, дремлющая, озаряющая дали, тихая, яснѣйшая, внезапная, туманная, огромная, широкая, молодая кочевница запада, восходящая, нисходящая, поднимающаяся, озаряющая птицъ, которыя спятъ подъ ней какъ нарисованныя, младенческая, возвышенная, засыпающая въ глубинѣ — это только начало перечисленія оттѣнковъ, которые онъ въ ней подмѣчаетъ, это лишь малая часть его красивыхъ словъ о Лунѣ. Луна производила на него впечатлѣнье колдовства, и, соприкоснувшись съ ея лучами или съ ея неяснымъ далекимъ свѣтомъ, душа его становилась какъ струны Эоловой арфы. Интересно, что въ Библіи и у Шекспира гораздо чаще встрѣчается Солнце, нежели Луна. Интересно для насъ, русскихъ, также и то, что Пушкинъ котораго считаютъ пѣвцомъ Солнца, на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе любитъ Луну, и гораздо чаще говоритъ о ней. Будучи несравненнымъ мастеромъ эпитетовъ, какого не было, быть можетъ, ни въ одной литературѣ, онъ находитъ всего два-три эпитета для Солнца, между тѣмъ какъ для Луны у него ихъ множество. Онъ называетъ ее: тихая, какъ лебедь величавый (*Воспомин. о Царск. Селѣ*), туманная (*Наполеонъ на Эльбѣ*), вечерняя (*Мое завѣщаніе*), царица ночей (*Фавнъ и Пастушка*), прекрасная (*тамъ же*), пустынная (*Окно*), уединенная, съ тусклымъ сіяньемъ, съ явленьемъ пасмурнымъ, съ таинственными лучами (*Мѣсяцъ*), двурогая (*Русл. и Л., 6*), вліяніемъ своимъ создающая то, что все подъ нею полно тайнъ и тишины, и вдохновеній сладострастныхъ (*Бахч. Фонт.*), какъ привидѣніе (*Ненастный день потухъ...*), вольная (*Цыг.*), богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ (*Евг. Он., II, 10*), небесная лампада (*тамъ же, 22*), отума-

ненная (*тамъ же, 28*), вдохновительная (*тамъ же, III, 20*), — наконецъ Луна у Пушкина *грѣетъ* русалокъ (*Рус., си. 4*). Также какъ изъ Шелли, я выписалъ изъ Пушкина далеко не всѣ опредѣленія луны. Мнѣ кажется, необходимо было бы посвятить спеціальную статью этому предмету. Врядъ ли когда-нибудь раньше была отмѣчена эта интересная черта общности между Пушкинымъ и Шелли.

Къ стр. 154.

Смерть.

Пушкинъ говоритъ о Смерти: «Нашъ вѣкъ—невѣрный день; смерть—быстрое затменье» (*Безвѣріе*).

Къ стр. 155.

Свобода.

Въ первомъ моемъ переводѣ этого стихотворенія была выпущена одна строфа; теперь оно переведено цѣликомъ.

Къ стр. 157.

Башня голода.

Подразумѣвается Пизанская башня, служившая тюрьмой для Уголино. Робертъ Броунингъ справедливо указалъ, что Шелли смѣшалъ Башню Гвельфовъ, къ которой относится его описаніе, съ Башней Голода, руины которой находятся на Пьяцца ди и Кавальери.

Къ стр. 158.

Иносказаніе.

Мятущіяся безчисленныя тѣни существъ представляются Шелли какъ бы облаками, тревожно вьющимися въ провалахъ горъ. У Де-Куинси былъ родственный поэтическій кошмаръ: ему представлялись милліоны, милліарды лицъ, которыя, изступленно обращаясь къ небу, образуютъ волны океана.

Къ стр. 159.

Странники міра.

Интересно, что у такого сложнаго и утонченнаго поэта, какъ Шелли, встрѣчаются подобныя стихотворенія. Это прозрачно и просто, какъ народная пѣсня.

Къ стр. 161.

Къ журналисту.

См. примѣчаніе къ стихотворенію *Къ Критику*.

Къ стр. 162.

Доброй ночи.

Шелли самъ перевелъ это стихотвореніе на итальянскій языкъ.

«Buona notte, buona notte!»—Come mai
La notte sará buona senza te?
Non dirmi buona notte,—chè tu sai,
La notte sà star buona da per se.
Solinga, scura, cupa, senza speme,
La notte quando Lilla m'abbandona;
Pei cuori chi si batton insieme
Ogni notte, senza dirla, sará buona.
Come male buona notte si suona
Con sospiri e parole interrotte!—
Il modo di aver la notte buona
E mai non di dir la buona notte.

Къ стр. 163.

Орфей.

Исторія Орфея разсказана въ 10 и 11 книгахъ *Метаморфозъ* Овидія.

Къ стр. 169.

Минувшіе дни.

У Тэннисона, наиболѣе сладкозвучнаго англійскаго пѣвца послѣ Шелли, есть стихотвореніе родственное съ этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Мнѣ кажется, что стихи Тэннисона еще лучше. Вотъ они.

О, слезы, слезы, что въ васъ, я не знаю,
Изъ глубины какой-то высшей боли,
Вы къ сердцу подступаете, къ глазамъ,
Глядящимъ на желтѣющія нивы,
На призракъ дней, которыхъ больше нѣтъ.

Вы свѣжи, словно первый лучъ, что глянулъ
На кораблѣ, любимыхъ намъ вернувшемъ,

Вы грустны, какъ послѣдній лучъ, вдали,
На кораблѣ, увлекшемъ наше счастье,
Такъ грустны дни, которыхъ больше нѣтъ.

О, странно-грустны, какъ въ разсвѣтѣ лѣтнемъ
Крикъ сонныхъ птицъ, сквозь сонъ поющихъ пѣсню
Для гаснущаго слуха, въ часъ когда
Горитъ окно для гаснущаго взора,
Такъ странны дни, которыхъ больше нѣтъ.

Желанные, какъ сладость поцѣлуевъ,
Какъ сладость ласкъ, что мыслимъ мы съ тоскою
На чуждыхъ намъ устахъ,—и какъ любовь,
Какъ первая любовь, безумны, страстны,
Смерть въ Жизни, дни, которыхъ больше нѣтъ.

Къ стр. 170.

Плачъ объ умершемъ годѣ.

У Лонгфелло есть стихотвореніе на ту же тему.

Къ стр. 171.

Къ Ночи.

У Лонгфелло есть *Гимнъ къ Ночи*, не уступающій стихотворенію Шелли. Привожу его.

ГИМНЪ КЪ НОЧИ.

Я слышалъ шелестъ Ночи межъ узорныхъ,
Межъ мраморныхъ колоннъ.
Я видѣлъ, край ея покрововъ черныхъ
Былъ свѣтомъ обрамленъ.
Я чувствовалъ, что Ночь струитъ вліянье,—
Ты здѣсь, и я не сплю,—
Я чувствовалъ ея очарованье,
Какъ той, кого люблю.
Плѣнительный, какъ призрачныя очи,
Я слышалъ нѣжный звонъ,
Чьимъ ропотомъ напѣвнымъ замокъ Ночи
Воздушно напоенъ.

Изъ родниковъ цѣлительной прохлады
Мой духъ усладу пилъ.
Здѣсь водоемъ покоя и отрады,
Неистощимыхъ силъ.
Святая Ночь, въ тебѣ такая сила,
Что не страшусь я бѣдъ.
Ты перстъ къ устамъ Заботы приложила,
И жалобы въ нихъ нѣтъ.
Миръ! Миръ! Я, какъ Орестъ, молю, взывая:
Сойди, чтобъ мнѣ помочь,
Желанная, прекрасная, святая,
Возлюбленная Ночь!

Къ стр. 173.

Время.

Шелли, также какъ индійскіе поэты, съ особенной любовью обращается съ такими отвлеченными сущностями, какъ Время и Пространство.

Къ стр. 176.

Къ Эмиліи Вивіани.

Исторія любви Шелли къ поэтической Эмиліи Вивіани подробно изображена въ поэмѣ *Эпипсихидіонъ*.

Къ стр. 177.

Бѣлецы.

Въ этой поэмѣ столько живости, что можно думать, Шелли, когда писалъ ее, вспоминалъ свои ощущенія во время бѣгства съ Мэри Годвинъ во Францію.

Къ стр. 179.

Пусть отзвучитъ...

Это стихотвореніе, также какъ слѣдующее, принадлежитъ къ нѣжнѣйшимъ образцамъ лирики Шелли, сотканной изъ лучей и ароматныхъ лепестковъ.

Къ стр. 183.

Смерть Наполеона.

Какъ бы ни была велика личность, ея размѣры не могли ослѣпить Шелли: у него была неподкупная душа, всегда обращавшая свои взоры

къ вѣчнымъ законамъ Жизни, къ конечному торжеству Красоты и Добра въ мірѣ. Справедливость Шелли была въ этомъ отношеніи удивительна, если принять во вниманіе, что онъ былъ человѣкъ крайне увлекающійся. Но какъ онъ напримѣръ ни преклонялся передъ поэзіей Байрона и передъ многими блестящими чертами его личности, для него не остались скрытыми всѣ отрицательныя личныя его черты.

Къ стр. 186.

Азіола.

Шелли ничто такъ не цѣнилъ, какъ общество людей съ оригинальной воспріимчивостью, и ни отъ чего такъ не страдалъ, какъ отъ общества людей посредственныхъ. Потому онъ могъ долгіе часы разговаривать съ Хоггомъ, съ Лей Гёнтомъ, съ Байрономъ, и съ Тралауни, но онъ, какъ школьникъ отъ неудобнаго надсмотрщика, спасался бѣгствомъ отъ манекеновъ повседневности.—Англійскіе поэты называютъ Сову зловѣщей, страшной, фатальной, торжественной, печальной, мрачной, ужасной, подобной привидѣнью. Плиній говоритъ, что Сова есть истинное чудовище ночи, она не кричитъ и не поетъ ясно, а о чемъ-то жалобно и глухо стонетъ. Шелли, единственный какъ всегда, написалъ первый такое нѣжное любовное признаніе этой таинственной птицѣ.

Къ стр. 187.

Вопль.

Послѣдніе полтора года жизни Шелли были временемъ его послѣдней, постепенно возроставшей, несчастной любви къ красивой, и полной веселаго жизнерадостнаго изящества, Джэнъ Уильемсъ. Ея гитара, ея голосъ, ея магнетическое вліяніе на Шелли, ея весенняя душа живутъ въ его стихахъ. Въ цѣломъ рядѣ предсмертныхъ его стихотвореній мы видимъ призракъ этой послѣдней его Музы. Тѣ послѣдніе стихи Шелли, гдѣ слышится сердечная боль, или чувствуется пламенная и возвышенная любовь, посвящены, внутренно, ей и вызваны ею. Шелли говорилъ, что, Джэнъ Уильемсъ была прообразомъ той Богини сада, которую онъ изобразилъ въ *Мимозѣ*, хотя онъ написалъ это стихотвореніе до знакомства съ ней. Мы можемъ угадывать поэтому, какъ велико было ея очарованіе.

Къ стр. 189.

Къ Эдуарду Уильемсу.

Эдуардъ Уильемсъ — мужъ Джэнъ, съ которымъ у Шелли все время

ихъ знакомства, до самаго послѣдняго дня, когда они вмѣстѣ утонули, были самыя лучшія дружескія и джентльмэнскія отношенія. Байронъ, когда Шелли прочелъ вслухъ это стихотвореніе, воскликнулъ съ восторгомъ: «Вы — змѣя, Шелли». Для Байрона Шелли былъ образцомъ утонченнаго необыкновеннаго ума.

Къ стр. 191.

Слишкомъ часто...

Я не буду отмѣчать дальнѣйшія любовныя стихотворенія, ибо характеръ ихъ возникновенія очевиденъ.

Къ стр. 192.

Къ—

Это стихотвореніе конечно относится къ Мэри, хотя необходимо сказать, что Шелли до послѣдняго дня жизни не переставалъ быть глубоко преданнымъ ей. Онъ продолжалъ ее любить, но любовью, полной невысказаннаго мученія.

Къ стр. 193.

Свадебная пѣсня.

Свадебныя пѣсни Шелли написаны подъ вліяніемъ двухъ свадебныхъ гимновъ Катулла, которые въ свою очередь являются частію переводомъ, частію подражаніемъ утраченнымъ свадебнымъ гимнамъ Сафо, этой сладкозвучной «десятой музы», какъ ее называлъ Платонъ. Обращаю вниманіе читателей на слѣдующія параллели съ катулловскимъ *Juliae et Mallii Epithalamium*. У Шелли: «Раскрылись свѣтлыя врата...». У Катулла: «Claustra pandite januae: —Virgo adest». У Шелли: «Еще природа не ввѣряла — любви такую красоту». У Катулла: «Ne qua foemina pulchrior», У Шелли: «Идемъ! Идемъ!». У Катулла: «Ite, coincinite in modum — Jo, Hymen...». Въ *Carmen Nuptiale* другой образецъ гимна Шелли. Это перемѣнный хоръ Juvenes и Puellae. Юноши очень тонко замѣчаютъ: «Друзья, нелегко будетъ получить намъ пальму въ состязаніи. Смотрите на нашихъ соперницъ. Какой у нихъ задумчивый видъ! Въ этомъ великое предзнаменованіе. Одинъ предметъ приковываетъ ихъ вниманіе. А наши умы и наши взоры развлекаются то однимъ, то другимъ. Онѣ побѣдятъ. Побѣда любитъ вниманіе.—Amat victoria curam». Дѣвушки называютъ Весперъ жестокой звѣздой, такъ какъ онъ отнимаетъ у нихъ и у семьи подругу и дочь. Юноши называютъ Весперъ

чарующимъ, такъ какъ при его пламени Любовь завязываетъ узлы супружества, и такъ какъ его сіянье озаряетъ первыя ласки новобрачныхъ. Въ первой изъ двухъ этихъ эпиталамій есть упоминаніе о ребенкѣ, возникающемъ изъ ласкъ влюбленныхъ супруговъ.

Къ стр. 198.

Любовь, Желанье, Чаянье и Страхъ.

Это стихотвореніе очень напоминаетъ итальянскіе средневѣковые стихи и итальянскія аллегорическія картины.

Къ стр. 204.

Сонетъ къ Байрону.

Шелли очень высоко цѣнилъ творчество Байрона, его сатанинскій величественный размахъ. Въ выраженіи своего преклоненія передъ поэзіей Байрона Шелли переходитъ предѣлы скромности. Однако же онъ самъ сознавалъ и свое величіе, только отсутствіе сочувственной толпы, которая какъ-никакъ необходима поэту, очень часто лишало его увѣренности въ себѣ. Необходимо при этомъ замѣтить, что и Байронъ высоко цѣнилъ творчество Шелли, но, будучи чрезмѣрно самолюбивъ и тщеславенъ, онъ не былъ такъ щедръ на проявленія своихъ дѣйствительныхъ чувствъ, какъ Шелли. Необходимо еще замѣтить, что, несмотря на любовь къ Байрону, Шелли ничего не воспринялъ отъ него, а Байронъ обязанъ ему очень многимъ. Шелли вовлекъ его въ пантеистическія настроенія, передалъ ему въ бесѣдахъ великія сокровища своей огромной начитанности, и своей кристальной чистотой неразъ далъ Байрону возможность видѣть незаурядное психологическое зрѣлище. Нѣмецкій писатель Гейнрихъ Гиллярдонъ въ своей книгѣ *Shelley's Einwirkung auf Byron,* Karlsruhe, 1898, доказываетъ, что Байронъ чуть не цѣликомъ вышелъ изъ Шелли. Это конечно одинъ изъ тѣхъ вздоровъ, которые нерѣдко измышляютъ присяжные ученые, способные читать книги, но неспособные создавать ихъ. Однако общій фактъ значительнаго вліянія Шелли на Байрона не подлежитъ сомнѣнію.

Къ стр. 205.

Отрывокъ о Китсѣ.

Джонъ Китсъ (1795—1821), авторъ *Эндиміона, Ламіи, La Belle Dame sans Merci,* и многихъ другихъ высоко-художественныхъ созданій, является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ 19 вѣка. Шелли опоэтизировалъ его личность въ поэмѣ *Адонаисъ.*

Къ стр. 212.

Цукка.

Шелли говорилъ, что въ нашемъ земномъ существованіи всѣ мы ищемъ Антигону, идеальный первообразъ недостижимой мечты. Для него это исканіе было источникомъ боли и творчества.

Къ стр. 215.

Леди, магнетизирующая больного.

Джэнъ Уильемсъ имѣла способность магнетическимъ вліяніемъ погружать Шелли въ сонъ и такимъ образомъ избавлять его отъ жестокихъ невралгическихъ болей, которымъ онъ былъ подверженъ. Джэнъ спросила Шелли, когда впервые усыпила его: что̀ можетъ излѣчить его, и Шелли усыпленный, отвѣтилъ: «То, что излѣчило бы меня, убило бы меня».

Къ стр. 225.

Съ гитарой, къ Джэнъ.

Шелли подарилъ Джэнъ гитару, донынѣ сохраняющуюся въ Бодлеянской Библіотекѣ, и при этомъ написалъ данное стихотвореніе. Для болѣе полнаго пониманія его отсылаю читателя къ шекспировской *Бурѣ*.

Къ стр. 235.

Островокъ.

Нѣжная камея.

Къ стр. 239.

Станса, написанная въ Брэкнелѣ.

Это стихотвореніе, также какъ слѣдующее, было написано въ тяжелую эпоху разрыва Шелли съ первой женой.

Къ стр. 241.

Оттонъ.

Маркъ Сальвій Оттонъ, римскій императоръ, родился въ 32 году умеръ въ 69 году по Р. Хр. Онъ достигъ высшей власти собственной смѣлостью и ловкостью, но черезъ три мѣсяца по вступленіи на престолъ, проигравъ битву въ борьбѣ съ Вителліемъ, закололъ себя кинжаломъ. Солдаты такъ любили его, что многіе изъ нихъ убили себя передъ его костромъ.

Къ стр. 243.

Сцена изъ «Тассо».

Шелли, также какъ Гете и Байронъ, былъ увлеченъ образомъ поэта, который такъ долго скитался и такъ незаслуженно былъ ввергнутъ въ домъ умалишенныхъ. Однако образъ его, живущій въ созданіяхъ другихъ поэтовъ, врядъ ли совпадаетъ съ дѣйствительнымъ его обликомъ: исторія его любви повидимому также совершенно легендарна.

Къ стр. 246.

Лѣсникъ и соловей.

Настоящая исповѣдь художника, въ частности исторія Шелли, какъ поэта.

Къ стр. 247.

Маренги.

Маренги былъ присужденъ къ смерти и скитался вдали отъ родимой Флоренціи. Во время войны Флоренціи съ Пизой, флорентинцы осадили Пизу и рѣшили довести своихъ враговъ до сдачи голодовкой. Пизанцы отправили нѣсколько галеръ за съѣстными припасами въ Сицилію. Одна изъ галеръ, застигнутая при возвращеніи враждебными судами, укрылась подъ башней Вадо. Маренги, увидавъ это, бросился съ берега съ факеломъ, и, несмотря на стрѣлы, устремленныя противъ него, доплылъ до галеры. Пронзенный тремя стрѣлами, онъ долго держался подъ носовой частью галеры, и приподнималъ свой факелъ такъ, что галера воспламенилась. Она сгорѣла ввиду башни Вадо, между тѣмъ какъ Маренги снова достигъ берега. Послѣ этого геройскаго подвига онъ съ большими почестями былъ возвращенъ во Флоренцію (Сисмонди, *Исторія Итальянскихъ республикъ*).

Къ стр. 257.

Къ Мэри Шелли.

Смерть маленькаго Вильяма такъ глубоко поразила Мэри, что она не могла оправиться отъ этого удара всю свою послѣдующую жизнь. Шелли былъ тоже потрясенъ, но конечно не въ такой степени.

Къ стр. 261.

Фьордиспина.

Шелли говоритъ о старухѣ:

Была старуха точно въ снѣ глухомъ,
Какъ древній стволъ, густымъ поросшій мхомъ.

Кальдеронъ въ драмѣ *El Principe constante* (*Стойкій Принцъ*, II. 1), описывая старуху, говоритъ:

Какъ бы древесный стволъ, изсохшій,
И съ неободранной корой.

Къ стр. 264.

Джиневра.

Въ 1400 году Джиневра Аміери, влюбленная въ Антоніо Рондинелли, вышла замужъ, противъ своего желанія, за нѣкоего Аголанти. Четыре года спустя, Джиневра впала въ каталепсію, и была заживо похоронена. Черезъ нѣкоторое время она очнулась, и возвратилась къ своему мужу, но тотъ принялъ ее за привидѣніе, и не захотѣлъ пустить ее къ себѣ. Она нашла прибѣжище у своего перваго возлюбленнаго и они поженились. Бракъ былъ утвержденъ властями. Въ 1546 году въ Италіи появилась пьеса на эту тему: *Ginevra, morta del Campanile, la quale sendo morta e sotterrata, ressuscita.* Лей Гёнтъ также написалъ на эту тему драму *Флорентинская легенда*, послѣ того какъ Шелли написалъ свою неоконченную поэму. Шелли нѣсколько измѣнилъ имена, и къ значительной художественной выгодѣ измѣнилъ самыя обстоятельства событія.

Къ стр. 271.

Лодка на Серкіо.

Шелли описываетъ свои собственныя впечатлѣнія отъ катанья въ лодкѣ по Серкіо вмѣстѣ съ Уильемсомъ.

Къ стр. 277.

Царицѣ моего сердца.

Черновика этого стихотворенія нѣтъ среди бумагъ Шелли. Другъ и родственникъ Шелли, Медвинъ, напечаталъ его какъ принадлежащее Шелли. Мэри Шелли, въ первомъ собраніи его стихотвореній 1839 года, перепечатала это стихотвореніе, но впослѣдствіи оно было выкинуто, какъ сомнительное.

Къ стр. 281 и слѣд.

Поэмы.

О поэмахъ *Царица Мабъ*, *Демонъ міра* и *Аласторъ* я буду говорить подробно въ своемъ изслѣдованіи о жизни и творчествѣ Шелли, и потому здѣсь ограничусь лишь нѣсколькими необходимыми замѣчаніями.

Царица Мабъ [1]), также какъ пересмотрѣнный и передѣланный от-

[1]) Отрывки изъ *Царицы Мабъ* и *Аласторъ*, до меня, были переведены на русскій языкъ Н. М. Минскимъ. Онъ также перевелъ, послѣ меня, *Облако* и *Озимандію*.

рывокъ изъ нея, *Демонъ міра*, относится къ тому разряду произведеній Шелли, въ которыхъ ему грезятся формы идеальнаго общества. Эти произведенія родственны съ такъ называемыми Утопіями. Лучшими изъ нихъ являются поэма *Возмущеніе Ислама* (*Лаонъ и Цитна*) и лирическая драма *Освобожденный Прометей*, которыя войдутъ во 2 томъ русскаго изданія сочиненій Шелли.

По поводу первой изъ поименованныхъ поэмъ жена Шелли, Мэри, говоритъ между прочимъ слѣдующее. «Шелли было восемнадцать лѣтъ, когда онъ написалъ *Царицу Мабъ*; онъ никогда не предавалъ ее гласности. Въ то время какъ она была написана, онъ пришелъ къ заключенію, что онъ самъ слишкомъ молодъ, «чтобы быть судьею въ спорахъ», и хотѣлъ пріобрѣсти «ту трезвость духа, которая составляетъ отличительную черту истиннаго героизма». Но онъ никогда не сомнѣвался въ истинности или полезности своихъ мнѣній; напечатавъ *Царицу Мабъ*, и частнымъ образомъ раздавая ея экземпляры, онъ вѣрилъ, что онъ долженъ содѣйствовать распространенію своихъ взглядовъ. Сомнительно, чтобы самъ онъ включилъ эту поэму въ собраніе своихъ сочиненій. Его строгій классическій вкусъ, утонченный постояннымъ изученіемъ греческихъ поэтовъ, указалъ бы ему на погрѣшности, которыя ускользаютъ отъ обыкновеннаго читателя, и то обстоятельство, что его мнѣнія во многихъ отношеніяхъ измѣнились, должно было бы удержать его отъ преданія гласности умозрѣній его юношескихъ дней. Но поэма слишкомъ прекрасна сама по себѣ, и слишкомъ замѣчательна какъ произведеніе восемнадцатилѣтняго юноши, чтобы можно было опустить ее; притомъ же это было бы и напраснымъ, такъ какъ она неоднократно перепечатывалась. Все, что написалъ человѣкъ такой рѣдкостный и такой превосходный, заслуживаетъ быть сохраненнымъ. Въ то время когда Шелли писалъ *Царицу Мабъ*, онъ много путешествовалъ по Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Онъ проводилъ время среди очаровательныхъ пейзажей этихъ мѣстностей. Его домомъ были горы, озера и лѣса; излюбленнымъ предметомъ его изученія были явленія Природы».

Примѣчанія къ *Царицѣ Мабъ* были неоднократно переизданы отдѣльной брошюрой, какъ вегетаріанскій памфлетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Памфлетъ этотъ, носящій названіе *A vindication of natural diet* (*Въ защиту естественнаго способа питанія*), заканчивается словами:

«Приверженецъ простой и естественной діэты, желающій быть здоровымъ, долженъ съ момента своего обращенія соблюдать слѣдующія правила:

Никогда не вводить въ желудокъ никакой сущности, имѣвшей жизнь.

Не пить никакой жидкости, кромѣ воды, приведенной путемъ дистилляціи къ ея первоначальной чистотѣ».

Вопросъ о безубойномъ питаніи и о полномъ отреченіи отъ опьяняющихъ напитковъ, интересовавшій Шелли втеченіи всей его жизни, имѣетъ огромное значеніе. Жизнь ставитъ его все настойчивѣе. Въ манерѣ его разрѣшенія Шелли сходится съ Индійской Мудростью, съ современной Теософіей и съ нашимъ великимъ Львомъ Толстымъ. Какъ гласитъ Бригаспати, поѣданіе мяса было внушено демонами (Max. Müller, *The six sistems of Indian Philosophy*, London, 1899, *Шесть системъ Индійской Философіи*, стр. 134). Древняя Индійская Мудрость тѣсно соединяетъ возможность познаванія истины съ чистотою жизни и съ отсутствіемъ убійства. То же самое мы видимъ и въ современной Теософіи. Для того, чтобы приблизиться къ Красотѣ и Правдѣ, нужно пересоздать свое тѣло, и первое условіе для этого — не принимать въ него никакой оскверняющей пищи и опьяняющихъ напитковъ. См. книги Анни Бизантъ *Man and his bodies* (*Человѣкъ и его тѣла*) и *The Ancient Wisdom* (*Древняя мудрость*). (Изданія Theosophical Publishing Society, 3, Langham Place, London). Слова Толстого, относящіяся къ данному вопросу, слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ повторять.

Въ поэмѣ *Демонъ міра* замѣна Царицы Мабъ Демономъ придаетъ своеобразное очарованіе всему этому образу странствія безплотныхъ существъ въ міровыхъ пространствахъ, особенно въ томъ мѣстѣ отрывка, гдѣ Демонъ міра, перегнувшись съ своей эѳирной колесницы, нѣжно склоняется надъ спящей дѣвушкой.

Поэма *Аласторъ*—шелліевскій *Вертеръ*. Онъ рисуетъ здѣсь тѣ исканія идеальнаго, тѣ порыванія изысканной души къ запредѣльному, которыя составляютъ самую отличительную черту его короткой, напряженной и блестящей жизни. Внѣшнимъ образомъ поэма отчасти навѣяна путешествіемъ по Швейцаріи, съ ея горами и голубыми озерами, и по Германіи, съ ея плѣнительнымъ Рейномъ. Изъ литературныхъ воздѣйствій можно указать на описанія Пиринейскихъ горъ въ романѣ *Celestina*, принадлежащемъ романтической англійской писательницѣ, Шарлоттѣ Смитъ (1749—1806), описывавшей съ особымъ пристрастіемъ Природу въ ту эпоху, когда такія описанія были не часты. Поэма *Аласторъ* — поэтическая исповѣдь юнаго Шелли; это поэма души, которая не можетъ не быть одинокой, въ силу своей чрезмѣрной утонченности.

York Public Library
Street Branch
Rivington Street

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ V

ЛИРИКА:

1814—1815.

1. Стансы 1
2. Къ Мэри Годвинъ 3
3. Измѣнчивость 4
4. О смерти 5
5. Лѣтній вечеръ на кладбищѣ 7
6. Къ Кольриджу 9
7. Къ Вордсворту 11
8. Чувства республиканца при паденіи Бонапарта 12
9. Холодное небо 13

1816.

10. Закатъ 14
11. Гимнъ Духовной Красотѣ 17
12. Монбланъ 20

1817.

13. Сонъ Маріанны 27
14. Къ Констанціи, поющей 32
15. Къ Констанціи 34
16. Къ поющей 35
17. Къ музыкѣ 36
18. Музыка 37
19. Орелъ могучій 38
20. Къ Лорду Канцлеру 39
21. Къ Вильяму Шелли 42
22. О Фанни Годвинъ 44
23. Блаженныхъ сновъ ушла звѣзда 45
24. Смерть 46
25. Крылья облаковъ 47
26. Любовь безсмертная 48
27. Мечты въ одиночествѣ 48

стр.

28. Пѣсня ненависти . . . 49
29. Бритику . . . 50
30. Озимандія . . . 51

1818.

31. Къ Нилу . . . 52
32. Переходъ черезъ Апеннины . . . 53
33. Минувшее . . . 54
34. Къ Марѣ . . . 55
35. Объ увядшей фіалкѣ . . . 56
36. Къ Бѣлѣ . . . 57
37. Стансы, написанныя близь Неаполя . . . 60
38. Сонетъ . . . 62

1819.

39. Строки, написанныя во время правленія Кастльри . . . 63
40. Пѣснь къ Британцамъ . . . 65
41. Упоминовленія для двухъ политическихъ характеровъ . . . 67
42. Честною работой . . . 68
43. Новый національный гимнъ . . . 69
44. Англія въ 1819 году . . . 71
45. Пѣснь къ защитникамъ Свободы . . . 72
46. Пѣснь къ Небу . . . 74
47. Пѣснь къ Западному Вѣтру . . . 76
48. Увѣщаніе . . . 80
49. Индійская мелодія . . . 81
50. Къ Софіи . . . 82
51. Къ Вильяму Шелли . . . 83
52. Медуза Леонардо да Винчи . . . 84
53. Философія любви . . . 86
54. Иди за мною . . . 87
55. Рожденіе Наслажденья . . . 88
56. Атмосфера любви . . . 89
57. Соучастіе душъ . . . 90
58. Воспоминаніе и желаніе . . . 91
59. Предчувствія . . . 92
60. Явленье свѣтлыхъ мыслей . . . 93
61. Поэзія и музыка . . . 94

стр.
62. Гробница памяти 95
63. Нѣтъ, не буди змѣю 96
64. Вино шиповника 97

1820.

65. Мимоза 98
66. Морское видѣніе 109
67. Облако 115
68. Къ жаворонку 118
69. Пѣснь къ Свободѣ 123
70. Я ласкъ твоихъ страшусь 132
71. Аретуза 133
72. Пѣснь Прозерпины 136
73. Гимнъ Аполлона 137
74. Гимнъ Пана 139
75. Вопросъ 141
76. Два духа 143
77. Пѣснь къ Неаполю 145
78. Осень 151
79. Убывающая луна 152
80. Къ лунѣ 153
81. Смерть 154
82. Свобода 155
83. Лѣто и зима 156
84. Башня голода 157
85. Иносказаніе 158
86. Странники міра 159
87. Спѣшите къ мертвымъ вы 160
88. Къ журналисту 161
89. Доброй ночи 162
90. Орфей 163
91. Минувшіе дни 169

1821.

92. Плачъ объ умершемъ годѣ 170
93. Къ Ночи 171
94. Время 173
95. О, дальше, дальше 174

стр.
96. Подражаніе арабскому 175
97. Къ Эмиліи Вивіани 176
98. Бѣглецы 177
99. Пусть отзвучитъ гармоничное нѣжное пѣнье 179
100 Духъ счастья 180
101. Превратность 182
102. Строки, написанныя при извѣстіи о смерти Наполеона . . . 183
103. Политическое величіе 185
104. Азіола 186
105. Вопль 187
106. Воспоминаніе 188
107. Къ Эдуарду Уильемсу 189
108. Слишкомъ часто завѣтное слово 191
109. О, если бъ въ часъ какъ страсть остыла 192
110. Свадебная пѣсня 193
111. Другая варіація 194
112. Третья варіація 196
113. Любовь, Желанье, Чаянье и Страхъ 198
114. Я не хотѣлъ бы стать царемъ 201
115. Вечеръ 202
116. Музыка 203
117. Сонетъ къ Байрону 204
118. Отрывокъ о Китсѣ 205
119. Завтра 206
120. Путникъ 207
121. Я гибну, падаю 207
122. Въ засадѣ 208
123. И если 209
124. О, божество безсмертное 209
125. Фальшивые и настоящіе цвѣты 210
126. Пѣсня 211

1822.

127. Цукка 212
128. Леди магнетизирующая больного 215
129. Если лучъ отблистаетъ 217
30. Призывъ 219
131. Воспоминаніе 222

стр.
132. Съ гитарой, къ Джэнъ 225
133. Арія для музыки 229
134. Похоронная пѣснь 230
135. Строки, написанныя у залива Леричи 231
136. Повстрѣчались не такъ, какъ прощались 234
137. Островокъ 235
138. Эпитафія 236

ЮНОШЕСКІЯ И НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

1814.

1. Станса, написанная въ Брэкнелѣ 239
2. Къ Мэри Вульстонкрафтъ Годвинъ 239
3. Очагъ 240

1817.

4. Оттонъ 241
5. Отрывки изъ «Оттона» 241
6. Къ освобожденному изъ тюрьмы 242
7. Сатана на свободѣ 242
8. Неудовлетворенное желаніе 243

1818.

9. Сцена изъ «Тассо» 243
10. Пѣсня для «Тассо» 245
11. Лѣсникъ и соловей 246
12. Маренги 249
13. Къ Байрону 255
14. Воззваніе къ Молчанію 255
15. Край ручья 255
16. Утраченный руководитель 256
17. Виноградъ среди руинъ 256

1819.

18. Къ Британцамъ 256
19. Къ Вильяму Шелли 256
20. Къ Мэри Шелли 257
21. Къ Мэри Шелли 257
22. Любовь-вселенная 257
23. Разсказъ о двухъ влюбленныхъ 257

стр.
24. Дождь и вѣтеръ 258
25. Неразсказанный разсказъ 258
26. Къ Италіи 258
27. Комната Римлянина 258
28. Римъ и Природа 259

1820.

29. Фьордиспина 259
30. Пустыни сна 262
31. Послѣдствіе 262
32. Лицо 262
33. Усталость 262
34. Надежда, Страхъ и Сомнѣніе 263
35. Не то, что думалъ, въ жизни я нашелъ 263
36. Духъ Мильтона 263
37. Свѣтъ невзошедшій 263

1821.

38. Джиневра 264
39. Лодка на Серкіо 271
40. Казалось мнѣ, я былъ волной потока 275
41. Станса 275
42. Миръ окружающій жизнь 275
43. Царица Юга 275
44. Пробудитель 276
45. Дождь 276
46. Суровые вѣтры 276
47. Великій Духъ 276

1822.

48. Къ Лунѣ 276

СТИХОТВОРЕНІЕ ПРИПИСЫВАЕМОЕ ШЕЛЛИ:

1. Царицѣ моего сердца 277

ПОЭМЫ:

1. Царица Мабъ 281
Примѣчанія Шелли къ поэмѣ «Царица Мабъ» 359
2. Демонъ міра 401
3. Аласторъ 427

ПРИМѢЧАНІЯ К. Д. БАЛЬМОНТА 457

Въ товариществѣ «ЗНАНІЕ» печатается:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ,

ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Содержаніе второго тома:

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

КНИГИ К. Д. БАЛЬМОНТА:

Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты. Ц. 50 к.
Въ безбрежности. Лирика. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Тишина. Лирическія поэмы. Ц. 1 р.
Горящія зданія. Лирика современной души. Ц. 1 р.
Книга раздумій (Бальмонтъ и другіе). Ц. 50 к.

ПЕРЕВОДЫ:

Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 1-й. Чистилище св. Патрикка. Ц. 90 к.
Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 2-й. Философскія и героическія драмы (Жизнь есть сонъ, Поклоненіе Кресту, Стойкій принцъ, Любовь послѣ смерти). Ц. 2 р. 75 к.
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Поэмы, сказки. Ц. 1 р. 50 к.
Эдгаръ По. Баллады и фантазіи. Ц. 1 р. 25 к.
Эдгаръ По. Таинственные разсказы. Ц. 1 р.
Ибсенъ. Привидѣнія. Драма. Ц. 50 к.
Гофманъ. Котъ Мурръ. Фантастическій романъ. Ц. 70 к.
Горнъ. Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Ц. 2 р. 50 к.
Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. 1-й. Средніе вѣка. Ц. 3 р. Т. 2-й. Эпоха возрожденія. Ц. 3 р.

ПЕРЕВОДЫ, ВЫШЕДШІЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ К. Д. БАЛЬМОНТА:

Гауптманъ. Драма. Т. 1-й. Ц. 1 р. 80 к. Т. 2-й. Драмы и повѣсти.
Зудерманъ. Драмы. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.
Мутеръ. Исторія живописи. Т. 1-й. Ц. 2 р. 50 к. Т. 2-й. Ц. р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ И ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ.
Кальдеронъ. Драмы ревности и мести.
Эдгаръ По. Собраніе сочиненій. Т. 2-й.
Шелли. Полное собраніе сочиненій. Т. 2-й и 3-й.
Бальмонтъ. Демоническія драмы испанскаго театра.

Дозволено цензурою. Спб. 19 декабря 1092 г. Тип. Н. П. Собко, Почтамтская, 13.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Въ товариществѣ «ЗНАНІЕ» поступили въ продажу:

1. Эсхилъ. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эсхила.
Цѣна **30** к.

2. Софоклъ. ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

3. Софоклъ. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

4. Софоклъ. АНТИГОНА.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

5. Эврипидъ. МЕДЕЯ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

6. Эврипидъ ИППОЛИТЪ.

Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

7. Платонъ. ПИРЪ.

Философская поэма. Иллюстраціи: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха. Цѣна 60 к.

8. Лонгфелло. ПѢСНЬ о ГАЙАВАТѢ.

Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 р.

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва «ЗНАНІЕ», Спб., Невскій, 92.

Дозв. цензуры. СПб., 18 декабря 1902 г. Тип. Н. П. Собко. Почтамтская, 13.

Stanford University Libraries
3 6105 007 423 689

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAY JUN 30 2000
2000